90 коп. Индекс 70145

НОВЫЕ КНИГИ

Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: Политиздат, 1990.— 207 с.— 30 к.

Галич М. **История доколумбовых цивилизаций.** /Пер. с исп.— М.: Мысль, 1990.— 407 с. с ил.— 10 р.

Гумилев Л., Панченко А. **Чтобы свеча не погасла.** Диалог.— Л.: Сов. писатель, 1990.— 125 с.— 1 р. 20 к.

Забелин И. Е. **Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях.** В 3-х кн.— М.: Книга, 1990.

Кн. I. **Государев двор, дворец.** 313 с.— 4 р.

Костиков В. **Не будем проклинать изгнанье.. Пути и судьбы русской эмиграции.**— М.: Международные отношения, 1990.— 464 с., ил.— 4 р. 30 к.

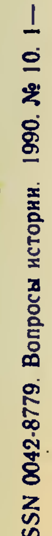
Михневич В. О. **Русская женщина XVIII столетия.** Ист. этюды. Репринт. изд. 1895 г.— М.: Политиздат, 1990.— 403 с.— 6 р.

Павлов Н. **Карло Шабанский.** /Пер. с болг.— М.: Политиздат, 1990.— 224 с.— (Когда им было двадцать),— 40 к.

1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной войне.— М.: Политиздат, 1990.— 687 с.,— ил.— 2 р. 70 к.

Книги по истории можно приобрести в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

В/О «СОЮЗКНИГА»

ВИ

Вопросы истории

10'90

ISSN 0042-8779

Вопросы Истории

10'90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 10 ОКТЯБРЬ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

Письма В. Г. Короленко Х. Г. Раковскому (Вступительная статья и примечания **Г. И. Чернявского**) (Харьков) . 3

СТАТЬИ

Т. Эммонс (США) — Ключевский и его ученики 45

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. С. Ягья (Ленинград) — Хайле Селассие I 62

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Продолжение . . 78

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал **А. И. Деникин** — Очерки русской смуты. Продолжение 98

А. Ф. Керенский — Россия на историческом повороте. Продолжение 122

СООБЩЕНИЯ

И. В. Поздеева — Московское книгопечатание первой половины XVII века 147

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

А. С. Сенин — Армейское духовенство России в первую мировую войну 159

Н. К. Орлова — Новое об Обществе военных друзей . . 166

Л. А. Сластникова (Ленинград) — Сведения о Китае в первой русской печатной газете 171

ИСТОРИОГРАФИЯ

Б. Н. Миронов (Ленинград), **И. Я. Фроянов** (Ленинград) — Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров. История СССР с древнейших времен до 1861 года 176

Член-корреспондент АН СССР **Ю. А. Поляков** — 1939 год. Уроки истории 179

Н. И. Калашников — А. В. Кива. Национально-освободительное движение: теория и практика 181

В. В. Носков (Ленинград) — А. И. Уткин. Теодор Рузвельт. Политический портрет 182

Е. В. Гутнова — Н. А. Хачатурян. Сословная монархия во Франции XIII — XV вв. 184

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Ю. Ф. Иванов — К истории одной фальсификации . . . 186

Туомо Полвинен (Финляндия) — Финляндия в международной политике до «зимней войны» 187

О. М. Рапов — По поводу рецензии С. А. Мезина . . . 189

К. Вайнмайер, Т. А. Павлова — Необходимое уточнение 190

Ян Хэн (КНР) — Об эстетике нумизматики 191

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА В. Г. КОРОЛЕНКО Х. Г. РАКОВСКОМУ

В литературе до недавнего времени подчеркивалось, что Короленко решительно осуждал террористические действия врагов Советской власти — сторонников директории, петлюровцев, деникинцев и т. д., но не говорилось о столь же смелых выступлениях писателя против «бессудных казней», творимых чрезвычайными органами Советской республики, об осуждении им всевозможных нарушений юридических и нравственных норм. Умалчивалось и о критике им советского бюрократизма, который не только зародился, но и расцвел уже в годы гражданской войны в условиях жесткой конфронтации противоборствовавших сил и становления однопартийного режима.

Положение начало меняться лишь в последние годы, когда появились первые публикации писем Короленко того периода [1]. В 1985 г. в США, а через пять лет у нас вышла летопись жизни и творчества Короленко [2], в которой приведены материалы, характеризующие общественно-политические и нравственные позиции писателя после октября 1917 года. Теперь стало ясно, почему переписка писателя за последние годы его жизни не воспроизводилась в советских изданиях [3].

Хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина письма Короленко председателю Совнаркома Украины Х. Г. Раковскому весьма существенно дополняют и расширяют представление об общественно-политических настроениях писателя во время гражданской войны и непосредственно после нее. Основной пафос этих писем — протест против произвола в административном порядке, крайне редких даже для царского режима. Несмотря на старость и плохое состояние здоровья, Короленко неуклонно отстаивал в них общечеловеческие нравственные, политические и юридические ценности. До настоящего времени об этих письмах почти ничего не было известно. О них лишь упоминала дочь писателя, С. В. Короленко, приведя выдержку из одного письма [4]. В «Летописи жизни и творчества» цитируются, причем очень небрежно (с ошибками, неотмеченными купюрами и т. п.), только пять писем.

Первые контакты между Короленко и Раковским относятся к 1900 г., когда последний прибыл в Петербург. Подозрительные для властей связи молодого социалиста привели к тому, что полиция предложила ему немедленно покинуть пределы России [5]. Короленко выступил в его защиту, пытался, хотя и безуспешно, отстоять его право проживать в Петербурге, хлопотал за него через разных лиц [6].

Контакты возобновились в Румынии, где с 1903 г. постоянно проживал Раковский и куда неоднократно, еще с середины 90-х годов XIX в. наведывался Короленко по

---

[1] Короленко В. Письма к Луначарскому.— Новый мир, 1988, № 10; его же. «Если возможен еще выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе».— Родина, 1989, № 3.

[2] Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921. М. 1990.

[3] 1917 годом завершается и «Описание писем В. Г. Короленко» (М. 1961). В Собрание сочинений писателя не вошло ни одно из его писем советским государственным и партийным деятелям (Короленко В. Г. Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1879—1921. М. 1956).

[4] Короленко С. В. Книга об отце. Ижевск. 1968.

[5] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 102, оп. 226, д. 15429, лл. 11—17, 27—40.

[6] Беренштам В. В. Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу. Берлин. 1922, с. 55.

приглашению брата своей жены В. С. Ивановского (народника, эмигранта, проживавшего в г. Тулча под именем П. Александрова) [7]. При его посредстве Короленко вошел в круг руководителей румынского социалистического движения, подружился с К. Доброджану-Геря, еще одним русским народником-эмигрантом, ставшим теоретиком и организатором рабочего класса Румынии [8]. Дружеские отношения установились у Короленко и с супругой Раковского Александриной [9].

В 1907 г. Раковский был арестован и изгнан из Румынии как иностранец. Короленко внимательно следил за всеми перипетиями его борьбы за возвращение в Румынию. 4 августа 1912 г. Доброджану-Геря информировал писателя о въезде Раковского в страну и получении им всех «конфискованных прав гражданства» [10]. В 1916 г. Раковский был арестован румынскими властями, а позже отправлен в Яссы. После Февральской революции в российской социалистической печати стали выдвигаться требования, чтобы Временное правительство добилось его освобождения. 1 мая 1917 г. он был там освобожден из-под домашнего ареста русскими революционными солдатами, а затем выехал в Россию. Военный министр Временного правительства А. И. Гучков осудил тех, кто «самовольно» освободил «агента германской армии» Раковского.

В Совете солдатских и офицерских депутатов штаба Румынского фронта, очевидно, было известно о знакомстве Короленко с Раковским. По получении телеграммы Гучкова от 20 апреля (3 мая) Совет обратился к Короленко с просьбой сообщить свое мнение о Раковском. Короленко ответил: «Да, я знаю доктора Раковского давно... И я считаю своей нравственной обязанностью заявить, что отвергаю с глубочайшим негодованием всякую мысль о возможности обвинения, возведенного на него румынскими властями. Раковский не мог быть немецким агентом! Это, несомненно, злая клевета, пущенная противниками румынских социалистов» [11].

В июне писатель обратился в «Русские ведомости» с письмом, в котором изложил обстоятельства дела и добавил, что к гласному ответу его побуждают сообщения из Румынии о расстрелах социалистов по обвинению в том, что они были агентами Германии. «И я радуюсь за доктора Раковского, которому не пришлось предстать перед этим судом» [12]. 24 июня Короленко получил телеграмму от Раковского с благодарностью за поддержку [13]. В июле кампания против Раковского приняла широкие масштабы. В нее включился известный публицист В. Л. Бурцев, который утверждал, что Короленко лишь «по явному недоразумению» высказался о Раковском как о «независимом писателе и друге дела русского народа» [14]. Короленко опубликовал открытое письмо Бурцеву, в котором писал, что имеет основания считать себя обвиненным вместе с Раковским («Если он — немецкий агент, то я — его укрыватель»), и, опровергая утверждения Бурцева, подчеркивал: «Я часто бывал в Румынии и говорю не понаслышке, как Вы, а как очевидец» [15].

После Октябрьской революции Раковский вступил в большевистскую партию, выполнял ряд ответственных поручений ее руководства и СНК РСФСР. Переписка между ним и Короленко, начавшаяся еще летом 1917 г., продолжалась. Но письма последнего за 1918 г., к сожалению, не сохранились.

Как видно из двух писем и одной телеграммы Раковского за этот год, Короленко добивался освобождения известного историка С. П. Мельгунова, арестованного в Москве, и других лиц, преследуемых советскими властями, выступал против заложничества и иных проявлений красного террора. Раковский 4 октября 1918 г. писал Короленко: «Я должен заметить, что прежде всего террор был введен в практику нашими противниками. Несмотря на то, виновен или нет данный большевик, данный красноармеец или данный советский служащий — их безразлично расстреливали, считая их солидарно ответственными. «Круговая порука» в гражданской войне была провозглашена нашими противниками. Тогда и мы решили прибегнуть к институту заложничества, чтобы предупредить дальнейшие зверские расправы с нашими товарищами... Я согласен, что о нас создается неблагоприятное впечатление, но мы вынуждены прибегать к этим мерам и делаем это без всякой охоты» [16].

[7] В 1905 г. Раковский и Александров совместно оказывали помощь матросам броненосца «Потемкин», сдавшимся румынским властям в Констанце.
[8] В фонде Короленко сохранился ряд писем Доброджану-Геря за 1904—1917 гг. (Отдел рукописей (ОР) ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 22, д. 76, лл. 1—50).
[9] В фонде Короленко сохранился даже портрет А. Раковской (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. III, карт. 53, д. 37).
[10] Там же, разд. II, карт. 22, д. 76, л. 35.
[11] Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) СССР, ф. 1701, оп. 2, д. 519, лл. 8—9.
[12] Там же, л. 10; Русские ведомости, 17.VI.1917.
[13] ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 1.
[14] Речь, 7.VII.1917.
[15] Русские ведомости, 12.VIII.1917.

Между Короленко и Раковским переписка активизировалась после того, как последний в январе 1919 г. возглавил Совнарком УССР. В фонде Короленко сохранились оригиналы 17 писем и телеграмм Раковского Короленко, черновики и авторские копии 34 писем Короленко Раковскому за 1919—1921 годы. Большая часть черновиков Короленко с исправлениями и дополнениями написана черным чернилами на отдельных листах и имеет его подпись и дату. Некоторые из них сохранились в «Копировальной книге», куда писатель заносил тексты наиболее важных своих писем [17]. Получение Раковским подавляющего большинства этих писем подтверждается содержанием его ответов.

Короленко обращался к Раковскому как к государственному деятелю и как к близкому человеку, который не только имел возможность прямого вмешательства с целью смягчения террора, освобождения явно невиновных людей, наказания зарвавшихся представителей государственных и партийных органов, но и охотно откликался на требования и просьбы Короленко.

Письма Короленко Раковскому ранее не публиковались. Ниже приводятся без каких-либо сокращений все 34 сохранившиеся письма писателя, которые были отправлены адресату. Отточия в тексте принадлежат автору. Без оговорок исправлены незначительные описки. В цитатах из писем Раковского, приводимых в примечаниях, устранены болгаризмы. Подготовка текста, введение, примечания Г. И. ЧЕРНЯВСКОГО.

1]

20/III-1919.

Дорогой Христиан Георгиевич,

Много у меня есть, о чем поговорить с Вами, но... я чрезвычайно затрудняюсь. Будь Вы по-прежнему только Раковский, мой добрый знакомый, затруднения бы не было. Будь Вы лицо чисто официальное, в прежних условиях я обратился бы к Вам, как привык это всегда делать, с открытым письмом в печати. Но — Вы и мой добрый знакомый, и официальное лицо. В печати я ничего сказать Вам не могу: независимой печати теперь нет. Когда-то в 70-х годах пронеслась тревожная весть: Александр II решил было уничтожить все газеты кроме «Правит[ельственного] В[естни]ка» и «Губернских ведомостей». Его успели отклонить от этого. Даже тогдашним его министрам это показалось вредной утопией. Теперь эта утопия осуществлена: кроме официальных и официозных изданий,— ничего другого почти нет. И я считаю, что для вас же самих, для данной власти, это чрезвычайно вредно: вы не слышите независимой критики и все происходящее для вас получает одностороннее освещение.

Конечно, пользуясь своим знакомством, я мог бы Вам сказать то, что хотелось бы напечатать. Но... Вы представьте себе ясно, как мне, старому писателю, привыкшему высказываться гласно и открыто, труд-

ЧЕРНЯВСКИЙ Георгий Иосифович — доктор исторических наук, профессор Харьковского университета.

[16] ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 42, л. 3.
[17] Там же, разд. I, карт. 46, д. 11, лл. 49—50, 58; разд. II, карт. 15, лл. 467—468. Дубликат копии одного письма (№ 10) хранится также в ЦГАЛИ СССР.

но переходить на литературу докладных записок хотя бы и доброму знакомому. И вот почему я воздержусь от искушения подробно излагать то, что вижу и о чем чувствую потребность говорить. Воздержусь по крайней мере от конкретных подробностей, которыми привык иллюстрировать свои мысли и ограничусь бледными общими чертами. Никого не обвиняя и не обличая (для таких обвинений отдельных лиц из видных местных большевистских администраторов у меня пока нет и данных) — скажу лишь о главных мотивах, которые намечает сама жизнь и которые сказываются всюду.

Прежде всего о «неблагонадежности». Теперь она у вас называется «контрреволюционностью», но сущность ее та же. Она только повернута в другую сторону. Кто-нибудь скажет, что в этом и есть главное дело. Нет, это не так! Мы в свое время возмущались «неблагонадежностью» не потому, что она была направлена против нас, а потому, что она — средство глупое, бесцельное и глубоко безнравственное, так как судит и карает не за поступки, а за «образ мыслей». С этой точки зрения, как ее ни называйте, она остается безнравственной... Когда людей сажают в тюрьмы только за то, что они «хлеборобы»[1] или только за то, что они монархисты, то я считаю это посягательством на ту область, которая должна оставаться неприкосновенной, с чем можно бороться лишь убеждением и деятельностью, но не карой. Карать можно лишь за поступки, но не за мысли. Раз допустить другое,— Вы окажетесь в положении прежнего царского правительства: переполнятся тюрьмы до такой степени, что потом и сами не разберетесь. Будут выходить «свирепые курьезы», и станет расти общее негодование. И это будет трагедия: даже недурные люди будут делать дурное дело. Надеюсь, Вы не скажете, что это «буржуазный предрассудок».

Дальше: с кем или с чем вы воюете? Достаточно ли того, чтобы данный человек принадлежал к буржуазии или к хлеборобам, чтобы объявлять его врагом народа, поставленным вне закона? Очевидно, недостаточно. Бороться нужно с условиями строя, а не с людьми, пока они не совершают известных поступков. Иначе это будет не борьба за идеи и за новый уклад жизни, а звериная свалка. Если бы у нас была независимая печать, а не только «Правит[ельственные] вестники» и «Московские ведомости», то вы бы узнали, сколько по разным чрезвычайкам, особенно уездным, томится людей только за «звание» или за убеждения, сколько льется слез матерями, женами, детьми, сколько это вызывает недоумения, сочувствия к жертвам и даже негодования. В самой широкой просто среде. И опять не буржуазный предрассудок,— что из этих слез, вздохов, суждений, как из незаметных испарений, накапливаются грозовые тучи. Царское правительство этому не верило и свалилось. Правда, держалось долго. Но ведь корни его были глубоки: врастали столетиями... Теперь все совершается гораздо быстрее. Считаю важным и для вас, чтобы это прекратилось.

Дальше: «буржуазия» назначается на принудительные, то есть по существу каторжные, работы. Для чего это? Именно для того, чтобы поставить людей (все-таки людей, не правда ли?), и притом людей, которых марксисты еще недавно считали относительно последним классом,— чтобы поставить их вне закона и подвергнуть унижению и издевательствам. Верный намеченным себе рамкам, я не стану приводить иллюстраций, пока опять поразительных и трагических. И опять тут люди, может быть и недурные, следуя ложному «началу», совершают явно нехорошее дело. Между прочим — биржи труда уже заявили свой протест против соревнования этих невольных и ни к чему в этом случае негодных конкурентов. Нельзя ли прекратить эту мрачную нелепость каким-нибудь общим разъяснением.

Далее: мне когда-то в одной речи (по поводу Гациского[2]) пришлось описывать два типа администраторов: одни дают свободу почти на просторы всему, что закономерно нарождается из жизни; другие считают, что без их вмешательства даже трава не вырастет и приказывают ее подтягивать кверху мерами власти. Большевики задались огромными задачами (по-моему, вообще в данное время в целом невыполнимыми) и... слишком часто похожи на администраторов второго типа. Вы обходитесь без самоуправлений (петлюровцы их не уничтожали). Вы все думаете сделать бюрократическим путем, и огромные задачи еще усложняете страшно, вмешиваясь в то, что шло и может идти дальше без вас, притом гораздо лучше, потому что велось бы привычными людьми. От этого жизнь сразу чувствует на себе вмешательство, во-1-х, бюрократическое, во-2-х — неумелое. Вред от этого огромный, и опять же не только для жизни, но и для вас...

Почему я — не большевик и даже выступавший против большевиков — пишу все это? Вот почему. Приглядываясь к происходящему, я ниоткуда не вижу того, что мог бы признать настоящим, правильным, верным. Все партии несут односторонность, ослепление, жестокость. И будет большим выигрышем для дела оздоровления, если во всех начнут проявляться более ясные взгляды. Пока среди людей гостят только озверение и свирепость,— давний враг человека, природа, покоренная культурой, освобождается из-под его власти и идет на него стихийной войной. И никто из вас, взаимно враждующих, этого не хочет как следует увидеть. Вам только бы победить противника. Это как в этой войне: не догадались, что проиграли все в конце концов, даже победители. Мы, может быть, близки к таким страшным бедствиям, о которых нынешнее положение далеко еще не дает полного понятия, и потому главное теперь — поскорее собрать все силы против этой опасности. Тот, кто это сумеет сделать, возьмет настоящую линию и заслуженно станет во главе сначала простого спасения страны от неслыханных надвигающихся бедствий, а затем и ее обновления. Тот, кто ни на что не глядя, будет думать только о победе над соперниками и о власти,— ничего не достигнет, погибнет сам и погубит страну в общей катастрофе. Пока все вы, дерущиеся из-за власти, этого не видите, потому что ослеплены борьбой. А между тем нам, неослепленным, это уже видно. Это начинают замечать и массы, голоса которых вы не слышите, потому что всюду его подавляете. Назначаются, напр[имер], «свободные выборы», но с непременным условием — выбирать коммунистов. Это ведь тактика земских начальников.

Еще два слова. Тюрьмы и чрезвычайка у нас перегружены. Когда-то один жандармский генерал, которому я наговорил резкостей по поводу глупых обысков, в том числе и у меня, показал мне целый сундук, наполненный доносами, и сказал: «Мы не можем не давать им хода... Мы сами во власти доносчиков». Подлейшее из бытовых явлений — охочий донос — действует во все времена при бессудности и произволе. И те самые охочие люди, которые прежде доносили жандармам, часто теперь доносят вашим чрезвычайкам. Во всяком случае психология доноса всегда одна. И если теперь можно сказать, что есть часть и не прямых подлецов, сводящих личные счеты доносами, то ведь и прежде были искренние черносотенцы. Но нет ничего опаснее, как очутиться во власти доноса. А ваши администраторы уже в значительной степени попали под эту власть. И это опять опасно для вас самих.

Говорят, скоро откроет свои действия революц[ионный] трибунал. Говорят,— предстоят расстрелы. Берегитесь этого средства. Виселицы не помогли Романовым, несмотря на 300-летние корни. В политической борьбе казни вообще недопустимы, а их было уже слишком много. Жестокость заливала всю страну и все «воюющие» на внутренних фронтах в ней повинны. Вы, большевики, не менее других. Если можно указать

на массовые казни, совершаемые добровольцами и петлюровцами, то вам не вычеркнуть из своей истории таких же массовых казней заложников. На днях в полтавских «Известиях» было напечатано о расстрелах без суда, по распоряжению кременчугской чрезвычайки. Этим теперь не удивишь и не поразишь, даже не запугаешь. А вот если бы нашлась сторона, которая сказала бы: довольно жестокостей; довольно мести; мы не мстим — политическим противникам, а только боремся с ними в открытом бою,— то это прежде всего поразило бы всех. Это было бы ново и показывало бы поворот, на который способна только сила, сознающая себя и свои задачи.

Боюсь, что это утопия... Постарайтесь хоть ограничить насколько возможно применение казней. Я когда-то боролся с казнями, ставшими «бытовым явлением» при царской власти[3]. И теперь я продолжаю следить за этим явлением. И должен сказать: такого разгула казней, подчас ничем, да, ничем не оправдываемых, я никогда себе не представлял.

Если бы Вы захотели и смогли положить предел хотя бы этому разгулу политических казней,— это было бы новое, истинно разумное и истинно полезное человеческое слово в страшной свалке, которою охвачена вся Россия и от которой она погибает. И это не повредило бы вашему делу, а, наоборот, направило бы его по более верной дороге. Мишле[4], психолог великой революции, указывал, что черные раскаты контрреволюционного настроения раздались в том же Сентантуанском предместье, через которое провозились жертвы на гильотину. Есть свои самостоятельные процессы и в душевной жизни масс. Есть в ней свои приливы и отливы, не зависящие теперь только от непоср[едственных] матер[иальных] интересов. И порыв «довольно жестокостей» может стать самостоятельным душевным процессом, могучим, как морской прибой. Есть признаки, что это уже начинается.

Вл. Короленко

20 марта 1919.

P. S. Надо бы сказать еще многое, между прочим — о национальном украинском вопросе. Много нагрешил украинский шовинизм в период своего разгула. Но я боюсь, что большевизм порой впадает в «русопятство» и пренебрегает к законным и естественным стремлениям к самоопределению. Россию к бюрократической централизации уже не вернуть: ей несомненно предстоит идти дальше путем автономии областей или даже федерации. Жизни не остановить, и истинная государственная мудрость состоит лишь в верном и своевременном определении ее конечного направления.

Нельзя ли также хоть несколько ограничить оргию реквизиций: у людей зараз отнимают и квартиру, и все имущество, вплоть до мелочей. Это и несправедливо и жестоко. И делается в «24 часа»!

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 1—4, 8.

2

10 апр[еля] 1919

Дорогой Христиан Георгиевич,

К большому письму, в котором речь идет об общественных делах, прибавляю небольшую частную просьбу.

Есть в Петербурге писатель Аркадий Георгиевич Горнфельд[5], сотрудник (увы! — теперь уже бывшего) «Русского богатства». Это человек талантливый (литерат[урный] критик), необыкновенно симпатичный и страшно беспомощный. Он горбун, слаб, с трудом двигается без посторонней помощи, и при всем этом в нем поражает отсутствие озлобленности и спокойная и светлая жизненная философия. Вы легко себе представите, каково теперь этому хорошему и беспомощному человеку в Петрограде. Я мечтаю помочь ему как-нибудь оттуда выбраться, иначе он погибнет. Был бы очень благодарен за содействие этой маленькой эвакуации. Для этого, кажется, нужно во-1-х, разрешение въезда на Украину и, по его состоянию, также разрешение воспользоваться каким-нибудь поездом, санитарным или делегатским. Если бы можно было облегчить для него это дело, когда он будет готов к выезду,— я был бы очень за это благодарен.

Есть ли сведения о румынских друзьях: Гере[6], Зарифопулах[7], Вашей жене[8]? Авдотья Семеновна[9] еще в Одессе и не может оттуда выбраться. Жму руку.

Ваш Вл. Короленко

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 13.

3

2/15 апр[еля] 1919 г.

Дорогой Христиан Георгиевич,

Сейчас получил телеграмму, подписанную Мирра[10]. В ней сообщается, между прочим, о Вашей болезни. От души желаю выздоровления. Большое спасибо за Горнфельда и... увы! новая просьба. Помните, я раз писал Вам о деле С. П. Мельгунова[11] в Москве. Вы тогда ответили, что, по справкам, среди арестованных его фамилия не значится. Это было верно: к тому времени он был уже отпущен. Но вчера я получил известие, что он арестован опять. Не знаю, какие преступления на него возводятся в смысле «неблагонадежности». Но думаю и даже уверен, что они не могут быть серьезны. А арест его — дело очень серьезное: он душа кооперативного издательства «Задруга», около которого существует много литературных работников и работников печатного дела. На мой взгляд — теперь восстановление, а не разрушение всякого производства является самой жизненной задачей и, ввиду этого, решаюсь опять написать Вам. Надеюсь, что это мое письмо застанет Вас уже здоровым. Жму руку.

Вл. Короленко

Привет общим знакомым, в том числе тов[арищу] Торговцу[12].

Не благодарю специально за приостановку бессудных казней, так как уверен, что Вы сделали это в интересах справедливости и самого большев[истского] правительства. Во всяком случае — это было нужное и хорошее дело со всех точек зрения.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 15.

4

4 мая 1919

Дорогой Христиан Георгиевич,

Вчера я отправил Вам ответную телеграмму, сегодня пишу подробнее сразу по нескольким вопросам.

Первое: как видите из телеграммы — произошло какое-то недоразумение: ни я и никто из моей семьи ни прямо, ни косвенно жалоб на притеснения местных властей не приносили[13]. Был только один небольшой период времени, когда ко мне стали ходить «реквизиторы» и объявили, что у меня отберут две комнаты (в том числе один даже заявил о реквизиции моего рабочего кабинета, который весь занят моими бумагами, материалами и рукописями). В это время я ждал возвращения жены, но это соображение нимало не смущало реквизиторов: она найдет себе

место в другой какой-нибудь квартире! Однако при первом же заявлении об этом высшей реквизиционной власти — попытки были прекращены, и меня оставили в покое. Теперь жена уже вернулась вместе с сопровождавшей ее прежней нашей жилицей, а на днях ждем еще племянницу с ребенком и так[им] образом квартира вполне достаточно насыщена и уплотнена. Вообще ни на какие «притеснения» и неприятности со стороны местных властей лично пожаловаться не могу и случай с попытками реквизиции привожу лишь как характерный для этого дела вообще. Если бы не исключительное отношение ко мне[14], то комнаты у меня были бы отобраны, мебель и шкапы, в которых я в известном порядке держу свои рукописи и материалы,— были бы тоже взяты для будущих жильцов, и я мог бы быть даже разлучен с женой при недостатке помещения. Я уже писал Вам об этих порядках, о том, что при реквизиции квартир у выселяемых отбирается все, даже до мелочей, и человек лишается сразу и своего привычного жилья, и своей обстановки. В таком положении очень много людей, в том числе вчера я узнал, что эта участь постигает одного из моих давних знакомых — у него отбирают его дом и теперь решается только вопрос: позволят ли ему остаться в своем доме, хотя бы теснясь в двух комнатах со всей немалочисленной семьей. Таков общий порядок с реквизициями, и несомненно, что тут делается много ненужного, лишнего и жестокого.

Я очень благодарен Вам за добрые советы — переехать на юг. Но выполнить это мне трудно. В мои годы такие переселения даются не легко и вдобавок — моя участь уже такова, что и там едва ли мне будет спокойнее. Ко мне лично и здесь относятся со вниманием, а от общих вопросов не уйти и там. И там ко мне будут обращаться, как и здесь, с заявлениями и упреками, почему я молчу, почему не пишу, как писал прежде, при царской власти, разоблачительных статей и т. д. Публика, особенно попроще, не понимает, что теперь и писать-то мне негде. Я не так, конечно, наивен, чтобы ждать, что большевистские власти, хотя бы мягкие, станут приноравливать свой образ действий к состоянию моего здоровья и сердца. Но когда чрезвычайка начинает серию расстрелов без суда, расстреливает не бандитов, а политических противников «за прошлое», причем больных вывозят на кладбища, кладут на доске над готовой могилой, пристреливают, как собак, и «без формальностей» сваливают в яму и тотчас зарывают,— то где бы это ни происходило, в Полтаве или в Крыму, я все равно не могу оставаться безучастным. А именно таковы были условия бессудных казней, по поводу которых я Вам телеграфировал[15]. Даже местный «исполком» не знал о том, что таким образом расстреляны не одни бандиты. Теперь эта ненужная свирепость остановлена, и я не могу себе представить такого места и такого положения, где я мог бы остаться безучастным зрителем таких происшествий и не сделать попытки вмешаться. Если бы этот «чрезвычайный» прием продолжался, то теперь, когда начал действовать революц[ионный] трибунал,— у него несколькими десятками подсудимых было бы меньше. А между тем несколько дней назад судили некоторых Ильинских. Упорно говорили, что этот 70-л[етний] старик был тоже назначен к расстрелу. А на суде рядом свидет[ельских] показаний установлено, что они отлично относились к населению и что приговор противоположного свойства был вынужден каким-то негодяем, грозившим селянам контрибуцией в 30 тысяч, если приговор не будет составлен. Картина вышла такая яркая, что главный свидетель обвинения был тут же арестован, а подсудимых оправдали под гром рукоплесканий всех слушателей. Аплодировали все красноармейцы. Даже караулившие подсудимых часовые отставили ружья и приняли участие в рукоплесканиях. Но... оправданные просидели месяцы в тюрьме, причем их сын, тоже арестованный, заразился тифом и умер...[16].

Об этих Ильинских я тоже хлопотал, шатаясь в чрезвычайку. Хлопотала и Прасковья Семеновна[17], но, конечно, нам отвечали, что есть все данные, что это злые враги народа, что подтверждается обществ[енным] приговором и т. д. И вот, каковы эти данные!.. Есть большая вероятность, что Ильинского расстреляли бы без хлопот с гласным судом и без скандала, а заступничество «старика Короленка» легко было бы объяснить его излишним благодушием и непониманием требований революции!

Кончая это длинное письмо, скажу 2 слова о Сподине, о котором упомянул в телеграмме[18]. Для меня его дело, по поводу которого я тоже усиленно хлопотал, имеет особое значение. Он был (при гетмане!) миргородским комендантом. Это увечный инвалид, человек очень благодушный и, по моим сведениям, никаких экстренных поступков не совершал, в карат[ельных] экспедициях лично не участвовал, арестов не производил, расстрелов тем более. Ограничивался формальным исполнением предписаний гражд[анской] власти и тяготился должностью коменданта, с которой и перешел на должность помощника командира полка в Ромны. Петлюровцам уже не служил и устранился вообще, ища других, более мирных, занятий.

И вот его арестуют. Расследуют и отпускают. Потом арестуют другой раз. Опять отпускают и затем после пасхи арестуют в третий раз. При этом больному сердцем старику приходится пережить несколько ночей в ожидании «казни административным порядком». Но для меня, помимо жестокости всей этой процедуры,— есть в этом деле другая, более важная сторона: можно ли казнить или иным образом тяжко карать людей только за то, что они служили прежним правительствам? Или судить можно только за выходящие из ряда злоупотребления и жестокости. Если можно, тогда за Сподиным потянется ряд других таких же дел с полицейской, чиновничьей и военной мелкотой, и власти доноса и личных счетов не предвидится конца! Конечно, и тут можно сказать, что «у нас есть данные» и т. д. Но я должен прибавить в заключение, что я старый корреспондент и публицист. Мне приходилось много писать в труднейшие времена о самых острых вопросах. Статьи мои проходили даже при царской цензуре и ни разу не опровергались. Я не просто «благодушный старик». Я знаю, что значит утверждать что бы то ни было, и никогда не говорю и не пишу наобум. Поэтому расследования, предпринимавшиеся с целью опровержений и предания меня суду, обнаруживали каждый раз, что я писал даже меньше, чем мог написать, но то, что написано — неопровержимо.

Теперь писать для печати мне негде. Приходится поневоле говорить о частных случаях, превратиться в «ходатая». Но отказаться от вмешательства в окружающую жизнь, хотя бы в ее частностях,— не могу, где бы я ни находился. Все-таки благодарен Вам за добрый совет.

Мне остается сказать еще о предложении советского издательства[19]. В такой общей форме мне ответить трудно. Дело в том, что мои сочинения уже ранее отданы разным издательствам по различным договорам, уже оплаченным авансами, в которых я нуждался. Многие мои произведения уже и изданы. А Вы знаете, что это значит в настоящее время — издать книгу. Поэтому я не считаю себя вправе, отдавая свои сочинения (в такой вдобавок общей формулировке), нарушать свои обязательства. Мне нужно было бы поэтому знать более детально, что именно предполагается издать и о каждом произведении придется входить в особые соображения. Советское издательство, конечно, может пустить гораздо дешевле, чем издательские кооперативы, с которыми я имею дело. Но я не считаю себя вправе (и никого более) подрывать их интересы, нарушая заключенные с ними договоры. Жму руку и желаю всего хорошего.

Вл. Короленко

Полтава, Малосадовая, д. № 1

P. S. Хочу еще прибавить несколько слов по поводу издательства. Конечно, дешевая книга — дело хорошее, но свобода развития печати вообще — дело еще лучшее. Издательство «на казенный счет» не может заменить свободного издательства в широком смысле и останется делом искусственным и стеснительным для литературы, если оно заявит претензию на первенство и преобладание на книжном рынке. А до новых форм этого дела ждать еще долго и, как и в других областях, гораздо легче уничтожить существующие формы производства, чем создать новые.

Чувствую, что мне придется еще писать Вам о многом. Но это в другой раз, если найдете время для чтения письма «старика Короленко». Вот и в этом отношении много пришлось бы сказать о пользе и необходимости широкого и свободного печатного слова...

Теперь Сподин и его семья сам просит * суда, чтобы не быть арестованным в 4-й раз. Я просил только отдать его мне на поруки до суда.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 17—18.

5

18 мая 1919 Полтава

Дорогой Христиан Георгиевич,

Из присланной Вами телеграммы Зиновьева[20] я вижу, что у вас вышло некоторое недоразумение: я Вам писал, что огромное большинство моих произведений отдано по договорам разным кооперативным издательствам (трем), и в таких широких размерах, как предполагает петроградское издательство, я располагать ими не вправе вообще. Ведь это значило бы прямо нарушить заключенные договоры, по которым многое уже издано, многое начато изданием, многое оплачено авансами. Издатели сделали затраты, а в это время я передаю издание другим.

Итак, в столь широких размерах передать свои произведения петербургскому издательству я не могу. Речь может пойти лишь о некотором ограниченном числе таких рассказов или статей, которые или еще никому для издания отдельными брошюрами не отданы, или почему-либо пока издателями фактически изданы быть не могут. Первых очень мало (из названных в письме к таким принадлежит только небольшая серия статей «По еврейскому вопросу»). Остальное распределено между «Книгоиздательством писателей», «Задругой» (оба издательства в Москве) и «фондом народной литературы имени Короленко». Кроме того, по договору «Задруга» же издает полное собрание моих сочинений[21]. Может быть, можно выделить еще что-нибудь, но этого нельзя сделать без сношений с этими товариществами, а на это, при нынешних почт[овых] сношениях, нужно время. Я уже написал, и приходится подождать ответа.

Сказать Вам правду, ко всякому казенному издательству, в том числе и большевистскому, сердце у меня по первому движению не лежит. Самое дорогое для писателя, и притом писателя, для которого это дело есть дело жизни,— полная независимость от всякой власти. А вы, большевики, теперь власть и притом власть, нечего греха таить, подавляющая часто другие убеждения. Поэтому понятно, что первое побуждение независимого писателя — уклониться при издании от «казенного» все-таки штемпеля. Я говорю себе: режимы у нас сменяются часто, но должны быть такие области жизни, в которых жизнь останавливаться не должна. Одна из таких областей — распространение книги. Поэтому не следует уклоняться от совместной работы в этом деле, пока в нем не сказываются худшие стороны казенной монополии, пока в нем идет только

* Так в тексте.

положительная работа, а не подавление казенными средствами соперников на книжном рынке. А этого пока, кажется, нет (как было относительно периодической прессы, когда газеты и журналы закрывались, а бумага реквизировалась в пользу «официозов» *). Ввиду этого соображения я и не уклоняюсь принципиально от «петерб[ургск]ого издательства». Порядок и режимы меняются. Пусть книги остаются. Но перенести центр тяжести своих изданий в это издательство,— я не могу, и до тех пор, пока свободно располагаю своими сочинениями,— этого не сделаю.

Из серии «По еврейскому вопросу», которая названа в списке и которою я вправе располагать,— один полубеллетристический очерк «Дом № 13» — тоже был издан уже другими. Но я думаю, что после переговоров с издателями мне удастся присоединить и его к сборнику этих статей. Кроме того, есть еще одна статья, написанная в последние годы (до революции), озаглавленная «Мариампольская измена». Она была напечатана в «Русск[их] вед[омостях]» и перепечатана в брошюре «Дело Гершановича», изданной в Москве Обществом распространения правильных сведений о евреях. В этой брошюре есть очень много опечаток и, если будет решено издать ее, то я пришлю корректированный экземпляр.

Не буду более загромождать этого письма. Вам, наверное, работы много. Но не могу не прибавить несколько слов об одном старом ученом, живущем теперь в Одессе. Это б[ывший] казанский проф[ессор] Г. Я. Афанасьев. У него реквизировали 3 комнаты, взяли пишущую машину, забрали у сына-студента чертежный стол и теперь, как он пишет, грозят выгнать и всю семью из квартиры. Нельзя ли оставить старика, много поработавшего для просвещения, и его семью в покое и вернуть пишущую машину и чертежный стол? Не отбирать белья и платья, которого и так мало.

Простите, что затрудняю Вас мелочами. И то воздерживаюсь сильно. Если бы дать себе волю,— закидал бы письмами этого рода.

Не могу удержаться еще от общего соображения. Когда-то крестьяне воображали, что достаточно отобрать землю от бывших помещиков, чтобы наделить ею все крестьянство. Теперь «пролетариат» и власти, его представляющие, переживают такую же наивную абберацию: думают, что достаточно раздеть буржуазию, чтобы одеть всех нуждающихся пролетариев. Раздеть,— ничего нет легче. Но одеть такую массу нуждающихся,— наивная мечта, ведущая к нехорошим последствиям. Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 19—20.

6

2 июня 1919. Полтава

Дорогой Христиан Георгиевич!

Опять мне приходится писать Вам по делу принципиального и очень широкого общественного значения.

В апреле исполнилось 50-летие существования харьковского О[бществ]а Грамотности[22]. Это учреждение, которым не один Харьков мог гордиться, так как и по задачам, и по их исполнению, и по широте и глубине их постановки, это было одно из лучших просветительных учреждений России. Десятки лет ему приходилось бороться

* Это случилось, между прочим, и с «Русск[им] богатством». Журнал закрыли, бумагу реквизировали, а книгами из нашего склада красноармейцы топили печи (прим.— *Короленко).*

с прежним правительством, и не раз вся просвещенная Россия с живым участием следила за драмой этой борьбы. Общество бывало накануне закрытия, но дело было поставлено так широко, и в нем были уже заинтересованы такие широкие круги населения, что даже самодержавные министры не решились поднять на него руку и все откладывало *.

С революцией, казалось, эта постоянная опасиость должна бы исчезнуть навсегда. Гетманская Украина, вернее шовинистическая часть гетманского правительства, косилась на этот проводник общей культуры, ио и тут никаких решительных шагов сделаио ие было. После этого пришли большевики.

Первые два месяца и вашего режима тоже, казалось, были не неблагоприятны для Общества. Правда, оно сразу лишилось миогих источников дохода (городская и земская субсидия, проценты с пожертвованных капиталов, платы за арендуемые у О[бщест]ва помещения и т. д.), но это вытекало из общих мер вашего правительства и ие было направлено прямо против Общества. Наоборот. О[бщест]во встретило внимательную благожелательиость и признание со стороны Всеукраинского Комиссариата Просвещения, который, в возмещение утраченных доходов, ассигновал на неотложные нужды 54 тысячи рублей.

Но тут выступает уже новый мотив. Я уже писал Вам о худшей стороне бюрократизма, который складывается в вашем классово диктаторском строе. На нем отражается стремление все взять в свои руки, даже то, что отлично шло и до сих пор под одними общественными силами, без начальствениого вмешательства. Большевикам действительно кажется, что нельзя даже траве предоставить расти на воле и солнце, а надо непременно подтягивать ее мерами «комиссаров» и их подчиненных. При этом, конечно, затаптывается очень многое, что росло до сих пор само собой.

Большевизм старается всюду задавить всякое самоуправление. Прежде всего вы уничтожили городские самоуправления и земства. И если этой зимой все мы будем жить в таком же холоде, в каком жили Москва и Петроград, то очень легко доказать, что это результат не только общего расстройства транспорта и т. д., но также и результат того, что уннчтожено гор[одское] самоуправление, и нынешнее правительство слишком самонадеянно взяло на себя все дело снабжения топливом, тогда как прежние самоуправлеиия только умело регулировали цены, держа иаготове не более $^1/_5$ запасов топлива. Остальное предоставлялось частной инициативе.

Но это вопрос другой. Возвращаюсь к Общ[еству] грамотности. Харьковский отдел народного образования уже посягает на превосходное учреждение, сумевшее вырасти на просторах и солнечном свете даже при царском режиме. «В видах развертывания собственной просветительной работы», для которой, казалось бы, есть много места и не затрагивая этой не «казенной», а чисто общественной инициативы, он начинает дробить живое и цельное дело, растаскивая его по разным своим отделам. Так, постаиовлено «перенять» у О[бщест]ва 4 библиотеки-читальни, справочное бюро по вопросам внешкольного образования (с прекраснейшей библиотекой, созданной в течение многих лет усилиями комитета, работавшего умело и с любовью), ну, и так далее; дело зачем-то дробится, книги, музеи и т[ому] под[обное] будут перетаскиваться с места на место, создадутся особые штаты, потребуется огромное увеличение расходов иа чисто бюрократическую постановку дела, которое при самых неблагоприятных прежних «царских» условиях сумело вырасти, развнться и процветать.

Нужно ли это делать? И для чего? Для того, чтобы показать творчество там, где его не было, чтобы вышло красиво в отчетах, то есть на бумаге? А самое дело от этого может только затормозиться и пострадать.

Слышишь кругом жалобы на страшную массу работы, которою завалены большевистские работники. Нужно признать, что в этом много правды. Но нужно также отнестись критически к вопросу, нужна ли значительная часть этой работы, состоящая в переделке того, что и без того хорошо сделано, и в постановке на иной лад того, что стояло хорошо, удобно и прочно?

Теперь о другом.

Нельзя не приветствовать упразднения уездных чрезвычаек, если только... это не останется только на бумаге. После вмешательства здешнего губ[ернского] исполкома и Вашей телеграммы [23] бессудные расстрелы, о которых я Вам писал, прекратились в Полтаве. Но уездные чрезвычайки продолжали расстрелы до последнего времени. Еще недавно расстреляли до десятка человек в Кобеляках, да и в других уездных городах происходит то же.

Недавно, говорят, увезли к вам в Киев троих миргородцев. Шаруду, Сегала и еще третьего их товарища Ястребцова (все крестьянская молодежь), вероятно, в связи с последним миргор[одским] восстанием [24]. Я не знаю, какие против них улики. Зато знаю, что вне политики это прекрасные молодые люди. Одного из них, Шаруду, я знал по крестьянской семье, жившей в Шишаках. И у меня сжимается сердце при мысли, что, быть может, эта молодая жизнь уже прекратилась... Ах, как нужно, как нужно побольше гуманности.

В Киев, как мне известно, послана телеграмма о том, что из Харькова приехали милиционеры (70 человек) и захватили 12 жителей полтавского села Прасковеевки [25] без ведома полтавских властей. Это чудовищное злоупотребление на почве местных счетов. Жму руку и желаю всего хорошего.

Вл. Короленко.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 22—23.

7

11 июня 1919. Полтава

Дорогой Христиан Георгиевич,

Сегодня (11 июня) в местных «Известиях» напечатано сообщение о том, что по постановлению полтавской губернской чр[езвычайной] комиссии расстреляны четыре «контрреволюционера»: Никитюк, Красиленко, Запорожец и Марченко (последний почти мальчик 17 лет). Вы, вероятно, помните, что по поводу расстрела чрезвычайкой 8 человек (в апреле) я послал Вам срочную телеграмму. От Вас (спасибо!) на след[ующий] же день (7 или 8 апр[еля]) пришла телеграмма, прекратившая намеченную серию расстрелов. Мне Вы тоже телеграфировали, что открывается трибунал, на справедливость работы которого вполне можно полагаться [26]. После этого бессудных расстрелов у нас более не было. Трибунал пытался ввести работу в русло возможной законности. Приезжавшие из Киева юристы, а также председатель трибунала содействовали этому течению.

К сожалению, во всем этом не было достаточной твердости и устойчивости. На днях мы прочитали, что из Киева командирована социалистическая инспекция (в таком роде), опять для усовершенствования и направления деятельности м[естных] чрезвычайных комиссий. И вот, именно после этого начались опять бессудные расстрелы. Я говорил с некоторыми членами «инспекции», рабочими. В одной из статей (или

* Так в тексте.

речей) по поводу этой инспекции говорилось об «инстинкте рабочих». К сожалению, кроме инстинкта, в таких вопросах нужно еще понятие об элементарных основах правосудия, а тут совершенно отсутствует понятие, что, когда административно-следственное учреждение, хотя бы «коллегиально» постановляет приговоры (о смертной казни!), то это есть по существу бессудная расправа, убийство, а не исполнение приговора. Я уже писал Вам, как в трибунале с торжеством оправдали Ильинских (мужа и жену), тогда как чрезвычайкой Ильинский уже был намечен в ту серию расстрелов, которая была прекращена Вашей телеграммой: приговору единодушно рукоплескали даже красноармейцы... И вот теперь опять бессудные расстрелы, в том числе юноши, почти мальчика Марченко и артиста украинской труппы Красиленка. Нужно знать, какое значение украинское общество придает группам своих артистов. Театр долгое время был единственным очагом украинской культуры и все, что относится к театру, заставляет украинца насторожиться. А тут бессудное ночное убийство по какому-то тайному постановлению, просто на улице, собирающее на утро толпу видом человеческой крови... Кому это полезно, кому это служит?

Мне говорят, что в других местах совершается еще больше жестокостей, и у вас в Киеве они происходят «в порядке красного террора». Недостаточно назвать данное явление порядком, чтобы совлечь с него позорный характер свирепой и бессудной жестокости и, когда я читаю в ваших газетах известия о «палачах-белогвардейцах», то мне невольно приходит в голову,— что̀ их газеты в свою очередь пишут о том, что происходит у нас. И мне грустно думать, что со всем этим связывается Ваше имя.

Но вернусь к Полтаве. Нужно что-нибудь одно: или поддержать то течение законности, которое исходит из трибунала и его работников, или... не играть в правосудие, когда тут же происходят бессудные казни, без видимости суда, без защиты, без гласного опроса свидетелей, по постановлению чисто административного и (нечего закрывать на это глаза) всеми осуждаемого учреждения.

В день после казни я был в чрезвычайной комиссии, и там мне сказали, что это был не их приговор, что расстрелы произведены по приговору «особого отдела» и что чрезвычайная комиссия напечатает в этом смысле опровержение. Сегодня этого опровержения нет. Но характерно то, что сущность якобы прекращенного явления — восстанавливается так легко,— стоит только переменить в чисто бюрократическом порядке кличку — и расстреливают опять сколько угодно без суда. Я расспрашивал, что это за «особый отдел». Говорят,— главная его задача — борьба с дезертирством. Но в данном случае ничего похожего на дезертирство не было.

Зачем я Вам пишу все это? Вы как-то мне телеграфировали, что скоро ответите на мои письма. Этого ответа я не получил. Не думайте, пожалуйста, что я в претензии. Отлично понимаю, что Вам и некогда, и... ну, и многое другое. Я Вам пишу не для полемики, а потому, что не могу молчать, вспоминая то время, когда мы о многом (важнейшем) думали одинаково. Потому, наконец, что думаю, и теперь есть еще многое, что остается у нас общим. И, может быть, иное слово старика Короленка, сохранившего буржуазные предрассудки о свободе, о правосудии, о святости человеческой жизни — найдет отклик и в большевистских душах.

Хотел подробно написать Вам о возмутительном деле, когда некто Куликов [27] (видимо харьковский военный), родом из села Прасковеевки Полт[авского] уезда, вмешавшись в местные дела, без ведома полтавских властей, арестовал 10 крестьян и 2-х учительниц, увез в Харьков и там подверг их пыткам с целью вынудить согласие в «к[онтр]революции». При этом из Прасковеевки он вывез не только подсудимых, но и «своих» ad hoc * избранных следователей. В № 2 от 7-го мая харьковской газеты «Знамя» [28] напечатано, что эти «следователи» жестоко пытают подсудимых. Не стану пускаться в подробности, так как дело поставлено уже официально, и полтавские власти требуют восстановления «подсудности». Удастся ли это,— неизвестно. По-видимому, все дело — местные счеты.

В заключение — две «частности». Есть у Вас в Киеве старая, больная, почти умирающая писательница Алекс[андра] Станисл[авовна] Шабельская [29]. Когда-то она работала в «Отеч[ественных] записках» и ее повести обращали внимание. Теперь она больна и несчастна. В первый приход большевиков убили ее сына. В январе ее выселили из ее квартиры. Одиннадцать лет она получала пенсию после мужа — профессора. Теперь и в этом ей делают затруднения. Нельзя ли сделать что-нибудь для облегчения положения этой старой и глубоко несчастной писательницы?

И еще: киевской чрезвычайной комиссией арестован врач Алексей Вас[ильевич] Базилевский. Один очень уважаемый у нас кременчугский гражданин доктор Шарый, человек с хорошим прошлым, просит меня сообщить Вам, что Базилевский отнюдь не к[онтр]революционер и вообще не заслуживает репрессий, что я охотно исполняю [30]. Жму руку. Всего хорошего.

Вл. Короленко,

13 июня 1919

P. S. Ради всего святого,— прекратите бессудные расстрелы, кто бы ни производил их: особый отдел, чрезвычайка или еще кто-нибудь. Сейчас узнал, что агенты чрезвычайки провоцируют юношей, искусственно создают заговоры и уже опять в результате намечаются будто бы расстрелы по этим «заговорам», вызванным искусственно. Это нужно прекратить спешно. Таково между прочим дело какой-то девушки Храневич, Акимова Михаила и других. Боюсь, что мое письмо опоздает. Буду хлопотать и здесь, в том числе и в самой чрезвычайке и в исполкоме.

Сподин, о котором я Вам писал и который теперь отпущен трибуналом под мое поручительство, говорит очень определенно — «особый отдел» опять намерен арестовать для бессудной расправы. Неужели этот позор, несмотря на все бывшее, может совершиться?! В трибунале, рассмотрев его дело, ничего серьезного не нашли, и еще не покончили дела, так что неизвестно, будет ли он за что-нибудь предан суду, о чем сам просит, чтобы избавиться от возможности новых арестов. Я писал Вам, какое значение придаю этому делу и почему так хлопочу.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 24—26.

8

18 июня 1919

Дорогой Христиан Георгиевич,

Над вами, т[о] е[сть] над вашей партией, очевидно сгущаются тучи. Я сужу не столько по газетным сообщениям о продвижениях деникинцев и не по слухам, которых много и которые, конечно, преувеличены, как по тому росту жестокостей, которые всегда являются результатом страха. В Харькове уже «расстреливают буржуазию» (так озаглавлена заметка в наших официальных «Известиях») и берут заложников.

* Специально для этого случая (*лат.*).

Страх плохой советчик. Я помню в последние дни петлюровщины у нас даже ждали большевиков: чувствовалось, что идет сила, сознающая себя и более спокойная. Значит, не будет погромов, убийств и жестокостей. И хотя позади у вас стояли уже другие примеры, т[о] е[сть] тоже жестокостей ненужных и бесцельных, но это как-то затушевывалось (теперь «прошлое» затушевывается быстро). И действительно вначале большевики держали себя у нас, как более спокойная сила. Теперь — это уже тоже прошлое. А настоящее? Весь город знает, что особый отдел наметил уже 4-х человек, уже раз ночью приезжал автомобиль, чтобы свезти их в темноте на кладбище и там расстрелять. В числе этих четырех есть жертва провокации, 17-летний мальчик. Командующий войсками, говорят, приостановил эту казнь и приказал передать в трибунал. Но — это точно неизвестно. Известно только, что весь город следит с тревожным участием за судьбой этих четырех, повисших между жизнью и смертью, между гласным судом и казнью без суда, по решению какого-то темного безгласного учреждения... Приедут ночью, усадят на автомобиль, увезут на кладбище. Расстреляют в темноте, бросят, может быть, еще живых в готовые могилы и зароют... Вы легко представите себе — на чьей стороне сочувствие простой, не захваченной враждою и ненавистью среды... Ведь человечность-то все-таки еще не угасла.

И к чему это? Неужели Вы думаете, что это может помочь или устрашить и предупредить. Такие широкие «бытовые» влияния и чувства, разливающиеся от фактов,— есть самая вредная агитация для вас и для всякого, кто в растерянности прибегнет к насилию.

Откуда на вас идет опасность? Не от одних прямых врагов, а от условий, вами создаваемых. Для Вас, конечно, не тайна, что в деревне растет антикоммунистическое настроение и рядом с показной покорностью нарастает повстанческое настроение, в котором прежде всего примут участие те, кто теперь прикидывается вашими приверженцами, кто сам запугивает среду именем большевистской власти. Когда первый раз пришли большевики в марте — перед ними хлынули в город много деревенских крестьян, которые якобы помогали большевикам. Какие-то явно недисциплинированные кучки шныряли преимущественно по окраинам, врывались в дома, грабили и убивали. Когда пришли окончательно большевики,— они схлынули. При мне одна такая кучка распалась, скрываясь за углами. Это показался Шмедин, начальник одного из полков... Теперь эти грабители давно в деревнях забрали силу, арестуют, грабят, убивают арестованных (я доставил данные по такому делу местным властям) и, уверяю Вас,— первые ждут новой перемены, чтобы забежать вперед перед деникинцами.

И вы думаете, что тут вам помогут «заложники»?! Вот в Харькове взяли Владимира Павловича Носовича [31]. Это человек, имя которого одно время (при царском режиме) знала вся интеллигентная Россия. Он мужественно провел следствие о Ленских расстрелах, о Рейнботе [32], о Сухомлинове [33]. Его теперь взяли заложником. Зачем? Чтобы расстрелять в случае опасности? Кого этим можно устрашить, что можно предупредить? Что за дело темной массе, закипающей по селам, да и в городе от того, что жизнь стеснена во всяком шаге, что ничего нужного нет, что можно (иным) и пограбить,— до того, что под страхом расстрела сидит у вас человек, заявивший себя когда-то мужественным и честным гражданином.

У нас был однажды арестован в качестве заложника Сергей Георг[иевич] Семенченко, бывший гор[одской] голова. Он многим известен в городе и в своей деревне, где у него небольшое имение. Его опасность — для многих пожалуй горе, но не для тех, кто готовит выступления против вас... Вообще — инстинкт заложничества — позорный пережиток варварства, ныне ничем не оправданный и бесцельный. К чести наших местных властей, у нас он еще не привился. «Заложников», взятых около месяца назад, отпустили скоро и пока не берут новых. Какое же из этих течений возьмет перевес: харьковский «красный террор», диктуемый страхом, или более спокойное пока наше местное настроение. На Вашем месте я более доверился бы настроению командующего войсками Егорова [34], заменившего судом трибунала темный приговор особого отдела, и тех членов губисполкома, которые не теряют головы и не хватаются за жестокости.

В прошлом году пронесся слух при отступлении большевиков, что они наметили заложником меня [35]. Может быть, это и неправда. Я тогда не придал этому значения и в самый день отступления ездил на вокзал, чтобы выхлопотать освобождение 6-ти крестьян. Это нам (депутации) удалось и, когда начались гетманские неистовства с «виленским застенком», я отметил в газете факт этого освобождения в момент возбуждения и суеты... Но — представьте себе, что слух был бы верен и меня взяли бы «заложником». Кого бы это огорчило и устрашило? Огорчило бы пожалуй кое-кого, но те, кто с вами тогда боролся, потирали бы руки и радовались бы. Поверьте, что так же теперь потирают руки и радуются те, кто конспиративно работает против вас, при виде «заложников», уважаемых людей, которым от вас грозит опасность. Их это нимало не устрашит, а большевиков, прибегающих к этому средневековому варварству, покрывает позором.

От души желаю, чтобы Ваше имя можно было присоединить к тем, кто борется с «заложничеством», а не к тем, теряющим голову, кто к нему прибегает.

Всего хорошего. Вл. Короленко

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 27—28.

9

20 июня 1919

Дорогой Христиан Георгиевич,

Отвечаю на Ваш запрос относительно расстрелов в Полтаве [36] с некоторым опозданием. Это потому, что мне нужно было собрать точные сведения, а между тем эти два дня ушли у меня среди волнений об одной жизни: человека уже приговорили. Город жил под мраком возможной неправедной казни. Речь шла об артисте украинской труппы Островском, писателе-драматурге и режиссере. Я уже писал Вам об этом: украинское общество очень чутко к своим талантам, особенно артистам и писателям, а Островский человек чрезвычайно привлекательный и популярный. Казнь его, опять бессудная и неправедная, была бы жестоким вызовом совершенно законным чувствам украинцев, даже ваших приверженцев. Один из членов партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] коммунистов — боротьбистов [37], принимающий видное участие в революционной жизни Полтавы, под начальством которого стоял отряд в ноябре 1918 года, занявший Полтаву до прихода регулярных советских войск, подал по этому делу официальное заявление, в котором пишет между прочим: «Не знаю — саботаж это или что-нибудь другое, но мой революционный долг велит мне высказать мое глубокое убеждение в том, что бессмысленный террор, направленный против нейтральных лиц, каким я считаю Островского,— это работа в пользу контрреволюции».

Теперь дело пересылается, вместе с Островским, в Киев, и от киевского особого отдела зависит эта жизнь, за которой теперь с участливой тревогой следят тысячи даже ваших украинцев. Если бы Вы захотели ознакомиться с этим делом, то в нем должна быть записка Мате-

пы Бугаевского, из которой я привел эту цитату и из которой совершенно ясно, что даже при допущении правильности некоторых обвинений,— это была бы месть за прошлое по отношению к нейтральному теперь человеку. Месть за то, что он смел в прошлом быть украинцем-самостийником. «Теперь,— пишет тот же ваш человек, боровшийся рядом с вами,— многие, стоявшие тогда в оппозиции советской власти, изменили свое отношение к ней и, если не стали ее активными сторонниками, то во всяком случае не являются и врагами... Если применять расстрелы ко всем тем, кто относится к советской власти нейтрально, то пришлось бы расстрелять половину всего населения».

Я думаю, что половина — это сказано мало, а при таких мерах эта доля все увеличивается, переводя невольно все бóльшие массы в прямое недоброжелательство.

Как видите,— это все еще дань тому волнению, которое держало меня в своей власти эти дни, когда решалась судьба этого приговоренного человека, теперь отправляемого в Киев. Я от всей души взываю даже не о милосердии к нему, а о простой справедливости, правосудии и... о простом благоразумии власти.

Теперь перехожу к общему вопросу. Вы хотите иметь конкретные сведения о полтавских расстрелах. Вот они.

Вначале после прихода большевиков, сменивших потерявших голову петлюровцев, все отмечали отсутствие казней и смену свирепостей всякого рода порядком и сравнительным спокойствием власти. Но затем в местной газете стали появляться известия, сначала из уездных городов, о казнях, по постановлению ЧК. Сначала казалось, что дело идет о бандитах, которые действительно производили зверские убийства целых семей, и я не обратил сразу особого внимания на это явление, в чем теперь очень виню себя. Уже 4-го марта в Кременчуге были расстреляны «контрреволюционеры» Волков и кондуктор трамвая Батушин (полт[авские] Изв[естия] 13 марта). Затем в конце марта появилось известие, что уже в Полтаве расстреляно 3 челов[ека]: 1—2 (Бойко и Шавкун) за бандитизм, 3) Давид Ефимов, «работавший в самодержавной охране до прихода большевиков 22 марта 1918 г.» (т[о] е[сть] месть за прошлое). Затем 5-го апреля разразилось над Полтавой мрачное известие о массовом расстреле (8 человек), по поводу которого я Вам тогда телеграфировал. Даже в исполкоме считали, что это только бандиты, но когда я привел известные в городе фамилии, то исполком тотчас же приостановил дальнейшие казни (которых намечено было 35). Обстановка этих казней вызывает прямо содрогание. Ночью людей привели к открытым уже могилам на кладбище, ставили на доску над ямой, пристреливали; человек падал в яму и его закапывали, может быть еще живым! Левченка (больного) положили на такой доске, т[ак] как ни сидеть, ни стоять он не мог. Второй, мне известный, был Шкурупий, крест[ьянин] из Решетиловки. У него, да и то в общем владении, было 15 десятин, но человек это был толковый, и его хлеборобы посылали в Берлин. Этого оказалось достаточно: значит, деятель. Я о нем хлопотал и справлялся, собирал сведения и после, и прихожу все более и более к убеждению, что погиб он невинно. При гетмане он был назначен волостным головой, но отказался, не желая играть политической роли. У хлеборобов было и другое течение: чисто хозяйственное, группировавшееся около с[ельско]-х[озяйственного] общества, и Шкурупий в Берлин ездил с хозяйств[енными] целями. Я на все это указывал в чрезвычайке и был горестно поражен неожиданным расстрелом Шкурупия. Решетиловка местечко (более 12 тыс. душ), и в нем долго не забудут этой казни толкового мужика. Теперь идет очень заметный процесс сближения бедного и среднего крестьянства, что уже признало и большевистское правительство, а Шкурупий и был выдающийся середняк. Но все это совершенно недоступные расстреливающему аппарату соображения.

Не помню и сейчас не могу привести фамилии остальных расстрелянных. Знаю только, что, если были тут 2—3 бандита, то не больше. Остальные «к[онтр]революционеры», «неблагонадежность» которых часто совершенно не доказана.

После этого,— спасибо Вам и местному исполкому,— чрезвычайка была ограничена в казнях, а затем и из прежнего ее состава были кое-кто преданы суду (по довольно скандальным обвинениям), а затем частью удалены. Расстрелы все-таки продолжались по уездам. Особенное впечатление произвели убийство мальчика Комиссарова (лет 13-ти), затребованного кременчугской чрезвычайкой и пропавшего без вести в дороге, и расстрел Кобелякской чрезвычайкой Новицкого.

Но вот, в ночь с 8-го на 9 мая произошел новый факт. Ночью на Кобелякской улице, ведущей к кладбищу, раздались отчаянные крики и выстрелы. Оказалось это вели 4-х человек на кладбище. Они были скованы, но... кто-то все-таки будто бы побежал. Побежал один, но уложили из ручных пулеметов всех. На утро в этом месте собиралась толпа, которую разогнали, но которая все-таки еще видела лужи крови, которую обнюхивали собаки. Трудно изобразить впечатление этой картины, причем к ней прибавились еще отчаянные вопли родных... Тут были расстреляны: Марченко (юноша лет 17), Никитюк (сын рабочего на водопроводе), Красиленко (артист укр[аинской] труппы) и Запорожец. Все политические. Не думаю, чтобы десятки прокламаций и агитаторов могли произвести такое действие, какое уносила с собой эта толпа, шедшая и ехавшая из деревень в город и обратно. Общее убеждение опять, что расстреляны невинные... Да при таких условиях иного настроения и быть не может. Исполнит[ельный] комитет тоже узнал об этом после факта. Я Вам об этом деле писал, и этим письмом вызвана Ваша телеграмма.

В полт[авских] «Известиях» было вскоре напечатано, что такие-то расстреляны по постан[овлению] Ч. К. Но через 2—3 дня последовало опровержение. Чрезв[ычайная] комиссия отклоняла это от себя. Расстрел произведен особым отделом («Известия», 14 июня).

То страшное действие, тот вред для советской власти, который, как туча, подымается от человеческой крови, проливаемой таким образом, мне кажется, оценен до известной степени местными властями. По кр[айней] мере после этого при выдаче ночью арестованных для неизвестных целей в тюрьме стали требовать, по указанию Губ[ернского] тюремно-карат[ельного] комитета, точных указаний и исполнений формальностей. Благодаря этому была задержана выдача 13 июня одного, а 14-го — четырех человек. Благодаря этой формальности жена одного из приговоренных обратилась к командующему войсками Егорову. Егоров приостановил казнь и распорядился передать дело (или дела?) в трибунал. Егоров уже успел заявить себя в открытом бою с григорьевцами[38], и он, очевидно, держится того взгляда, что для чести бойца лучше иметь сотню лишних противников в открытом бою, чем одну такую «победу» в тылу, как победа 8 июня на Кобелякской улице города Полтавы, одержанная особым отделом.

Еще черточка: при таких же мрачных обстоятельствах был потребован глухою ночью еще один арестованный в том же июне м[еся]це. Выдача благодаря формальностям задержана, и после этого... тот же человек признан ни в чем не повинным и освобожден из-под стражи.

Вы пишете в телеграмме, что я должен принять в соображение ту погромную волну, благодаря которой могут пролиться реки крови[39]. Да, я принимаю все это в соображение. Вообще, я считаюсь с действительностью. Но я вижу ее не с одной только стороны. Я учитываю так-

же и то, что все эти темные расстрелы молвой приписываются большевикам из евреев, что создается легенда, что расстрелянных 8 июня вели будто бы только евреи из чрезвычайки и т. д. и т. д. Я не большевик. Одно время я думал все-таки, что если большевизм сумеет удержаться в пределах спокойствия и самообладания, то весьма вероятно, что именно ему суждена победа в борьбе, и тогда ему же самому придется стать лицом к лицу с своими основными огромными ошибками и бороться на мирной уже почве с их последствиями. И это я замечал у многих.

Теперь, под влиянием «красного террора», заложничества, бессудных казней это настроение исчезает. Вера в силу вашей власти теряется потому, что вы (я говорю не лично) теряете голову, начинаете гоняться за призраками и, уничтожая отдельных лиц, создаете «бытовые явления», которые сразу действуют на массы [40] .

Да, я не большевик, но я и не петлюровец, и не деникинец, не верю в пользу внешнего вмешательства. Я не активный политик. Но я верю, убежден, знаю, что есть все-таки и моральная сила, которой стоит проснуться и многое изменится. Поэтому я стараюсь пробудить человечность среди озверения, и я не только верю, но и знаю, что она не вредит, а помогает в самой борьбе. Мужество в открытом бою, человечность к побежденным! — вот истинная формула человеческой, а не звериной борьбы. Теперь мало кто понимает, как силен стал бы тот, кто сумел бы честно проявить это настроение... Но у вас, большевиков, его нет. Это доказывает киевский и харьковский «красный террор».., «порядок красного террора»... В Полтаве этого пока меньше, чем на запад и на восток от нас. Но и этого, как Вы видите, слишком достаточно. А главное: идет борьба разных течений, и если победит более жестокое, то сорвутся с цепи самые нелепые н для вас же вредные жестокости.

Я писал Вам свои соображения о заложничестве. У нас уже тоже хватают заложников. Какой смысл в этом? Во времена войны я следил за этим явлением и не помню, чтобы хоть раз военных заложников расстреляли. А у нас это уже было, а в Харькове и есть теперь.

Чувствую, что пора кончать, но мне приходится еще сказать об одном деле, не относящемся к расстрелам, но волнующем еще более. Я пытался обойтись без Вашего вмешательства, думая, что дело до такой степени очевидно и до такой степени возмутительно, что достаточно поставить его точно и ясно перед любою властью, и оно будет непременно прекращено. Но теперь вижу, что без экстренного вмешательства не обойдется. Местные власти поразительно бессильны.

Дело вот в чем: есть в Полтавском уезде большое село Прасковеевка. В этом селе боролись две местные партии. Местные жители говорили мне, что дело завязалось из-за какого-то «кабанця». Простите, это похоже на анекдот, но, как увидите, все здесь похоже на мрачный и кровавый анекдот. Случилось так, что член одной партии, крестьянин Кулик (или Куликов), человек очевидно способный, сделал карьеру: стал комендантом гор[ода] Харькова (теперь занимает видный пост в военно-артиллер[ийском] ведомстве). Он приехал на родину в побывку «во всей полноте власти» и счел возможным вмешаться в эти счеты. Привез с собой красноармейцев, взял в плен двух учительниц (Страшанскую, жену священника, и Дудник), а также 10 крестьян и, не доведя до сведения местных властей, увез в Харьков. Вместе с ними увез членов противной партии и сделал их следователями ad hoc по этому делу. После этого в одной из харьковских газет «Знамя» (от 7 июня, № 2) появилось известие, что над какими-то полтавцами, содержащимися в арестном доме (в Безуглом переулке) производятся пытки тоже полтавскими следователями (то есть прямыми их прасковейскими врагами).

Я довел об этом до сведения всего состава юридической комиссии при трибунале (или исполкоме). Были посланы три телеграммы в Киев и одна в Харьков о восстановлении подсудности и о препровождении немедленно арестованных в Полтаву. Но... никаких результатов до сих пор нет. А между тем один из этих полтавцев уже запытан до смерти (Антоний Корецкий), а трое других лежат при смерти в больнице. Был командирован кто-то в Харьков. Местный исполком согласился отпустить арестованных в Полтаву, но военное ведомство (влияние Куликова) не соглашается и хочет судить их военным судом. Пытки подтверждены официально и возбуждено дело... Что же будет значить суд и приговор при таких условиях. Я много писал о пытках при царской власти. Но такого примера не запомню. При царской власти я бы описал это в газетах. Теперь должен делать «доклады». После оглашения в газетах вся Россия содрогнулась бы от негодования и ужаса. После «докладов» людей продолжают мучить и напугивать, чтобы вынужденными сознаниями и оговорами лучше обставить дело *.

Что делать! Докладываю еще в одну инстанцию. Неужели нет силы, которая прекратила бы это вопиющее и столь явно нелепое кровавое безобразие.

Затем — жму руку и от души желаю Вам всего хорошего.

Вл. Короленко.

ОР ГБЛ. ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 29—33.

10

Дорогой Христиан Георгиевич,

Прошу внимания к просьбе представителя Совета харьковских областных кооперативных союзов,— которые ходатайствуют о Владимире Павловиче Носовиче, арестованном в качестве заложника. В качестве старого публициста могу сказать, что его имя известно по расследованию Ленских событий, а также по делам Рейнбота и Сухомлинова. Вся передовая Россия относилась к его деятельности сочувственно. Я Вам о нем уже писал в связи с заложничеством.

Жму руку.

Вл. Короленко

15 июля 1919. Полтава

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 15, д. 1, л. 424; ЦГАЛИ СССР, ф. 234, оп. 4, д. 17, л. 1.

11

14(27) февр[аля] 1920 г.[41]

Дорогой Христиан Георгиевич,

Опять я к Вам и опять «по делу». Есть у меня в Харькове хороший знакомый, Борис Семенович Одер. Он — убежденный кооператор, меньшевик по убеждениям. По делам кооперации ему приходилось ездить в Ростов, откуда он вернулся. В Харькове под его редакцией выходила газета «Наш путь». Кроме того, он был выставлен кандидатом в гласные (а может быть и избран. И то, и другое,— т[о] е[сть] и

* Не ясно ли, что вопрос о виновности этих прасковейцев в контрреволюции не может быть разрешен раньше, чем они будут изъяты из-под власти этих прасковейских же следователей и пока не будет восстановлена подлинная подсудность. Иначе — приговор только горькая насмешка над «революционным правосудием» (прим.— *Короленко*).

газета, и звание гласного,— было при деникинцах. Слышу, что все это теперь ему ставится в вину.

Я лично знаю Одера, как очень порядочного человека и отнюдь не деникинца или реакционера. Но меня побуждает к этому письму даже не одно личное расположение к хорошему человеку, а еще более важный общий вопрос: когда пришли деникинцы, они стали хватать направо и налево людей, которые работали при большевиках. Теперь пришли большевики и неужели станут поступать так же с теми, кто работал при деникинцах. Я понимаю, что для деникинцев очень важно, чтобы с их уходом и с приходом большевиков край обратился в пустыню. Это заставляет население с нетерпением ждать их возврата. То же соображение я прочитал недавно в местной полтавской газете: люди, делающие хотя бы и нейтральное дело при деникинцах, являются их прихвостнями. Было бы гораздо лучше для большевизма, если бы этого не было. Иначе сказать,— большевизм, как и деникинство, требует, чтобы с его уходом край обращался в пустыню.

Теперь вопрос: что же было бы с жизнью, если бы признать законность такой борьбы,— жизнь иссякла бы. И той, и другой стороне пришлось бы бросить борьбу в опустевшей стране. К этому и идет: Полтава кажется уже 14-й раз переходит из рук в руки. То же и Харьков. Теперь у нас опять советская власть. Надолго ли? Гадать не стану. Во всяком случае не исключена возможность новой перемены, и опять какая-нибудь сторона скажет людям, делавшим при вас нужные нейтральные дела, без которых жизнь должна замереть: «Вы этим поддерживали наших врагов. По настоящему вы не должны были ни есть, ни пить, ни заботиться об отоплении во времена большевизма, ни издавать газеты, ни лечить больных, ни учить детей, а только ждать с тоской нашего возвращения[»]. Приблизительно то же говорят теперь истые коммунисты в своих органах. Неужели возможно, что эта точка зрения восторжествует, и простейшие элементарные отправления общественной жизни могут считаться преступлением против большевизма. Жизнь не должна и не может остановить свои обычные процессы из-за острой борьбы направлений, которой пока не видно конца. Та или другая партия могут только прибавить излишние и бесцельные преследования, что, как я не перестану доказывать, вредит высокому делу.

У меня сердце облилось кровью, когда я прочтал в газетах о расстреле киевской ЧК Влад[имира] Павл[овича] Науменко. Я знаю его как честного человека и общественного деятеля, в свое время отказавшегося от поста попечителя из-за узкого шовинизма тогдашней власти. Думаю, что эта казнь надолго останется ярким кровавым пятном на деле большевизма. Я, конечно, ни на минуту не думаю приравнивать нынешний случай к случаю Науменка. Но думаю, что и вообще преследование, хотя бы и смягченное, за разницу убеждений, за издание газеты, за участие в гор[одском] самоуправлении во время бесконечных междоусобий, разрывающих теперь Россию, есть явление, с которым не должна мириться в своей среде ни одна из воюющих сторон, уважающая свое дело и рассчитывающая на уважение других.

Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 34—35.

12

Дорогой Христиан Георгиевич,

Я уже раз писал Вам по делу Бориса Семеновича Одера. Теперь узнал определенно, что он арестован 26 февраля по ордеру Ч. К. Для меня очевидно, что это недоразумение. Я хорошо знаю Бориса Семен[овича] Одера, так как, состоя при царской власти под надзором полиции в Полтаве, он жил у меня на квартире. Он меньшевик, выступал активно в собраниях, редактировал кооперативную газету в Харькове и своего образа мыслей не скрывал. Во время власти у нас деникинцев я написал статью о «власти доноса», которую перепечатали несколько газет. Власть доноса сказывается при всякой перемене режима, и я уверен, что только злостный донос, какая-нибудь личная месть, водящая пером доносчика, могла вызвать арест Б. С. Одера, как «контрреволюционера» или деникинца.

Вот несколько слов, которые я, пользуясь предоставившимся случаем, хотел прибавить к предыдущему письму о беспокоящем предмете.

Желая всего хорошего.

Вл. Короленко

12 марта (28 февр[аля]) 1920 г.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 15, д. 1, л. 464.

13

16(29) марта 1920 г.

Дорогой Христиан Георгиевич,

Очевидно, одной из тягот, сопряженных с Вашим теперешним положением, является между прочим и получение писем и просьб от В. Г. Короленко.

После Вашего возвращения я писал Вам три раза. Один раз по поводу приговора к смертной казни трех человек по постановлению Ч. К. и два письма по делу моего хорошего знакомого Бориса Семеновича Одера, арестованного в Харькове (кооператора) Мне говорили после, что в это время Вы были больны тифом. Надеюсь, теперь выздоровели.

Теперь я опять с новой (вернее — опять со старой) просьбой. В Москве, как я узнал, арестован Сергей Петрович Мельгунов, стоящий во главе издательства «Задруга». Я когда-то Вам писал о нем, когда он тоже был арестован. Вы тогда сделали телеграфный запрос и ответили мне, что по телеграмме, полученной Вами из Москвы, в числе арестованных Мельгунов не значится. И действительно, в это время он был уже освобожден. Может быть, это случайное совпадение, но близкие к Мельгунову люди приписывают благоприятный результат Вашему запросу, и теперь они опять обращаются ко мне, т[о] е[сть] через меня, очевидно, к Вашему заступничеству. Мельгунов — человек резкий и прямолинейный. Думаю, что этим вызван и его арест. Одно из преимуществ таких характеров (при многих неудобствах) то, что при резкости и прямолинейности не следует предполагать чего-нибудь утаенного, недоговоренного и скрытого. Сколько мне известно, в последние месяцы Мельгунов был целиком поглощен издательскими делами и своими историческими исследованиями.

Желаю Вам всего хорошего, Вл. Короленко.

Нет ли известий из Румынии об общих друзьях?

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 36.

14

Дорогой Христиан Георгиевич,

Розалия Михайловна Аренштейн может рассказать историю одной «реквизиции», очень похожей на прямое разграбление. Думаю, что рас-

следование с целью прекращения наконец таких «реквизиций» входит в интересы всякой власти.

Жму руку и желаю всего хорошего.

Вл. Короленко

4 апр[еля] 1920 г.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 37.

15

15(28) апр[еля] 1920

Дорогой Христиан Георгиевич,

Я еще не знаю результатов вчерашнего заседания, на котором решалась судьба трех «петлюровцев». Я надеюсь, что эта казнь, которая составила мрачную страницу в истории полтавского трибунала, не состоится. Мне пришлось по поводу арестов «комиссаров» во время деникинской власти отметить, что полт[авский] трибунал не вынес ни одного смертного приговора. Один такой приговор по отношению к заведомому бандиту,— не был приведен в исполнение (я в этом деле никаких ходатайств не предъявлял). Об этом факте правосудия большевистского полт[авского] трибунала я имел возможность писать в газетах, и я этой возможности радовался. Неужели теперь придется отметить политические казни и притом по удивительному делу, где в центре стоял мальчишка, совершеннолетие которого так и осталось невыясненным. «Начитавшись некоторых книг, как Пинкертона, Тараса Бульбу и другие, у меня появилась большая фантазия сделаться каким-нибудь знаменитым полководцем. И вот мой воображаемый полк состоял из нас двух, меня и моего младшего брата, 11-ти лет, который явился помощником моим и в сооружении печати.., которая и повлекла за собой наше несчастие... Когда мне 26 марта сказали, что меня освободят, то я с радостью признался и даже представил буквы и печать. Безусловно, мне теперь об этом стыдно и напоминать...». И т[ак] д[алее]. Это из исповеди приговоренного Засенко. Неужели возможна казнь в таком деле? Не хочу этому верить.

У меня почему-то есть тяжелые предчувствия. Мне кажется, что еще далеко до успокоения и творческой работы, о которых пишут ваши газеты. Чувствую, что еще будут катастрофы и новые перемены. И мне так хочется, чтобы среди этого кровавого хаоса все более проникали факты смягчения и человечности. Возможно, что мои предчувствия обманчивы и ваши сведения точнее. Но если я не прав в этом,— тем более необходимо то, о чем я пишу. Силе вообще подобает великодушие.

Желаю Вам всего хорошего.

Вл. Короленко

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 39.

16

Дорогой Христиан Георгиевич,

Опять то же дело, о котором я говорил при свидании: о передаче в рев[олюционный] трибунал вместо административ[ного] решения (дело Герштейна). Вы тогда передали записку тов. Коцюбинскому [42]. Последний, как Вам известно, был захвачен повстанцами и теперь находится в Харькове. А в это время Ч. К. уже постановила приговор в административном порядке без судебного разбирательства. Ввиду

этого не могу опять не облегчить Якову Исаковичу Глейзеру возможности повидаться и изложить дело Вам.

Жму руку и желаю всего хорошего.

Вл. Короленко

5 мая 1920 г.

ОР ГБЛ. ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 40.

17

7 июня 1920

Дорогой Христиан Георгиевич,

Опять с тем же, все о том же! У нас началась оргия бессудных расстрелов. Третьего дня расстреляли пять человек, в том числе двух мельников. Об одном из них я лично видел (и передал начальнику Ч. К. Щанову) заключение официального лица о том, что предавать суду не за что. А вот расстрелять без суда оказалось достаточно оснований... Я помню, прежде Вы (вместе с прежними полтавскими властями) останавливали бессудные расстрелы Ч. К. Теперь это разыгрывается в настоящую оргию. Очевидно, спасение республики зависит от того, чтобы были расстреляны несколько человек без всяких оснований [43].

На днях отпущен на волю Калюжный, приговоренный к расстрелу даже рев[олюционным] трибуналом. Что же говорить о приговорах Чрезвыч[айной] комиссии. Рабочие ходатайствовали об освобождении Аронова, но их ходатайство запоздало, как и мое.

Теперь к Вам отправляется молодой человек по такому же поводу. Мне самое дело неизвестно. Для меня достаточно, что это опять возможный приговор административно-следственного учреждения, и просьба состоит в передаче суду. Неужели нельзя остановить оргию бессудных расстрелов? Неужели в самом деле от бессудности зависит спасение республики. Тогда — дело плохо, п[отому] что бессудные расстрелы только всех решительно, кроме самих их участников, глубоко возмущают, указывая на неуверенность и нервность власти.

Жму руку.

Ваш Вл. Короленко

(см. на обороте) *

P. S. Александре Георгиевне наш общий привет и большая благодарность за перевод статьи Доброджану [44]. Теперь все тревожные случаи, которые овладевают мною всецело, поэтому не могу пока писать более подробно. Но вскоре собираюсь написать Ал[ександре] Г[еоргиевне] специальное письмо, где не будет речи о расстрелах и казнях. Пока скажу лишь, что в статье Костики [45] вижу того же умного Герю, каким знал его и ранее. По некоторым чертам заключаю, что он болен (как и я, его старый друг).

От души шлем привет.

Вл. Короленко

7 июня 1920

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 42—43.

18

11 июня 1920 г. Полтава

Обращаюсь к Вам еще раз, Христиан Георгиевич, с глубоким отчаянием в сердце.

* Дальнейший текст написан не на обороте, а на следующем листе.

То самое, что предшествовало прошлогодней эвакуации в Киеве и Харькове, но что в значительно меньшей степени было у нас,— теперь водворилось и в Полтаве: слепой, безоглядный красный террор,— признак растерянности, возрастающей жестокости, сопровождающей обыкновенно не сознание силы и прочности положения, а прямо скажу — страха.

А. В. Луначарский вероятно рассказывал Вам, как я, больной и нервно расстроенный, приехал к нему на митинг, чтобы вымолить отмену казни пяти человек, в том числе мельников Аронова и Миркина. При этом я привез ходатайство рабочих и официальное заключение представителя компетентного по продовольствию учреждения, что в деятельности Аронова (Миркин только служащий) нет состава преступления. Рассказал Вам Луначарский и о том, чем это кончилось: они расстреляны еще накануне[46]. Теперь родные ходатайствуют, чтобы им выдали тела для погребения на евр[ейском] кладбище. Местные власти отказали. Кто представляет себе глубину религиозного чувства евреев и кто уважает чужие убеждения, тот поймет, какое это имеет значение и почему следует уважать этот «предрассудок». Вот почему я не отказался просить Вас обратить внимание на эту просьбу родных, которую изложит податель этого письма. А кстати пользуюсь случаем, чтобы сказать и еще кое-что.

Не стану надолго возвращаться к делу расстрелянного Зосенка (с его мальчишеским заговором) и Баштанника. Один из приговоренных по тому же делу к смерти (Калюжный) теперь распоряжением центральной власти освобожден совершенно. От души этому радуюсь, но не кажется ли Вам, что размах маятника от казни к полной свободе через несколько дней слишком уж резок и указывает на некоторую неуравновешенность правосудия... Даже правосудия!.. Что же говорить о расстрелах в административном порядке. И не следует ли после этого пересмотреть таким же образом дела других осужденных по тому же делу (например, Степана Вас[ильевича] Сидорука, присужденного в концентрационный лагерь до конца гражд[анской] войны?).

А против приговоров административных, да еще приговоров к смертной казни, я, как человек и гражданин, протестую от всей глубины души и не перестану протестовать до смерти. Теперь вот опять, говорят, привезли из Миргорода 36 человек, повинных в заговоре. В числе их есть три девушки, вернее девочки (две 17 и одна 18 лет). Можно ли сомневаться, что эти гимназистки действовали без полного разумения? Сколько мне известно, они участвовали в той стадии заговора, которая, благодаря присутствию в наивной организации сыска, была раскрыта ранее даже приступа к осуществлению. Даже при царской власти не было казней за одни намерения. Я много писал против тогдашних смертных казней, и в свое время большевики цитировали эти мои статьи, направляя цитаты против временного правительства. Я наверное не доживу до того, чтобы посмотреть на действия самих большевиков, как на прошлое. Но неужели историку придется отметить со стороны русской республики XX века не только вспышку, но и закрепление казней за намерения. И мне так горько думать, что с этим может быть связано Ваше имя.

А между тем уже, по-видимому, назревает новый приговор и опять в административном порядке. Во времена деникинцев они в Полтаве разрыли и выложили на земле 16 трупов. Трудно представить, какое это произвело впечатление и какую вызвало вражду к большевикам[47]. Опасаясь изуверного озлобления против оставшихся в городе большевиков, я попытался разъяснить в местной газете, что у нас в Полтаве казнили по большей части только бандитов. Конечно, я не мог защищать бессудных казней даже для бандитов. Но все-таки я имел основание указывать, что у нас советские власти проявили сравнительную умеренность, и всюду, где мог, призывал к тому же деникинцев. Теперь этого аргумента в пользу общего смягчения жестокостей междоусобия, на случай новой перемены, у меня уже нет и я с отчаянием вижу, как безоглядная жестокость водворяется даже там, где недавно ее не было. Не перестану повторять до смерти: устраните хоть бессудные казни. Это неизгладимый позор для нашего отечества и для самой революции.

Возвращаюсь на минуту к делу мельников. Все отзывы о них, в том числе отзывы рабочих, самые лучшие. Они казнены за спекуляцию, т[о] е[сть] за то, что хлеб для помола покупали не по одной твердой цене. Но если бы держаться твердых цен, т[о] е[сть] заставить покупать хлеб втрое, вчетверо дешевле его действительной цены теперь, когда деревне приходится платить сто или полтораста рублей за одну иголку, то никакими казнями вы не выманите хлеб для города. Невольно вспоминается одна петиция парижских рабочих Конвенту в дни великой франц[узской] революции. Очнувшись от угара красного террора, вызванного м[ежду] прочим дороговизной,— они писали Конвенту: «Мы просим хлеба, а вы пытаетесь накормить нас казнями». Тогда тоже казнилиАроновых и Миркиных, но гильотина не помогла, и в ней пришлось разочароваться. Можно ли думать, что расстрел сможет успешнее регулировать цены?

Да, я пишу это письмо с глубоким отчаянием в сердце. Мрак этот уже надвинулся, а средств борьбы я не вижу. Прежде мне удавалось кое-чего добиться и через местные власти, и при Вашем вмешательстве. Теперь местные власти далеко превзошли те случаи, которыми тогда вызывались мои обращения, а Вы... Вы как будто все больше закрываете слух перед призывами к умеренности и человечности. А между тем тучи сгущаются перед новой грозой, которую меры советской власти только ускоряют.

Ну, что делать! Мне, пожалуй, глядеть на это уже поздно, но надеюсь, что до конца дней мой слабеющий голос будет отстаивать те же начала правды, на которых по-настоящему покоится сама революция.

В заключение позвольте пожелать Вам всего хорошего в истинном смысле. Вспоминаю при этом о том времени, когда я, Вы и Геря были еще во многом и главнейшем согласны.

Вл. Короленко

P. S. По городу разнесся слух (пока только слух для меня), что в числе 5 расстрелянных с Ароновым был священник Сретской церкви Полиевкин Радченко. Кроме того, уже несомненно арестован свящ[енник] Богоугодного заведения (больницы) Герасим Тарасенко и сын. Кроме того, несомненно арестован свящ[енник] Николаевской церкви Гавриил Коваленко. Молва, встревожившая свыше меры, говорит даже о предстоящих расстрелах священников.

Прибавлю, что за $1\frac{1}{2}$ недели до расстрела Аронова губисполком писал в ЧК о том, что, по заключению юрисконсульта, необходимо или освободить Аронова, или передать дело его в ревтрибунал.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 44—45.

19

Я собрался написать Вам, Христиан Георгиевич, длинное и обстоятельное письмо по поводу того, что происходит у нас в Полтаве, но содержание его и характер тех событий, которых оно должно касаться, до такой степени меня волнуют, что я вынужден отложить его на время, когда хоть несколько придет в равновесие мое настроение. Поэтому поневоле буду краток.

Я Вам уже писал, что у нас предстояло решение судьбы лиц, привезенных из Миргорода и обвиняемых в так наз[ываемом] миргородском заговоре. Писал также, что среди них есть три гимназистки: Лященко, Пищалка и Приступа, девушки (или, вернее, девочки), из которых старшей 18 лет. Теперь дело это уже решено, конечно, не судом, а чрез[вычайной] следственной комиссией, которая считает себя вправе постановлять приговоры к смертной казни! Я уже протестовал против этого перед местными властями и получил любезный ответ, что дело передано в Харьков. Но теперь известно, что оно уже решено: в ночь с субботы на воскресенье (2-го — 3-го июля) 12 человек уже расстреляны по решению ЧК. В том числе казнены: Лагурец и Пучко, по общему отзыву их знавших несовершеннолетние, и одна из девушек, о которых я писал,— гимназистка Пищалко, вдобавок душевно неуравновешенная.

Прибавлять к этому нечего. Даже при царской власти стеснялись казнить детей, да еще «в административном порядке» без суда. Ныне в Украинской Республике такое административное детоубийство уже приобретает характер «бытового явления». Так как у нас нет органов гласности, в которых я мог даже при царской власти протестовать против тогдашней эпидемии смертных казней, то я вынужден ограничиться этим письмом к Вам.

Прошу Вас принять Виктора Германовича Рикмана, который может дать Вам, если Вы пожелаете, более подробные сведения о том, что происходит в Полтаве.

Желаю Вам истинно хорошего.

Вл. Короленко

6 июля 1920 г.

Виктор Германович Рикман до последнего времени работал в Полит[ическом] Кр[асном] Кресте [48] вместе с Прасковией Семеновной.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 46.

20

Дорогой Христиан Георгиевич,

Вчера мне сообщили о телеграмме, полученной, по Вашему распоряжению, полтавскими властями с запросом о моем здоровье и с предложением облегчить мне в случае надобности поездку в какую-нибудь санаторию или даже на Кавказ. Очень благодарю Вас за это участие, но в таких экстренных мерах нет надобности. Я болен давно и хронически (сердцем), в настоящее время особенного обострения нет, а истинное спокойствие...— где его найдешь теперь? Поэтому еще раз — очень Вам благодарен за участие, но повторяю: ни в каких экстренных мерах надобности не предстоит [49].

Этой личной благодарностью я хотел бы ограничить свое письмо, но... приходится кстати сказать еще несколько слов по одному общественному делу. Я, как Вам известно, участвовал в основании (еще при директории) Лиги спасения детей и состою ее почетным председателем [50]. Главным ее делом было устройство на Украине колонии для великорусских детей. Когда советские власти вынуждены были в прошлом году эвакуироваться из Полтавы, то все дело колоний было передано сов[етскими] властями в руки нашей Лиги. Теперь, по уверению здешнего комздрава Волкового, центральные власти поставили будто бы на очередь вопрос о закрытии Лиги, как общественного учреждения, в содействии которого советские власти не нуждаются, и (по официальному заявлению комздрава Волкового наркомздрав Гуревич [51] уже два раза спрашивал его — закрыта ли полтавская Лига. Я никак не могу понять, чем вызвано такое отношение к Лиге? Теперь, конечно, ее работа сильно сократилась, но и теперь она ведет несколько учреждений, польза которых не подлежит спору. Ее швейная мастерская обшивает приюты и ясли, ее игрушечная мастерская снабжает игрушками все детские учреждения и вырабатывает модели для руководительниц детских садов, очагов и т. д. Ее отдел снабжения заготовил и, по рецептам врачей, распределил во время сильной эпидемии дизентерии огромное количество препаратов для детского кормления, как муку Нестле, белковое молоко, крахмал и т. д.

Теперь комздрав Волковой заявил в офиц[иальном] заседании, будто в харьковских газетах он видел декрет о закрытии Лиги повсеместно. Откуда такое предубеждение против учреждения, которое, возникши по общественной инициативе, кроме большой пользы, ничего не приносило. Лучше ли поведут дело чисто бюрократические учреждения,— большой вопрос. Неужели это еще один признак бюрократизации, преобладания чиновничества? Здесь, на месте, это чувствуется сильно. Необходимо выяснить — и чем скорее, тем лучше,— действительно ли это мертвящее веяние идет из центра. Затем жму Вашу руку и желаю всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко

10 августа 1920

Во время Вашего отсутствия я послал когда-то письмо Александре Георгиевне. Надеюсь, она его получила? [52]

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 48.

21

Дорогой Христиан Георгиевич,

Михаил Ильич Перцович передаст Вам это письмо и расскажет Вам о деле, волнующем теперь у нас весь город. Опять дело о расстреле нескольких человек и о борьбе посредством расстрелов со спекуляцией и взяточничеством. И спекуляция, и взяточничество — явления, конечно, отвратительные, но попытка бороться с ними не широкими разумными мерами, а казнями еще отвратительнее и главное — бесцельна. Жизнь берет свое обходными путями. Тов. Перцович расскажет Вам об обстоятельствах, сопровождающих это дело, которые быть может склонят Вас воспротивиться бесцельной казни. Чтó можно сделать в таком деле испугом,— по-моему немного,— уже сделано, и если где бы то ни было возможно предупредить пролитие крови, на которое наше время так щедро, то я надеюсь, что Вы употребите на это свое влияние.

Ваш Вл. Короленко

13 августа 1920 г.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 49.

22

Дорогой Христиан Георгиевич,

Еще одно письмо прибавляется к длинному ряду моих писем, которые Вам наверное уже надоели. Что делать! Такова судьба и моя, [и] Ваша. Вы делаете свое дело, мне приходится давать исход своей писательской и гражданской совести в бесплодных, может быть, письмах и протестах.

На этот раз прошу внимания к рассказу Бориса Сергеевича Стопневского. У нас арестовали (как видно, чекисты) Михаила Дмитриеви-

ча Токаревского — это человек выдававшийся своей общественной деятельностью. До революции был преследуем, сидел в тюрьмах, ссылался. После революции был председателем губернской земской управы и городским головой. Последние года 1½ занимался только кооперативами, заведывал между прочим культурно-просветительным отделом полт[авской] спілки споживчих товариств *. Никто здесь и не смотрит серьезно на его арест: подержат и выпустят, как прежде держали ни за что жандармы. Не впервой. Беда только в том, что Токаревский — человек серьезно больной (у него начало туберкулеза) и для него эта маленькая ошибка может стоить жизни. Просьба состоит в том, чтобы Мих[аила] Дмитриевича Токаревского отпустить до разъяснения ошибки на поруки.

Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко

21 авг[уста] 1920 г. Полтава

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 50.

23

Дорогой Христиан Георгиевич,

Софья Даниловна Трегуб (или, быть может, Александра Платоновна Пономарева, если Софье Даниловне не удастся получить из ЧК пропуск,— что не всегда удается) передаст это мое письмо, касающееся ареста моего доброго знакомого Константина Ивановича Товкача. Арестован он не по распоряжению ЧК, а по уполномочию особого отдела, данному товарищу Капустянскому производить обыски и аресты лиц подозрительных. Конст[антин] Иванович Товкач навлек подозрение очевидно тем, что он — украинский уроженец, во-1-х, и, во-2-х, является заметным общественным деятелем (был председателем гор[одской] думы). На вопрос жены (которая за временным отсутствием мужа была арестована, как заложница), за что постигает арест ее мужа,— тов. Капустянский ответил, что он подлежит аресту за саботаж, так как не явился на службу после отпуска, кончившегося 8-го августа. Но это — явное недоразумение, так как, служа в обществе «Хуторянин», он был официально уволен губземотделом. Он служил по выбору общего собрания, и, по-видимому, сменить его могло общее собрание. Но, чтобы не создавать лишнего конфликта, он подчинился решению губземотдела, о чем и подал официальное заявление. Таким образом, причина, выставленная товарищем Капустянским, отпадает. Мне известно, что уже сравнительно давно Конст[антин] Иванович Товкач удалился от всякой партийной работы, занимаясь только работой профессиональной, и никаких действительных (хотя бы отдаленно) поводов к аресту подать не мог. Остается только украинство [53] и видная (бывшая) общественная деятельность, делавшая его своего рода «неблагонадежным». Неужели этого достаточно?

Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко

31 авг[уста] 1920 г.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 51.

24

Дорогой Христиан Георгиевич,

К письму о докторе Тюрьморозове [54] и о явной ошибке советского правосудия присоединяю теперь письмо более общего значения. Вы, вероятно, помните, как мы говорили во время Вашего посещения Полтавы о расстреле заложников. Я доказывал полную недопустимость и даже бесполезность этого остатка варварства средних веков, которым даже во время войны обе стороны пользовались лишь для взаимных попреков, а не для действительного употребления. Вы и Ваши товарищи возражали, но согласились в конце концов с тем, что меру эту если можно применять, то лишь с крайней осторожностью. С стесненным сердцем, мне пришлось прекратить возражения [55].

И вот у нас это уже началось. В полтавских «Известиях» от 30 сентября тек[ущего] года (№ 99) напечатан угрожающе длинный список расстрелянных (36 человек) и в том числе (под № 9) помещены фамилии Вовка, Гаврася и Штефана, расстрелянных по официальной мотивировке «в качестве заложников за своих сыновей, ввиду непрекращающихся бандитских выступлений в данной местности». О собственной вине этих отцов ничего не упоминается.

В таком деле стоит только начать. Затем в силу вступает возрастающая инерция жестокости, бюрократическая рутина и варварская практика растет, ширится, создавая собственную традицию. И я уже знаю случаи такой «неумеренности» в применении заложничества, которые способны возмутить всякую душу. На одну и ту же семью обрушивается возможность таких казней заложников без конца. Я привел выше расстрел Штефана-отца за сына. Казалось бы, этого не только достаточно, но и слишком много. Но этим варварский обычай у нас не удовлетворяется. Когда отец был уже арестован и сидел под угрозой расстрела, то разыскиваемый сын явился добровольно, чтобы его выручить. Местный военный комитет выдал ему бумагу о добровольной явке и с этой бумагой отправил его, без конвоя, в Полтаву. Здесь он пришел к дяде, брату Штефана-заложника, Федору Архиповичу Штефану. Тот, разумеется, мог только посоветовать племяннику пойти с бумагой в чрез[вычайную] комиссию. Разумеется, усердствовать более, чем военный комитет, и хватать племянника лично у этого дяди не было причины. Но дезертир Штефан раздумал и в ЧК не явился, а скрылся из Полтавы. Отца расстреляли, а затем призвали дядю и потребовали доставить племянника сначала в трехдневный срок, а потом в недельный. Не говорю уже о крайней безнравственности такого приема, когда власть свою обязанность по ловле преступника возлагает на его близких родственников, превращая их в своих сыщиков. Но...— податлив русский человек! — дядя Штефан, под угрозой расстрела, все-таки отправляется на поиски, ищет по-видимому усердно, о чем имеет свидетельство местных властей и, разумеется, не находит. Сын не явился для спасения отца, неужели он явится для спасения дяди (с которым он вдобавок имеет очень мало общего!). Мне случилось говорить с этим дядей после того, как ему повторили, что он может быть расстрелян, если племянник не найдется. На меня он призвел впечатление совершенно лояльного относительно советской власти человека (м[ожет] быть, даже слишком лояльного), и я в этом разговоре выразил уверенность в невозможности такого варварского и бессмысленного вдобавок расстрела. Теперь этот дядя, Федор Архипович Штефан, вероятно, ждет своей участи в ЧК юго-зап[адного] фронта (от тов. Капустянского?). Неужели я ошибся и чудовищное дело все-таки возможно?!

Теперь второй случай из мне известных (а сколько мне неизвестных!). Под Полтавой, верстах в 5-ти, есть село Яковцы. В этом селе жил крестьянин Григорий Владимирович Белоконь, натура артистическая, гармонист, песенник, участник любительских спектаклей, душа всякого общества. Около двух месяцев назад случилось убийство коммуниста. Никому не приходит в голову мысль даже о соучастии Белоконя в этом убийстве. Убийца уже известен властям. Но — он жил в

* Союз потребительских обществ (*укр.*).

Яковцах, а Белоконь тоже жил в Яковцах. Его арестовали и заявляют, что он будет расстрелян, если убийца не найдется. Опять — какой смысл в этой варварской жестокой угрозе. Если уже сын Штефана не явился для спасения отца и допустил его расстрел, то можно ли думать, что убийца коммуниста явится, чтобы спасти приятного человека, которого встречал на вечерницах.

Из этих примеров видно, что обычай, который я считаю варварским и бесполезным,—только доказывает в применении все свое варварство и бесполезность. Я считаю, что он только глубоко вреден с вашей же точки зрения, потому что вооружает ваших противников справедливым негодованием населения. Неужели это будет продолжаться, шириться, расти?

Желаю Вам всего хорошего.

Вл. Короленко

12 окт[ября] 1920 г.

P. S. Мне известны в самое последнее время случаи, когда отцы под угрозой расстрела, конфискации всего имущества и сожжения хаты — отправляются на поиски сыновей. Даже в случае порой успешности таких поисков,— едва ли можно поздравить с такими отдельными успехами какую бы то ни было власть. Я очень прошу сделать это мое письмо известным и другим Вашим товарищам.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 52—53.

25

Дорогой Христиан Георгиевич,

Письмо это передаст Вам Яков Степанович Дорошенко.

Дочь его, Софья Яковлевна, по муже Беневская, арестована 6 октября особым отделом юго-зап[адного] фронта. Служила секретарем в Губкоже, зарабатывала себе этим средства для себя и для двух детей. В Полтаве живет с 1905 года. Мне хорошо известно, что политикой она никогда не занималась. После ареста до 28 октября никаким допросам не подвергалась, а 29-го вывезена в Харьков, очевидно, без расследования и, по-видимому, без допроса, что особым отделом делается часто.

По-видимому, вывоз в Харьков еще ничего особого не представляет [56]. Но если принять к сведению, что перед этим сажают и держат в холодных и голодных тюрьмах, затем везут в не менее холодных «теплушках», затем держат в тюрьме в Харькове и порой высылают на север, если прибавить к этому, что Беневская — мать двух детей,— то Вы согласитесь, что для всего этого нужны хоть какие-нибудь основания. В данном случае их не было. Вообще особый отдел ю[го] — зап[адного] фронта отличается в этом отношении особой щедростью. Бывали случаи, когда людей высылали таким образом только за отказ поступить в агенты [57]. Буду очень благодарен за внимание к просьбе Дорошенка.

Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко.

2 ноября 1920 г.

(См[отри] на обороте).

P. S. В письме ко мне, с которым обратились ко мне рабочие и сослуживцы Беневской, за полной безнадежностью других обращений, говорится:

«В течение трех лет совместной службы мы убедились, что это человек глубоко честный, труженик безукоризненный. О политической деятельности говорить не приходится совершенно, так [как] все свободное от службы время она посвящала детям. Занятая службой и семейными обязанностями, была далека не только от политики, но и от общественной деятельности, и мы убеждены, что ее арест произведен по доносу, ни на чем не основанному».

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 54.*

26

Дорогой Христиан Георгиевич,

По делу осужденного Киевским ревтрибуналом И. Я. Цейтлина киевский Бунд ходатайствует о замене наказания отправкой на фронт. С этим ходатайством едет в Харьков жена осужденного Анна Михайловна Цейтлин, и я с своей стороны прошу внимания к ней.

Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко.

5 ноября 1920

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 55.

27

Дорогой Христиан Георгиевич,

Дочь моя Софья [58] едет сегодня или завтра в Харьков по делам «Лиги спас[ения] детей», и я хочу воспользоваться этой поездкой, чтобы написать несколько слов не по делам Лиги.

На днях увезли отсюда Нестора Романовича Левченка, фельдшера, работавшего по переселенческой организации, а в последнее время служившего «спілке»**. Я считаю, что кооперация является настоящей переходной ступенью от буржуазного к социалистическому строю. Дело, однако, не в этом, а в том, что Левченка увезли отсюда без допроса, без расследования, даже, кажется, не предъявив никакого обвинения. Теперь у нас это делается часто. Это, конечно, легче, чем бережно относиться к свободе стольких людей, которые, быть может, совсем не заслуживали ареста, тюрьмы, этапов. «Там разберут»,— это старинное русское правило, когда приходилось хватать русского гражданина за шиворот. На этом зиждилась когда-то вся административная ссылка.

Так вот, я и прошу Вашего внимания к судьбе таких административно высылаемых вообще, к судьбе Н. Р. Левченка, в частности.

Затем желаю всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко

11 ноября 1920 г.

P. S. Вчера встретил на улице одну из той стайки французских гувернанток, о которых писал Вам как-то ранее [59]. Они получили право выезда и очень благодарят Вас. Но при этом новое горе. Местные власти ограничивают выдачу таких разрешений только француженками, а, например, швейцарки таким разрешением воспользоваться не могут. И вот, я знаю такую швейцарку, которая грустно провожает взглядом улетающую стайку своих товарок, но присоединиться к ней не может. Нельзя ли было бы дать соответствующее разъяснение?

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 56.

---

* В верхнем левом углу листа надпись рукой Короленко: «Дело «Визволення Украины». Визволення — освобождение *(укр.)*.

** Союз *(укр.)*.

28

Дорогой Христиан Георгиевич,

О деле, служащем предметом настоящего моего обращения к Вам я уже писал товарищу Капустянскому — уполномоченному юго-зап[адного] фронта. Дело это — ничем не объяснимый арест кооператора Сергея Александровича Фесенка. Личность и деятельность С. А. Фесенка мне, как профессиональному наблюдателю (публицисту) полтавской жизни, хорошо известна. Поэтому я послал тов. Капустянскому заявление, прося присоединить его к делу. Таким образом при деле должно находиться все, что я имел показать, и я повторяться не стану. Там же я просил отпустить С. А. Фесенка на мое поручительство. Теперь он отослан в Харьков, и это столь же основательно, как многое, что делалось прежде, делается с свободой людей в административном порядке, без всякого пристального расследования.

Моя убедительная просьба состоит в том, чтобы дело Фесенка было рассмотрено внимательно, а тогда, я уверен, он будет освобожден.— Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко

18 ноября 1920 г. Полтава, М. Садовая № 1

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 57.

29

Дорогой Христиан Георгиевич,

Присоединяю свою горячую просьбу к просьбе уважаемого Ив. Ив. Горбунова-Посадова [60]. Какой в самом деле вред советской власти может принести старая больная женщина и не гораздо ли больший вред принесет известие, что органы сов[етской] власти замучили в застенках шестидесятилетнюю любимую племянницу Л. Н. Толстого. Не надо быть контрреволюционером, можно быть даже коммунистом, и все-таки такое известие отзовется в сердце каждого самым неблагоприятн[ым] для сов[етской] власти образом. Поэтому я надеюсь, что просьба Ив. Ив. Горб[унова]-Посадова найдет живой отклик в Вашем сердце. Желаю Вам всего хор[ошего], в том числе исполнения хорошего дела.

Ваш В. К[ороленко]

29 дек[абря] 1920

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 46, д. 11, л. 13.

30

Дорогой Христиан Георгиевич,

Из прилагаемой при этом копии моего письма к тов. Драголюку, исполняющему теперь должность председателя губ[ернского] исполкома [61], Вы увидите, в чем дело. Дело в страшном злоупотреблении провокацией, которое не может потерпеть ни одна уважающая себя власть. Дело разбирается в Ч. К. сегодня и возможно, что Ч. К. признает это дело подсудным себе в административном порядке и, может быть, завтра важнейшие подсудимые будут расстреляны. Если бы это случилось, то сущест[вующая] власть понесет страшный моральный урон. Только разбирательство в ревтрибунале может восстановить дело в его истинном характере и размерах. Иначе будут говорить (не без основания), что казнь административным порядком только прикрывает злоупотребление самой власти.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко

27 янв[аря] 1921 г.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 46, д. 11, л. 33.

31

Дорогой Христиан Георгиевич,

Митрофан Семенович Дудченко, по убеждениям христианин, отправляется в Харьков и желал бы повидаться с Вами. Он живет чисто трудовою жизнью, близок к народу и, думаю, мог бы рассказать Вам кое-что небезынтересное и для Вас. Зная о моем личном давнем знакомстве с Вами, он обратился ко мне с просьбой облегчить ему возможность повидаться с Вами, что я охотно и исполняю.

Будьте добры, скажите Митрофану Семеновичу,— верен ли недавно слышанный мною слух, будто общий наш приятель Геря-Доброджану умер?

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко

5 февраля 1921 г.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 58.

32

Дорогой Христиан Георгиевич,

Посылаю Вам, во-1-х, Переяславское Объявление, из которого Вы убедитесь, что представители советской власти санкционировали переяславскую провокацию [62]. Теперь по этому делу арестован в Полтаве член переяславского политбюро [63] Шаров и его семья, а затем, как передают из Переяслава, там арестованы также и заведующий Политбюро Зайцев и его жена. Как видите, гнусный прием провокации не остался без влияния на допустивших его представителей советской власти. Теперь еще более необходимо провести это дело через Рев[олюционный] трибунал при свете гласности. Затем посылаю Вам также копию моего письма к председателю Полт[авской] Ч. К,. из которого Вы увидите, до какой степени легко отношение Ч. К. к человеческой жизни и как необходимо положить этому предел какой-нибудь общей мерой.

Завтра с этим письмом увозят также многих украинцев, о которых я Вам писал. Поручительство мое и многих коммунистов не оказало никакого действия.

Правда ли я слышал, что будто Геря-Доброджану умер?

Желаю Вам всего хорошего.

Вл. Короленко

Полтава 15 февраля 1921 г.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 59.
Машинопись, пожелание и подпись — автограф.

Приложение.

Председателю Полтавской губернской чрезвычайной комиссии.

Мне хочется высказать несколько мыслей, которые не дают мне покоя вообще, а с некоторых пор особенно угнетают мое настроение и занимают мой ум. Особенно не дает мне покоя один случай. Это — рас-

стрел Гр. Гр. Вяткина, бывшего жандарма (список, появившийся в «Известиях» 24 декабря истекшего года). О причинах его расстрела говорится только:

«Вяткин Григ[орий] Григ[орьевич], 43 л[ет], гр[ажданин] Вятской губ[ернии], Яранского уезда, Кудиновской вол[ости,] дер[евни] Бебенинская за службу при царском режиме жандармом и за хранение оружия без надлежащего разрешения».

Итак, этот человек расстрелян, как бывший жандарм. Нельзя же расстрелять человека только за то, что он не спросил разрешения на какой-нибудь револьвер. Я считаю себя повинным в смерти этого человека, хотя расстреляли его вы, а не я. Но у меня были его родные, и я их успокоил,— тогда как мне надо было поднять усиленную тревогу и напрячь все силы для его спасения. Но мне казалось чудовищным, чтобы его могли расстрелять: ведь со времени его службы жандармом прошло 12 лет! С тех пор он жил в деревне и занимался сельскохозяйственным трудом. Этот выход с жандармской службы делает ему только честь. Вам в Ч. К. были представлены отзывы односельцев, которые (как и мне) единогласно удостоверяли, что Вяткин был честный труженик и ничего более.

И все-таки вы административным порядком его расстреляли, и я при этом успокаивал его близких! Этого случая я никогда себе не прощу и никогда его не забуду. В моей молодости я много скитался по свету и вольно и невольно. В своих воспоминаниях мне приходится много раз отмечать «хороших людей на плохих местах». Одного из таких несомненно хороших людей, отказавшегося вдобавок от звания жандарма при царе двенадцать лет назад, вы казнили, и я, успокаивая его родных, принял часть вины за совершение этой казни из доверия к тому, что даже и в Ч. К. не казнят несомненно невинного человека, не выступающего ни бандитом, ни контрреволюционером.

Все это я говорю потому, во-1-х, что этот случай не дает мне покоя, а, во-2-х, потому, чтобы указать вам, до какой степени Ч. К. порой легко относится к человеческой жизни. У меня есть слабая надежда, что эта смерть несомненно невинного человека в состоянии навести на размышления об осторожности в вопросах, касающихся человеческой жизни. Об этой осторожности я и прошу теперь вообще и в частности относительно Ивана Гермогеновича Лубеного, священника, обвиненного в контрреволюции. Дело его закончено и должно, вероятно, на днях поступить в «коллегию». Если перечислить все, что его семья (жена и дети) натерпелись за это время, то, я думаю, что этого слишком достаточно, чтобы не прибавлять к этим страданиям еще казни близкого человека. Впрочем, быть может, о казни нет и речи, но он священник, как Вяткин — бывший жандарм, и это заставляет относиться с тревогой к его участи.

Может быть, Вы найдете нелишним прочесть в коллегии это мое письмо.

Вл. Короленко

Полтава 15 февраля 1921 г.

P. S. Считаю нужным добавить, что свящ[енник] Лубяной болен сыпным тифом и, по отзыву сестры милосердия, едва ли сможет оправиться.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, лл. 59—60.

Машинопись; пожелание и подпись в тексте письма, подпись и постскриптум в приложении — автограф.

Дорогой Христиан Георгиевич,

На сей раз пишу Вам по просьбе прихожан здешней римско-катол[ической] церкви. Их священник арестован уже неск[олько] месяцев назад и содержится в конц[ентрационном] лагере под Полтавой. Они уже несколько раз подавали просьбы о его освобождении, но до сих пор безуспешно. Между тем с этим вопросом связаны значит[ельные] духовные интересы. А катол[ический] священник здесь один не только на Полт[авскую] губ[ернию], но и на соседние, напр[имер] на Кременчугскую. Так как некому исполнять духовные требы, то из такого положения истекают для многих большие духовные мучения. Многие склонны смотреть на это как на предрассудок, к которому отношение может быть только ироническое. Но кажется, что это большая ошибка. Если для неверующего человека тут есть только «предрассудок», то для всех, знающих, что такое веротерпимость и сколько времени потребовалось на то, чтобы воспитать ее в обществе, тут есть нечто, что должно быть святым для всякого, кто воспитал в себе истинное восприятие свободы.

Представители католического полтавского очень обширного прихода выяснят Вам все значение для них этого вопроса. И я надеюсь, что если не вопросы католической веры и ее оценки, то вопрос о веротерпимости найдет должный отклик у советской власти.

7 марта 1921 г.

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 46, д. 11, лл. 47—48.

34

Председателю Совнаркома тов. Раковскому
От Полтавского Красного Креста

Заявление

По дошедшим до нас сведениям, трудно поддающимся проверке, которые, однако, подтверждаются упорными ходящими по городу сведениями, 2-го июня была расстреляна группа лиц по постановлению коллегии при Губчека. Высшая мера применена к этим лицам без санкции Высшего Правительства, в нарушение уже изданных циркуляров. Таким образом, обвиняемые были лишены гарантии, которая признана за ними Советским правительством. Общественное мнение этим сильно взволновано. По мнению многих лиц, знавших отдельных обвиняемых из группы казненных, они не заслуживали этой меры наказания. Другие были настолько молоды, что, вероятно, Высшая власть посмотрела бы на их поступки с более человечной точки зрения. Судьба третьей категории лиц была решена будто бы не без некоторой доли личного пристрастия, к чему подало естественный повод нарушение закона...

Ввиду устранения возможности повторения подобных фактов, мы просим Высшее Правительство сделать надлежащее подтверждение о том, чтобы приведение приговоров высшей меры наказания без санкции Цукчрезкома не практиковалось более.

Почетный председатель Вл. Короленко

Председательница П. Ивановская

15 июня 1921 год

ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 63, л. 61. Рукопись неизвестного лица. Подпись Короленко — автограф. Подпись П. С. Ивановской сделана также его рукой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Хлеборобами» на Украине в годы гражданской войны именовали группу националистических политических организаций консервативного характера. Наиболее известная из них — партия хлеборобов-демократов, продолжавшая действовать в эмиграции и выступившая с инициативой объединения «хлеборобских» организаций в Союз хлеборобов Украины (1920 г.).

[2] Гацисский А. С. (1838—1893) — литератор, статистик, этнограф, председатель Нижегородской ученой архивной комиссии. Под его редакцией был издан «Нижегородский сборник» в 10-ти томах с обширным фактическим материалом. В связи с 50-летием Гацисского Короленко выступил с речью на юбилейном вечере (ЦГАЛИ СССР, ф. 234, оп. 2, д. 14, лл. 1—2). После смерти Гацисского Короленко опубликовал статью «Из истории областной печати (Памяти А. С. Гацисского)», («Русские ведомости», 18, 26.XI; 8.XII.1894). В статье рассматривались общественные взгляды и научные заслуги Гацисского.

[3] Имеется в виду статья Короленко «Бытовое явление», направленная против смертной казни, которая, по его словам, вошла, «как хозяйка, в дом русского правосудия». Помещенная впервые в журнале «Русское богатство» (1910, №№ 3, 4), статья получила широкий резонанс, была перепечатана в ряде стран. На нее откликнулись Л. Н. Толстой, А. М. Горький, К. И. Чуковский и многие другие писатели и общественные деятели.

[4] Мишле Ж. (1798—1874) — французский историк, автор «Истории Франции» (17 тт.) и «Истории Французской революции» (7 тт.). Видел свою главную задачу в раскрытии психологии французского народа, стремился реконструировать его прошлое с помощью художественных средств.

[5] Горнфельд А. Г. (1867—1941) — литературовед, сотрудничал в журналах «Русское богатство» (был членом редколлегии), «Журнал для всех», «Восход». Автор статей по теории литературы (см. Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. Л. 1924).

[6] Доброджану-Геря (Кац) К. (1855—1920). В юности участвовал в российском народническом движении. В 1875 г. эмигрировал в Румынию, где стал марксистом и одним из основателей и идеологов румынского социалистического движения. Автор многочисленных трудов по проблемам истории, социологии и литературоведения. Способствовал пересылке марксистской литературы из Западной Европы в Россию.

[7] Сведения о семье Зарифопулов отсутствуют. Известно лишь, что Зарифопул (или Зарифопол, как его называл Раковский) в октябре 1918 г. находился в России. 4 октября 1918 г. Раковский писал Короленко: «Зарифопол и моя супруга отправляются лишь завтра из Одессы. Там они застряли из-за «испанки» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 4).

[8] Раковская А. Г. (1875?—1946?) — супруга Раковского, учительница математики, деятельница румынского рабочего движения. Выступала в румынской социалистической печати, а затем в изданиях румынских интернационалистов в Советской России под псевдонимом Иляна Праля (Presa muncitorească şi socialista din România. Bucureşti. 1968. Vol. II, part. II, p. 546). Оказывала большую помощь Раковскому в его государственной и общественно-политической деятельности. Находилась вместе с ним в ссылке в Астрахани, Саратове и Барнауле (1928—1934). В 1943 г. арестована в Ташкенте и приговорена к пятилетнему заключению. Скончалась в лагере.

[9] Короленко Евдокия (Авдотья) Семеновна (1855—1940) — жена Короленко. Участница народнического движения. На протяжении всей совместной жизни (1885—1921) оказывала помощь Короленко в переписке, ведении архива и т. д. Весной 1919 г. находилась на лечении в Одессе и оказалась отрезанной от Полтавы, где жил писатель, линией фронта.

[10] Мирра — секретарь Раковского как председателя СНК УССР.

[11] Мельгунов С. П. (1879—1956) — русский историк и публицист, автор трудов по истории церкви и общественных движений в России. В 1920 г. приговорен к расстрелу по делу «Тактического центра». В 1921 г. амнистирован. Осенью 1922 г. выслан за границу. В связи с арестом Мельгунова советскими властями в Москве Короленко уже осенью 1918 г. хлопотал о его освобождении. 4 октября 1918 г. Раковский написал Короленко, что занимается этим делом (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 2), а вслед за этим телеграфировал: «Прошу верить, что с моей стороны все будет сделано для облегчения его участи» (там же, л. 10).

[12] Торговéц В.— участник революционного движения в Румынии, политэмигрант в СССР. В 1918 г. работал вместе с Раковским. В январе 1919 г. стал вторым секретарем Временного рабоче-крестьянского правительства Украины.

[13] 30 апреля 1919 г. Раковский телеграфировал Короленко: «Стороной узнал, что Вам чинятся неприятности. Председателем ЦИК Петровским и мною даны телеграммы [о] прекращении всяких притеснений. Лично настаиваю, как друг, поехать [в] Крым на поправку здоровья. Сообщите, чтобы сделать необходимое распоряжение». На телеграфном бланке рукой Короленко записан текст его ответа от 3 мая: «Никаких телеграмм [с] жалобами на неприятности моя семья не посылала. Мелкие случаи устраняются местными же властями. На предложение петербургского издательства отвечаю Вам письмом. Благодарю Вас за внимание. Короленко» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 13). За три недели до этого, 14 апреля, Короленко получил охранное свидетельство на квартиру (Негретов П. И. Ук. соч., с. 102).

[14] Еще 23 января 1919 г. Раковский писал Короленко: «Наши красноармейские командиры относятся к Вам с величайшим уважением и любовью» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 18).

[15] Телеграмма Короленко Раковскому о бессудных казнях не обнаружена.

[16] Полтавская газета подробно информировала о деле Софьи и Виктора Ильинских, оправданных революционным трибуналом (Известия, 3.V.1919).

[17] Ивановская П. С. (1853—1930) — сестра жены Короленко, активная участница народнического движения в России. Была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В 1906 г. эмигрировала в Румынию к брату. Возвратилась в Россию в начале первой мировой войны. Жила в семье Короленко. В 1919—1920 гг. — председательница полтавской организации Красного Креста.

[18] Видимо, имеется в виду не сохранившаяся телеграмма о бессудных казнях. В ответ Раковский телеграфировал: «Мне сообщено, что Сподин освобожден» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 11). Вскоре Раковский писал Короленко: «Могу Вас уверить, что ни один указанный Вами случай не остается мною не расследованным» (там же, л. 19).

[19] 3 мая 1919 г. Раковский телеграфировал Короленко: «Издательство при Петербургском исполкоме просит Вас дать согласие на издание ряда Ваших произведений. В случае принципиального согласия телеграфьте мне. Об условиях с Вами снесется петербургское издательство. Жду ответа на мою последнюю телеграмму. Привет. Раковский» (ОР ГБЛ, ф 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 14).

[20] В конце апреля 1919 г. Раковский телеграфно сообщил Короленко о предложении Г. Е. Зиновьева издать ряд произведений писателя и просил скорейшего ответа (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 12).

[21] В 1917—1922 гг. кооперативное издательство «Задруга» выпустило «Сочинения» Короленко. Вышли тома 1—6, 15—20 (тт. 15—17 совместно с издательством «Кооперация»).

[22] Харьковское общество распространения в народе грамотности (1869—1920) — общественная организация, работавшая не только в Харькове и губернии, но являвшаяся всероссийским методическим центром культурно-просветительной работы. Общество выступило инициатором издания Энциклопедии внешкольного образования (1910—1912), в 1915 г. провело всероссийский съезд по разумным развлечениям.

[23] В фонде Короленко телеграмма Раковского, связанная с бессудными казнями, не обнаружена. Видимо, речь идет о телеграмме, направленной местным властям.

[24] В ночь на 3 апреля 1919 г. в г. Миргороде имела место попытка вооруженного выступления против Советской власти. Во главе стоял бывший царский офицер Дубчак. 4 апреля мятеж был легко подавлен.

[25] Правильно Парасковеевка. В 1941 г. село было переименовано в Куликовку в честь Г. И. Кулика (см. прим. 27).

[26] 8 июня 1919 г. в связи с информацией Короленко о деле Сподина Раковский телеграфировал писателю: «Относительно Сподина сделан запрос [в] трибунал, на справедливость работы которого можно вполне полагаться» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 16).

[27] Имеется в виду Кулик Г. И. (1890—1950) — председатель ревкома с. Парасковеевка в январе 1918 г., затем организатор отряда «червоного (красного) казачества» в этом же селе. В дальнейшем занимал различные командные должности в Красной Армии. С 1939 г.— заместитель наркома обороны, Маршал Советского Союза (с 1940 г.). В марте 1942 г. разжалован в генерал-майоры. После войны вновь занимал командные должности, но затем обвинен во враждебной деятельности и расстрелян по сфабрикованному приговору. По поводу неблаговидной деятельности Кулика в Парасковеевке и Харькове Раковский писал Короленко 24 июня 1919 г.: «О Куликове назначено строжайшее следствие...» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 19).

[28] Попытка издания газеты «Знамя» — органа Харьковского комитета Украинской партии левых социалистов-революционеров (меньшинства) была предпринята в мае 1919 года. Удалось выпустить два номера (6 и 7 мая). Газета была запрещена местными советскими властями.

[29] Шабельская А. С. (1845—?) (настоящая фамилия Монтвид) — писательница, автор ряда романов. Печаталась в журналах «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русское богатство» и др. 24 июня 1919 г. Раковский писал Короленко: «Получил адрес Шабельской и распорядился, чтобы ей была оказана помощь» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 21).

[30] 24 июня 1919 г. Раковский сообщил Короленко об освобождении Базилевского и продолжал: «Но из дальнейших сведений, получившихся о нем, [я узнал, что он] вряд ли заслуживал освобождения» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 19).

[31] Носович В. П.— в 1912—1917 гг. сенатор, обер-прокурор Первого департамента Правительствующего сената. Получил известность, главным образом, благодаря следствию по делу В. А. Сухомлинова, во время которого были раскрыты вопиющие факты неподготовленности России к войне и коррумпированности военного министра. На судебном процессе выступал обвинителем и энергично требовал строжайшего приговора Сухомлинову.

[32] Рейнбот (Резвой) А. А. (1868—1918) — генерал царской армии. За административно-полицейский произвол в период, когда он был московским градоначальником (1906—1907 гг.), под нажимом общественного возмущения был уволен и отдан под суд. В 1911 г. приговорен к одному году заключения. Вскоре освобожден из-под стражи. В годы первой мировой войны командовал дивизией.

[33] Сухомлинов В. А. (1848—1926) — генерал, с 1909 г. военный министр. После неудач русской армии на фронте в 1915 г. снят с должности, а в начале 1916 г. арестован, затем переведен под домашний арест. После Февральской революции арестован вновь и обвинен в государственной измене. На суде в августе — сентябре 1917 г. обвинение не подтвердилось, но Сухомлинов был признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне и приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением. В 1918 г. был амнистирован и эмигрировал.

[34] Егоров А. И. (1883—1939) — советский военный деятель, Маршал Советского Союза (с 1935 г.). В 1917—1918 гг. — левый эсер, с 1918 г. — член РКП(б). В годы гражданской войны командовал армиями и фронтами. В 1931—1937 гг. — начальник Генерального штаба Красной Армии, в 1937—1938 гг. — первый заместитель наркома обороны. В 1938 г. обвинен во вредительстве и вскоре расстрелян.

[35] Слухи о том, что Короленко собираются сделать заложником при отступлении советских войск из Полтавы весной 1918 г., получили широкое распространение. Если такой замысел имел место, то он был пресечен Раковским, побывавшим в Полтаве как раз в это время. В газете «Известия» он писал: «Я разговаривал с председателем Полтавского совета Алексеевым и он категорически утверждал, что вопрос о заложничестве Короленко не только не обсуждался в совете, но и никогда не будет обсуждаться» (Известия, 6.IV.1918). Помимо весьма дипломатичного и двусмысленного характера процитированного выше заявления Раковского, надо иметь в виду свидетельство А. С. Новикова-Прибоя о том, что в первые месяцы после Октябрьской революции Короленко объявили контрреволюционером (Новиков-Прибой А. С. На крестьянском съезде.— Правда, 11.V.1990).

[36] В телеграмме Раковского Короленко от 6 июня 1919 г. говорилось: «Прошу сообщить конкретно о расстрелах. Не упускайте из виду погромную волну, которая, если не будет быстро пресечена, покроет страну тысячами невинных жертв. Всем известно, что происходило в районе, где господствовали временно григорьевцы (см. примеч. 38.— Г.Ч.) и петлюровцы» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 15).

[37] Боротьбисты — украинская партия левых эсеров. Образовалась в мае 1916 г. в результате раскола украинских эсеров. Получила название по имени своей газеты «Боротьба» («Борьба»). После Октябрьской революции приняла советскую платформу. В 1919 г. представители этой партии вошли в Советское правительство Украины. В марте 1920 г. приняла решение о самороспуске. Бывшие ее члены вступали в КП(б)У в индивидуальном порядке. Во второй половине 30-х годов руководители партии боротьбистов были репрессированы, большинство из них расстреляно.

[38] Григорьевцы — участники антисоветского восстания в южной части Украины в мае — июне 1919 г. во главе с С. Григорьевым, бывшим офицером царской армии и армий украинских националистических правительств, а затем командиром бригады и дивизии Красной Армии. После подавления восстания Григорьев бежал в ставку Н. И. Махно, где был убит.

[39] См. прим. 36.

[40] 20 июля 1919 г. Короленко записал в дневнике: «Раковский, к моему великому огорчению, поплыл уже по этому течению: киевские «Известия» то и дело печатают длинные кровавые списки расстрелянных без всяких действительных оснований» (Негретов П. И. Ук. соч., с. 119).

[41] С середины июля 1919 г. переписка Короленко с Раковским прервалась более чем на полгода в связи с тем, что 29 июля Полтава была занята деникинскими войсками. Освобождена она была 10—11 декабря. 18 февраля 1920 г. Короленко писал П. С. Ивановской: «Я вчера сделал, что мог: дал письмо к Раковскому, прося, чтобы он сделал все возможное, чтобы помешать казням по решению Ч. К.» (Негретов П. И. Ук. соч., с. 138). Это письмо обнаружить не удалось.

[42] Коцюбинский Ю. М. (1895—1937) — советский партийный и военный деятель. Член РСДРП с 1913 г., участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Член ЦК КП(б)У с 1918 года. В 1920 г. — член Полтавского губкома КП(б)У и губисполкома. В 20-е годы на дипломатической работе, затем заместитель председателя СНК УССР. Обвинен во вредительской деятельности, в частности в «украинском сепаратизме», и расстрелян.

[43] 16 мая 1920 г. Короленко записал в дневнике: «Расстрелы по решению Чрезвычайной комиссии возобновились» (Негретов П. И. Ук. соч., с. 147).

[44] По просьбе Короленко А. Г. Раковская перевела статью К. Доброджану-Геря «Мое интервью» с румынского на французский язык. Автограф перевода хранится в фонде Короленко. В конце рукописи Раковской — приписка с приветом Короленко и его семье и пожеланием здоровья (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. III, карт. 47, д. 20, лл. 1—13). 6 июля 1920 г. Короленко написал письмо Раковской (там же, разд. II, карт. 16а, д. 62, л. 3).

[45] Речь идет о Доброджану-Геря.

[46] Луначарский приехал в Полтаву 7 июня 1920 г. и посетил Короленко. Состоялась долгая беседа. Как сообщил затем Короленко своим близким, Луначарский предложил ему писать «все, что он думает о происходящем, и обещал печатать его «письма» в сопровождении своих ответов» (Короленко С. В. Книга об отце, с. 349). После встречи Луначарский выступал на митинге в городском театре. Получив информацию о готовящейся казни пяти человек, в том числе Аронова и Миркина, Короленко отправился в театр и после митинга попросил Луначарского добиться отмены казни. Луначарский дал обещание, но на следующее утро сообщил Короленко, что названные лица были расстреляны еще до его приезда в город. С 19 июня по 22 сентября 1920 г. Короленко обратился к Луначарскому с шестью письмами (Новый мир, 1988, № 10). Но свое обещание Луначарский не выполнил. Ни на одно из писем он не ответил; опубликованы в Советской России письма не были. Их издание было осуществлено за рубежом (Короленко В. Письма к Луначарскому. Париж. 1922). По словам Л. Б. Каменева, В. И. Ленин проявил интерес к этой публикации (Правда, 24.IX.1922).

[47] Эксгумация трупов жертв ЧК в Полтаве была произведена деникинцами 2 августа 1919 года.

[48] Политический Красный Крест — система нелегальных групп помощи политзаключенным и ссыльным в царской России, существовавшая с середины 70-х годов XIX века. В начале XX в. группы Политического Красного Креста были созданы и за границей. В 1917 г. организация стала легальной и сохранилась после Октябрьской революции до 30-х годов, постепенно сокращая масштабы своей деятельности, а затем существуя лишь формально. Короленко был избран почетным председателем полтавского Политического Красного Креста в ноябре 1918 г. (Негретов П. И. Ук. соч., с. 86).

[49] Лишь очень редко Короленко упоминал о состоянии своего здоровья, которое продолжало ухудшаться. Раковский писал ему позже, 28 февраля 1921 г.: «Я горячо буду отстаивать перед Вами мое предложение о посылке Вам врачей отсюда (из Харькова.— *Г. Ч.*). Не то, чтобы я сомневался в опытности и знаниях Ваших врачей, но потому что они слишком хорошо знают больного и его болезнь, у них может быть как раз некоторое субъективное отношение. Иногда свежий врач отмечает то, что хороший, но постоянно лечащий не видит» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 27). В 1921 г. по настоянию Раковского видные харьковские медики провели у Короленко несколько консилиумов.

[50] Лига спасения детей была основана по инициативе Короленко в 1918 г. с целью оказания помощи нуждающимся детям. Существовала до 1926 года. В январе 1919 г. Раковский сообщил Короленко, что, по словам Каменева, предложение относительно помощи детям, представленное полтавской делегацией Ленину, «принято всецело и остается только выработать техническую сторону дела в согласии с продовольственными комиссариатами» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 17).

[51] Гуревич М. Г.— член партии большевиков, участник революционного движения в дооктябрьский период, нарком здравоохранения Украины (1920—1925 гг.). В дальнейшем на различных должностях в органах здравоохранения. Арестован во второй половине 30-х годов и погиб в заключении.

[52] Сохранились два письма Короленко Раковской — уже отмеченное от 6 июля (см. прим. 44) и 29 июля 1920 года. Во втором — Короленко ходатайствовал за отправку на родину нескольких бывших французских гувернанток (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 62, лл. 1—4).

[53] В письме от 28 февраля 1921 г. Раковский решительно возражал против обвинения Короленко, «что мы, якобы, арестуем украинских интеллигентов потому, что они украинцы». Раковский продолжал: «В одной Полтавской губернии 67% всех школ обучают детей исключительно на украинском языке. Я Вам посылаю румынскую газету, откуда Вы увидите, что русские эмигранты за границей — из Киева — обвиняют нас, что мы украинизируем русских. Одно и другое из этих обвинений неосновательно. Наша программа: равенство языков. Государство должно обеспечить и украинскую и русскую культуру и в то же самое время не допускать, чтобы язык и национальность служили предлогом притеснения и эксплуатации. Борись против русификаторов, мы удерживаем и ретивых украинизаторов» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 28).

[54] Письмо о докторе М. Е. Тюрьморозове в фонде Короленко не сохранилось. О содержании этого письма можно судить по воспоминаниям близкого к писателю в 1919—1921 гг. полтавского адвоката В. Беренштама, сообщавшего, что Тюрьморозова судил ревтрибунал за то, что он выдал рабочему железной дороги освобождение от работы по болезни, а тот в этот день работал в другом месте. Короленко разъяснял, что у рабочего был нарыв на ладони и ту работу, которой он занимался обычно, он исполнять не мог. Тюрьморозов был приговорен к ссылке на север. Короленко доказывал Раковскому нелепость этого приговора. В результате мер, предпринятых Раковским, врач был освобожден (Беренштам В. Ук. соч., с. 102).

[55] Раковский встречался с Короленко в Полтаве не менее четырех раз. Первая встреча состоялась, очевидно, весной 1918 г. (см. прим. 35), вторая — 9 февраля 1919 г., третья — в середине апреля и четвертая — 10 сентября 1920 года. 1 сентября 1920 г. Раковский телеграфировал Короленко: «На днях буду [в] Полтаве и с тов. Порайко (в то время председатель полтавского губисполкома.— *Г. Ч.*) рассмотрю все случаи, о которых Вы сообщаете в Ваших письмах» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43,

л. 24). Берештам сообщал, что, бывая в Полтаве, Раковский «постоянно заезжал к Короленко, подолгу выслушивал от Владимира Галактионовича рассказы о разных неправдах и обидах населения, записывал даваемые сведения и, насколько я знаю, всегда шел навстречу» (Берештам В. Ук. соч., с. 57; см. также: Негретов П. И. Ук. соч., с. 91, 142, 168).

[56] В других случаях отправку арестованных в Харьков Короленко оценивал с гораздо большим беспокойством. 4 августа 1920 г. он писал Луначарскому, что формула «отправить в Харьков» равносильна формуле «отправить на тот свет» (Новый мир, 1988, № 10, с. 204).

[57] В черновике письма говорилось также: «Я понимаю, конечно, что без шпионства и тайной агентуры не может обойтись никакое правительство, но... вербовать агентов нужно иными способами и наказывать за отказ честного человека от этой почетной роли — возмутительнее всего, что я слыхал до сих пор». На черновике имеется авторская помета: «Сильно изменено. О предложении агентуры выкинуто. Копия оставлена особо» (Негретов П. И. Ук. соч., с. 175).

[58] Короленко С. В. (1886—1957) — дочь писателя. Окончила философский факультет Высших Бестужевских курсов в Петербурге. Работала учительницей. Одновременно с 1903 г. помощник и секретарь отца. После создания мемориального музея Короленко в Полтаве до конца своей жизни работала его директором.

[59] Короленко ошибся. О французских гувернантках он писал не Раковскому, а Раковской 29 июля 1920 г.: «Обращаюсь к Вашему посредничеству по следующему женскому делу. Ко мне обратилась стайка молодых француженок, которые очутились в безвыходном положении. За изгнанием из Полтавщины многих буржуазных семейств у них не стало работы, и они стремятся вернуться на родину. По их словам, в прошлом году Христиан Георгиевич отнесся с большим вниманием к положению их товарок и облегчил им возможность вернуться на родину. Теперь ко мне обратились за посредничеством следующие француженки: (следуют имена и фамилии четырех женщин на французском языке). Я в свою очередь обращаюсь за посредничеством к Вам. Было бы добрым делом дать возможность этим, запутавшимся среди чужих междоусобий французским пташкам — улететь от наших бурь на родину. Может быть, Вы им в этом деле поможете?..» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 16а, д. 62, л. 1).

[60] Горбугов-Посадов И. И. (настоящая фамилия Горбунов) (1864—1940) — педагог и публицист, последователь идей Толстого. Составитель многих сборников художественных произведений. Руководитель основанного Толстым издательства «Посредник» (1897—1925). В рассматриваемый период жил в Полтаве.

[61] Копия письма председателю Полтавского губисполкома не обнаружена, но сохранился его черновик (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. I, карт. 46, д. 11, лл. 31—33).

[62] Переяславская провокация — дело по обвинению во взяточничестве и спекуляции ряда жителей г. Переяслава. По просьбе Короленко Раковский добился проверки этого дела, причем оказалось, что во взяточничестве было замешано лицо, которому поручалось вести следствие. Невиновные люди были освобождены, а подлинные преступники арестованы и преданы суду (Берештам В. Ук. соч., с. 58). По поводу последних обращений Короленко Раковский писал ему 28 февраля 1921 г.: «Ко всем письмам и всем Вашим вмешательствам относился и отношусь с должным вниманием и искренно радовался, когда условия помогали их удовлетворить. После ликвидации фронтов внутренняя обстановка создается более благоприятная и необходимость в мерах репрессии чувствуется меньше» (ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 43, л. 30). 17 апреля Короленко записал в дневнике о переяславском деле: «Затушить его было невозможно. Революционный трибунал осудил со всевозможной мягкостью Шарова. Зайцевых участвовали двое — муж и жена — осудили только мужа: к смертной казни условно на год. Теперь он уже, наверное, смеется над этим приговором» (Негретов П. И. Ук. соч., с. 197).

[63] Видимо, имелся в виду Переяславский уездный (или городской) комитет КП(б)У.

СТАТЬИ

КЛЮЧЕВСКИЙ И ЕГО УЧЕНИКИ

Т. Эммонс

Внимательное исследование отношений Ключевского с его учениками должно представлять интерес в связи с вечным вопросом: что же такое история — наука или искусство? В русской историографии Ключевский, несомненно, является главным противником тех, кто хотел бы стать на одну из сторон в этом споре: ученый, который всю жизнь был приверженцем идеи научной истории (в ее социологической позитивистской разновидности середины XIX в.), в то же время являлся художником, лекции которого представляли собой значительное событие в культурной жизни и оставляли у слушателей незабываемое эстетическое впечатление и чей «Курс русской истории» с момента его опубликования в начале нашего века сразу же стал одним из памятников современной русской литературы[1]. Что же Ключевский передал своим ученикам — науку или искусство, метод или вдохновение, схематическое построение или логически последовательное видение исторического развития России, или все вместе взятое? Эти вопросы почти полностью игнорировались в советской историографической литературе. С ними я и решил обратиться к ученикам Ключевского.

Вначале два предупреждения: во-первых, я не ставил перед собой задачи проследить происхождение концепций четырех периодов русской истории, выделенных Ключевским. Его взгляды на социально-экономическую структуру Киевской Руси, происхождение крепостного права, земские соборы в XVI и XVII вв., периоды закрепощения и раскрепощения и толкование других проблем, особенно созданная им общая схема периодизации,— все это так или иначе оказало огромное влияние как на его ближайших учеников, так и на более широкие круги и последующие поколения отечественных и зарубежных историков. Достаточно заглянуть в широко используемый на Западе учебник Н. В. Рязановского, чтобы заметить это влияние[2]. Все, что я сделал, это изучил, что сами ученики Ключевского говорят о своих отношениях с учителем — прежде

ЭММОНС Теренс — профессор Стэнфордского университета (Калифорния, США).

[1] М. В. Нечкина сделала обзор мемуарной литературы и откликов общественности на «Курс» Ключевского в написанной ею объемной биографии историка (Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М. 1974). Книга изобилует подробностями, но, к сожалению, в ней отсутствует критический анализ манеры изложения материала Ключевским. Четыре тома «Курса» были впервые опубликованы в 1904—1910 гг., после чего он неоднократно переиздавался. Последнее советское издание, включающее и неоконченный 5-й том, относится к 1956—1959 гг. (Ключевский В. О. Сочинения. В 8-ми тт.). В настоящее время выходит новое издание.

[2] Riasanovsky N. V. A History of Russia. N. Y. 1984.

всего в воспоминаниях и во вступительных статьях к основным научным работам; время от времени требовалось обратиться и к самим работам.

Во-вторых, словом «ученики» я не определяю многие тысячи людей, посещавших лекции Ключевского на всем протяжении его преподавательской деятельности в нескольких учебных заведениях, или сотни, возможно, тысячи студентов, которые более чем за 30 лет «прослушали» его курс, обучаясь на историко-филологическом факультете Московского университета. Я имею в виду, в определенной степени субъективно, тех выпускников, которые были «оставлены при кафедре» для написания диссертации и подготовки к преподавательской деятельности в университете и защитили магистерские диссертации при Ключевском. Их было шесть: П. Н. Милюков (17 мая 1892 г.), М. К. Любавский (22 мая 1894 г.), Н. А. Рожков (19 мая 1900 г.), М. М. Богословский (2 ноября 1902 г.), А. А. Кизеветтер (19 декабря 1903 г.), Ю. В. Готье (3 декабря 1906 г.) [3]. Докторскую диссертацию только один из них — Любавский — защитил при Ключевском (28 мая 1901 г.). При этом я отнюдь не берусь утверждать, что Ключевский оказал на этих историков, чье профессиональное и интеллектуальное становление (как, впрочем, и самого Ключевского) происходило под влиянием многоязычной исторической, социологической и философской литературы, исключительное или даже доминирующее влияние. Многие другие, ставшие известными историками (М. Н. Покровский, А. И. Яковлев, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, В. А. Рязановский, М. М. Карпович и Г. В. Вернадский) обоснованно считали себя учениками Ключевского, но они либо не защитили диссертации в университете, либо защитили их после ухода Ключевского в отставку.

Широко распространено мнение, что Ключевский вдохновлял, но не учил: он воодушевлял искусством своих лекций, своими оригинальными и точными высказываниями на лекциях, но его modus operandi [4] был недосягаем для студентов: лекциями были даже его семинары; он ставил своих студентов перед совершившимся фактом. Во всем этом Ключевский представляет разительный контраст с П. Г. Виноградовым, который на семинарах по древней и средневековой истории Европы активно обсуждал со студентами проблемы профессии историка, вовлекал их в практическую работу с источниками, показывая, как их критиковать и как ими пользоваться.

В основе этого мнения, по-видимому, лежат воспоминания Милюкова (1859—1943), который был первым «аспирантом» Ключевского и учился в Московском университете тогда, когда Ключевский принял там кафедру русской истории (после смерти С. М. Соловьева в 1879 г.). «Он обладал удивительной проницательностью,— писал Милюков,— однако ее источник был недоступен кому-либо из нас. Ключевский смотрел на русскую историю, так сказать, внутренним оком... Эта интуиция была выше наших возможностей и мы не могли идти по стопам своего учителя». И далее: «Профессор накладывал свою стройную законченную систему на нашу tabula rasa [5]. Его пример показывал, что русская история также может являться предметом научного исследования; однако дверь, ведущая в эту систему, осталась для нас закрытой. Поэтому я в основном работал с П. Г. Виноградовым; с Ключевским работать было невозможно» [6].

Эти воспоминания следует дополнить рассказом Милюкова о его

[3] Из них Богословский, Кизеветтер и Готье защитились после официального ухода Ключевского с кафедры в 1901 г.; однако он еще несколько лет продолжал присутствовать при защите диссертаций и, как известно, читал лекции почти до своей смерти в 1911 году.

[4] Способ действий (*лат.*).

[5] Чистая доска (*лат.*).

[6] Милюков П. Н. Воспоминания (1856—1917). Т. 1. Нью-Йорк. 1955, с. 89—94.

первой встрече с Ключевским, где проблема влияния учителя на ученика предстает в несколько ином свете: «Если Ключевский покорил нас сразу, то, конечно, не потому только, что он красиво и эффектно рассказывал исторические анекдоты. Мы искали и нашли в нем прежде всего мыслителя и исследователя, взгляды и приемы которого отвечали нашим запросам.

В чем состояли эти запросы? На это и теперь, спустя тридцать лет с лишним, отвечают первые две лекции «Курса русской истории» В. О. Ключевского. Несмотря на некоторые позднейшие наслоения фразеологии и мысли, существенное содержание методологических взглядов Ключевского на изучение русской истории осталось здесь то же самое, каким мы знали его тогда и каким оно сложилось под непосредственным влиянием тогдашних запросов нашего поколения к методологии и к философии истории». Эти потребности, или запросы, по словам Милюкова, включают в себя отказ от предлагаемых извне схем или целей, как западнических, так и славянофильских; студенты хотели изучать русскую историю «как изучали всякую, с точки зрения общей научной проблемы — внутренней органической эволюции человеческого общежития» [7].

Милюков подводит итог относительно значения Ключевского для своего поколения студентов в воспоминаниях о Кизеветтере: «Нас объединяло, прежде всего, преклонение перед общим нашим учителем В. О. Ключевским, талант и знания которого нам представлялись недосягаемыми вершинами. Его построение русской истории сразу сделалось нашей путеводной нитью в том лабиринте, каким оставалась для нас та же русская история в руках предшественников Ключевского. Ключевский был для нас настоящим Колумбом, открывшим путь в неизведанные страны... В дружеском общении нашего кружка, связанного приятием новых задач и методов, рекомендуемых университетскими преподавателями (кроме Ключевского, здесь необходимо упомянуть также П. Г. Виноградова), вырабатывались общие взгляды на историю как на науку и намечались темы, подходящие для очередных научных работ. Все это, вместе взятое, и сообщило впоследствии общий характер московской исторической школе» [8].

И разумеется, в своей первой большой работе — магистерской диссертации о государственных финансах и управлении при Петре I — Милюков упоминает о своем интеллектуальном долге Ключевскому, «университетские чтения которого в весьма значительной степени определили самое содержание моих воззрений по данному вопросу» [9]. Здесь он, конечно, имел в виду критическое мнение Ключевского о петровских реформах в силу их импровизационного характера и тяжелых последствий — вопросы, которые Ключевский ставил в своих лекциях гораздо более остро, чем Соловьев [10]. Здесь же Милюков пишет о том, что считает себя во многом обязанным Ключевскому — не только в истолковании периода правления Петра I, но и в отношении общей концепции историографии: «[Историческая] наука, как мы понимаем ее современные задачи, ставит на очередь изучение материальной стороны исторического процесса, изучение истории экономической и финансовой, истории социальной, истории учреждений: все — отделы, которые по отно-

[7] Милюков П. Н. В. О. Ключевский. В кн.: В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М. 1912, с. 188, 189.

[8] Милюков П. Н. Два русских историка (С. Ф. Платонов и А. А. Кизеветтер).— Современные записки, 1933, № 51, с. 323.

[9] Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905, с. XIII.

[10] О толковании историками царствования Петра I см.: Riasanovsky N. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N. Y. 1985, esp. pp. 166—176.

шению к русской истории, еще предстоит создать совокупными усилиями многих работников» [11].

Это заявление носит черты явного сходства с теми словами, которыми Ключевский начал свою докторскую диссертацию о Боярской думе, впервые опубликованную в журнале «Русская мысль» в 1880—1881 гг.: «В истории наших древних учреждений остаются в тени общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и через них действовали. Рассмотрев внимательно лицевую сторону старого государственного здания и окинув беглым взглядом его внутреннее расположение, мы не изучили достаточно ни его оснований, ни строительного материала, ни скрытых внутренних связей, которыми скреплены были его части; а когда мы изучим все это, тогда, может быть, и процесс образования нашего государственного порядка и историческое значение поддерживавших его правительственных учреждений предстанут перед нами несколько в ином виде, чем как представляются теперь» [12].

Как отмечали некоторые исследователи работ Ключевского, для своего времени это был беспрецедентный манифест «новой истории». Социологическая направленность его подхода прослеживалась в следующих характерных строках: «В предлагаемом опыте боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе» [13].

В связи с этим привлекает внимание то, что Ключевский не упоминается в теоретико-социологическом вступлении к ранним изданиям крупной работы Милюкова «Очерки по истории русской культуры», которые начали выходить в 1896 году. Однако это не покажется удивительным, если учесть, что теоретические позиции Милюкова были достаточно четко определены еще до появления Ключевского в университете; что социология Ключевского основывалась на хорошо известных тогда сочинениях и, во всяком случае, его теоретические «лекции» не были напечатаны, а Милюков уже не был студентом в том единственном, 1884/85 учебном году, когда Ключевский читал весь курс по «методологии» [14]. Размышления Милюкова в его вступлении к «Очеркам» об отражении в особенностях развития России всеобщих социологических законов носят черты разительного сходства с замечаниями о теоретическом значении изучения местной (то есть национальной) истории, сделанными Ключевским в первой лекции его «Курса», впервые опубликованной в 1904 году [15].

Милюков действительно ссылается на Ключевского во вступлении к «юбилейному изданию» «Очерков» (Париж. 1937), где после обширного изложения своей пересмотренной и дополненной социологии он пишет, что имеющаяся в «Очерках» тенденция отдавать преимущество особенностям русского исторического процесса, а не общим чертам

[11] Милюков П. Государственное хозяйство, с. XI.

[12] Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества.— Русская мысль, 1880, № 1, с. 48. В изданной в виде книги докторской диссертации Ключевского это высказывание, как и приводимое ниже, отсутствует.

[13] Там же, с. 40.

[14] До последнего времени «Методология» была единственным неопубликованным циклом лекций Ключевского (копии записей вольнослушателей имеются в ряде библиотек). Теперь он вошел в новое издание «Сочинений» Ключевского (Т. 6. М. 1989). О спецкурсах Ключевского см.: Нечкина М. В. Ук. соч., гл. 6.

[15] См. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. Изд. 3-е. СПб. 1898, с. 12; Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. М. 1956, с. 25—26. Оба историка поддержали, так сказать, теорию контрастов, в соответствии с которой специфика российской истории (по отношению к Европе) делает ее особенно обнадеживающим материалом для изучения «историком-социологом» (Ключевский В. О. Соч. Т. 1, с. 25—26). Вопрос научной правомерности изучения русской истории, по всей вероятности, тесно связан с этими рассуждениями.

сходства с общеевропейским, восходит, возможно, к Ключевскому [16]. В целом это лучшее произведение Милюкова представляет собой дополнение к «Курсу» Ключевского, внося в него размышления о культурном и интеллектуальном развитии (но, разумеется, лишь с московского периода и дальше), в значительной мере отсутствовавшие в «Курсе» Ключевского [17].

Опубликованные заметки Любавского (1860—1936) о его учителе менее пространны, чем воспоминания Милюкова, и в основном представляют собой речи — по случаю назначения Ключевского почетным членом Московского университета в 1911 г. и по случаю его кончины. Несмотря на комплиментарный характер этих выступлений, ясно, что Любавский рассматривал свою деятельность как непосредственное продолжение деятельности Ключевского или, точнее, представлял ее себе в рамках тематики, предложенной учителем. Он с одобрением цитирует предисловие к юбилейному сборнику 1909 г. в честь Ключевского (вполне возможно, что это предисловие и написано самим Любавским): «Мы шли в глубь отдельных вопросов, изучая смутное время, преобразования Петра, литовскую Русь, историю русской верховной власти и государственного тягла, судьбы русской деревни, прошлое русского города, от южной окраины московского государства через замосковный край или на далекий поморский север с его мужицкими мирами,— над чем бы мы ни работали, мы всегда исходили из вашего «Курса» и возвращались к нему, как к тому целому, отдельные части которого мы изучали» [18].

Статья Любавского о Соловьеве и Ключевском, в которой он подчеркнул преемственность дела двух великих историков и то, что Ключевский существенным образом «расширил тематику», заданную его учителем, от истории юридических форм и государственных учреждений к их социальному и экономическому наполнению, вероятно, может являться парафразой отношения Любавского — как он его видел — к своему учителю Ключевскому [19]. В монографии о Литовско-Русском государстве (основанной, как и большинство работ Ключевского, на материалах Московского архива Министерства юстиции, а у Любавского, в частности, на Литовской метрике) и исторической географии (или роли географического фактора в развитии России), Любавский отчетливо сознает себя продолжателем дела Ключевского.

В работе Любавского по истории Литовской Руси видят частичное возвращение к более юридическому и политико-институционному подходу, свойственному государственной школе [20], однако в целом работа носит следы поразительного сходства с трудом Ключевского «Боярская дума». Здесь мы видим то же внимание к социальному наполнению учреждений; или, точнее, тот же подход к социально-политическим «реалиям» через изучение учреждений. Даже название докторской диссертации Любавского очень похоже на название докторской диссертации Ключевского: «Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства». Во вступ-

[16] Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. Париж. 1937, с. 29.

[17] См. Готье Ю. В. Университет.— Вестник Московского университета, серия 8, История, 1982, № 4, с. 23.

[18] Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М. 1909, с. II—III.

[19] Любавский М. К. Соловьев и Ключевский. В кн.: В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. Это замечание высказывает Д. Аткинсон в неопубликованной семинарской работе.

[20] В этом «возвращении к легализму» М. Карпович видел тенденцию, характерную для тогдашнего молодого поколения историков (Karpovich M. Klyuchevski and Recent Trends in Russian Historiography.— Slavonic and East European Review, 1943, vol. 21, p. 37).

лении автор пишет, что в законах статута 1566 г. о «Великом вальном сойме» «выражен, можно сказать, наиболее общий итог социально-политической истории этого государства за время его самостоятельного существования»[21].

Взгляд Любавского на смысл своих исследований имеет преимущественно сугубо академический характер, однако его особо пристальное внимание к истории политической децентрализации и «сословному представительству» в западной России восходит к вопросам, поставленным Ключевским: «А не было ли в нашем прошедшем таких общественных отношений, которые еще могли бы быть восстановлены и послужить интересам настоящего, и есть ли в настоящем обществе силы, элементы, способные понести на себе всю тяжесть общественной самодеятельности, не затрудняя, а облегчая деятельность правительства в интересах народного блага»[22].

Перед Ключевским этот вопрос — о будущей политической эволюции страны — был поставлен на повестку дня освобождением крестьян и другими «великими реформами» 1860-х годов; но он был уместен и в конце XIX— начале XX в., когда писал Любавский, и «актуальность» его исследований о причинах политической децентрализации и институционных ограничениях царской власти в одной из частей Российской империи кажется не случайной.

В 1915 г. Любавский подошел к опубликованию своего общего курса русской истории, который, по его замыслу, должен был дополнить «Курс» Ключевского: «Мой собственный курс был в некоторых случаях расширением и дополнением этого курса, а с другой стороны кратко касался того, что у Ключевского изложено с особою полнотою и обстоятельностью. Само собою разумеется, что помимо этих отличий состав и содержание моего курса определились в зависимости от разных точек зрения на некоторые стороны русского исторического процесса»[23].

Представляется значительной роль Ключевского и в том, что Рожков (1868—1927) вел упорные искания в области обществоведения, ставшие главными в его работе после магистерской диссертации о сельском хозяйстве XVI в.: Ключевский и Конт способствовали формированию у Рожкова социологического видения истории[24]. В некотором смысле «экономический материализм» Рожкова, его своеобразный, но последовательный монизм, основанный на сочетании позитивизма Конта и марксизма, являлся продолжением, в следующем поколении, интереса Ключевского к исследованию «исторических законов»[25], который не удалось реализовать его учителю из-за особого склада ума и пристрастия к прикладным исследованиям.

В отличие от более поздних работ диссертация Рожкова, представляющая собой исследование экономического кризиса конца XVI в., была чем-то вроде широко задуманной «экономической истории», хорошо вписывающейся в наследие Ключевского: в ней идет речь о климатических условиях и почвах, демографическом факторе, торговле и отношениях собственности, а также о сельском хозяйстве в узком смысле. Эта работа была основана на архивных документах, и выяснение в ней материальных условий, сопутствовавших процессу закрепощения, рас-

[21] Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М. 1900, с. 1.
[22] Ключевский В. О. Боярская дума, с. 50.
[23] Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М. 1918, предисловие. В своих лекциях он особенно возражал против определения Ключевским Киевской Руси как государства, основанного на торговле (с. 64—69).
[24] Рожков Н. А. Автобиография.— Каторга и ссылка, 1927, № 32, с. 161—165.
[25] Это замечание сделано Г. П. Федотовым (Федотов Г. П. Россия Ключевского.— Современные записки, 1932, т. 50, с. 353—354).

ценивалось как подтверждение теории Ключевского о зарождении крепостного права[26].

В последующем Рожков вышел за рамки стандартного исторического исследования, однако в работе «Город и деревня в русской истории» (1902 г.) — блестящем кратком (на 84 страницах) очерке экономической истории России,— несмотря на ее новаторский, последовательно материалистический или экономико-детерминистский подход, была сохранена основная периодизация Ключевского. К его четырем периодам (киевский, удельных княжеств, московский, дореформенный имперский) Рожков добавил пятый — пореформенный[27]. Демографическим изменениям Рожков отвел при этом важное место, вероятно, также под влиянием Ключевского.

Если Рожков был более, чем другие ученики Ключевского, склонен к теоретическим исследованиям, то Богословский (1867—1929) интересовался теорией, возможно, менее остальных. В статье для мемориальной книги о Ключевском (1912 г.) Богословский, как и Любавский, делает упор на преемственности между Ключевским и Соловьевым. Он с одобрением вспоминает замечание Ключевского: «Я — ученик Соловьева, вот все, чем я могу гордиться как ученый»[28]. Богословский достаточно ясно дает понять, что он относится к Ключевскому так же, как Ключевский к Соловьеву. В 1911 г., после того как Кизеветтер и многие другие профессора и преподаватели ушли в отставку в связи с делом Л. А. Кассо, Богословский получил кафедру русской истории. По этому поводу он писал: «Раз я остался, я совершенно правильно поступил, заняв пустую за уходом Кизеветтера кафедру, и очень хорошо сделал. Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В. О. Ключевского, сберег их в чистоте и этим имею право гордиться»[29].

Богословский подчеркивает нелюбовь Ключевского к абстрактному мышлению («Как топливо для огня, для его мысли всегда нужен был конкретный, реальный, фактический материал. Фактами как бы заменялись для него логические понятия»), строго индуктивный характер его рассуждений, а также его способность скрупулезно анализировать архивные документы («поистине соловьевская трудоспособность»). В заключение он пишет: «Вот почему он органически был неспособен задаваться задачей вывести весь ход русской истории из какого-либо единого отвлеченного начала».

Тем не менее Богословский признает, что Ключевский отдавал предпочтение определенным группам фактов — политическим, экономическим и в особенности общественным; соответственно его особенно интересовала история «общественных классов»: «Если бы нужно было определить главную, господствующую склонность Ключевского, как историка, я бы назвал его историком общественных классов». Больше всего интересовала его история политической элиты: «И в «Боярской думе», и в курсе он подробно изучает эволюцию высших правящих слоев, торговую аристократию Днепровской Руси, землевладельческую дружину и монастырское общество Верхневолжской, титулованное московское боярство XV—XVII веков и пришедшее ему на смену пестрое по составу мелкопоместное дворянство XVIII и XIX столетий, производящее через гвардию дворцовые перевороты»[30].

[26] Рожков Н. Сельское хозяйство московской Руси в XVI в. М. 1899.
[27] Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. СПб. 1913, с. 6—7.
[28] Богословский М. М. В. О. Ключевский как ученый. В кн.: В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания, с. 31.
[29] Цит. по: Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. М. 1984, с. 111.
[30] Богословский М. М. Ук. соч., с. 35—40.

Подобно Милюкову и некоторым другим ученикам Ключевского, Богословский сравнивает своего учителя с Виноградовым: в отличие от последнего сила Ключевского была не в семинарах, на которых он был «догматиком», излагавшим свои заранее подготовленные выводы и никогда не ставившим знак вопроса в конце своих критических комментариев; Ключевский чувствовал себя свободно в лекционном зале, где слушатель должен был пассивно воспринимать его выводы, а не в лаборатории, где студент изучал методы путем самостоятельной работы под руководством преподавателя. Тем не менее именно Ключевский предложил Богословскому тему для дипломной работы: «Писцовые книги, их происхождение, состав и значение в ряду источников истории Московского государства. XV, XVI, XVII вв.» [31].

Как дипломную работу Богословского, так и последующие магистерскую и докторскую его диссертации («Областная реформа Петра Великого», 1902 г., и «Земское самоуправление на Русском севере в XVII в.», 1909—1912 гг.), а также оставшийся незавершенным главный труд «Петр I. Материалы для биографии» (тт. 1—5. М. 1940—1948) характеризуют объемность и кропотливые поиски в ранее не использованных и плохо организованных архивах. Его дипломную работу предваряет эпиграф: «В науке приятно быть и простым чернорабочим» [32].

Магистерская диссертация, по-видимому, продолжает стремление сопоставить замысел петровских реформ с его реальным воплощением — линию, характерную для исторической науки конца XIX в., уходящую через Милюкова к Ключевскому. В докторской же диссертации Богословского, как и в работе Любавского о Литовско-Русском государстве, прослеживается линия, берущая начало в тематике, разработанной Ключевским во вступлении к «Боярской думе»: прецеденты и альтернативы самодержавия, или, точнее, бюрократического абсолютизма, в допетровском прошлом России. В исследовании Богословским органов самоуправления на русском Севере, сохранившихся, по его мнению, без изменений до середины XVII в., задача определена в рамках, также установленных во вступлении к «Боярской думе» (которые, несомненно, присутствовали и в первой диссертации): отталкиваясь от законоположений о земских учреждениях московской Руси, добраться до скрытой за ними реальности, узнать, каким образом они претворялись в действительности и до какой степени стали реальностью.

Элемент современности в исследовании Богословского дает себя почувствовать в его выводе: «Вся государственная структура во главе с земским собором, имея в своем основании самоуправляющиеся уезды и волости, была построена на принципе «земского самоуправления»; она полностью соответствует этому принципу, и земский собор во главе уездных и городских органов самоуправления имеет под собой необходимое основание. Народное представительство в центре явилось неизбежным завершением местной уездной и слободской автономии» [33].

Склонность к новаторским архивным изысканиям и современный интерес к политическим учреждениям древней Руси связывали Богословского с его учителем, равно как и его неизменное внимание к истории политической элиты, которое он перенес и на исследование дворянства XVIII века.

Среди учеников Ключевского самым горячим его поклонником и, видимо, самым любимым был Кизеветтер (1866—1933) [34]. «Было бы не-

[31] Черепнин Л. В. Ук. соч., с. 98—99. Текст, цитируемый Черепниным, является воспоминанием Богословского о Виноградове, относящимся к 1927 г. (см. Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярия. М. 1987, с. 80).

[32] Цит. по: Черепнин Л. В. Ук. соч., с. 99.

[33] Богословский М. М. Земское самоуправление. Т. 2, с. 260.

[34] Ключевский поддержал кандидатуру Кизеветтера (а не Богословского) для замещения кафедры русской истории в 1911 году (Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М. 1968, с. 216—217).

достаточно сказать,— писал он в некрологе на смерть учителя,— что Ключевский двинул вперед или реформировал науку русской истории. Мы будем гораздо ближе к истине, сказав, что он эту науку создал». Для Кизеветтера Ключевский был олицетворением ученого и поэта, сочетания, необходимого для действительно великого историка: «Ученый и поэт, великий систематик-схематизатор и чуткий изобразитель конкретных явлений жизни, первоклассный мастер широких обобщений и несравненный аналитик, ценивший и любивший детальные и микроскопические наблюдения,— таким был Ключевский, как историк» [35].

Принято считать, что среди учеников Ключевского Кизеветтер лучше всех владел литературным стилем и лекторским искусством. Даже сдержанный Милюков признавал, что Кизеветтер обладал особым талантом [36]. В статье 1912 г. Кизеветтер писал прежде всего о даре Ключевского как преподавателя и особенно подробно характеризовал природу его лекторского мастерства, с помощью которого «как-то неуловимо, но тем не менее необыкновенно сильно подчеркивалась... *конкретная основа его сложных и тонких научных обобщений»* [37]. Внимание Кизеветтера к лекторскому мастерству Ключевского было столь велико, что он заимствовал у своего учителя некоторые необычные речевые обороты [38]. В любом случае, по словам Милюкова, этот талант Кизеветтера сочетался с любовью к подробному историческому анализу и копанию в архивах [39].

Монография Кизеветтера о русском городе в XVIII в., в особенности его диссертация «Посадская община в России XVIII столетия» (1903 г.), характеризуют его как последователя Ключевского и в этом отношении: он использовал архивные материалы (главным образом архива Министерства юстиции) и ставил перед собой цель выявить общественно-экономические и политические реалии, скрытые за этим учреждением (посадской общиной). Основным содержанием работы являются отношения с государством, а не социальная история русского города в XVIII столетии. Исследование Кизеветтера по праву считалось первым исследованием «третьего сословия» России XVIII века.

Подобно своим коллегам Милюкову и Богословскому, Кизеветтер подчеркивал трагическую пропасть, разделявшую планы абсолютистского государства XVIII в. и лежавшую под ним «московскую» реальность, и выносил им обвинительный приговор: «Вся правительственная политика XVIII в. по отношению к посадскому самоуправлению может быть охарактеризована, как попытка достигнуть совершенно недостижимой цели: осуществления высших культурных задач внутренней политики на старой основе тягла. В результате высшие культурные задачи осуществления не получали, а посадское тягло становилось несноснее, чем прежде, и в сознании посадского населения отлагался только один вывод: что попечительные заботы правительства стоят очень дорого, что жить стало тяжелее, и отнюдь не лучше» [40]. В связи с этим вспоминается фраза, которой Ключевский охарактеризовал «новый период» русской истории: «Государство пухло, а народ хирел» [41].

Вывод из этого наблюдения, сделанный Кизеветтером, свидетельствует о том, в какой большой мере его работа об исторических корнях самоуправления в России отвечала требованиям современности: «Истори-

[35] Кизеветтер А. А. Памяти В. О. Ключевского.— Русская мысль, 1911, № 6, с. 135, 139.

[36] Милюков П. Н. Два русских историка, с. 324.

[37] Кизеветтер А. А. В. О. Ключевский как преподаватель. В кн.: В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания, с. 167.

[38] Готье свидетельствует об этом на основании собственных наблюдений (Got'e Iu. V. Time of Troubles. Princeton. 1988).

[39] Милюков П. Н. Два русских историка, с. 323—325.

[40] Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М. 1912, с. 271.

[41] Ключевский В. О. Соч. Т. 3. М. 1957, с. 12.

ческое изучение минувших эпох в развитии нашего самоуправления приводит... к тому же заключению, что и наблюдения над современной нам действительностью: для удовлетворения самых насущих потребностей и нужд нашей родины приходится желать, прежде всего, одного — чтобы навстречу началам истинной общественной самодеятельности широко и свободно распахнулись все двери и все окна государственного здания России»[42].

Готье (1873—1943) оставил два упоминания о Ключевском за 1891—1895 гг., когда был студентом[43]. В целом Готье подтверждает мнение о Ключевском как о сдержанном и строгом преподавателе, семинары которого были скорее лекциями и который читал свой общий курс из года в год практически без изменений, «заставляя полюбить историю родной страны»[44]. Как и другие, Готье сравнивает Ключевского с Виноградовым, чьи семинары «научили меня, как надо работать». Кроме того, Готье полагает, что наибольшее влияние на его формирование как историка оказал семинар Милюкова, проводившийся «совершенно в виноградовском стиле». Именно под влиянием Милюкова Готье выбрал темой дипломной работы защиту южных границ Московского государства в XVI в., и в процессе ее подготовки часто встречался с Милюковым. Оценивая влияние, которое оказали на него оба его учителя, Готье пишет: Ключевский «зажег в моей душе особый интерес к русской истории, а на семинаре Милюкова я пополнил свои первые научные знания»[45].

Однако, по словам Готье, влияние Ключевского было отнюдь не просто вдохновляющим, он отвергает мнение, что Ключевский был «великим человеком, но не педагогом», рассказывает, как попытался получить подробные рекомендации по отбору литературы для подготовки к магистерским экзаменам и в конце концов Ключевский посоветовал ему «поработать самостоятельно». Позже Готье понял, что со стороны Ключевского это было отнюдь не безразличием к будущим профессиональным историкам: «Во всем этом нельзя не видеть сознательных приемов своеобразной ученой педагогии, выработанной многолетней практикой, долгими думами сильного и оригинального ума»[46].

Главные труды Готье, его магистерская и докторская диссертации точно следуют образцу Ключевского, знакомому по работам других его учеников. Работа Готье «Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта московской Руси» (М. 1906) большей частью основана на писцовых книгах, подобно первой диссертации Рожкова и второй Богословского. Она представляет собой исследование по экономической истории («историю экономических условий»), характерное для школы Ключевского: работа содержит анализ административных структур («областное деление», по Любавскому), географии населения и отношений земельной собственности — в качестве дополнения к строго «экономическому» вопросу о сельскохозяйственной продукции. Если Рожков исследовал социально-экономическое основание Смутного времени, то Готье изучил его общественно-экономические последствия.

Исследование Готье «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» (М. 1913), первый том которого представлял собой докторскую диссертацию, является характерной попыткой выявить не только административные положения и структуры, но и их функционирование и общественные реалии. Как и Кизеветтер, в работе «Посадская община», Готье рассматривает весь опыт послепетровского областного управления в XVIII в. в свете назревания екатерининских реформ. (Второй том этого исследования, законченный в 1922 г., но опубликованный только в 1941 г., в большей мере посвящен исторической обстановке и результатам реформы 1775 года.)

Будучи самым молодым в этой группе учеников Ключевского, Готье считал себя продолжателем дела не только учителя, но и своих старших товарищей. По его словам, идею магистерской диссертации он почерпнул в работе Рожкова по экономике XVI в., а вторая диссертация была задумана как продолжение исследования Богословского об областных реформах Петра. Другая отличительная черта работ Готье, по его свидетельству, состоит в том, что центральное место в них занимала история политической элиты — дворянства. В своем дневнике он характеризует «Замосковный край» «в основном как историю дворянства XVII в. в главных его чертах» и историю областного управления XVIII в., являвшуюся «ни чем иным, как повседневной историей дворянства от Петра I до Екатерины II — в период, когда оно, в сущности, завоевало все»[47].

Таким образом, самый младший из первого поколения учеников Ключевского намеревался завершить разработку тематики, определенной его учителем[48]. По-видимому, интерес Готье к роли дворянства в истории России сродни интересу Ключевского[49]: это зачарованность недворянина, который с помощью образования приобщился к европейской культуре, исторически являвшейся, по словам Ключевского, «сословной монополией господ»; но дворянство не выполнило своей роли: получив доступ к просвещению и став привилегированным сословием к концу XVIII в., оно, удовлетворенное своими привилегиями, так и не смогло стать настоящим первым сословием, замедлив, таким образом, превращение России в современное европейское государство[50].

Здесь возникает вопрос о социальном происхождении учеников Ключевского. Так или иначе следует иметь в виду, что все они, как и сам Ключевский, были скромного происхождения. Четверо из них — определенно из простой среды: Любавский, как и Ключевский, был семинаристом (то есть принадлежал к духовному сословию), отец Богословского также был семинаристом; Рожков являлся сыном провинциального школьного учителя, то есть происходил из мелкой, или «демократической», интеллигенции; Готье — из семьи книготорговцев (его прадед, французский буржуа переселился в Россию при Екатерине). Правда, Милюков вышел по линии отца из скромной чиновничьей семьи (его мать родилась в более аристократической дворянской семье), а любимый ученик Ключевского Кизеветтер был сыном тайного советника, то есть происходил из верхнего слоя служилого дворянства.

По статистике, социальное происхождение в целом профессуры Московского университета, в частности на историко-филологическом факультете, было более высоким. Особенно обращает на себя внимание отсутствие среди учеников Ключевского лиц из поместного дворянства[51].

Что касается политических и идеологических взглядов учеников Ключевского, то они были разнородными, начиная с Рожкова — одно время члена фракции большевиков — и заканчивая очень умеренным конституционным монархистом Любавским. Между ними располагались,

[42] Кизеветтер А. А. Исторические очерки, с. 273.
[43] Готье Ю. В. В. О. Ключевский как руководитель начинающих ученых. В кн.: В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания, с. 177—182; его же. Университет.
[44] Готье Ю. В. Университет, с. 21.
[45] Там же, с. 23.
[46] Готье Ю. В. В. О. Ключевский, с. 182.

[47] Gotje Iu. V. Op. cit.
[48] Богословский М. М. В. О. Ключевский как ученый, с. 38.
[49] Нечкина также отмечает непреодолимое влечение Ключевского к истории «первого сословия».
[50] Ключевский В. О. Соч. Т. 3, с. 10сл.
[51] В 1906—1908 гг. из 22 членов историко-филологического факультета 8 были дворянского происхождения, 8 — духовного, 3 — из чиновничьей, 1 — из купеческой среды, 1 — из военных и 1 иностранец. На этом факультете было меньше дворян и больше выходцев из духовенства, чем на других факультетах; всего в университете было 43% дворян и 13% — из духовенства (данные М. фон Хагена).

вероятно, столь же умеренные приверженцы конституционной монархии, некогда октябрист Богословский, несколько левее — кадет Готье (по политическим убеждениям он тесно смыкался с П. Б. Струве) [52], радикальный демократ и лидер партии кадетов Милюков и его соратник по партии Кизеветтер. «Поповичи» были наиболее консервативными, а «выходец из третьего сословия», что неудивительно,— отъявленным радикалом, за которым следовали отпрыски служилого дворянства. Наиболее европейским или наднациональным мировоззрением обладали, вероятно, каждый по-своему, Милюков [53] и Рожков, за ними шел Кизеветтер, остальные же по мировоззрению были скорее националистами. Однако ни одного из них нельзя назвать славянофилом или народником, по крайней мере, в смысле идеализации русского крестьянства.

По мнению ряда авторитетных советских историографов, «школы Ключевского» не существовало по той простой причине, что ему не хватало связной теории истории. Он якобы не только неправильно представлял себе природу общественного класса и не сумел осознать главную движущую силу истории — классовую борьбу; у него вообще не было какой-либо монистической концепции истории: несмотря на его склонность к «экономическому материализму» (читай: главенству экономического фактора без учета диалектики), он был в конечном счете эклектиком. Итак, нет теории — нет метода — нет школы.

Такое мнение чрезвычайно красочно, хотя и не слишком уважительно высказал Покровский, являвшийся ведущей фигурой в первом поколении советских марксистских историков и, видимо, так никогда и не простивший Ключевскому своего провала на магистерском экзамене: «Принято говорить о «школе» Ключевского. Если какой-нибудь ученый органически не мог иметь школы, то это именно автор «Боярской думы», единственный метод которого заключался в том, что в старое время называли «дивинацией». Благодаря своей художественной фантазии Ключевский по нескольким строкам старой грамоты мог воскресить целую картину быта, по одному образчику восстановить целую систему отношений. Но научить, как это делается, он мог столь же мало, сколь мало Шаляпин может выучить петь так, как сам поет. Для этого нужно иметь голос Шаляпина, а для того нужно было иметь художественное воображение Ключевского» [54]. В принципе тот же аргумент был использован ученицей Покровского Нечкиной. «Трагедия» Ключевского состояла в том, писала она 60 лет тому назад, что он не поднялся до марксизма [55], и этой точки зрения она придерживалась во всех последующих работах.

Если все-таки допустить, что история является земным занятием [56], не имеющим ничего общего с метафизикой или открытием «законов», то Покровский, Нечкина и их сторонники в лучшем случае пришли к своему заключению исходя из ложных посылок. Действительно, было бы, вероятно, разумным избегать термина «школа Ключевского» (или даже «московская школа»: преимущество здесь состоит в том, что корни ее уходят к Соловьеву, учителю Ключевского) хотя бы потому, что влияние и того и другого на русскую историографию конца XIX — начала XX в. было всеобъемлющим. Это становится очевидным, если обратиться к работам таких выдающихся представителей «петербургской школы», как С. Ф. Платонов или А. С. Лаппо-Данилевский.

---

[52] См. Pipes R. Struve: Liberal on the Right, 1905—1944. Cambridge (Mass.). 1980.

[53] См. Riha T. A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame (Ind.). 1968.

[54] Покровский М. Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л. 1925, с. 76.

[55] Нечкина М. В. В. О. Ключевский. В кн.: Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 2. М. 1930, с. 345.

[56] Veyne P. Comment on écrit l'histoire. P. 1978, p. 99 etc.

И все же некоторые устойчивые черты исторической науки в том виде, в каком она существовала в Московском университете и за его пределами в течение двух последних десятилетий XIX и двух-трех первых десятилетий XX в., говорят о влиянии Ключевского. Некоторые из этих характерных черт отмечены Нечкиной: постановка крупных вопросов, значительный хронологический охват, четкая проблематика; внимание изучению политических форм и отношений, проникающему, однако, в их социальную и экономическую подоплеку; широкое использование архивов и представление новых «фактов». Нечкина также отмечает общую тенденцию, свойственную ученикам Ключевского, продвигать границу хронологии в XVIII век [57].

Эти особенности хорошо подмечены, хотя далеко не исчерпывают метод Ключевского. Рассматривая юридические и делопроизводственные записи в качестве источников сведений о широком круге социальных и экономических структур и процессов, «школа» Ключевского за одно поколение настолько расширила тематику исторического исследования, определение «событийного», что все это преобразило облик русской историографии [58]. Некоторые из работ его учеников поражают современностью понимания «событийного», опередив почти на целое поколение достижения школы «Анналов». Ученики Ключевского в основном разделяли позитивистский взгляд на историю как на накопление документов, что уже исключало возможность смелых культурно-антропологических и социально-психологических попыток толковать историю (предпринятых лучшими приверженцами «Анналов»), но им все-таки удалось расширить тематику, а огромный интерес к документам придает их работам непреходящую ценность.

Что бы ни говорили советские историографы о «кризисе буржуазной историографии», два последних десятилетия XIX и начало XX в. (до первой мировой войны) были периодом значительного движения вперед — ведь до этого прогресс большей частью определялся расширением круга изучаемых вопросов: наблюдалась тенденция более широкого охвата тех сторон человеческой деятельности, которые считаются событийными, а не более глубокого их исследования или усовершенствования метафизического подхода,— процесс, представляющий собой горизонтальное, а не вертикальное развитие исторической науки.

Судя по рассказам учеников Ключевского, его роль во всем этом была основополагающей. Покровский и другие поняли все неверно: то, чему учил Ключевский, не было «методом» с маленькой буквы — это было общим достижением науки, которому можно было научиться у других; не было это и «Теорией» с большой буквы — метафизикой. Это было наглядным показом, частично в монографиях и, большей частью, в его курсе, широты охвата тематики и значительного числа явлений — экономических, социальных, политических, демографических, географических, которые могли бы послужить для построения рациональных толкований истории; одним словом, тот самый «эклектизм», который Нечкина назвала его «трагедией».

Во вступлении к своему «Курсу» Ключевский объясняет этот «эклектизм» в абстрактных социологических выражениях: «Бесконечное разнообразие союзов, из которых слагается человеческое общество, происходит от того, что основные элементы общежития в разных местах и в разные времена являются не в одинаковом подборе, приходят в раз-

---

[57] См. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский, с. 375.

[58] С этой точки зрения «школа» должна включать ряд видных московских историков, присоединившихся к ней после ухода Ключевского в отставку (то есть приблизительно в период между 1905 и 1917 гг.), и, вероятно, С. Ф. Платонова, который своей крупной работой о Смутном времени во многом обязан Ключевскому (см. Пичета В. И. Введение в русскую историю. М. 1923, гл. 17—18; Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л. 1986, гл. 2).

личные сочетания, а разнообразие этих сочетаний создается в свою очередь не только количеством и подбором составных частей, большею или меньшею сложностью людских союзов, но и различным отношением одних и тех же элементов, например, преобладанием одного из них над другими. В этом разнообразии, коренная причина которого в бесконечных изменениях взаимодействия исторических сил, самое важное то, что элементы общежития в различных сочетаниях и положениях обнаруживают неодинаковые свойства и действия, повертываются перед наблюдателем различными сторонами своей природы. Благодаря тому даже в однородных союзах одни и те же элементы стоят и действуют неодинаково»[59].

«Здесь,— пишет Нечкина,— полнейший отказ от исторического монизма, во-первых, а, во-вторых, здесь отказ от философии истории вообще»[60]. В первом случае она права; мы могли бы согласиться с нею и во втором, если бы только разделяли ее точку зрения на «философию истории». Аналитический эклектизм Ключевского сочетался с настойчивостью в использовании архивных материалов[61], также подкрепленной наглядным примером. Это и были две составляющие его «учения», оказавшие наибольшее влияние на его учеников и сформировавшие отличительные черты его «школы». Ни явная несостоятельность некоторых мнений Ключевского, ни логические противоречия его периодизации не могут помешать оценить по достоинству значение его подхода к прошлому России для последующего поколения русских историков.

Второй отличительной чертой «школы Ключевского» было крайне критическое отношение к бюрократически-абсолютистскому государству и его способности проводить реформы, направленные на благо страны. В значительной мере эта тенденция, наметившаяся в историографии в последние десятилетия XIX и в первые годы XX в., явилась отражением падающего авторитета самодержавия; она широко проявилась в русском образованном обществе в период «контрреформ» Александра III и в первое десятилетие царствования Николая II, что в совокупности привело к революции 1905 года. В академической историографии линия преемственности прямо восходит к Ключевскому и идет от него (судя по тому, что мы знаем о годах его формирования) к «реализму» 1860-х годов; как и многое другое в России конца XIX в., все это начинается в сумятице эпохи реформ. (Вопрос об антидворянском уклоне, также являвшемся отличительной чертой «школы», есть явление того же порядка.)

Еще одна отличительная черта, прослеживаемая в работах учеников Ключевского и имеющая непосредственное отношение к вышесказанному, также свидетельствует о современности мышления этих ученых. Это огромное внимание к исследованию традиций децентрализации и самоуправления в русской истории. Эта проблема наряду с анализом способности самодержавия проводить реформы заняла значительное место в обильной литературе по теории и истории русских политических институтов, изданной в 1905 и последующие годы. Вполне возможно, что ученые рассматривали тогда свои объемистые монографии как вклад в общественное движение. Здесь также можно провести линию вспять к Ключевскому, например, его программным декларациям, в частности во вступлениях к «Боярской думе» и «Курсу». Конечно, гражданственностью ученики Ключевского обязаны отнюдь не только своему учителю. Подобные взгляды были характерны для многих русских ученых в те годы. Однако элемент современности в поиске методов и обобщениях московских историков обозначен более четко, чем в работах их петербургских современников, пытавшихся примкнуть к номиналистской традиции, идущей от К. Н. Бестужева-Рюмина (1829—1897)[62].

Интересно, что, судя по свидетельствам Милюкова, Кизеветтера и Готье, методы исследования обсуждались этими учениками Ключевского и являлись результатом совместных усилий. В этом отношении группа студентов, объединившихся вокруг Милюкова в период его преподавательской деятельности в конце 1880-х — начале 1890-х годов в Московском университете, представляла собой главный форум «школы Ключевского». Вероятно, своим своеобразием она во многом обязана усилиям Милюкова, политическая и идеологическая активность которого в эти годы достигла высокого уровня (что и привело к его удалению из университета в январе 1895 года)[63].

И наконец, возникает вопрос, каким образом теоретические и социологические взгляды Ключевского оказали влияние на его учеников, если эти взгляды вообще оказали на них какое-либо влияние? Начнем с выяснения того, каким образом эти взгляды повлияли на практическую деятельность самого Ключевского. Такие разнящиеся с идеологической точки зрения исследователи его творчества, как Федотов и Нечкина, отрицают какую-либо связь между его взглядами и практической деятельностью, по крайней мере какую-либо связь положительного характера.

Федотов, эмигрантский историк русской религиозной мысли, писал, что Ключевский, «конечно», «не был социологом, не был теоретиком вообще», но, как человек своего времени (имеются в виду 1860-е и 1870-е годы), чувствовал необходимость «оправдывать свою историческую работу перед судом Социологии» и в этом состояло значение теоретического вступления к его «Курсу». По словам Федотова, «историк в Ключевском был терроризирован социологией, и делал вид, что принимает ее социальный заказ. Только ученик его, Рожков, уже на почве марксизма, сделал опыт «социологического» построения русской истории». Отрицательной стороной отношения Ключевского к «социологии», по мнению Федотова, явилось то, что оно лишило Ключевского возможности сколько-нибудь адекватно подойти к личности и, следовательно, к духовной культуре в русской истории[64].

Нечкина, характеризуя курс Ключевского по методологии (1884—1885 гг.), делает следующее заключение: «Пожалуй, самой драматической чертой эклектической методологии Ключевского является то, что она оказалась практически ненужной ему самому... Методологическая

---

[59] Ключевский В. О. Соч. Т. 1, с. 23—24.

[60] Нечкина М. В. В. О. Ключевский, с. 311.

[61] Ряд авторов поднимает вопрос о том, являлся ли Ключевский мастером архивных изысканий; наиболее рьяные из них утверждают даже, что он прекратил поиски в архивах после защиты магистерской диссертации, то есть в 1872 г.— перед тем, как начал работу над докторской диссертацией «Боярская дума» (Kliuchevskii'a Russia: Critical Studies.— Canadian-American Slavic Studies, vol. 20, № 3—4, Fall — Winter 1986). Трудно согласиться с этим утверждением, зная о том единодушии и благоговении, с каким ученики Ключевского отзывались о блестящем знании им источников по истории древней Руси (правда, к концу XIX в. многие из них были опубликованы).

[62] Бестужев-Рюмин отверг идею законов, применимых исключительно к истории, и, как правило, с подозрением относился к широким обобщениям, постоянно критикуя труд Соловьева и с той и с другой точки зрения. В результате он поощрял археографические изыскания своих учеников (Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М. 1941, с. 411—414).

[63] Возможно, рамки дискуссий были определены на ежемесячных заседаниях дискуссионных кружков Виноградова, на которые приглашались историки, юристы и экономисты. Заседания, проходившие регулярно в 90-х годах XIX в. и прекратившиеся после 1898 г. (с учреждением официального Исторического общества университета), обычно посвящались обсуждению новых работ по европейской истории и общественным наукам. Милюков, Любавский, Богословский и Кизеветтер принадлежали к числу молодых ученых (приват-доцентов), считавшихся членами кружка (Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярия, с. 85—87).

[64] Федотов Г. П. Ук. соч., с. 352—355.

концепция оказалась мертвой в его же собственном творчестве, не послужила ему в практике исследовательской работы»[65].

Эти выводы являются ложными. Они сводятся к точке зрения Покровского, что «метод» Ключевского был не чем иным, как божественным озарением и в конце концов представлял собой нечто вроде не поддающегося анализу «искусства», совокупности ярких образов и неожиданных связей — вот любопытное заключение, выведенное Нечкиной. Возможно, что в конечном счете у нее как ученого, прекрасно разбиравшегося в творчестве Ключевского, негативное восприятие его теоретических исканий объясняется не только (а может быть, и не столько) тем, что он так и «не дорос до марксизма», сколько тем, что его неяркие, неуклюжие теоретические построения казались ей какими-то недостойными столь великого художника, каким был он.

Верно то, что Ключевский не очень умело облекал свои теоретические методологические взгляды в абстрактные термины. Это очевидно при чтении его лекций по методологии или отрывка из теоретического введения к основному «Курсу»: заимствованная (в значительной мере у Б. Н. Чичерина) терминология и высокопарный стиль, особенно по сравнению с обычным для Ключевского повествовательным слогом. Отчасти это было вызвано необходимостью быть кратким во вступлении к основному «Курсу». Однако, как отмечал Милюков, теоретические взгляды Ключевского были лучше всего изложены в его основной работе, в контексте конкретных исторических проблем.

С. И. Тхоржевский, автор лучшего исследования теоретических взглядов Ключевского, считал, что они заключали в себе хорошо разработанную и связную политическую философию, социологию права и социологию мысли, нашедшие отражение и в главном его труде. Уже в подзаголовке «Боярской думы» сказано, что это не политическая и не экономическая история или история общественных классов, но «история общества», история нации как исторической совокупности. С этой точки зрения Тхоржевский прав, отведя вопрос о примате экономики или политики, государства или народа, идей или материальных условий (послуживший основанием для того, чтобы назвать Ключевского эклектиком), как не имеющий отношения к делу[66].

Две попытки Ключевского выразить свои теоретические взгляды с помощью абстрактных формулировок были не просто данью тирании «Социологии», господствовавшей среди русской интеллигенции в годы, когда происходило формирование Ключевского как историка[67]. Во вступлении к «Курсу», опубликованном в 1904 г., когда Ключевскому было уже за 60, он безапелляционно утверждает, что рассматривает свою историю русского общества как вклад в подготовку науки об обществе. Его теоретические построения в этой работе свидетельствуют о нерушимой верности данному замыслу и показывают, при сравнении с его курсом методологии, как эволюционировали его теоретические взгляды на протяжении длительного времени их применения к историческим материалам. Имеющиеся там довольно неуклюжие рассуждения об «исторических силах», «человеческих союзах» и «составляющих общественной жизни» были не банальным желанием изложить заимствованные концепции исторического анализа, но попыткой обобщить на точном языке науки результаты многолетних серьезных размышлений о том, каким образом действует машина истории.

---

[65] Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский, с. 263.

[66] Тхоржевский С. И. В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель.— Дела и дни, 1921, кн. 2. О Чичерине, чей курс в Московском университете Ключевский прослушал в начале 1860-х годов, см.: Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford. 1987.

[67] См. Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М. 1980.

Социологические концепции и общая идея возможной науки об обществе каким-то образом помогли Ключевскому, ученому явно недогматического склада, значительно расширить рамки «событийного», унаследованные им от его учителей, сосредоточиться на историческом процессе, а не истории форм и институтов как таковых, и рассматривать сложные проблемы объяснения исторических событий чрезвычайно тонко и оригинально. Ключевский не был социологом; он не обогатил социологическую теорию. Он был историк, чьи работы, написанные хорошим литературным языком, чрезвычайно выразительным и лаконичным, обладали социологической перспективой.

Ни один из учеников Ключевского не оставил каких-либо упоминаний о том, что на него оказали влияние именно теоретические воззрения Ключевского. Более того, по всей вероятности, ни один из них не слушал его лекции по методологии, и к тому времени, когда был опубликован первый том его «Курса» с теоретическим вступлением, все они были уже зрелыми учеными. Только двое учеников, Милюков и Рожков, проявили устойчивый интерес к социологической теории. Как отмечает Федотов, Рожков был единственным учеником Ключевского, который стал работать над безусловно «социологическим толкованием русской истории», можно сказать, по-своему реализуя намерение учителя создать науку об обществе. Милюков пришел к Ключевскому с уже сформировавшимися собственными позитивистскими взглядами на социологию и нашел, что взгляды Ключевского в основном совместимы с его собственными. Представляется вероятным, что Ключевский сильно повлиял на формирование ранних взглядов Рожкова на социологические императивы, действующие в изучении истории. Что касается остальных учеников Ключевского, то ответ на вопрос о его влиянии на их теоретические взгляды может быть найден путем анализа содержания их работ.

Деятельность Ключевского и его учеников является лишь частью — хотя и очень важной — истории расцвета русской науки конца XIX — начала XX века. Речь идет, помимо прочего, о значительном вкладе русских исследователей в мировую историографию древнего мира, средневековой Европы, Франции XVIII в. и Французской революции. Общая отличительная черта их работ — расширение границ проблематики социальной и экономической истории. Раннее обращение русских историков к социальной и экономической истории имело, вероятно, общие интеллектуально-идеологические истоки, сформировавшиеся в 60-е и 70-е годы XIX века[68]; его питало быстрое преобразование общества, в котором жили эти ученые.

---

[68] О русских ученых в области всеобщей истории, в частности, Виноградове, Ростовцеве и Лучицком, работы которых явились составной частью общего движения науки, см.: Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. В 2-х тт. Л. 1929—1931. Происхождению и развитию идеи «науки об обществе» посвящена книга: Vucinich A. Social Thought in Tsarist Russia. Chicago. 1976.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ I

В. С. Ягья

В исторической памяти народов запечатлены имена многих государственных деятелей далекого и совсем недавнего прошлого. Одно из них — Хайле Селассие I (в переводе с амхарского — мощь, сила Троицы), император Эфиопии. «Лев — победитель из колена Иудова, избранник Бога, царь царей Эфиопии» — таков был титул этого властелина над 30-миллионным населением: христианами, мусульманами, иудеями и приверженцами местных верований, амхара и оромо, тиграи и тигре, афарами и другими почти 70 народами империи.

Он родился 23 июля 1892 г., а вступил на трон 2 апреля 1930 г. после смерти императрицы Зоудиту. А 44 года спустя, 12 сентября 1974 г., его свергли революционные военные, руководимые Координационным комитетом вооруженных сил, полиции и территориальной армии (ККВС). Хайле Селассие I — тронное имя могущественного феодала Тэфэри Мэконнына. Еще в сентябре 1916 г., после низложения императора Лиджа Иясу, его провозгласили регентом Эфиопии (а императрицей — Зоудиту), престолонаследником с титулом «рас». С тех пор Тэфэри Мэконнын приступил к управлению Эфиопской империей, постепенно оттесняя от руководства Зоудиту.

В годы его правления сложился абсолютистско-монархический строй, но при нем же он и рухнул. Эфиопский самодержец, сосредоточив в своих руках всю полноту законодательной, исполнительной, юридической, военной и духовной власти, олицетворял собой государство, действуя от имени подвластного ему народа. Все, что предполагалось сделать в Эфиопии, должно было, по мнению монарха, исходить из императорского дворца, осенено августейшим именем. Администрация, сверху донизу назначаемая и контролируемая монархом, была обречена на пассивность, поскольку главное, что от нее требовалось,— беспрекословное подчинение приказам Хайле Селассие.

Польский публицист Р. Капусцинский отмечал, что «дворец был прибежищем посредственностей, средоточением бездарностей» и что «Хайле Селассие жил в царстве своих отражений, его свита состояла из размноженных отражений монарха».[1] На фоне таких безвольных приближенных Хайле Селассие легче было выступать в качестве непогрешимого вершителя судеб страны. Используя мощный и разветвленный пропагандистский аппарат, монарх старался внушить массам, что лучше всего об их нуждах знают только во дворце. Он часто повторял

ЯГЬЯ Ватаняр Саидович — доктор исторических наук, профессор Ленинградского университета.

[1] Капусцинский Р. Император.— Иностранная литература, 1987, № 7, с. 195, 200.

в выступлениях: «Император знает, что нужно народу, народ не знает этого».[2]

Первые уроки закулисных интриг, придворного соперничества, чинопочитания, властолюбия и управления людьми он получил еще от своего отца, раса Мэконнына, влиятельного губернатора провинции Харэрге, крупного военачальника и дипломата конца XIX — начала XX в., которому многие в Эфиопии прочили престол в случае ухода из жизни царствовавшего тогда Менелика II (1889—1913). Рас Мэконнын и Менелик II были двоюродными братьями, оба являлись потомками негуса Сахле Селассие (род. 1795— ум. 1847), могущественного правителя Шоа, вокруг которой позднее, при Менелике II, объединились все эфиопские земли. Уже само происхождение и родственные связи с Менеликом II выделяли Тэфэри среди большинства сверстников из знатных семей. 13 лет от роду он приобрел и первые навыки управления небольшим районом Гара Мулата, в 30—35 км от города Харэр, хотя и под патронажем преданного расу Мэконныну фитаурари Колача. Тогда же ему был дарован отцом и позднее подтвержден Менеликом II один из самых высоких военно-феодальных титулов — дэджазмач.

После смерти раса Мэконнына Тэфэри был призван к императорскому двору. Жизнь в Аддис-Абебе еще больше обогатила его опытом дворцовой, скрытой от глаз жизни, больших политических междоусобиц, тайных контактов с зарубежными дипломатами. Сам Тэфэри в Аддис-Абебе вел активную «работу» по овладению «отцовской» провинцией Харэрге, которая после 12-месячного пребывания под правлением старшего сына раса Мэконнына от первого брака — дэджазмача Йильма (Тэфэри был единственным выжившим ребенком из 10 родившихся от второго брака) — находилась под властью ставленника императрицы Таиту дэджазмача Балча. И все-таки в 1910 г. Тэфэри добился своего. Стремление к приобретению Харэрге обусловливалось теми широкими возможностями, какие эта провинция открывала ее правителю для личного обогащения, получения из-за границы оружия, а также для внедрения фермерского и плантационного хозяйства.

В 1910—1916 гг., покинув г. Харэр, Тэфэри Мэконнын продолжал участвовать в дворцовых интригах, неизменно одерживая в них верх. Его участие в отстранении Таиту от политической деятельности, а затем и в успешном заговоре против Лиджа Иясу выдвинуло этого умного и волевого царедворца в число ведущих лидеров страны. Авторитет Тэфэри Мэконнына среди феодальной верхушки постоянно возрастал. Однако его амбициозные планы, да и некоторые высказанные идеи нетрадиционного характера, не могли не вызвать опасений консервативно настроенных крупных феодалов; неудержимо стремившемуся к власти Тэфэри оказывалось скрытое, а порой и открытое противодействие.

К сентябрю 1916 г., когда в Эфиопии произошел государственный переворот и Лидж Иясу был свергнут, Тэфэри Мэконнын уже проявил себя довольно опытным, хитрым царедворцем, умеющим выжидать, вовремя отступить, ориентироваться в обстановке и занять выигрышные позиции. Уже в те годы он искал и находил поддержку английской, французской и итальянской миссий, представлявших интересы своих правительств в Аддис-Абебе. Опыт, приобретенный в ходе контактов с западными дипломатами, убедил его в необходимости заручиться внешней опорой для утверждения и сохранения своей власти. Идея внешнего фактора как одного из гарантов независимости Эфиопии и его личного благополучия, диктовавшаяся конкретной ситуацией в стране и вокруг нее, с особой силой реализовывалась им уже в годы регентства.

Избежать всех подводных камней при проведении подобного курса,

---

[2] Der Spiegel, 8.VII.1974.

он, конечно, не смог. Но это выяснилось много позже, особенно к концу его правления, когда просчеты, допущенные при осуществлении разработанной им тактики «сбалансированных позиций», привели начиная с 50-х годов к значительному росту влияния Соединенных Штатов. Эфиопские радикалы утверждали в 1974 г., что «США в последние 20 лет были главной опорой феодального режима Эфиопии» и что «сложившиеся между этими двумя странами отношения были отношениями «господин — слуга»[3]. Но на заре политической карьеры Хайле Селассие такая перспектива еще не просматривалась, притом вышеприведенная оценка нуждается в уточнении, ибо далеко не всегда эфиопское правительство и сам император послушно, как полагают его критики, следовали в фарватере американской политики: очень часто Эфиопия не поддерживала Вашингтон в его внешнеполитических шагах, активное участие страны в движении неприсоединения, в афро-азиатской солидарности, ее роль в создании ОАЕ явно шли вразрез с устремлениями США.

После свержения Хайле Селассие некоторые исследователи, основываясь на контактах Тэфэри с дипломатами Англии, Франции и Италии, при подготовке заговора против Лиджа Иясу, стали называть его «агентом Антанты». Они отмечали, что тогда он угодничал перед британской миссией и послушно выполнял требования Франции и Италии[4]. Логика внутриполитической борьбы, классовые интересы и личные устремления Хайле Селассие объективно толкали его к ориентации на ту или иную империалистическую державу: до итало-фашистской агрессии в 1935 г. это были Англия, Франция и Италия, на последнем этапе освободительной войны против оккупантов и в первые годы после их изгнания — Англия, а затем — США. Это отнюдь не означает, что другие страны оставались вне поля зрения, что руководитель Эфиопской империи явно поступался национальным суверенитетом, верно служил империализму или был лишен патриотических чувств, традиционной эфиопской гордости.

Иное дело — социально-политическая ограниченность конечных целей его внешнеполитических подходов. Хайле Селассие был до мозга костей эфиоп в широком смысле этого слова и в узком — амхара, к которым он этнически принадлежал по рождению. Он был также ревностным христианином — монофиситом, верным и стойким адептом Эфиопской церкви, при нем подчинившейся государственной власти. Хайле Селассие в целом строго следовал духовным ценностям эфиопского традиционного общества[5], отвергнув лишь отжившие, на его взгляд, установки. Он не мог отказаться от этноконфессиональных, социально-психологических и исторических принципов, когда император рассматривался как защитник независимости страны и олицетворение ее государственного достоинства. Понимание этих качеств он впитал в себя с детских лет: рас Мэконнын, по-видимому, готовил своего сына к самым высоким постам в Эфиопской империи[6].

Состоявшиеся уже в отрочестве и юности многочисленные беседы с иностранными дипломатами заметно расширили кругозор Тэфэри, познакомили его с иной цивилизацией, иными представлениями и мироощущением. В Харэре он встречался и с российскими представителями. В письмах 1910 г. поверенного в делах России в Эфиопии Б. А. Чемерзина и его супруги Анны Васильевны говорится о любознательности молодого Тэфэри, присущей ему изворотливости, умении устраивать пышные

[3] The Ethiopian Herald, 11.XII.1974; Lyons T. The United States and Ethiopia: The Politics of a Patron — Client Relationship.— North-East African Studies. East Lansing, 1986, vol. 8, № 213.
[4] Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям (Москва, 19—21 июня 1979 г.). Тезисы докладов. М. 1979, с. 81, 82.
[5] См. Levine D. N. Wax and Gold. Chicago — Lnd. 1986.
[6] См. Marcus H. G. Haile Selassie I. Berkley — Los Angeles — Lnd. 1987, p. 6.

приемы высокопоставленным иностранцам, а также об его привлекательности, живости и наличии определенных экономических интересов. Иного мнения о нем Н. С. Гумилев, повидавший Тэфэри спустя года три и записавший в своем «Африканском дневнике», что он «мягок, нерешителен и непредприимчив»[7]. Наш поэт оказался неправ. Но не он один. Ошибались даже опытные дипломаты. Итальянец Джузеппе ди Фелициано Колли, долгое время возглавлявший миссию своей страны в Аддис-Абебе, в марте 1917 г. отмечал, что, хотя никто не сомневается в добрых намерениях Тэфэри, у него нет «способностей и необходимой энергии, чтобы вывести страну из состояния анархии, в котором она оказалась»[8].

Хайле Селассие непосредственно знакомился с жизнью разных стран во время своих зарубежных поездок, встречался с крупнейшими государственными, политическими и общественными деятелями. За свое длительное правление он посетил чуть ли не все страны Запада, Востока, афро-азиатского и латиноамериканского мира, притом порой многократно. В Аддис-Абебе побывали официально и неофициально главы многих государств и правительств. Ф. Рузвельт, У. Черчилль, Ш. де Голль, Ж. Помпиду, Д. Эйзенхауэр, Дж. Кеннеди, Н. С. Хрущев, И. Б. Тито, Джавахарлал Неру, Индира Ганди, шах Мохаммед Реза Пехлеви, король Захир Шах, Гамаль Абдель Насер, Х. Бумедьен — вот далеко неполный перечень тех видных руководителей, с которыми общался Хайле Селассие.

Начало многочисленным зарубежным поездкам Хайле Селассие было положено еще когда, будучи регентом, он в 1923 г. по приглашению английского генерал-губернатора посетил Аден и в 1924 г. совершил многомесячный (апрель — сентябрь) визит в западноевропейские страны: Францию, Бельгию, Швецию, Италию, Грецию и Швейцарию. Р. Панкхерст считает даже, что визит регента в Европу в 1924 г. имел для Эфиопии не меньшее значение, чем пребывание Петра I за границей в XVII в. для России[9]. Во время этой поездки Тэфэри не мог не обратить внимания на значительный контраст между Эфиопией и Европой. Он сознательно включил в состав делегации наряду со своими сторонниками представителей консервативно-традиционных кругов правящей верхушки (раса Хайлю Тэкле Хайманота, раса Сыюма Мэнгэша и др.). Он старался таким образом показать им существующий экономический и культурный разрыв между Эфиопией и развитыми странами и побудить их к отказу от сопротивления ее обновлению.

Сам Тэфэри в политической жизни страны к середине 20-х годов прочно занял позицию лидера так называемого младоэфиопского движения, в тех условиях объективно отвечавшего задачам упрочения суверенитета Эфиопии и ее общественному и экономическому прогрессу. Лично регенту такой путь открывал широкие возможности для отстранения всех соперников и никем не оспариваемого восшествия на трон (после кончины Зоудиту). Младоэфиопское движение, не выходившее в целом из феодально-монархических рамок устройства страны, отражало объективный процесс становления абсолютизма. Младоэфиопы (небольшая часть феодального класса, нарождавшейся буржуазии и интеллигенции), объединившись вокруг раса Тэфэри, выступали за создание сильного централизованного государства с высокой степенью политико-территориальной консолидации, с широкими внешними связями и определенной технической и общественной модернизацией, понимаемой как перестройка по буржуазным образцам многих государственных институтов, ликвидация некоторых явно устаревших социальных отношений (например, рабства и работорговли), развитие просвещения и введение

[7] Гумилев Н. С. Африканский дневник.— Огонек, 1987, № 15, с. 23.
[8] Marcus H. G. Op. cit., p. 31.
[9] Pankhurst R. Misoneism and Innovation in Ethiopian History.— Ethiopia Observer, 1964, vol. VII, № 4.

производственных усовершенствований, стимулирующих рост экономики.

В автобиографии Хайле Селассие писал: «Мы намеревались по мере наших способностей постепенно улучшить внутреннюю администрацию посредством введения в стране западных форм цивилизации, благодаря которой наш народ может получить более высокий уровень (жизни.— *В. Я.*)»[10]. В те довоенные годы он также интересовался достижениями Японии и находил черты сходства между двумя странами, позволявшими «ему мечтать об Эфиопии как возможной Японии в Африке»[11].

Идеи реформаторства, не выходящие в целом за рамки феодально-монархического строя, зародились у Тэфэри, вероятнее всего, еще в годы, когда он пребывал при дворе своего отца и во дворце Менелика II: оба они были крупными реформаторами в истории Эфиопии. По-видимому, некоторые новаторские идеи Хайле Селассие перенял непосредственно от самого Менелика. Г. Маркус, описывая духовную атмосферу в доме раса Мэконнына, отмечает: «Мэконнын наставлял своего отпрыска уважать учение, особенно современное образование, едва тогда пробившееся в Эфиопию. Рас признавал, что страна должна изменяться соответственно времени или стать добычей империализма. Он был убежден, что его сын получит новые знания и станет инициатором модернизации Эфиопии»[12].

Юный Тэфэри обучался французскому языку, после чего рас Мэконнын определил сына в миссионерскую школу капуцинов. К тому времени Тэфэри получил уже традиционное церковное образование, умел читать и писать на амхарском языке и на геэзе — языке Эфиопской церкви. Около полутора лет он обучался и в специально созданной Менеликом II школе для детей аристократов. В последующие годы он пополнял свои знания, читая художественную и публицистическую литературу, общаясь с выдающимися учеными, художниками, писателями, политическими деятелями. Он хорошо говорил и писал на французском и английском языках, знал итальянский, разбирался в искусстве, литературе. Соединение традиционного и светского образования (притом не систематического), полученного Хайле Селассие, как бы предопределило ту политическую линию, какой он придерживался затем всю жизнь.

Для поднятия своего авторитета он активно «эксплуатировал» традиционно-психологические воззрения народных масс на императора как символ государственности и единства страны, а также укоренившуюся в сознании народа идеологию древней книги «Кэбрэ Нэгэст» — «Слава царей» (цикл легенд о царице Савской и царе Соломоне, величии и божественном предназначении Эфиопии, составленный, как принято считать, в XIII—XIV вв.), ставшей, по выражению английского ученого Э. Уллендорффа, «национальной сагой» эфиопов. Принадлежность Хайле Селассие к Соломоновой династии широко использовалась официальной пропагандой для создания его легендарного облика. В конституции 1955 г., отмененной уже после свержения императора, специально указывалось, что императорское достоинство навсегда останется привилегией рода Хайле Селассие I, потомка негуса Сахле Селассие, происходившего по прямой непрерывной линии от династии Менелика I, сына царицы Эфиопии, царицы Савской, и царя Соломона Иерусалимского. Он пользовался поддержкой Эфиопской церкви, канонизировавшей божественное происхождение монаршей власти. (Лавируя в создавшейся революционной обстановке, церковь 11 сентября 1974 г. изменила свое отношение к монарху.)

[10] The Autobiography of Emperor Haile Selassie I. Oxford. 1976, p. 5.

[11] Eshetou Mengesha M. A. Die Aussenpolitik der Äthiopischen Regierung während der italo-äthiopischen Krise und das Versagen des Völkerbundes 1933—1936. Bonn. 1975, S. 295.

[12] Marcus H. G. Op. cit., p. 3.

В том же русле действовало народное мифотворчество, наделявшее монархов, и Хайле Селассие в том числе, сверхъестественной силой. В 60-е годы распространились слухи, что он, прежде чем принять какое-либо важное решение, советовался с духом «ганен», живущим в озере Звай и общающимся только с императором[13]. В одной из листовок, выпущенных в декабре 1960 г., сообщалось, что монарх живет так долго потому, что пьет кровь 20-летних девушек. Не только в сельской местности считалось, что Хайле Селассие контролирует силы природы, управляет стихией, но и в городах образованные люди полагали, что удача или неудача в их жизни зависят от того, появится или нет солнце в тот момент, когда во время сезона больших дождей император возвращается из своих поездок по провинциям[14]. Миф о якобы существовавшей связи Хайле Селассие с потусторонними силами официально поддерживался властями: ни разу они не выступили против доходивших до дворца подобных домыслов. Да и сам монарх не противился им, хотя это явно противоречило его имиджу просвещенного монарха. Склонность к традиционализму сказалась и здесь.

На формирование взглядов Хайле Селассие оказали определенное влияние многочисленные иностранные советники, привлекавшиеся на службу. Но действовали они, разрабатывая те или иные проекты и программы, как правило, в соответствии с общими установками Хайле Селассие. Не раз случалось, что он отвергал полностью или частично рекомендации иностранных советников. Он решительно воспротивился проведению аграрной реформы, которая положила бы конец крупному феодальному землевладению. Подобные проекты, предлагавшиеся западными экспертами, не раз отвергались императором в 60-е — начале 70-х годов.

Далеко не все ему удавалось осуществить и из того, что он одобрял по совету иностранцев. Так произошло с проектом модернизации страны, подготовленным еще в апреле 1917 года. Бо́льшая часть проекта начала претворяться в жизнь (совершенствование госбюджета, введение национальной денежной единицы, строительство внешних и внутренних коммуникаций и др.), но очень медленными темпами. Но таковы были заданные Хайле Селассие рамки реформ. «Я убежден,— говорил он в 1935 г. французскому писателю Энри де Монфрэ,— что определенные западные институты, если они будут усвоены моим народом, могут сделать нас... достаточно сильными... Но эти идеи нельзя усвоить сразу, немедленно... Мы должны быть очень осторожны, чтобы не сокрушить Эфиопию; она начинает только пробуждаться... Мы должны [идти]... средним курсом между нетерпеливостью западных (может быть, точнее, западномыслящих.— *В. Я.*) реформаторов и инертностью эфиопов, которые закрыли бы свои глаза, если бы свет был слишком ярким»[15].

В своей автобиографии, разъясняя значение слова «постепенно» при указании темпов «введения западных образцов цивилизации», Хайле Селассие сравнивал народ с ребенком-несмышленышем, которого надо последовательно приучать к разнообразной пище: вначале к молоку и протертой еде, а затем уже к хлебу и мясу. «Нужно,— пояснял далее монарх,— приучить народ через просвещение отказаться от обычаев, по которым он жил в течение столетий, заставить его принять новые обычаи, но не поспешными и насильственными методами, а терпеливо и мало-помалу»[16]. Любое изменение, как он часто повторял в течение дол-

[13] Mantel-Nečko J. The Role of Land Tenure in the System of Ethiopian Imperial Government in Modern Times. Warszawa. 1980, p. 24.

[14] Lipsky G. A. Ethiopia: its People, its Society, its Culture. New Heaven, 1962, p. 143.

[15] Цит. по: Del Boca A. The Ethiopian War 1935—1941. Chicago — Lnd. 1969, p. 34.

[16] Хайле Селассие. Моя жизнь и развитие Эфиопии. Аддис-Абеба. 1965, с. 5 (на амхар. яз.).

гих лет правления, должно укорениться в традиционных ценностях эфиопской культуры [17].

Хайле Селассие стремился возвысить трон над обществом, придав ему надклассовый, надрелигиозный и надэтнический характер. Представление о том, что он «отец нации», ее высший арбитр, умудренный повелитель, долго и стойко держалось в сознании народа. Он намеренно принуждал своих приближенных к постоянному соперничеству в погоне за его благосклонностью, насаждал противоборствующие группировки на всех уровнях государственной администрации. Р. Гринфилд пишет: «Хайле Селассие никогда не позволял ни одному эфиопу занимать высокий пост в течение длительного времени, чтобы укрепить личные позиции и создать тем самым угрозу позициям самого монарха» [18]. Хайле Селассие старался держать армию вне общественных интересов, сведя ее деятельность исключительно в русло слепого подчинения императорской воле. Известна его реакция на просьбу одного из сопровождавших его генералов об улучшении положения крестьян: «Экономика — не ваша забота».

В армии, как и в государстве в целом, подавляющее большинство руководящих должностей, в соответствии с курсом Хайле Селассие, занимали амхара и христиане, прежде всего монофиситы. Он всемерно стремился укреплять доминирующее положение феодалов центральной провинции Шоа и юга, Эфиопской церкви и амхара. Амхара занимали чуть ли не все руководящие должности в государстве снизу доверху. Правда, привлекались и отдельные представители оромо, тиграи и некоторых других народов. Такой дискриминационный курс, активно проводившийся монархом, не мог не вызвать недовольства в стране, хотя в своих речах он неоднократно говорил о равных правах и возможностях всех народов Эфиопии, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности, а также о национальном единстве как инструменте прогресса страны [19]. Декларативность подобных заявлений при столкновении с реальной жизнью становилась очевидной.

В условиях нарастания сил протеста Хайле Селассие не смог выдвинуть никаких общенациональных ориентиров, никакой сколько-нибудь существенной политической программы, учитывавшей реальности страны и мирового развития в 60—70-е годы. Он по-прежнему делал ставку на абсолютистско-монархические принципы, а также на христианские догмы. Неизменна была и позиция в отношении Запада. Еще в 1954 г., выступая в конгрессе США, Хайле Селассие заявил: «Мы имеем глубокую ориентацию на Запад» [20]. Он неоднократно подчеркивал, что его царствование следует рассматривать как «мост между первыми стадиями развития и последующими» [21]. При этом речь шла о постепенном, эволюционном перерастании феодализма в капитализм при сохранении политической власти за феодальным классом и обуржуазивании помещиков.

В 1962 г. Хайле Селассие попытался облечь принципы и цели своего правления в «доктрину демократического общества», согласно которой предусматривались «переход от феодализма к демократии» и ликвидация феодализма без кровопролития, при уважении принципов частного землевладения [22]. Впоследствии, однако, ни сам монарх, никто другой из руководства страны ни разу не сослались на эту доктрину, уже не говоря о том, чтобы организовать на ее основе политическое движение. Императорский режим, запрещая всякую организованную политическую деятельность, не имел и собственной партии, что ослабляло политическую систему абсолютной монархии, ограничивало возможности ее идейно-политического воздействия на широкие массы.

[17] Hess R. L. Ethiopia. Ithaca — Lnd. 1970, p. 124.

[18] Greenfield R. Ethiopia. A new Political History. Lnd. 1965, p. 295.

[19] Ethiopian Observer, 1973, vol. XV, № 4, p. 198.

[20] Selected Speeches of His Imperial Majesty Haile Selassie First. 1918 to 1967. Addis Ababa. 1967, p. 114.

[21] Ethiopia Observer, 1973, vol. XV, № 4, p. 198.

[22] The Africa Digest, 1962, April, p. 143.

3 ноября 1967 г. Хайле Селассие в ответ на вопрос корреспондента Франс Пресс о конечной цели его правления заявил: «Пробудить в нашем народе понимание современности, вызвать в нем стремление к прогрессу, стимулировать желание улучшить условия своей жизни — такова задача, к выполнению которой мы стремились всю жизнь» [23]. На исходе 60-х годов он повторил взгляды сорокалетней давности. Время не коснулось их. Даже передав в 1966 г. некоторые прерогативы исполнительной власти премьер-министру, он продолжал внимательно следить за работой правительства и многократно вмешивался в его деятельность, подтверждая тем самым, что является главой исполнительной власти в стране. Более того, Хайле Селассие специально реорганизовал личный кабинет, перепоручив ему, несмотря на сопротивление министров, многие правительственные функции, в том числе контрольные. Мнение этого органа императорской власти после одобрения Хайле Селассие имело решающее значение. В 1974 г. бывший премьер-министр Аклилю Хабтэ Уольд в следственной комиссии, созданной военными, признал, что «фактически премьер-министром был сам император» и что «другим реальным премьер-министром была старшая дочь монарха Тэнанье Уорк, которая меняла решения совета министров по своему усмотрению» [24].

Понимал ли Хайле Селассие, что в стране народились новые социальные силы, которые отвергают не только предлагавшийся им путь, но и вообще феодально-монархическое устройство страны? Несомненно, понимал. Не мог не понимать: эти силы все решительнее заявляли о себе. Современный эфиопский ученый Вольде Цадык Дерибе считает, что «Хайле Селассие I до войны (с Италией.— *В. Я.*) проводил прогрессивную политику, старался ускорить прогресс своей страны и покровительствовал идеям и реформам» [25]. Его коллега Тэшомэ Гэбрэ Ватау также полагает, что в 20—30-е годы в стране был предпринят ряд прогрессивных шагов, в том числе открытие двух десятков школ, введение конституции, создание типографий, выпуск газет и журналов, вступление в Лигу наций в 1923 году [26].

Реформаторство Хайле Селассие и в то время, и в 40—60-е годы представляло собой известное движение вперед. На Западе и в самой Эфиопии высказывалось даже мнение, что император достиг наивысшей популярности в стране в 1941—1957 гг. [27], то есть практически в те годы, когда в стране утверждался абсолютизм, законодательно закрепленный в конституции 1955 года. Социально-политическая ограниченность предлагавшихся им реформ все ощутимее проявлялась с 60-х годов.

Английский путешественник Ч. Ф. Рей сказал в 1935 г.: «Эфиопия стоит одной ногой в Лиге наций, а другой — в средневековье» [28]. Перефразируя его, можно сказать, что к концу царствования Хайле Селассие, несмотря на все шаги по модернизации страны, Эфиопия так и осталась на перепутье: в последние десятилетия XX в. она по-прежнему во многом жила в условиях далеко не новейшего времени, входила в число наименее развитых стран мира. В 1966 г. американский журналист Дрю

[23] Цит. по: Цыпкин Г. В., Ягья В. С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М. 1989, с. 258.

[24] См. Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М. 1978, с. 195.

[25] Вольде-Цадык Дерибе. История эфиопской книги. Автореф. канд. дис. Л. 1982, с. 13.

[26] Teshome Gebre Wagaw. Education in Ethiopia. Ann Arbor. 1979, p. 5.

[27] Markakis Beyene Asmelash J. Representative Institutions in Ethiopia.— The Journal of Modern African Studies, 1967, vol. 5, № 2, p. 203.

[28] Rey Ch. F. Real Abyssinia. Lnd. 1935, p. 9.

Миддлтон, посетив Эфиопию, отмечал: «Эфиопия готова к старту. Вопрос в том, можно ли сделать последний шаг без потрясений и кровопролития»[29]. Но прошло еще более 8 лет, пока Эфиопия сделала этот столь необходимый шаг: не обошлось, однако, без насилия.

В глазах многих у себя в стране и за рубежом Хайле Селассие представал то тщедушным человечком, то могущественным самодержцем, то ненавистным и беспощадным тираном, каравшим за любое проявление инакомыслия, то растерявшимся, безвольным царьком, молчаливо принимавшим удары судьбы, но всегда осторожным, умным, хитрым, ловким и злопамятным («его мозг — компьютер»,— поведал Р. Капусцинскому один из бывших приближенных монарха[30]). Он отличался мягкостью манер, набожностью. Как пишет американский исследователь К. Клэфэм, тонкие черты лица, изящные манеры и личное обаяние Хайле Селассие скрывали в нем искуснейшего политика[31].

Внешне Хайле Селассие всегда был спокоен; сохраняя величественность и августейшую строгость, он никогда не раздражался, не гневался, владевшие им чувства никогда не проявлялись внешне. Показательно замечание английского ученого А. Дж. Баркера, что этот вежливый, благородный, с чувством собственного достоинства и доступный человек небольшого роста (157,45 см) временами наводил ужас на своих министров[32]. Притчей во языцех стала его старческая привязанность к маленькой японской собачке Люлю, смерть которой вызвала неописуемое горе монарха. И это — в то время, когда он сам чистосердечно признавался: «Мы никогда не боялись быть суровым... Мы не страдаем, когда выносим приговор, так как мы уверены в его справедливости»[33].

Хайле Селассие не лишен был чувства юмора, нередко был язвителен и ироничен. Известно, что когда во время его последнего визита в США (май 1973 г.) ему показали в эфиопском посольстве в Вашингтоне составленное на него американскими спецслужбами досье, Хайле Селассие, ознакомившись с описанием состояния его здоровья, по своему обыкновению еле слышно, с иронией, сказал: «Да, у меня здоровье неважное, причем настолько, что я пережил нескольких американских президентов». По поводу эфиопских студентов, нанесших серьезный материальный ущерб посольству своей страны во время демонстрации протеста в связи с визитом императора и направленных американским судом на дорожные работы, Хайле Селассие заметил: «Я учил их у себя в стране, платил им здесь, в США, за учебу, а дороги они могут строить и у меня». Как свидетельствуют очевидцы, он просил отпустить их для продолжения учебы.

Нельзя отказать Хайле Селассие в искусстве политического перевоплощения, в умении использовать демократическую фразеологию. После подавления декабрьского (1960 г.) антиимператорского выступления Мэнгысту Ныуая и его сторонников Хайле Селассие пытался представить эту попытку переворота как дело рук «небольшой изолированной группы офицеров», объявивших о своем желании покончить с деспотизмом и нищетой, что перекликалось, по словам монарха, «с осуществлением программы прогресса в области просвещения, здравоохранения и общественного благополучия, которая уже давно выполняется»[34], то есть цели заговорщиков якобы совпадали с уже реализуемыми императорским режимом задачами, а потому и оснований для их акции не было.

На заре политической карьеры Хайле Селассие вряд ли кто предполагал, что ему предстоит играть длительную роль в судьбах страны, обретя и славу и бесславие. Почти две трети XX столетия в истории Эфиопии связаны с его именем. Не так-то просто стране преодолеть негативное в наследии, доставшемся от царствования Хайле Селассие. Тем не менее даже новые власти, пришедшие на смену императорскому режиму, после довольно продолжительного периода тотальной критики бывшего правителя, признали в мае 1988 г. его заслуги в основании Организации африканского единства (ОАЕ) и выпустили по случаю ее 25-летнего юбилея из заключения членов семьи бывшего монарха[35].

Хайле Селассие еще при жизни было посвящено немало научных и публицистических работ[36]. Во многих, особенно изданных в Аддис-Абебе, отсутствовал критический подход, деятельность монарха рисовалась лишь в розовом цвете, преобладали сообщения о зарубежных поездках, о растущем международном авторитете Хайле Селассие. В самой Эфиопии, по словам одного из придворных, монарх «запретил писать историю (подлинную.— *В. Я.*) страны»[37]. При Хайле Селассие пресса, политическая и историческая литература в стране имели, по существу, придворный характер, так как отражали официальную концепцию ее развития, состоявшую в том, что вся деятельность монарха направлена на благо народа, что все связанное с его именем свято и не подлежит критике. Не случайно журнал «Ethiopia Mirror» писал в 1967 г., что все сделанное в Эфиопии за минувшие 50 лет было сделано его величеством, декретировано его величеством или осуществлено народом, живущим мыслями о его величестве, и задавал вопрос: «Не будет ли правильнее сказать, что Его Величество — это вся Эфиопия?»[38].

Семь лет спустя в эфиопской печати появились суждения гневно обличительного характера. Хайле Селассие обвинялся в казнокрадстве, в коррупции, в забвении интересов народа, в преступном пренебрежении к государственным делам, в узурпации власти. В антиимператорскую кампанию, развернувшуюся с лета 1974 г., были вовлечены даже оставшиеся в живых сыновья Лиджа Иясу — Йоханныс и Менелик, проведшие почти 30 лет под домашним арестом. В сообщении, переданном 1 декабря 1974 г. по радио, они обвинили Хайле Селассие в преднамеренной клевете на их отца с целью захватить трон. В интервью Менелик Иясу осуждал монархический режим и лично Хайле Селассие I[39].

Немало негативного тогда прозвучало в адрес Хайле Селассие и со страниц зарубежной печати. Отмечались старческая немощь свергнутого монарха, средневековый характер его власти, ее деспотичность, жестокость, коррумпированность, нещадная эксплуатация народа и т. д.[40]. Сообщалось, например, что Хайле Селассие в 1941—1974 гг. роздал знати 577 строений, сооруженных на государственные средства либо оставшихся в стране после изгнания итальянских оккупантов и построенных ими, что он изымал из казны в свою пользу ежегодно по 500 тыс. долл., что его семья присвоила почти все земли в плодороднейшей долине р. Аваш; назывались суммы личных вкладов монарха в зарубежных банках: от 3 до 10 млрд. долл. и даже 50 млрд. долларов[41].

[29] The New York Times, 8.III.1966.
[30] Капусцинский Р. Ук. соч.— Иностранная литература, 1987, № 6, с. 196.
[31] Clapham Ch. Haile Selassie's Government. Lnd. 1970, p. 47.
[32] Barker A. J. The Civilizing Mission. Lnd. 1968, p. 32.
[33] Der Spiegel, 8.VII.1974.
[34] Time, 2.I.1961.

[35] Новое время, 1988, № 23, с. 10.
[36] См., напр., Asfa Jilma. Haile Selassie Emperor of Ethiopia. Lnd. [1935]; Sandford Ch. The Lion of Judah Hath Prevailed Being the Biography of His Imperial Majesty Haile Selassie. Lnd. 1955; Perham M. The Government of Ethiopia. Lnd. 1969; Mosley A. Haile Selassie. Lnd. 1964.
[37] Капусцинский Р. Ук. соч.— Иностранная литература, 1987, № 6, с. 215.
[38] Ethiopia Mirror, Addis Ababa, 1967, vol. VI. № 2, p. 3.
[39] См.: Езаренту Итиопия, 7.IX, 15.IX. 1974; (на амхар. яз.); Аддис Зэмэн, 6, 7.IX.1974 (на амхар. яз.); The Ethiopian Herald, 30.X.1974.
[40] Новое время, 1987, № 36, с. 20; The Guardian, 13.IX.1974; The Times, 13.IX.1974; The African Red Family, 1973, № 2; и др.
[41] Езаренту Итиопия, 24.IX, 13.X.1974 (на амхар. яз.); Аддис Зэмэн, 2.IX.1974 (на амхар. яз.).

Государственный или смешанный статус ряда предприятий, компаний служил порой прикрытием для предпринимательской деятельности членов императорской фамилии, аристократии, высшей бюрократии и самого монарха. В этой связи показательно письмо, адресованное директорам Государственного банка Эфиопии и раскрывающее один из способов удовлетворения финансовых интересов Хайле Селассие: «По просьбе президента совета директоров «Индо-эфиопиэн тикстайлз С. А.» от 26 сентября 1959 г., пожалуйста, переведите на имя Хайле Селассие I одну тысячу акций из тех, что принадлежат Государственному банку Эфиопии. Сумма в 100 тыс. эф. долл., эквивалентная стоимости этого количества акций, будет оплачена в Государственном банке» [42]. Английский журналист Л. Фараго подчеркивал, что император очень преуспевал в предпринимательской деятельности. По его свидетельству, Хайле Селассие уже в 30-е годы владел одним частным банком в Аддис-Абебе, имел крупные капиталовложения в мусульманских магазинах, открывшихся в разных городах страны, а также ссужал правительственным учреждениям деньги под высокий процент [43].

В мировой прессе появлялись и положительные оценки деятельности Хайле Селассие. В частности, кенийская печать, приветствуя в целом перемены в сентябре 1974 г., вместе с тем с симпатиями отзывалась о низложенном императоре, отмечая его заслуги перед Эфиопией и Африкой. Так, «The Daily Nation» писала: «Несмотря на многочисленные недочеты своего 44-летнего правления, Хайле Селассие был великим африканским лидером и государственным деятелем». Газета «The Standard» указывала на его многолетние усилия по обеспечению африканского единства и участие в борьбе против итальянского фашизма. Очень резко выступил против революционных военных в Эфиопии президент Габона А. Б. Бонго. Он предложил императору убежище в своей стране. Убежище готова была предоставить и Англия [44].

Уже тогда, в первые дни после низложения, во многих странах были обеспокоены судьбой Хайле Селассие. Правительственная газета Танзании «The Daily News» призывала новую власть в Эфиопии «сохранить жизнь Хайле Селассие, как бы ни были серьезны его ошибки» [45]. Когда в конце ноября 1974 г. начались распри во Временном военном административном совете (ВВАС), взявшем на себя всю полноту власти после преобразования ККВС 15 сентября, когда нависла угроза дальнейшему движению страны по пути обновления и пришедшие к власти военные казнили наиболее одиозных лиц прежнего режима, в мире возникло подозрение, что такая же участь уготована и Хайле Селассие. В защиту его выступили руководители многих стран. Любопытна реакция Аддис-Абебы на призывы пощадить низложенного императора: в специально сделанном заявлении не без сарказма говорилось, почему же зарубежные деятели не обращались к Хайле Селассие с просьбой о милосердии, когда тот уничтожал тысячи людей, а вот за одну его единственную жизнь вступились [46].

Военные твердо высказали свое отношение к Хайле Селассие 12 сентября 1974 г., когда в 8 часов утра в одном из дворцовых залов объявили его низложенным, сославшись на его «духовную и физическую немощь» и неспособность вывести страну из тяжелого положения. Днем раньше, в канун Нового года, по эфиопскому летосчислению, ККВС заявил по радио, что «Хайле Селассие не заслуживает более доверия эфиопского народа». Монарх тогда же был обвинен в коррупции и финансовой нечистоплотности, а также в том, что отказался сотрудничать с ККВС, отвергнув требование военных о возвращении эфиопскому народу огромных средств, хранящихся на его личных счетах в иностранных банках [47]. Арестованного монарха отвезли в «специально отведенное место», где он и скончался в августе 1975 года.

И в последующие годы утвердившаяся в Аддис-Абебе власть резко отрицательно отзывалась о Хайле Селассие и об установленном им режиме. «Прежний режим Хайле Селассие,— сообщалось в официальном издании, выпущенном по случаю третьей годовщины революции,— был коррумпированным и обанкротившимся, и коррумпированность режима можно проследить, начиная с самого Хайле Селассие». Во многих правительственных публикациях и выступлениях лидеров новой Эфиопии бывшего монарха презрительно именовали королем, а не императором [48].

Президенту США Джону Кеннеди принадлежали сказанные в 1962 г. слова, что Хайле Селассие гарантировано определенное место в истории [49]. Полярные оценки за рубежом и внутри страны обусловлены были резким контрастом между высоким престижем Хайле Селассие в мировом сообществе и консервативностью его режима, социально-экономической отсталостью Эфиопии. Предпринимавшиеся им меры для обновления режима в 60-х — начале 70-х годов не могли ликвидировать ту пропасть, какая обнаруживалась при сравнении страны с развитыми капиталистическими и даже многими развивающимися государствами.

Политический и социальный анахронизм существовавшего государственного строя подрывал авторитет Эфиопии и ее монарха, который пытался, притом небезуспешно, поправить дела, активизируя свое личное участие в международных делах и особенно в Африке. Вот почему в Аддис-Абебе с большим огорчением восприняли отказ присудить Хайле Селассие Нобелевскую премию мира за 1964 год. Несмотри на эту неудачу, император сохранял высокий престиж за рубежом. Он не раз шел на умышленное сокрытие от мировой общественности фактов ужасающей нищеты в своей стране, голода, массовой смертности в годы засух.

Многообразие внешних контактов Хайле Селассие фактически вывело страну из изоляции, в какой она пребывала в течение столетий, а также воздействовало, часто в позитивном плане, на внутренние процессы в стране. Но, увы, это не спасло императора от критики за дорогостоящие зарубежные поездки (13,2 млн. долл. только в 1967—1973 гг.), за пышные приемы, организованные в Аддис-Абебе в честь приезда высокопоставленных иностранцев, за предпочтение, отдаваемое императором международным делам. Кадры официальной кинохроники о дворцовых приемах, в том числе иностранных гостей, по указанию ККВС умело вплетались в демонстрировавшийся в августе — сентябре 1974 г. в Аддис-Абебе фильм «Тайный голод», снятый английскими и американскими кинооператорами, о жертвах засухи в Северо-Восточной Эфиопии. Свои внешнеполитические инициативы Хайле Селассие пытался использовать для «улаживания дел» внутри страны, «обуздания» сепаратистских движений, смягчения этно-конфессиональных разногласий.

Сконцентрировав свое внимание на международной деятельности, Хайле Селассие рассчитывал снискать признание как активный поборник мира, как миротворец в конфликтных ситуациях. Его посредническая деятельность повышала не только личный авторитет императора, но и престиж самой Эфиопии. Известны его инициативы по налаживанию связей с Советским Союзом. Он совершил четыре официальных ви-

[42] Gilkes P. The Dying Lion. Lnd. 1975, p. 154.
[43] Farago L. Abyssinia on The Eve. Lnd. 1935, p. 155.
[44] The Daily Nation, 14.IX.1974; The Standard, 14.IX.1974; The Daily Telegraph, 13.IX.1974.
[45] The Daily News, 13.IX.1974.
[46] The Ethiopian Herald, 1.XII.1974.

[47] The Ethiopian Herald, 13.IX.1974; Шараев В. И. Эфиопия шагает в будущее. М. 1984, с. 19; Кокиев А. Г. Эфиопия строит новую жизнь. М. 1977, с. 23.
[48] Tasks, Achievements, Problems and Prospects of the Ethiopian Revolution. Addis Ababa. 1977, pp. 5—6; Towards Party Formation. Addis Ababa. 1979, pp. 11, 12.
[49] См. The Ethiopian Orthodox Church. Addis Ababa. 1970, p. 9.

зита в нашу страну (1959, 1967, 1970, 1973 гг.), был награжден орденом Суворова, ему презентовали самолет «ИЛ-14», который по его повелению оборудовали как специальный императорский авиалайнер.

Авторитет монарха не ограждал его от критики со стороны государственных деятелей ряда стран. Шведское правительство грозило, что, если в Эфиопии не будут предприняты кардинальные меры в области аграрных отношений, оно прекратит ей помощь в организации сельскохозяйственного производства. Резко отзывалась об Эфиопии и ее руководителе Ливия в начале 70-х годов, даже потребовав в мае 1973 г. на X сессии глав государств и правительств Африки перенести штаб-квартиру ОАЕ из Аддис-Абебы в Каир. Но все-таки преобладали высокие оценки международной деятельности Хайле Селассие, и прежде всего в Африке. День его 80-летия в 1972 г. ОАЕ объявила торжественным днем по всей Африке, а в сентябре 1973 г. в Алжире, на первом заседании IV конференции неприсоединившихся стран, по предложению президента Замбии К. Каунды зал стоя приветствовал Хайле Селассие как виднейшего деятеля движения неприсоединения и борца за свободу Африки. Даже в июне 1974 г., когда его позиции в стране уже заметно ослабли, сомалийская делегация, добиваясь избрания тогдашнего государственного секретаря по иностранным делам Сомали Омара Артеха Галеба на пост Генерального секретаря ОАЕ, ссылалась, в частности, на одобрение этой кандидатуры Хайле Селассие.

Вспоминал ли все эти рукоплескания и возвышенные фразы в его адрес Хайле Селассие, когда офицеры зачитывали ему решение о низложении или когда он садился в сопровождении трех военнослужащих в старенький, обшарпанный «фольксваген» и отбывал навсегда из дворца, или когда ехал в нем под крики собравшейся толпы — «Вор! Убийца! Чудовище!»[50], или когда томился в последнем своем пристанище, расположенном на территории казарм 4-й армейской дивизии?! Он всегда стоически переносил удары судьбы. Терялся ли он? Да. Когда эфиопская армия была разбита наголову в сражении при Май-Чоу 31 марта 1936 г. и путь итальянским захватчикам на Аддис-Абебу был открыт, он со смятением говорил своему военному советнику, бывшему российскому полковнику Ф. Е. Коновалову: «Я не понимаю роль Лиги наций. Она, по-видимому, бессильна». Спустя несколько дней он признался Коновалову: «Я не знаю, что делать... мой мозг уже не работает»[51].

Но он почти всегда находил выход из складывавшейся ситуации. Так было и тогда, когда итальянские фашисты устремились к Аддис-Абебе. После длительных колебаний Хайле Селассие решился покинуть столицу, отправившись в изгнание в Англию, чтобы потом лично принять участие в заседаниях Лиги наций и повлиять на обсуждение вопросов, связанных с итало-фашистской агрессией[52]. Правильно ли он поступил? В правительственном издании «День победы» за 1977 г. прямо указывается на потрясение народа, вызванное «решением Хайле Селассие покинуть поле боя ради относительной безопасности и комфорта зарубежного изгнания»[53].

Еще задолго до революции, в 1961 г., в распространявшемся по Аддис-Абебе памфлете императора осуждали за «предательство» в годы

---

[60] Vivo R. V. Ethiopia Revolution. N. Y. 1978, p. 5.

[51] Coffey T. M. Lion by the Tail. Lnd. 1974, pp. 323, 327.

[52] Dower K. G. Abyssinian Patchwork. Lnd. 1949, p. 47.

[53] Victory Day. Addis Ababa. 1977, p. 27. Отъезд императора удивил даже Муссолини, который не премниул обыграть этот факт в свою пользу. Английский посол в Риме Э. Друммонд в секретном послании А. Идену 5 мая 1936 г. сообщал ответ дуче на вопрос, каковы же его условия мира в Эфиопии. «Бегство императора,— сказал Муссолини,— создало новую и всецело неожиданную ситуацию. С кем сейчас, когда нет императора, устанавливать мир? Наилучшим выходом было бы, как представляется, самым быстрым образом утвердить власть Италии по всей Абиссинии» (Eshetou Mengesha M. A. Op. cit., S. 468).

итало-эфиопской войны. «Иоханныс[54],— отмечалось в нем,— пал смертью храбрых в битве при Мэтэме, Теодрос[55] застрелился в Мэкдэле, не желая сдаться англичанам, Менелик[56] одержал великую победу при Адуа, а Вы — грязное пятно на нашей истории — просто бежали из-под Май-Чоу»[57]. Конечно, отъезд Хайле Селассие из страны нарушал эфиопскую традицию; никогда еще ни один император Эфиопии, как бы трагически ни складывалась его личная судьба, не покидал страну в годину испытаний, но внешние и внутренние условия в середине 30-х годов XX в. были далеко не те, что в прошлые столетия. Гибель или пленение итальянцами Хайле Селассие, оставшегося в массовом сознании символом государственности и независимости, еще более отрицательно воздействовали бы на эфиопское Сопротивление. Не случайно итальянцы неоднократно распространяли в Эфиопии ложные слухи о смерти Хайле Селассие в изгнании.

Длительное отсутствие императора в Эфиопии, истекавшей кровью в партизанской войне с итальянскими оккупантами, ослабило его позиции в стране, среди руководителей эфиопского Сопротивления даже обсуждался вопрос о ликвидации в послевоенное время монархии. Императору пришлось приложить немало усилий, чтобы предотвратить реализацию этого намерения. Впоследствии, уже возвратившись в страну и утвердив вновь свою власть, он жестоко расправился с теми, кто отстаивал в партизанские годы идею республиканского устройства.

Не раз Хайле Селассие беспощадно карал руководителей многочисленных заговоров против него. Достаточно вспомнить судьбу командующего императорской гвардией бригадного генерала Мэнгысту Ныуая, который совместно с братом Гырмаме возглавил попытку государственного переворота в декабре 1960 года. Мэнгысту, тяжело раненного в ходе подавления восставших частей императорской гвардии, схватили, вылечили, предали суду, а потом повесили на рыночной площади в столице Немало участников неудавшегося переворота было отправлено в тюрьмы на длительные сроки, на каторжные работы; в армии, полиции и службе безопасности произвели чистку. Всех подозреваемых в соучастии или в сочувствии выслали в отдаленные районы.

Как бы жестоко ни подавлял Хайле Селассие все выступления, в правящих кругах всегда находились силы, которые стремились его сместить. По сути дела, всю политическую жизнь императора сопровождали заговоры. Став абсолютным монархом, он не переставал укреплять репрессивный аппарат, при помощи которого подавлял любое инакомыслие, любую критику в свой адрес, любой намек на посягательство на монаршую власть. Самодержавие всячески препятствовало демократизации общественной жизни. «Провозглашение гражданских свобод по новой конституции (1955 г.— *В. Я.*),— писал Э. Лютер, живший в Эфиопии в 50-е годы,— в значительной степени уступка цивилизованному миру. Ни один эфиоп в здравом уме не отважился бы... публично потребовать отставки какого-либо должностного лица. Ни один эфиоп, ка-

---

[54] Император Йоханныс IV (1872—1889) погиб в битве с войсками махдистов, вторгшихся из Судана в пределы Эфиопии (см. Zewde Gabre Selaasie. Uohannes IV of Ethiopia. Oxford. 1975).

[55] Император Теодрос II (1855—1868) положил начало централизации Эфиопского государства после длительного периода феодальной раздробленности. Во время штурма английскими экспедиционными войсками города-крепости Мэкдэлы, Теодрос, не желая сдаваться врагу, покончил с собой (см. Цыпкин Г. В. Эфиопия: от раздробленности к политической централизации (вторая половина XIX — начало XX в). М. 1980).

[56] Император Менелик II (1889—1913) успешно отражал все попытки итальянских колонизаторов поработить Эфиопию. 1 марта 1896 г. при Адуа произошло решающее сражение в ходе итало-эфиопской войны 1895—1896 годов. Итальянский корпус численностью 18 тыс. человек был наголову разбит эфиопами. Эфиопия отстояла тогда суверенитет (см. Цыпкин Г. В. Ук. соч.).

[57] Greenfield R. Op. cit., p. 214.

кое бы он ни получил образование, не рискнул бы написать письмо в газету с критикой государственного чиновника или правительственной политики в целом, и ни одна газета не напечатала бы такое письмо, даже если бы и получила его»[58].

Августейшая прихоть вершила судьбы людей, но прихоть — всегда целеустремленная, всегда исходившая из интересов самодержавия. Властолюбие и коварство были присущи Хайле Селассие. По монаршему повелению низвергались или возносились царедворцы, фавориты, плелись многие интриги, расцветало доносительство, подбирались инертные, бесцветные администраторы на всех ступенях государственной иерархической лестницы, изгонялись и даже уничтожались толковые и активные чиновники. Вследствие такого подхода Хайле Селассие сам к концу своей жизни оказался в плену этой разлагающейся системы, всецело погряз в дворцовых интригах. В созданном им же самим тоталитарном режиме таилась его гибель. Падение Хайле Селассие — это не только личная трагедия монарха, это крушение абсолютизма и начало нового периода в истории Эфиопии.

В борьбе за власть Хайле Селассие выработал определенные стереотипы мышления и поведения в отношении многочисленных заговоров и даже военных выступлений. Когда же он столкнулся в 1974 г. с массовым народным движением и переходом армии на революционные позиции, традиционные методы выхода из острой ситуации оказались непригодными. Он шел даже на значительные уступки военным, соглашаясь с теми или иными их действиями: арестом видных сановников, его ближайшего окружения, крупных правительственных чиновников, включая министров и бывших премьеров, роспуском его личной канцелярии, охраны, военного штаба при нем и т. д. и т. п. Ничто не помогло. Тем не менее, судя по всему, он не оставлял надежды на лучший для себя исход.

Хотя, как писал Капусцинский, «думается, он единственный во всем дворце понимал, что уже не способен противостоять той волне, которая (тогда.— *В. Я.*)... взметнулась»[59]. Противостоять — да, но не полностью проиграть. Возможно, он был убаюкан верноподданническими заявлениями армейских подразделений и ККВС, неоднократно раздававшимися в феврале (когда началось революционное движение) и до сентября 1974 года. Тем более, что ему были известны разногласия в армейской среде, в том числе в ККВС, по поводу его судьбы.

Как пишет кубинский исследователь Рауль Вальдес Виво, уверенность в благоприятном для себя развитии событий не покидала монарха даже в расположении казарм 4-й дивизии. Спустя десять минут после доставки туда Хайле Селассие еще раз выслушал заявление ККВС о его низложении и своим обычным, едва слышным, но полным достоинства голосом спросил: «Кто организатор восстания?». Услышав ответ, переспросил: «Мэнгисту? Не родственник ли тому, кто пытался свергнуть меня в 1960 г.?». И сам себе ответил: «Вряд ли. Он не остался бы тогда в армии. В любом случае, когда я вернусь во дворец, я должен буду уничтожить это имя»[60].

В интервью французским журналистам, посетившим его в заточении в мае 1975 г., Хайле Селассие достаточно четко излагал свои мысли относительно происходящего в Эфиопии. На вопрос, как он относится к переменам в стране, этот совсем еще недавно всемогущий властелин без тени смущения заявил: «В стране осуществляются реформы, как мы и повелели». Нет, это — не акт отчаяния и, тем более, не следствие помешательства или старческого маразма. Это — попытка сохранить

[58] Luther E. Ethiopia To-day. Lnd. 1958, p. 126.
[59] Капусцинский Р. Ук. соч.— Иностранная литература, 1987, № 7, с. 196.
[60] Vivo R. V. Op. cit., p. 8.

лицо всесильного повелителя, приобщиться и к наступившей, уже без него, эпохе. Это — и продолжение дворцовой практики самообольщения и самообмана. Это — и нереальное восприятие мира, созданное десятилетиями безудержного восхваления и доходящего до самоунижения почитания монарха. Это — и проявление искусства выживания в высших сферах монархической Эфиопии. Хайле Селассие был искушен в «дворцовых играх».

Нет, нереальными оказались слухи, упорно распространявшиеся в 60-е годы в стране, что «он (Хайле Селассие I.— *В. Я.*) хотел бы демократизировать свое государство, образовать подлинно народный выборный парламент, который управлял бы страной, а себя провозгласить конституционным монархом на британский манер»[61]. Под давлением обстоятельств он, правда, создал в 1974 г. комиссию по пересмотру конституции, которая и представила в августе проект, содержавший положения о значительном ограничении монаршей власти. Но было уже поздно. Император не помышлял даже в ходе развертывания революционных событий февраля — сентября 1974 г. «о том, чтобы оставить престол». Эта мысль ему «была совершенно чужда... — говорил один из его приближенных,— [ибо] верил, что с его уходом страна рассыплется и погибнет»[62]. С этой верой он и пришел к своему бесславному концу.

[61] Mosley L. Op. cit., p. 286.
[62] Капусцинский Р. Ук. соч.— Иностранная литература, 1987, № 7, с. 198.

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

Люди и события летом — осенью 1941 года

Сегодня — 23 февраля 1968 года. Это великий день, славный юбилей нашей Советской Армии, всех наших Вооруженных Сил, которые были созданы под руководством Ленина и одержали победы в первые же годы революции над белогвардейцами, нашими классовыми врагами. Позднее выдержали фашистское нашествие, удар против Советской страны и народа. Все выдержали с честью, разбили всех наших врагов и высоко держат Красное Знамя, наше знамя, обагренное кровью рабочего класса в борьбе с врагами. Большой путь прошли Советские Вооруженные Силы, и я горжусь этим. Горжусь тем, что мне тоже довелось быть в составе наших славных Вооруженных Сил — Красной Армии.

Я находился в Красной Армии в самые тяжелые времена для нашей молодой Советской республики, с января 1919 года. Мне в ее рядах довелось пройти тяжелые испытания и длинный путь, пришлось служить в составе 9-й стрелковой дивизии, которая сначала отступала с боями за Орел, под Мценск; потом с этой же дивизией проделать путь наступления. Мы промаршировали, буквально гоня противника. Рождество 1919 г. мы встречали уже в Таганроге. Говорю — в Таганроге, потому что наша стрелковая дивизия в это время была придана 1-й Конной армии, которой командовал, как всем известно, Буденный. 1-я Конная наступала на Ростов, мы же пошли на Таганрог. Это очень длинный путь из-под Орла. Но белые так быстро отступали, что нам надо было буквально поспевать за ними.

В 1920 г. мне довелось в составе той же дивизии проделать иной маршрут: 1 марта мы наступали на селение Кошкино (оно имело двойное название: Кошкино-Крым). У меня отложилось в памяти, что именно Кошкино-Крым. В начале апреля мы дошли до Черного моря, заняли Анапу и торжествовали победу, с полным разгромом белогвардейцев. Мы их там сбросили в Черное море. Зимой была создана кавалерийская группа для преследования белых. Мы мобилизовали лошадей у кубанских казаков и посадили на коней наших бойцов, потом участвовали в освобождении Новороссийска. Но не вся дивизия была там: часть ее заняла Анапу и остановилась. Спустя пять дней отдыха, проведенных в Анапе, двинулись на Таманский полуостров и заняли его в том же апреле, а 1-е Мая праздновали уже в Тамани. Ну, это — лирическое отступление в моих воспоминаниях. Действительно, воспоминания есть воспоминания, даже если, к сожалению, они излагаются непоследовательно. Впрочем, это не имеет особого значения.

Возвращаюсь к тому, как из-под Киева уехал от нас Буденный. В июле 1941 г. меня вызвали в Москву. Мне было интересно приехать именно тогда в Москву, проинформироваться и узнать истинное положение вещей. В каком состоянии находится наша страна? Какие соображения имеет Сталин относительно задержания наступления противника, а потом нашего перехода в наступление? Мы не могли даже занять твердую оборону, находились в стадии отступления, в стадии поражений на фронте. В это время Сталин нигде «не вылезал» со своей фамилией как Верховный Главнокомандующий, каковым он вскоре был назначен. Распоряжения отдавались Ставкой. Нигде не говорилось — Командующий (или Главнокомандующий) Сталин. Это тоже свидетельствует об определенном настроении Сталина, который не хотел, видимо, связывать свое имя с поражениями наших войск.

Итак, меня вызвали в Москву, но не сказали, по каким вопросам. Думаю, что Сталин вызвал меня, чтобы узнать, как я оцениваю положение дел на нашем участке фронта. Я занимался тогда только территорией Киевского Особого военного округа, то есть северной частью Украины. Южная часть Украины — это Южный фронт. Он был создан на основе Одесского военного округа. На те войска я никакого влияния не имел.

Когда я приехал в Москву, мне сказали, что Сталин находится на командном пункте. Москву тогда бомбили очень часто, и штаб был перенесен к Кировским воротам, в помещение Наркомата легкой промышленности СССР. Это помещение было занято под штаб, а для Сталина и руководства партии был организован командный пункт Ставки там же, на станции метро «Кировская». Я уже говорил раньше (мне трудно избежать этих повторов), что, когда я встретился со Сталиным, он произвел на меня удручающее впечатление: человек сидел как бы опустошенный и ничего не мог сказать. Он даже не смог сказать мне несколько подбадривающих слов, а я в этом нуждался, потому что приехал в Москву, прибыл к Сталину, в центр, к руководству страной и армией. И вот я увидел вождя совершенно разбитым морально. Он сидел на кушетке. Лицо у него ничего не выражало. На лице было написано, что он во власти стихии и не знает, что же предпринять.

Сталин спросил: «Как у нас дела?» Я ему откровенно рассказал. Собственно говоря, мне и не требовалось ему рассказывать, потому что он сам знал по докладам, которые делал Генеральный штаб: армия бежала, немцы превосходили нас и на земле, и в воздухе, у нас не хватало вооружения, а к этому времени уже не хватало и живой силы. Все рассказал, в каком мы находимся положении. Но одно было новым для него: когда я сказал, что Киев еще наш и мы твердо держимся, построив прочную оборону. Это были первые серьезные достижения в создании обороны. Против наших войск неоднократно предпринимались атаки, и мы их с успехом отбили. И я ему сказал: «Сейчас у нас есть уверенность, что наступление на Киев в лоб вряд ли будет иметь успех». Вот я говорю сейчас «вряд ли». Думаю, что для людей, которые имеют хоть какое-то понятие об обстановке в то время, это «вряд ли будет иметь успех» — слишком оптимистическое заявление.

В Красной Армии тогда, к сожалению, больше рассказывали, как мы бежали, а не как давали отпор. Хотя в процессе бегства наши войска останавливались и наносили довольно чувствительные удары по врагу. Это я теперь ясно вижу, когда прочел книгу «Совершенно секретно! Только для командования!». В ней для меня особенно интересны были подлинные документы из стана врага. С комментариями в книге я не во всем согласен: они недостаточно глубоки и недостаточно объективны. Дальше, видимо, я выскажу свое мнение, в чем конкретно я считаю их недостаточно глубокими и недостаточно объективными. Но вражеские документы доставили мне, я бы сказал, наслаждение. Запоздалое по времени, но наслаждение.

Я читал эту книгу (издательство «Наука». 1967) и видел, как этот

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—9.

бесноватый Гитлер корчился, как извивался он под ударами наших доблестных советских войск и на тех направлениях, где я был членом Военного совета (ни в какой степени я не приписываю этот факт своим личным качествам. Упоминаю об этом, чтобы меня никто не подозревал или тем более не обвинял в нескромности). Сейчас, объективно делая выводы на основе заключений врага, вижу, что наибольшее сопротивление оказывали и наибольший урон наносили немецким войскам именно мы, на Юге. В первые дни войны я был в КОВО, затем в Военном совете Юго-Западного фронта, затем Южного фронта, потом Сталинградского и Юго-Восточного, затем опять Южного, далее Воронежского, потом 1-го Украинского фронта. Мне было приятно читать.

Сейчас мы перешагнули 20 с лишним лет после разгрома гитлеровских войск. Документы, которые были совершенно секретны, стали доступными всем, кто желает познакомиться с тем, как организовывалась и как протекала эта великая борьба народов против фашистской чумы, против гитлеровских сумасбродных идей господства нацизма над всем миром и прочих бредней, которые Гитлер высказывал и в которые верил. Нужно прямо сказать, что Гитлер увлек немецкий народ. Изображать, что его никто не поддерживал, глупо. Если бы Гитлер не имел опоры в немецком народе, то не смог бы добиться того, чего достиг. Он обманул немцев, это верно. Но все-таки даже рабочие поддерживали его. Я это знаю по допросам пленных. Да и внутренней широкой антигитлеровской борьбы рабочих и крестьян в Германии не чувствовалось. Если бы это было, то, видимо, такой стойкости, которую показали немецкие войска во второй мировой войне, не проявилось бы. Если бы немецкая армия, которая состояла из рабочих и крестьян, если бы эти люди выступали против нацизма и против Гитлера, то они не проявили бы такой стойкости. Поэтому-то нам и приходилось каждую пядь земли брать с боем и проливать очень много крови.

Все наши военные знают, что когда мы готовились к наступлению, то место для удара выбирали наиболее выгодное в стратегическом отношении, которое отвечало бы нашим стратегическим замыслам: не с немецкими солдатами, а румынскими или итальянскими. Эти войска были малоустойчивы к нашим ударам. При первом же ударе оборона, которую занимали эти войска, разваливалась. Иное положение складывалось на тех участках, где в обороне находились мадьяры. Мадьяры оказывали очень упорное сопротивление. Видимо, я несколько отвлекся, так как то, что я говорю, скорее всего должно относиться к заключительной части моих воспоминаний. Поэтому возвращаюсь к беседе со Сталиным. Сталин меня расспрашивал, и я рассказал ему о положении на нашем участке фронта. Его голос и выражение лица были не сталинскими. Я привык видеть его уверенность, твердое такое выражение лица и глаз. А здесь был выпотрошенный Сталин. Только внешность Сталина, а содержание какое-то другое.

Я уже говорил, что меня неотвязно преследует его упрек в отношении русского народа. Он сказал: «Ну, вот, говорили: русская смекалка! Где же это сейчас русская смекалка? Где она? Почему не проявляется?». Не помню, что ответил ему. Наверное, ничего. Потому что ответить я ничего не мог. Русскую смекалку из кармана не вытащишь. Я был внутренне возмущен. Когда уехал из Москвы, меня просто распирало. Как же так? Он возлагает сейчас ответственность на всю русскую нацию. Русские, дескать, не проявляют смекалки... Так как же ты можешь так думать о людях, русских ли, украинцах, белорусах, узбеках или других народах нашей великой Родины? Обвинять их в том, что они не проявили смекалки в то время, когда первая смекалка — вооружение, вооружение и еще раз вооружение! Вот что прежде всего, а потом уже проявление смекалки в том, как правильно и более эффективно использовать это вооружение.

Наши войска твоей волею, именно твоей, Сталин, были поставлены в такие условия, когда они не имели даже достаточного количества винтовок. Я уж не говорю о противотанковой артиллерии; не говорю, что мы сначала и понятия не имели о противотанковых ружьях. Не было у нас и автоматического оружия. Потом появились автоматы ППШ. Эти автоматы были изобретены нашими конструкторами-оружейниками вскоре после Финляндской войны, но не изготовлялись. В Финляндии мы на практике познакомились с этим оружием. Финнами оно широко применялось против наших войск, и мы несли очень большой урон. Несмотря на это, такого оружия у нас не было в начале Великой Отечественной войны. В то время рассуждали так, что это оружие неприцельное и очень расточительное по количеству употребляемых боеприпасов. Этот вопрос — святая святых Сталина, он был тут судья. Поэтому в Красной Армии оставили винтовку.

Но жизнь показала обратное. Мы вынуждены были вернуться к этому оружию. Быстро и в достаточном количестве стали делать автоматы и снабжать ими нашу армию. А если бы это сделали раньше? Если бы это правильно было оценено? Кто в этом виноват? Сталин виноват. Сталин и Сталин! Могут сказать: не Сталин же занимался вопросами вооружения. Именно Сталин! Я уже раньше говорил, что старался несколько раз приоткрыть глаза Сталину на маршала Кулика, чтобы он более трезво оценил его. А он все-таки не стал меня слушать. Наоборот, упрекнул меня, что я не знаю этого человека, а он его знает. Такая самоуверенность в оценке людей и, следовательно, в знании дела вот к чему теперь привела. Стоила стольких жизней, такой крови советским людям... Вот какой промах был допущен по вине Сталина.

Сегодня утром мне звонили многие товарищи и поздравляли с днем 50-летия Советских Вооруженных Сил. Звонил мне и мой товарищ, давний друг Сердюк. Я его знаю много лет как партийного работника. Он вместе со мною уехал из Москвы на Украину, стал потом вторым секретарем Киевского городского партийного комитета, а я был избран первым. Мы жили и работали с ним вместе. Когда началась война, я порекомендовал его членом Военного совета 6-й армии. Он был утвержден в должности, а потом оставался членом Военного совета армии до полного разгрома немцев под Сталинградом. Там он был членом Военного совета 64-й армии, которой командовал Шумилов — замечательный генерал и замечательный человек. Он сейчас находится на пенсии.

Я уже говорил, что 6-я и 12-я армии отступили после того, как немцы зашли глубоко во фланг этим армиям, а потом они их окружили и разгромили где-то в районе Умани. Эти две армии попали в плен. И их штабы попали в плен вместе с командующими Музыченко и Понеделиным. Вот тогда и возник в моей памяти довоенный инцидент с Музыченко, но уже, как говорится, последствий никаких не было. Допускали только, что мы, видимо, прозевали, и он, может быть, действительно был нечестным человеком, хотя его поведение и управление войсками оставались до конца безупречными. 12-я и 6-я армии, борясь в окружении, наносили, как теперь известно по немецким документам, довольно большой урон немецким войскам и дрались до последнего. Музыченко был взят в плен раненым; кажется, он лишился ноги. То есть Музыченко попал в такой переплет, который вроде бы давал все основания верить, что он нечестный человек, что он немецкий агент. Это было умозаключение, которое не подтвердилось. Хотя косвенные показатели вроде бы имелись.

Эти генералы, попав в плен, числились у нас как предатели. Тогда все, попавшие в плен, считались по приказу Сталина предателями, а семьи их подлежали высылке в Сибирь. Это было применено, конечно, и против семей Музыченко и Понеделина. Потом эти люди вернулись домой. Я даже помню, что Музыченко возвратился на какую-то работу в ряды Советской Армии, Понеделин — тоже. Потапов тоже попал в плен и тоже вернулся. Он потом занимал какую-то командную должность в Советской Армии. Вот в такие сложные переплеты попадали порой наши командиры.

Хотел бы рассказать еще о таком случае. Думаю, что организовал эту подлость Сергиенко. Сергиенко был наркомом внутренних дел УССР. Такой длиннющий и хитрый человек. Оборотистый человек. Потом оказалось, что это был очень нечестного склада, коварный человек. В Киеве сложилась тяжелая обстановка, и мы вынуждены были перенести штаб Юго-Западного фронта в Бровары. Мы сделали это вместе с командующим войсками. И вдруг я получаю телеграмму от Сталина, в которой он несправедливо обвинял нас в трусости и угрожал, что «будут приняты меры». Обвинял в том, что мы намереваемся сдать врагу Киев. Сталин верил своим чекистам, считал, что они безупречные люди. В телеграмме, конечно, ссылки на них не было. Но я убежден, что никто не мог сделать это, кроме Сергиенко. Это была подлость!

А когда Киев был немцами обойден, он остался в их тылу и выбрался из окружения, переодевшись в крестьянскую одежду. После этого случая я его не уважал и ему не доверял. Рассматривал его как подлого человека, способного на клевету. Чтобы выставить себя героем, он мог других людей обвинить в самых смертных грехах. Но теперь история знает, что мы не только не намеревались сдавать Киев, а нанесли немецким войскам очень большой урон и отбили у них охоту атаковать город в лоб. Киев пал не в результате того, что он был оставлен нашими войсками, которые его защищали, а в результате обходных маневров, предпринятых немцами с севера и с юга, из районов Гомеля и Кременчуга. Это я просто попутно припомнил неприятный эпизод, который глубоко переживал.

Однажды в конце июля или в начале августа 1941 г. мне позвонил из Москвы в Киев Сталин и сказал, что создан штаб Юго-Западного направления. Командующим войсками Юго-Западного направления назначили Буденного. Буденный будет сидеть под Полтавой со своим небольшим оперативным штабом по управлению и координации действий двух фронтов: Юго-Западного, войсками которого командовал Кирпонос, а я был там членом Военного совета, и Южного фронта, войсками которого командовал в то время, кажется, Тюленев. Там имела место быстрая смена командующих. Сначала командовал Тюленев, потом — Рябышев, затем — Черевиченко, потом в конце концов был назначен Малиновский.

Он был наиболее стабильным командующим и довольно долго находился в должности командующего войсками Южного фронта. Ему, как говорится, достались и шишки, и пышки. Шишки — оттого, что в 1942 г. он вторично сдал врагу Ростов. Его войска были разгромлены, как и войска Юго-Западного фронта. Малиновский попал в опалу и был снят с командования. Потом, спустя полгода, опять вернулся в должность и вновь командовал войсками Южного фронта. Далее он командовал, кажется, войсками Юго-Западного, 3-го Украинского и 2-го Украинского фронтов и в этой должности закончил войну на западе, дошел до Вены и Праги и торжествовал вместе с другими полный разгром гитлеровских войск...

Сталин сказал мне: «Буденный в Полтаве один, и мы считаем, что

Вам надо было бы к нему поехать. Мы утвердим Вас членом Военного совета Главного командования Юго-Западного направления, и Вы с Буденным будете командовать двумя фронтами: Юго-Западным и Южным». Отвечаю: «Если мне нужно поехать на Юго-Западное направление, в штаб к Буденному, то вместо меня можно назначить товарища Бурмистенко—второго секретаря ЦК Коммунистической партии Украины. Очень хороший товарищ, умный человек, и он вполне справится с обязанностями. Он знает людей, и они его знают. Отношение к нему очень хорошее. Командующим же оставить Кирпоноса». «Хорошо,— говорит.— Вы тогда вызывайте Бурмистенко и скажите, что он утверждается членом Военного совета Юго-Западного фронта. А Вы немедленно снимайтесь и выезжайте к Буденному. Будете там командовать вместе с Буденным».

Я вызвал Бурмистенко. Штаб находился в Броварах, в 27 километрах от Киева на восток за Днепром. Бурмистенко же был в ЦК партии в Киеве. Он тогда по решению ЦК занимался закладкой боеприпасов, продовольствия и подбирал подпольных партийных руководителей. Одним словом, закладывал технические и материальные средства будущего подполья в лесах, там, где считалось более надежным. Были созданы школы, в которых обучались подрывники — люди, которые умели бы минировать железные дороги, шоссейные дороги и здания. Приехал Бурмистенко. Я ему сказал: «Вот звонил Сталин. Вы будете членом Военного совета фронта. Сталин сказал, чтобы Вы сейчас же вступали в эту должность, а приказ будет отдан позже. Мне он приказал немедленно выехать в Полтаву, к Буденному. Я буду там членом Военного совета Главного командования Юго-Западного направления». И в тот же день, раз Сталин сказал, что дело срочное, я передал командующему, что Сталин дал указание назначить вместо меня членом Военного совета Бурмистенко, и теперь Кирпоносу нужно будет все вопросы решать именно с ним.

Кирпонос был очень покладистым человеком, поэтому с ним было легко работать. Он проявлял себя не так, как, к сожалению, некоторые генералы, которые очень болезненно относились к замечаниям членов Военных советов, если те стремились участвовать в решении вопросов не формально, а по существу. Официально командующие без них ничего не могли поделать, потому что имелся приказ, что член Военного совета отвечает наравне с командующим за принятые решения. Без подписи члена Военного совета любой приказ командующего был недействителен и не подлежал к исполнению нижестоящими войсками, которым был отдан этот приказ. Это уже такая форма дела, от которой никуда не уйдешь. Если же член Военного совета проявлял инициативу и хотел участвовать в решении вопроса, а не только скреплять его своей подписью, то некоторые командующие встречали это в штыки.

Особенно болезненно относился к этому Конев. Один из его членов Военного совета жаловался: «Невозможно работать, третирует». Толковый член Военного совета, военный по профессии, так что он знал свое дело, хороший человек. Сейчас мне неизвестно, жив ли он. К сожалению, и многие другие генералы (я сейчас не называю их) были «тяжелы». Нелегок был и Жуков. Однако я считаю, что вместе с Жуковым можно было действовать более свободно. Это был очень властный человек, но когда мне приходилось с Жуковым (а так часто случалось) рассматривать те или другие вопросы, то мне нравились его взгляды, его решения и его товарищеское отношение. Я тогда уважал его, и уважение это сохранилось доныне, несмотря на то, что мы разошлись с ним в конкретных вопросах политики.

Вообще же вопросами пополнения боеприпасов и материального снабжения члены Военных советов обычно не занимались. Этими

вопросами занимались штабы фронтов, у них была для того непосредственная связь со Ставкой. Эти проблемы лежали в целом на плечах Ставки. У нас на фронте возникали только вопросы оперативного характера. Нам докладывали обстановку, перед нами отчитывались на равных командующие, а мы могли давать им советы, те или другие. Командующие принимали от нас эти советы, указания и, если они им нравились, то выполняли. А если не нравились, то по своим каналам (а таких каналов у них было сколько угодно) апеллировали в Генеральный штаб. Нас это не шокировало.

С Буденным у меня сложились очень хорошие отношения. Характер у него, с одной стороны, положительный, а с другой — очень задиристый. Однажды мы с ним возвращались поздно вечером из Днепропетровска. Обстановка была тяжелая: наши войска оставляли Днепропетровск. Часовой, охранявший подъезды к нашему штабу, задержал нас. Буденный начал с ним говорить и оскорблять его. Солдат стал отвечать ему согласно уставу. Тут Буденный начал ему более настойчиво «разъяснять», и разъяснение это кончилось тем, что он ударил солдата по лицу. Я был просто поражен. Как так? Маршал Советского Союза ударил человека, совершенно невиновного, действовавшего согласно уставу, ударил в нарушение всех уставных норм. Мы там ехали, и он нас задержал, это была его обязанность, он ведь для этого и поставлен. Чистый произвол! Я объясняю этот случай вспыльчивостью маршала. Потому что в принципе Буденный не таков, но он сохранил, видимо, прежнюю привычку как старший унтер-офицер, которым он был в царской армии. Вот и проявилась такая несдержанность. Мы потом разговаривали с Семеном Михайловичем по этому поводу, и я чувствовал, что он сам переживал случившееся. К сожалению, Буденный не однажды позволял себе такие выходки.

Начальником штаба был у нас генерал Покровский. По-моему, генерал-майор. Потом (не знаю, правда, в какой должности он служил после войны) он сидел над материалами по истории этой войны. Считаю, что эта его деятельность была полезной, потому что он профессиональный военный и знает свое дело. Очень кропотливый, на редкость пунктуальный человек. Я бы сказал, до тошноты въедливый человек. Сначала я рассматривал это как его большую работоспособность, а потом увидел, что это идет в тех условиях во вред делу. С ним ничего нельзя было поделать, потому что он, пройдя школу штабной работы, в интересах штабной работы и организации проверки исполнения приказов просто парализовал штабы фронтов и армий. Он не давал возможности работать начальникам штабов и даже командующим войсками, держал их у телефонов и требовал, чтобы они непрерывно докладывали о состоянии войск, положении на том или другом участке фронта, положении в том или другом соединении. Это совершенно невыносимо, но люди ничего не могли поделать.

В подтверждение сошлюсь на такой случай. На Днепропетровском направлении сложилась очень тяжелая обстановка. Немцы вплотную подошли к Днепропетровску и обстреливали город. Днепропетровск защищала армия (или группа войск), которой командовал генерал Чибисов. Это был солидный, толстый, уже в летах человек, бывший офицер царской армии. Он прошел школу гражданской войны в Красной Армии. Сталин знал его лично, знал еще по Царицыну, и доверял ему. Я сказал Семену Михайловичу, что поеду в Днепропетровск послушать Чибисова и секретаря обкома партии. Там был тогда секретарем обкома Задионченко. Я уважал его, он заслуживал этого: дельный и энергичный человек.

Поехал я. Приехал уже поздновато: смеркалось или даже было уже темно. Меня провели в расположение штаба, и я поднялся по лестнице. Штаб находился на втором или третьем этаже. Когда я зашел, командующий был на ногах, ходил по комнате. Тут же, у стола, стоял буквально на коленях и держал телефонную трубку, прижимая ее плечом, начальник штаба. Он что-то записывал в блокнот и давал ответы по телефону. Я спросил Чибисова о положении дел. «Положение? Да Вы сами видите, какое». А в это время раздавались взрывы немецких снарядов. Немецкая артиллерия обстреливала район расположения штаба. Не знаю, случайно ли, но артиллерийский огонь был особенно интенсивным. Может быть, немцы знали, что тут находится штаб? В плен к ним попадали и такие наши офицеры, которые знали место расположения штаба. Может быть, у кого-то не хватило выдержки, и он проговорился? А Чибисов мне сдержанно отвечал, но я чувствовал, что он раздражен. Он говорил, что организует оборону, но это было лишь заявление общего характера.

Я много раз уже слышал от разных командиров: как приедешь к ним, говорят, что организуем оборону, а потом, как уехал, смотришь, а командир следом за тобой убыл да и бросил оборонять этот участок. К сожалению, так было. Я далек от того, чтобы обвинять этих людей в умышленно неправильных докладах. Нет, просто складывалась такая обстановка, что командир не мог сказать, что сдаст обороняемый пункт. Это было исключено, потому что он мог поплатиться за это. А выразить какую-то надежду или, может быть, даже уверенность в том, что немцы тут не пройдут, а уже потом сказать, что под натиском превосходящих сил противника наши войска оставили данный район,— стандартная формулировка, и я к ней в ту пору привык. Спрашиваю Чибисова: «Как обстановка?». А обстановка была такая, что немцы вплотную подошли к Днепропетровску. «Вот,— отвечает,— видите картину?». Я не понял: «Какую?». «А вот сидит полковник, начальник штаба. Он уже сидит так час или больше и отвечает вашему начальнику штаба генералу Покровскому про обстановку у нас на фронте. Он совершенно парализован, потому что не работает. Если он перестанет разговаривать по телефону, то его через 10—15 минут опять вызовут и будут держать час или два. Он даже не сидит, а стоит на коленях, потому что у него места, на которых сидит человек, заболели». Да так зло говорит это!

К сожалению, все это отвечало действительности. Но нужно сказать, что в то время опыт в военном деле у меня был очень небогатый. Поэтому я не знал, насколько Чибисов прав. Казалось, что он прав, но, с другой стороны, я относился к Покровскому с уважением, он ведь тоже руководствовался хорошими, честными побуждениями, хотел знать истинное положение дел в войсках. Позже, когда я уже привык к военной жизни, много месяцев находясь в войсках, то понял, что, хотя бы и из хороших побуждений, Покровский выполнял неприемлемое дело. Действительно, парализуется вся работа из-за таких непрерывных вопросов. Взаимоотношения военных людей вообще весьма своеобразны и часто непонятны штатскому человеку.

В этой связи мне запал в душу один более поздний разговор с Малиновским. Мы уже, кажется, освободили Ростов, наш штаб фронта стоял на хуторе Советском. Я этот хутор знал еще по 1941 году. После освобождения Ростова проводилась операция с целью выбить противника из Таганрога. Штаб армии находился тоже в хуторе Советском. Я хотел поехать в Ростов и узнать, что же делается в городе, как идет восстановление хозяйства, налаживается жизнь, организуется партийная работа. Секретарем обкома партии тогда был Двинский. Хотел я и послушать Двинского, что он скажет о настроениях ростовчан? Поехал я, провел совещание партийных работников Ростова, проверил, как восстанавливается жизнь, как функционируют партий-

ные комитеты и органы Советов. Оттуда вернулся уже ночью. У меня возник какой-то вопрос к командующему войсками фронта Малиновскому, я решил поговорить с ним по телефону. Звоню: «Родион Яковлевич, у меня к вам вопрос. Вы сейчас на ногах или в постели?» Он замялся: «Я, знаете ли, в постели сейчас. Если что нужно срочно, могу сейчас же одеться и прийти». Говорю: «Нет, что вы, отдыхайте, раз легли. У меня не срочный вопрос, завтра обменяемся мнениями».

Какой был вопрос, теперь уже не помню. Видимо, текущего порядка. Может быть, возникли какие-то просьбы со стороны Двинского — помочь городу чем-нибудь из трофейного имущества. Были тогда такие нужды у местных партийных и советских органов. Ответ Малиновского мне понравился. Некоторые другие военные, с которыми приходилось совместно работать и быть у них членом Военного совета, всегда изображали, что они не спят, что всегда на ногах и все время обдумывают военные проблемы, как им разгромить противника. Бывало, иной раз зайдешь неожиданно к командующему, он сидит, а глаза у него заспанные. Он спал, адъютанты же, увидев меня, тотчас его разбудили. Вот он и «в бодром состоянии», а на самом деле спал. Мне это очень не нравилось, но сказать об этом и обидеть человека, занимавшего высокий пост, я не мог. Поэтому мне был известен такой недостаток у командующих. Нет же вообще людей неспящих, потому что человек имеет органическую потребность в отдыхе. Если он не будет спать, это просто больной человек. А если он лишился сна по болезни, то лишился и трудоспособности, тем более такой трудоспособности, которая требуется от командующего по руководству войсками, ведению операций, боев с врагом.

Малиновский был не таким человеком, и это мне очень нравилось. Он мог даже прямо сказать, вроде как бы наговаривая на себя, что он «не так» относится к делу, как надо, поскольку позволяет себе спать во время войны. Мы с ним много раз беседовали по всяким вопросам, и однажды он в беседе со мной высказался по поводу отдачи приказов. Его слова мне тем более интересны, что это говорил именно Малиновский, командующий войсками фронта, очень опытный военный человек, который всю жизнь проходил в мундире и много раз бывал в боях: и в первую мировую войну, и в Испанскую народно-революционную, и во вторую мировую. Он сказал: «Товарищ Хрущев, порядок дела такой. Когда мы принимаем решения и отдаем приказы по фронту, то надо заранее рассчитать время. Чтобы эти приказы были переданы в армии, требуется столько-то времени; чтобы приказы, полученные армиями, передали бы в корпуса,— столько-то времени; чтобы корпусные командиры передали эти приказы в дивизии — столько-то времени; и т. д. В целом довольно длительное время. Если мы сейчас же, как только издали приказ, начнем проверять его выполнение, то вместо того чтобы содействовать скорейшему доведению этого приказа войскам, будем отрывать людей от дела, и они, докладывая нам, не скажут, что приказ не выполняется, а скажут что-нибудь другое. Так иной раз мы заставляем людей выдумывать и парализуем их работу. Поэтому, если отдал приказ, надо дать расчетное время, чтобы приказ был доведен до боевых единиц. Тогда офицеры начнут, каждый по своей линии, проверять правильное разъяснение приказа и соблюдать уставной порядок, которому обучают каждого офицера».

Вот почему я теперь полагаю, что Чибисов был прав, когда выражал недовольство тем, что Покровский сидел на беспрерывном контроле выполнения приказов, отданных командованием, и тем самым лишал людей возможности ведения работы по организации войск на основе полученных приказов.

В ту пору события в районе Днепропетровска развивались очень

бурно, но не в нашу пользу. Мне несколько раз приходилось выезжать к Днепру, знакомиться с тем, как организована оборона по предупреждению его форсирования врагом. Когда я поездил и посмотрел, то понял, что эта оборона очень неустойчива. То была не сплошная оборона по берегу, а просто курсировали вооруженные речные катера Днепровской военной флотилии. Отдельные подразделения были размещены в определенных местах, наблюдали за берегом и в случае попытки форсирования должны были дать отпор. Такая оборона не внушала надежд. Если противник сосредоточит усилия на определенном направлении, то без особого труда сможет форсировать Днепр.

В те дни он не предпринимал каких-либо особых попыток ворваться в Киев. Мы успокоились и считали, что противник потерял охоту ворваться в Киев в лоб. Зато очень активные действия развивались севернее Киева, в сторону Гомеля. Недавно я слушал передачу, связанную с подготовкой празднования 50-летия Советских Вооруженных Сил. Выступал по радио маршал Еременко. Он рассказывал, как вел бои на Гомельском направлении. Отсюда я сделал вывод, что там тогда командовал войсками Еременко. Какой же это был фронт? Западный? Или к тому времени уже был создан Брянский фронт? Мне это не известно. Знаю только, что Гомель для нас, то есть для Юго-Западного фронта, послужил тем каналом, через который к нам прорвался противник и создал угрозу окружения наших войск под Киевом.

А на участке фронта у Днепропетровска завязались упорные бои. Враг форсировал Днепр. Нами был наведен понтонный мост, по которому отходили наши войска, но саперы, видимо, недостаточно хорошо затем разрушили его, и враг им воспользовался. Трудно было толком разобраться, как это случилось, потому что командование докладывало, что мост взорван, а быстрота, с которой враг оказался на левом берегу реки, свидетельствовала, что мост цел. Беженцы с левого берега сообщали, что мост взорван, но сохранил способность держаться на воде. Использовать его под тяжелые грузы было нельзя, а пехота могла пройти. Видимо, враг этим и воспользовался: перебросил пехоту, а потом восстановил мост и перебросил технику. Вновь завязались очень тяжелые бои.

Мы с Буденным выехали к Малиновскому. Вместо погибшей в окружении прежней 6-й армии была создана новая, и ей был присвоен тот же номер. Командующим этой-то армией и был назначен Малиновский. Раньше Малиновский мне был неизвестен. Раньше он командовал корпусом. Штаб армии располагался, по-моему, в школе города Новомосковска. Приехали мы. Была очень тяжелая обстановка, противник все время держал дорогу под бомбежкой, чтобы нам нельзя было подбрасывать подкрепления. Но у нас нечего было и подбрасывать. Вошли мы с Буденным в школу и увидели такую картину: кругом все гудит, гремит; докладывает обстановку командующий 6-й армией Малиновский, и в это же время принесли на носилках командующего войсками Южного фронта Тюленева. Рана у него была несерьезная, но ходить он не мог, так как был ранен в ногу (повреждена мякоть). Тюленев для вдохновления бойцов сам пошел в их рядах, повел их в атаку на противника и при разрыве мины был ранен. С ним же пришел секретарь обкома партии Задионченко.

После ранения Тюленева командующим войсками Южного фронта был назначен казак, который до того командовал танковым корпусом, по фамилии Рябышев. Было сделано все, что в наших силах, чтобы отбросить противника и не позволить ему создать опорный плацдарм на левом берегу Днепра. Но наши усилия не увенчались успехом. Реальных сил, реальных возможностей у нас не имелось. В это же время

мы обнаружили, что противник, концентрируя войска, пытается форсировать Днепр севернее Днепропетровска, в районе Кременчуга. Опять было предпринято все, что в наших силах: направили туда авиацию, бомбили на подходах к реке танковые войска и пехоту противника, чтобы не позволить ему форсировать Днепр. Но противник все-таки форсировал реку и создал плацдарм, помимо района Днепропетровска, еще и в районе Кременчуга и занял левобережную часть этого города.

Когда мы стали разгадывать, какие же дальнейшие намерения имеет противник, то вырисовалась достаточно яркая, ясная картина. Его замысел нам представлялся таким: ударом с юга, с плацдарма у Кременчуга, и ударом с севера, где противник вышел почти что к Курску, прорваться по нашим тылам (войск там у нас не было) и замкнуть окружение наших войск, расположенных по Днепру у Черкасс и за Днепром в Киеве. Мы обсудили сложившуюся обстановку. Дополнительных сил в нашем распоряжении не было. Даже разгадав вражеский замысел, мы не смогли парализовать его осуществление. У нас созрело такое решение: взять некоторое количество войск, артиллерии и прикрыться на фланге в направлении от Киева к Кременчугу, с тем чтобы здесь, в украинских степях, было чем преградить немцам путь на север и не дать им возможность сомкнуть кольцо. Что мы могли взять? Было видно, что войска, которые имелись в Киеве, пока не используются. Там создалась тихая обстановка, и противник никаких усилий против Киева не предпринимал.

Мы с Буденным подготовили соответствующий приказ и послали текст в Москву, чтобы получить согласие. Сами же осуществить такую перегруппировку не имели права. Москва отреагировала очень быстро, но своеобразно. Никакого ответа нам не дали, а вместо того вдруг прилетел маршал Тимошенко с предписанием Буденному сдать главное командование Юго-Западным направлением. В обязанности главнокомандующего войсками Юго-Западного направления вступил Тимошенко. Мы с Буденным распрощались. Буденный сказал мне: «Вот каков результат нашей инициативы»,— и уехал. Переменили главнокомандующего, но обстановка не изменилась, так как новый главнокомандующий приехал с голыми руками.

Следует отдать должное Тимошенко. Он отлично понимал обстановку, все видел и представлял, что для наших войск здесь разразится катастрофа. Но каких-либо средств, чтобы парализовать это, не было. Несколько раз выезжали мы с Тимошенко в войска. Ездили раньше и с Буденным. Выезжали, например, как помню, западнее Полтавы. Там у нас была механизированная группа, командовал ею генерал Фекленко. Когда Фекленко увидел нас, буквально глаза вытаращил от какого-то не то изумления, не то страха. Мы попросили, чтобы он доложил обстановку. Он кратко доложил и тут же попросил: «Поскорее уезжайте отсюда!». Обстановка была такая тяжелая, что он не был уверен в нашей безопасности. Действительно, там, кроме остатков войск Фекленко, ничего не было. Над ними совершенно безнаказанно летал итальянский самолет-разведчик. Враг пользовался безнаказанностью, и даже в дневное время спокойно летал такой тихоход.

В конце августа или в начале сентября соединения противника ударами с юга и с севера соединились восточнее Киева. Наша группировка осталась в окружении. В том числе в окружении оказался штаб Юго-Западного фронта во главе с командующим войсками фронта и первым членом Военного совета Бурмистенко. Кроме Бурмистенко, были еще два члена Военного совета. Один из них — молодой комиссар Рыков, очень хороший товарищ и очень деятельный человек. Он все время мотался по войскам и делал все, что было в его силах, для

улучшения обстановки. Начальник оперативного отдела штаба фронта полковник Баграмян в это время находился в районе Кременчуга и избежал окружения. Мы вызвали его в штаб Юго-Западного направления, разобрались в обстановке, предложили ему немедленно вылететь в расположение штаба Юго-Западного фронта к Кирпоносу и дали устные указания (так как он мог попасть в руки противника). Никаких письменных документов при нем не было. Указания были такого характера: пробиваться из окружения!

Баграмян правильно понял наш приказ и понимал также, что ему нужно попасть в штаб. Он сказал: «Штаб находится там, и я как начальник оперативного отдела должен быть вместе со штабом». Но в это время командующий войсками Юго-Западного фронта Кирпонос получил из Генерального штаба приказ вернуться в Киев и там организовать оборону. Иными словами, ему приказали не пробиваться из окружения, а наоборот. Штаб фронта располагался в это время километрах в 150, если не больше, к востоку от Киева. Это был очень длинный путь для штаба с его хозяйством при отсутствии горючего и боеприпасов и невозможности получить их по воздуху. Такие обстоятельства игнорировались наверху. Кирпонос отдал приказ, и штаб двинулся на запад.

Не знаю, какое расстояние они успели пройти, как получили из Москвы новый приказ — пробиваться на восток. Баграмян уже после выхода из окружения докладывал нам, что в штабе было принято решение повернуть назад. Но штаб был всем этим дезорганизован. Решили, что группы штабных работников должны пробиваться на восток разными путями севернее Полтавы. Была организована группа, которая станет идти впереди работников штаба и ломать сопротивление противника. У противника войск там было мало, он не рассчитывал столкнуться в своем тылу с нашими воинами, поэтому у командующего имелась надежда пробиться. Началось движение. Однако вырваться из окружения всему штабу не удалось, а Баграмян с группой бойцов вышел.

Возник разрыв. Штаб фронта отстал от своей передовой группы, которой командовал Баграмян. А мы тогда уже потеряли всякую связь со штабом фронта. Ранее того Бурмистенко послал своего помощника на самолете У-2 к нам с секретными партийными документами, в которых упоминалось о том, где заложены тайники с вооружением, обмундированием, питанием и боеприпасами для партизанского движения. Так прилетел от него Шуйский. Потом он стал моим помощником и оставался им до конца моей партийной, политической и государственной деятельности. Очень честный, исполнительный и добропорядочный человек. Шуйский рассказал, что вылетел перед рассветом, под пулеметным огнем, вместе с летчиком-полковником (тот потом командовал авиакорпусом). Немцы уже сжимали кольцо вокруг штаба со всех сторон. Вот и все: скудные сведения.

Затем стали выходить оттуда, поодиночке и группами, из окружения генералы, офицеры и бойцы. Каждый выносил свои личные впечатления и давал потом свою информацию об обстановке, в которой непосредственно сам находился. Спустя какое-то время мы получили сведения, что Кирпонос погиб. Какой-то работник особого отдела штаба фронта докладывал мне, что видел труп Кирпоноса и даже принес его личные вещи: расческу, зеркальце. Я не сомневался в его правдивости. Он рассказал, что есть возможность еще раз проникнуть в те места. И я попросил его, если есть такая возможность, вернуться и снять с френча Кирпоноса Золотую Звезду Героя Советского Союза. Он всегда носил ее при себе. И этот человек пошел! Там были болота, труднопроходимые для техники. А человек их преодолел, и я спросил:

«Как же так? Там, наверное, действуют мародеры?». Он ответил, что френч командующего был залит кровью, клапан нагрудного кармана отвернулся и прикрыл Звезду так, что ее не было видно. «Я,— говорит,— как Вы мне сказали, отодрал от френча Звезду».

Совершенно бесследно исчез Бурмистенко, секретарь ЦК КП(б) Украины и член Военного совета Юго-Западного фронта. Мы предприняли очень много усилий, чтобы найти его следы. От людей из охраны Бурмистенко стало известно только одно: они ночевали последнюю ночь в копнах сена. Вечером они заметили, как Бурмистенко уничтожал все документы, которые у него были,— рвал их и закапывал. Зарылись в копны на ночь и расположились спать. Утром, когда они подошли к той копне, в которой ночевал Бурмистенко, его там не было. Потом они нашли закопанные им документы, включая удостоверение личности. Секретные же документы он отправил со своим помощником Шуйским, и мы их получили. Я сделал такой вывод: Бурмистенко уничтожал документы, удостоверявшие его личность. Он считал, что если попадет в руки немцев, то будет установлено, кто он и какое занимает положение. Все такие следы он уничтожил. Мы думали, что он все-таки выйдет из окружения. Много ведь генералов вышло, но Бурмистенко не появился. Думаю, что он или сам застрелился, чтобы не попасть в руки врага, или был убит при попытке выйти из окружения. Никаких документов, удостоверявших его личность, при нем не было. Поэтому он и погиб бесследно. Долго мы ждали его, но наши ожидания, к сожалению, оказались напрасными.

Многие вышли тогда из окружения. Вышел из окружения генерал Костенко с группой войск. Вышел в одиночном порядке начальник связи фронта. Вышел генерал Москаленко (прежде он командовал, по-моему, противотанковой бригадой). Мы со штабом располагались севернее центра Харькова, в Померках. Это когда-то было дачное место, любимое харьковчанами. Там произошел неприятный эпизод с генералом Москаленко. Он был очень злобно настроен в отношении своих же украинцев, ругал их, что все они предатели, что всех их надо выслать в Сибирь. Мне, конечно, неприятно было слушать, как он говорит несуразные вещи о народе, о целой нации в результате пережитого им потрясения. Народ не может быть предателем. Отдельные его личности — да, но никак не весь народ! И я спросил его: «А как же тогда поступить с вами? Вы, по-моему, тоже украинец? Ваша фамилия — Москаленко?». «Да, я украинец, из Гришино». Я-то знаю Гришино, это в Донбассе. «Я совсем не такой». «А какой же вы? Вы же Москаленко, тоже украинец. Вы неправильно думаете и неправильно говорите».

Тогда я первый раз в жизни увидел разъяренного Тимошенко. Они, видно, хорошо знали друг друга. Тимошенко обрушился на Москаленко и довольно грубо обошелся с ним (с моей точки зрения): «Что же ты ругаешь украинцев? Что они, предатели? Что они, против Красной Армии? Что они, плохо с тобой поступили?». А Москаленко, ругая их, приводил такой довод: он спрятался в коровнике, пришла крестьянка-колхозница, заметила его и выгнала из сарая, не дала укрыться. Тимошенко реагировал очень остро: «Да, она правильно сделала. Ведь если бы ты залез в коровник в генеральских штанах и в генеральском мундире. А ты туда каким-то оборванцем залез. Она разве думала, что в ее коровнике прячется генерал Красной Армии? Она думала, что залез какой-то воришка. А если бы ты был в генеральской форме, она бы поступила с тобой по-другому». Мне это понравилось. И я сказал Москаленко: «Сейчас в окружении находится генерал Костенко с группой войск. Я убежден, что он выйдет из окружения. Послушаем, что он расскажет об отношении украинских колхозников к тем нашим войскам, которые остались в окружении в таком бедственном положении».

Часто приходилось тогда слышать, что украинцы проявляют недружелюбие к отступавшей Красной Армии. Я разъяснял: «Вы поймите: почему это крестьяне-украинцы должны приветствовать наше отступление? Они огорчены. Сколько труда затрачено. Ничего не жалели для укрепления армии, для укрепления нашей страны. И вдруг разразилась такая катастрофа. Армия отступает, бросает население, бросает территорию. Естественно, они проявляют недовольство по отношению к тем, кто оставляет их в беде. Это не предательство, а большое огорчение».

Прошло несколько дней. Я заболел и лежал в том домике в Харькове, где располагались прежде я и члены украинского правительства, когда столицей Украины был Харьков. Этот дом занимал в то время и первый секретарь ЦК КП(б) Украины Косиор. Очень хороший особняк, со всеми службами и гаражом, окруженный железобетонным забором. Там-то мне и сообщили, что Костенко вышел из окружения. Я попросил передать Костенко, чтобы он немедленно приехал ко мне и доложил о событиях. Я знал Костенко и с большим уважением относился к нему. Он приехал, и я его спросил: «Ну, как дела?» Он говорил всегда с юмором. «Да, ничего,— отвечает,— люди плакали, когда мы отступали». Спрашиваю его дальше: «А как люди, охотно ли вам помогали, когда нужно было кормить вашу конную группу?». «Да, что вы! Только скажи, так резали кур, и телят, и свиней, и овес давали для лошадей. Все отдавали. Люди, как люди. Сильно плакали, жалели, что так вот сложилось, что Красная Армия вынуждена отступать».

Мне очень приятно было слышать, как он развенчивал заявления некоторых людей, у которых под влиянием личных переживаний сложилось неправильное представление об украинцах. Это тоже были честные люди, я ни капли не сомневаюсь в преданности товарища Москаленко и других лиц. Я только сравниваю, как в тот момент реагировал украинец Москаленко и как реагировал украинец Костенко. И тот и другой основывались на фактах. Только один основывался на том, что украинская крестьянка выгнала его из коровника, а другой — на том, как он выходил из окружения с группой войск в форме советского воина. Украинцы все делали для того, чтобы способствовать выходу из окружения группы, которую вел генерал Костенко!

Когда мы стояли под Полтавой (еще до окончательного окружения Киевской группировки), у нас был подготовлен командный пункт в районе Ахтырки, между Харьковом и Сумами. Поэтому когда мы потом вынуждены были оставить Полтаву, то перебазировали свой штаб в Ахтырку. Ахтырка находилась в таком географическом пункте, что бойцы, офицеры и генералы, выходившие из окружения от течения Сулы на Псел и Ворсклу, попадали потом как раз в район Ахтырки. Позднее создали командный пункт в Померках. Часть людей, которая выходила из окружения на Харьков, попадала теперь в Померки. Сюда пришел Москаленко, сюда же пришел и Костенко.

Не знаю сейчас, сколько дней прошло после того, когда закончилась эта катастрофа и наши войска были пленены или перебиты. Мне доложили, что член Военного совета Рыков был ранен и попал в госпиталь, который остался на территории, занятой противником. Но туда можно проникнуть, потому что там работают советские врачи и медсестры. Я хотел выручить Рыкова, но понимал, что, если кто-нибудь проговорится насчет него, он будет врагом уничтожен. И я послал людей выкрасть Рыкова и переправить его на территорию, занятую советскими войсками. Они ушли, однако скоро вернулись, сказав, что Рыков скончался в госпитале и был похоронен.

Работники штаба Юго-Западного направления напрягали в ту пору все усилия для обороны Харькова. Люди трудились героически и делали все, лишь бы не допустить дальнейшего продвижения противника на восток. Харьковский завод № 75, где до войны изготовлялись танки Т-34, теперь ремонтировал их. Дело было поставлено хорошо, и танки быстро восстанавливались. Имелись запасные части, работали квалифицированные специалисты. Стали приспосабливать к войне тракторы: надевали на них броню и вооружали пулеметом, чтобы использовать в таком виде против врага. Несмотря на непригодность трактора к боевым операциям, это было все же лучше, чем ничего: все-таки металлическая броня. Мы хотели использовать все, что было под рукой, и использовали, как могли. Потом нам сообщили из Москвы, что применяется так называемая «катюша» — реактивный миномет. Сталин даже упрекнул нас: «Есть такое оружие, и надо больше его применять». Я попросил: «Дайте нам чертежи, мы в Харькове быстро организуем производство». Дали нам чертежи, и мы сейчас же организовали производство на заводе им. Шевченко на Лопани.

Я хорошо знал этот завод. До революции он принадлежал Берлизову, в 1912 г. я короткое время работал там слесарем. Его рабочие и инженеры срочно освоили производство «катюш». Мы выезжали в поле и стреляли из них, опробовали конструкцию. Мин к ним мы не делали. Где их изготовляли, я не знаю. Нам же прислали очень ограниченное количество мин. Да и те танки, которые мы ремонтировали у себя, нам приказывали отправлять в Москву. Это нас, конечно, обижало и даже раздражало: нам тут нечем держать немцев, а у нас танки забирают. Взяли у нас тогда довольно большое количество танков...

Мы не знали тогдашнего замысла противника — с форсированием Днепра и разгромом нашей группировки под Киевом и Днепропетровском сосредоточить силы для удара на Москву. Поэтому-то у него силы на Харьковском направлении, видимо, и были небольшие. И наоборот, для отпора врагу на Московском направлении Ставка брала все и отовсюду, что можно было взять, даже у нас из-под Харькова, который сам нуждался в каждой боевой единице. Имелось у нас резервное кавалерийское соединение. Командовал им Белов. Его тоже взяли. Соединение было нетронутым, и мы возлагали на него большие надежды. Оно прибыло в наше распоряжение, но еще не вступило в соприкосновение с противником, как мы получили приказ немедленно направить его в распоряжение командования, которое занимало оборону под Москвой. Это соединение потом хорошо действовало под Тулой.

Противник продолжал продвигаться в направлении Харькова, но не так быстро, как в первые дни войны. Хотя и небольшими силами, однако мы давали отпор. На Харьковском направлении командовал 38-й армией генерал Цыганов, тучный человек с причудами. Я рассказывал о нем Сталину, и Сталин иной раз за обедом возвращался к одному случаю, происшедшему с этим генералом. Когда противник угрожал Харькову, Цыганов вышел на дорогу, по которой отступали наши войска, поставил стол, на нем — самовар и стал пить чай. К нему подбежали и говорят, что фашисты подходят к этому месту. А он — ни шагу назад. Потом он говорил, что таким способом старался внушить уверенность своим бойцам. Следовательно, никакой особой опасности нет. Довольно своеобразный, я бы сказал, метод убеждения в неприступности обороны. Несмотря на это, противник продвигался на восток.

Помню те месяцы: дождь, слякоть — условия, тяжелые для использования противником его техники. У нас к тому времени боевой техники было мало. Мы ремонтировали танки, а их у нас забирали. Вот мы

и пользовались тракторами. Потом нам дали легкие танки Т-50. Это очень даже легкие танки: броня не свыше 20 мм толщины, а может быть, даже меньше. Одним словом, немцы без особых затруднений уничтожали эти танки своей артиллерией. Мы получили приказ подготовить Харьков к эвакуации и сосредоточили все усилия на том, чтобы вывезти станочное оборудование тракторного завода. И нам удалось это, хотя не берусь сказать, что вывезли абсолютно все оборудование. Вряд ли такое вообще когда-нибудь удавалось, но мы действительно очистили все пролеты Харьковского тракторного и вывезли его станки на восток. Там наша промышленность использовала эти станки для того, чтобы организовать производство боевой техники.

Потом мы получили приказ уже с конкретными сроками оставления Харькова, Купянска и отступления к Дону. Не помню сейчас, на какой рубеж, но мы действовали согласно плану Генерального штаба. Когда мы оставили Харьков, все эшелоны скопились в Купянске. Мы с Тимошенко тоже расположились в вагонах. Не знаю, почему противник не воспользовался и не разбомбил там все. Если бы налетели бомбардировщики, то не знаю, что бы там осталось. Может быть, немцы уже были истощены или, самое главное, поставили задачу захвата Москвы и повернули все силы, которые были в их распоряжении, туда. Гитлер считал, что с захватом Москвы он закончит войну и добьется капитуляции СССР.

Когда наши войска оставили Харьков и отошли к Северскому Донцу восточнее Харькова, мы далее не чувствовали давления противника. Он, заняв Харьков, тоже вышел передовыми отрядами к Донцу и стал занимать оборону, не пытаясь продвигаться вперед. Мы подумали: зачем же нам отступать дальше, как было указано в директиве, если противник нас не преследует? Тогда мы обратились в Москву с предложением организовать оборону по Донцу и не отступать дальше. Ну, конечно, мы получили подтверждение своим предложениям. Так была организована оборона по Донцу. Мы же перенесли свой штаб в Валуйки, вылезли из вагонов и расположились в крестьянских хатах.

Сейчас я хотел бы вернуться к главной мысли — об итогах борьбы на Киевском направлении. Мы с Буденным предложили тогда произвести перегруппировку: взять артиллерию с Киевского направления и использовать для предупреждения главной опасности на левом фланге, на Кременчугском направлении. Северное направление, откуда противник двинулся на окружение наших войск, лежало на территории вне нашего влияния, влияния Юго-Западного направления. Там командовал войсками генерал Еременко. Противник прорвался от Гомеля на юго-восток. А мы не получили разрешения на перегруппировку. Приехал Тимошенко удерживать те позиции, на которых были расположены наши войска. Не прошло и недели, как противник отрезал их. Наши предположения, как показала история, были правильными.

Я не могу сейчас сказать, что если бы мы провели эту перегруппировку, то катастрофы не случилось бы. Нет, наверное, она тоже произошла бы. Но, во всяком случае, может быть, не столь сильная, потому что мы кое-что вытащили бы из киевской артиллерии и усилили свой левый фланг в направлении Кременчуга. Там завязались бы тяжелые для противника бои и, может быть, у него не хватило бы войск для завершения операции. Даже когда он уже окружил наши войска, их группы довольно свободно проникали через линию фронта туда и сюда. Это свидетельствует о том, что линия обороны противника была очень жиденькой.

В результате ложного понимания лозунга «Ни шагу назад!» войска часто оставались на невыгодных рубежах и в конце концов погибали,

не принеся ощутимой пользы. Если вернуться ко Львовской операции, то ведь и тогда 6-ю и 12-ю армии мы хотели отвести с тем, чтобы использовать в нужных нам направлениях. Нам запретили. В результате эти войска потом были окружены и попали в плен. А вот вам еще один пример такого же характера — о Киевской группировке. Штаб 37-й армии, которая обороняла Киев, тоже попал в окружение со многими генералами, офицерами и бойцами. Часть их осталась в плену, часть вышла.

Командующим 37-й армии был Власов, который стал потом предателем Родины и которого заслуженно повесили после разгрома Гитлера. Он вышел тогда из окружения (не знаю, спустя какое время). Мы с Тимошенко, конечно, рады были встретить его. Он пришел в крестьянском одеянии и доложил, что вышел с палочкой под видом крестьянина. И мы готовили ему тогда новый пост. Он приобрел славу хорошего генерала, умеющего командовать войсками, строить оборону и наносить удары по противнику. Но нам не дали его использовать. Как только узнали, что Власов вышел, немедленно позвонил лично Сталин и приказал отправить его в Москву. Мы не знали, что тогда готовилось контрнаступление на немцев под Москвой. Потом уже мы узнали, что в этой операции Власов командовал одной из армий. Сталин его очень хвалил. Этот генерал был награжден и считался одним из самых боевых генералов, которые показали свое умение на фронте в наступлении против немецких войск под Москвой.

Но вернусь к вражескому прорыву на Киевском направлении, к окружению этой группировки и гибели 37-й армии. Потом погибла и 5-я армия, которой командовал генерал Потапов. Он попал в плен. Там погибли и другие войска, включая штаб фронта со всеми тылами. Тылы были отрезаны противником, так как он довольно глубоко охватил окруженную группу, восточнее Киева километров на 200. Можете себе представить, какую боевую технику мы там потеряли! Все это было неразумно, безграмотно с военной точки зрения. Мне трудно подобрать нужное слово. Существовало неправильное, ложное понимание «Ни шагу назад!». Вот вам и ни шагу назад. Мы не спасли эти войска, не отвели их и в результате просто лишились. Лишились боевой техники и образовали огромную дыру в линии фронта, которую не смогли заткнуть. У нас не стало ни живой силы, ни техники — боевой, хозяйственной, транспортной. А ведь этого можно было не допустить.

Напрашивается некоторая аналогия с фашистами. Посмотрите документы, которые опубликованы в книге «Совершенно секретно! Только для командования!». Методы обороны сильно перекликаются. Когда немцы под конец войны попали в такое же положение, то допускали такие же глупости. Как наша нераспорядительность содействовала нашему врагу, так и Гитлер потом как бы содействовал нам, облегчая наши усилия по разгрому его войск.

Хотел бы также вернуться к эпизоду с самоубийством члена Военного совета КОВО. Раньше он предлагал заменить командующего войсками КОВО Кирпоноса на генерала Пуркаева. Пуркаев — достойный человек. После самоубийства я сообщил Сталину, как было дело. Ответа, кажется, никакого не получил.

Прошло какое-то время. Мы уже отступили к Киеву, и штаб наш располагался в Броварах. Вдруг приезжает к нам генерал Тупиков (я его до этого не знал) и привозит предписание вступить ему в должность начальника штаба КОВО, а Пуркаеву сдать дела и прибыть в распоряжение Генерального штаба. Так и было сделано. Познакомился я с генералом Тупиковым. К нам он попал из Турции, в которой оказался после начала Великой Отечественной войны как наш военный

атташе в Берлине. Когда Гитлер напал на СССР, все советские дипломаты были переправлены в закрытых вагонах из Германии в Турцию. Тупиков произвел на меня хорошее впечатление. Хотя я был очень хорошего мнения и о Пуркаеве. Новый начштаба был помоложе и позадористей. Не знаю, кто из них более достойный. Сейчас я об этом не хочу говорить, потому что я и того, и другого высоко ценил и уважал.

Приступил Тупиков к работе. Мне нравились его четкость и оперативность. С ним случился такой инцидент. Мне рассказал об этом Баграмян, который был его заместителем, начальником оперативного отдела. Когда однажды налетели немецкие бомбардировщики на расположение нашего штаба (а это повторялось каждый день), Баграмян, очень уставший, прилег на кушетке и закрыл глаза, но не уснул. Спать было невозможно, потому что земля дрожала и гудела. Тупиков же в это время расхаживал по комнате и напевал себе под нос: «Паду ли я, стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?» Доставал бутылку из-под стола с чем-то, наливал себе бокальчик, выпивал и опять продолжал расхаживать, видимо, обдумывая какие-то вопросы. Так потом происходило не раз. Не трус был Тупиков. Увы, когда штаб фронта попал в окружение, Тупиков не возвратился. По-моему, даже и трупа его не нашли. Для нас он остался без вести пропавшим.

Осень 1941 г. на Украине была очень дождливой. Грязища была невероятной, просто непролазной. Сложились особенно трудные условия для наступавшей стороны (когда армия отступает, бездорожье в какой-то степени затрудняет продвижение противника и, я бы сказал, облегчает оборону). Потом рано выпал снег, и ударили довольно сильные морозы. Мы стали готовить по Донцу оборону. Чувствовали, что противник устраивается тут на зиму и, в свою очередь, строит зимнюю оборону. Об этом нам доносила наша войсковая разведка и перебежчики — наши люди, которые проживали на занятой противником территории.

После гибели Тупикова нам прислали начальником штаба молодого, очень интересного, ученого и умного генерала Бодина. Я полюбил этого человека за его ум, за ясное понимание им обстановки. Он был интересен и как человек, и как военнослужащий. Мне нравилось и то, что они сдружились с Баграмяном. Я питал к Баграмяну с самой нашей первой встречи большую симпатию. А теперь оба они работали дружно. Трезвые были люди. Трезвые и по части питейных дел, и умом, разумным пониманием военной обстановки. Помню, как однажды пришли ко мне Бодин с Баграмяном изложить свою точку зрения относительно потери нами Ростова. В то время Юго-Западный фронт действовал под командованием маршала Тимошенко. Он же был и командующим войсками всего Юго-Западного направления, и ему было подчинено поэтому командование Южного фронта. Я тоже являлся членом Военного совета Юго-Западного направления и одновременно Юго-Западного фронта.

Это я говорю для того, чтобы было понятно, почему Бодин и Баграмян докладывали мне по вопросу о Ростове. Ростов всегда лежал в полосе Южного фронта, созданного еще в начале войны. Начали они доказывать с цифрами в руках, что противник занял Ростов в результате очень неграмотного, никчемного командования войсками Южного фронта. Южный фронт располагал такими силами, которыми он мог не допустить захвата Ростова и отбить натиск противника. Ростов заняла тогда танковая армия под командованием фашистского генерала Клейста. Он занимал высокое положение среди немецких генералов по умению вождения танковых войск. Такая о нем шла слава. Бодин и Баграмян говорили: «Мы считаем, что, несмотря на то, что у нас сейчас очень слабые силы, можно собрать их в ударный кулак, сконцентрировать

его в направлении Ростова и ударить по Клейсту. Можно освободить Ростов. Мы совершенно убеждены в осуществимости этого, но при одном условии: чтобы операцию эту проводил бы не командующий Южным фронтом, а маршал Тимошенко. Мы маршалу своих соображений не докладывали. Хотели сначала изложить свои соображения вам с тем, чтобы вы поставили этот вопрос на Военном совете».

Насколько я смог разобраться в их доводах и понять их — убедился, что они рассуждают реально и такая возможность у нас, видимо, есть. Надо было эту возможность использовать, тем более в столь тяжелое время. Пока еще не было случая, чтобы мы, сдав противнику какой-то крупный город, потом отбили его. Это имело бы не только военное, но и большое политическое значение как для наших войск, так и для гражданского населения. Важно было показать, что Красная Армия тоже может наносить удары. Тут представлялся хороший случай, на котором можно было конкретно продемонстрировать эту возможность и выбить противника из Ростова. И я заговорил об этом с Тимошенко. Тимошенко хорошо принял предложение и ответил: «Да, давайте поставим вопрос, послушаем Бодина и Баграмяна. Пусть они нам доложат». Они, докладывая, предложили, откуда и какие соединения взять и куда направить главным образом, оттуда же, с Южного фронта, чтобы сконцентрировать удар по Ростову, оголив при этом некоторые участки, на которых, как мы считали, противник будет продолжать занимать оборону. Доложили в Москву. Москва санкционировала эту операцию.

Подготовительная работа была проведена. Подтянули и перебросили туда все, что могли: и боеприпасы, и артиллерию, и танки, какие у нас тогда были. Пришел день, на который мы назначили наступление. Мы улетели с Тимошенко на юг и расположились в каком-то населенном пункте под Ростовом. Началась операция. Но задачу, которую мы поставили, сразу решить не смогли. Противник оказал упорное сопротивление, а у нас не имелось достаточно сил, чтобы вынудить его оставить Ростов. Мы вынуждены были прекратить наступление, с тем чтобы не истреблять свои войска. Однако не отказались от операции, а прервали ее на какое-то время, чтобы подтянуть новые войска, взяв их с отдельных участков Южного фронта. Все-таки мы верили, что сможем освободить Ростов.

Прошло еще какое-то время, и операция продолжилась. Мне очень нравилась распорядительность Тимошенко. Он, как говорится, блеснул при проведении этой операции толковым использованием войск и умением заставить людей выполнять приказы. Ростов мы взяли! Противник вынужден был откатиться к Таганрогу, то есть на довольно приличное расстояние. Тут же я выехал в Ростов. Мне хотелось посмотреть на разрушения в городе и тот ущерб, который нанес ему враг. Наше население переживало случившееся. Трудно было даже выразить словами его радость по поводу освобождения их любимого города от немецких войск. На улицах валялось много трупов солдат, а также людей, расстрелянных немцами. Враг бросил и некоторую боевую технику. Тогда-то я и увидел немецкие пулеметы и легкую артиллерию на гусеничном ходу, о чем рассказывал ранее. Но особенного мы ничего не захватили, чем нам можно было бы воспользоваться. Все, что немцы бросили, было не на ходу, а выведено из строя было, видимо, еще во время боев.

Итак, противник был отброшен к Таганрогу. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды: мы решили с ходу взять Таганрог. Однако у нас не хватило сил. Потом мы предприняли там еще несколько атак, но безуспешных, и приостановили наступление. Зато захват Ростова произвел очень сильное впечатление на всю страну. Передовая газеты «Правда», поздравляя нас, выставляла напоказ наши успехи. На этом примере морально мобилизовывались как военные, так и гражданские силы СССР, демонстрировалась возможность бить врага.

Когда я прилетел в Москву, то увидел, что Сталин тоже был очень доволен. Он хвалил Тимошенко и меня. В «Правде» были упомянуты наши фамилии. Одним словом, все это произвело большое впечатление, и потом, я считаю, заслуженно. Я не говорю тут о собственной персоне. Но факт освобождения Ростова показал, что Красная Армия имеет возможность не только оказывать сопротивление, а и наступать. Конкретная демонстрация этой возможности — как раз освобождение Ростова. В данной операции хотел бы отметить также особую роль генерала Бодина, который погиб потом под бомбежкой на Кавказе, и ставшего впоследствии Маршалом Советского Союза Баграмяна. Это они были инициаторами и душой операции, показали в ней свое умение анализировать ситуацию и правильно нацеливать войска на разгром врага. Хочу отдать должное и маршалу Тимошенко, который блестяще провел всю операцию.

(*Продолжение следует*)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Генерал А. И. Деникин

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ И АРМИИ. **Февраль — сентябрь 1917.**

ТОМ ПЕРВЫЙ. ВЫПУСК ВТОРОЙ

Глава XXVII. *Революция и казачество*

Своеобразную роль в истории смуты играет казачество. Слагавшиеся исторически, в течение нескольких веков, взаимоотношения казачества с центральной общерусской властью носили характер двойственный. Власть всемерно поощряла развитие казачьей колонизации на беспокойных рубежах русской земли, где шла непрерывная война, охотно мирясь с особенностями их военно-земледельческого быта и допуская большую или меньшую независимость и самобытные формы народоправства, с представительными органами (кош, круг, рада...), выборной «войсковой старшиной» и атаманами. «Государство при слабости своей,— говорит Соловьев,— смотрело не так строго на действия казаков, если они обращались только против чужих стран: при слабости государства считалось нужным давать выход этим беспокойным силам». Но «действия» казаков обращались не раз и против Москвы, и это обстоятельство вызвало затяжную внутреннюю борьбу, которая длилась до конца 18 века, когда после жестокого усмирения Пугачевского бунта вольному юго-восточному казачеству был нанесен окончательный удар; оно мало-помалу утрачивает свой резко оппозиционный характер и приобретает даже репутацию наиболее консервативного, государственного элемента, опоры престола и режима.

С тех пор власть непрестанно демонстрировала свое расположение к казачеству и подчеркиванием действительно больших заслуг его, и торжественными обещаниями сохранения «казачьих вольностей» *, и почетными назначениями по казачьим войскам лиц императорской фамилии. Вместе с тем власть принимала все меры, чтобы «вольности» эти не развивались чрезмерно в ущерб той беспощадной централизации, которая составляла историческую необходимость в начале построения русской государственности и огромную историческую ошибку в ее позднейшем развитии. К числу таких мер надлежит отнести ограничение казачьего самоуправления и в последнее время традиционное назначение атаманами лиц неказачьего сословия, зачастую совершенно чуждых казачьему быту. Старейшее и наибольшее численно Донское войско возглавлялось не раз генералами немецкого происхождения.

Казалось, царское правительство имело полное основание рассчитывать на казачество: многократные усмирения вспыхивающих в России местных политических, рабочих и аграрных беспорядков, подавление более серьезного явления — революции 1905—1906 гг., в котором большое участие приняли и казачьи войска,— все это как будто поддерживало установившееся мнение о казаках. С другой стороны, эпизоды «усмирений», с неминуемым насилием, иногда жестокостью, получали широкое распространение в народе, преувеличивались и вызывали враждебное отношение к казакам на фабрике, в деревне, среди либеральной интеллигенции и, главным образом, в среде тех элементов, которые известны под именем революционной демократии. Во всей подпольной литературе — в воззваниях, листовках, картинах — понятие «казак» стало синонимом «слуги» реакции.

Это определение грешило большим преувеличением. Баян Донского казачьего войска, Митрофан Богаевский [1], так говорит о политической физиономии казачества: «Первым и основным условием, удержавшим казачество, по крайней мере, в первые дни, от развала, была идея государственности, правопорядка, глубоко сидящее сознание необходимости жизни в рамках закона. Это искание порядка, законности красной нитью проходило и проходит через все круги всех казачьих войск». Но такие альтруистические побуждения одни далеко не исчерпывают вопроса. Невзирая на огромную тяжесть поголовной военной службы, казачество, в особенности южное, пользовалось известным благосостоянием, исключавшим тот важнейший стимул, который подымал против власти и режима рабочий класс и крестьянство центральной России.

Необыкновенно запутанный земельный вопрос противопоставлял сословно-экономические интересы казачества интересам «иногородних»* поселенцев. Так, например, в старейшем и крупнейшем войске Донском обеспеченность землей отдельного хозяйства выражалась в среднем в десятинах: казачьего 19,3—30; коренных крестьян—6,5; пришлых крестьян — 1,3. Наконец, в силу исторических условий, узкотерриториальной системы комплектования казачьи части имели совершенно однородный состав, обладали большой внутренней спайкой и твердой, хотя и несколько своеобразной, в смысле взаимоотношений офицера и казака, дисциплиной, и поэтому оказывали полное повиновение своему начальству и верховной власти.

Правительство, опираясь на все эти побуждения, широко использовало казачьи войска для подавления народных волнений и тем навлекло на них глухое озлобление среди бродящей, недовольной массы населения.

За свои исторические «вольности» казачьи войска, как я уже сказал, несли почти поголовную службу. Тягость ее и степень относительного значения этих войск в составе вооруженных сил русской державы определяются приводимой таблицей (по техническим причинам данные приводятся не в виде таблицы.— *Ред.*). Состав казачьих войск к осени 1917 г. Войск Донского: конных полков — 60, сотен не в составе полков — 72, пеших батальонов — 0; Кубанского (соответственно) — 37, 37, 22; Оренбургского — 18, 40, 0; Терского — 12, 3, 2; Уральского — 9, 4, 0; Сибирского — 9, 3, 0; Забайкальского — 9, 0, 0; Семиреченского — 3, 7, 0; Астраханского —3, 0, 0; Амурского —2, 5, 0; всего **—162 171, 24.

Отчасти как армейская конница — в составе дивизий и корпусов, отчасти же как корпусная и дивизионная конница — в составе полков,

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—9.

* Последняя грамота войску Донскому дана была 24 января 1906 г. императором Николаем II и заключала в себе следующие слова: «...Подтверждаем все права и преимущества, дарованные ему (войску), утверждая Императорским словом Нашим как ненарушимость настоящего образа его служения, стяжавшего войску Донскому историческую славу, так и неприкосновенность всех его угодий и владений, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков...».

* Так назывался пришлый, не казачий элемент области.

** С соответственной артиллерией.

дивизионов и отдельных сотен, казачьи части были разбросаны по всем русским фронтам от Балтийского моря до Персии. Казачество, в противовес всем прочим составным частям армии, не знало дезертирства.

Когда началась революция, все политические группировки обратили большое внимание на казачество — одни, возлагая на него преувеличенные надежды, другие, относясь к нему с нескрываемой подозрительностью. Правые круги ожидали от казачества реставрации; либеральная буржуазия — активной опоры правопорядка; левые опасались контрреволюционности и повели поэтому бешеную агитацию в казачьих частях, стремясь к их разложению. Этому отчасти содействовало и то покаянное настроение, которое прозвучало на всех казачьих собраниях, съездах, кругах, радах, где свергнутая власть обвинялась в систематическом восстановлении казаков против народа... Что касается Временного правительства, то отношение его к казакам было также двойственным. С одной стороны, правительство оказывало казакам все знаки внешнего внимания и не противилось созданию на местах захватным порядком широкого самоуправления и выборного атаманства, с другой — стремилось изъять из подчинения выборным атаманам казачьи гарнизоны областей и ограничить компетенцию казачьей власти, ставя повсюду для наблюдения за закономерностью ее действий правительственных комиссаров.

Взаимоотношения казачества с местным земледельческим населением были необыкновенно сложны, в особенности, в казачьих областях Европейской России *. Среди казачьих наделов были вкраплены земли крестьян — давних переселенцев (коренных), земли, находящиеся в долгосрочной аренде, на которых выросли большие поселки, наконец, земли, жалованные некогда верховной властью различным лицам и постепенно переходившие в собственность иногородних. На почве этих взаимоотношений теперь возникла распря, начавшая принимать характер насилий и захватов.

В отношении Донского войска, дававшего тон всем остальным, Временное правительство сочло себя вынужденным обнародовать 7 апреля воззвание, в котором, подтверждая, что «права казаков на землю, как они сложились исторически, остаются неприкосновенными», вместе с тем обещало и иногороднему населению, «владение которого на землю также имеет за собою историческое право», что оно будет удовлетворено в возможной мере Учредительным собранием. Этот земельный ребус, затуманивший самое больное место казачьих чаяний, был недвусмысленно разъяснен в половине мая министром земледелия Черновым (на Всероссийском крестьянском съезде), который заявил, что казаки имеют большие земельные наделы, и теперь им придется поступиться частью своих земель.

В казачьих областях, между тем, шла кипучая работа в сфере самоопределения и самоуправления; печать приносила сведения неясные, сбивчивые; никто еще не слышал голоса всего казачества. Понятно, поэтому, то всеобщее внимание, которое сосредоточено было на собравшемся в начале июня в Петрограде Всероссийском казачьем съезде. Казаки, учтя всю сложность своего положения, отдали дань и революции, и государственности, и собственным своим нуждам — ведь вопрос об угодьях самый жизненный — и сделали приятный жест по адресу Совета. Съезд единодушно сказал: Россия должна быть неделимой демократической республикой, с широким местным самоуправлением. Всемерная поддержка Временному правительству, но обращается его внимание на необходимость борьбы против анархистов, большевиков и интернационалистов и на принятие решительных мер против их пропаганды. Неприкосновенность казачьего уклада. Но после войны — несение службы на общих основаниях. Оставление в неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждого казачьего войска его земель и угодий со всеми недрами.

* В Донской области 48% крестьян и 46% казаков.

Труднее было с вопросом об отношении к Совету. Но и здесь съезд нашел выход: после обмена приветствиями и взаимного кооптирования делегаций, после вскользь оброненной председателем фразы, что «казачество пойдет по одному пути с Советом», после неответственной речи на съезде Советов терского делегата, что казачество считает Совет «истинным хозяином земли русской»,— вопрос об отношении к Совету, поставленный на повестку последнего заседания, «за недостатком времени» был снят. Казачий съезд закрылся, оставив в Петрограде «Совет союза казачьих войск». Впечатление у всех осталось неопределенное: и надежды одних, и опасения других не рассеялись.

Тем временем, по инициативе революционной демократии, началась сильнейшая агитация, с целью проведения идеи «расказачивания». Там, где казаки были вкраплены в меньшинстве среди иногороднего или туземного населения, она имела вначале некоторый успех: так, в марте круг Забайкальского войска совместно с крестьянами и инородцами постановил упразднить войско; в Сибирском войске вызвал большие осложнения приезд 43 делегатов, командированных с фронта распропагандированным комитетом Сибирской дивизии для «расказачивания» и для общей разверстки земли между казаками и крестьянами. Но в общем идея самоупразднения никакого успеха не имела. Наоборот, среди казачества все более усиливалось стремление ко внутренней обособленной организации и к единению всех казачьих войск. Повсюду возникли казачьи правительства, выборные атаманы и представительные учреждения (круги и рады), компетенция которых расширялась в зависимости от ослабления авторитета и власти Временного правительства. Во главе казачества появились такие крупные люди, как Каледин (Дон), Дутов [2] (Оренбург), Караулов [3] (Терек).

В областях образовалось троевластие. Атаман с правительством, комиссар, Совет рабочих депутатов *. Роль комиссаров Временного правительства была довольно неопределенной, права и обязанности неясны. Назначение, например, комиссара в Донскую область определено правительственным актом в таком виде: «Для улаживания всяких споров, для достижения соглашений и вообще для правильной постановки разных местных вопросов»... Впрочем, комиссары после кратковременной и неудачной борьбы вскоре стушевались и не проявляли никакой деятельности.

Гораздо более серьезною становилась борьба казачьей власти с местными Советами, комитетами, опиравшимися на буйную солдатскую чернь, наводнявшую области в качестве армейских запасных батальонов и тыловых армейских частей. Этот бич населения положительно терроризировал страну, создавая анархию в городах и станицах, производя разгромы, захват земель и предприятий, попирая всякое право, всякую власть и создавая невыносимые условия жизни. Бороться с этим засильем казакам было нечем—все части находились на фронте; только в Донской области, случайно, к осени 1917 года, не без сознательного попустительства Ставки, сосредоточилась одна дивизия, позднее три, при посредстве которых генерал Каледин пытался водворить порядок. Но все его мероприятия, как то: занятие вооруженной силой железнодорожных узлов, важнейших копей и крупных пунктов, обеспечивавшее нормальную связь и питание центра и фронтов, встречало не только сильнейшее противодействие со стороны Советов и обвинение в контрреволюционности, но даже некоторую подозрительность во Временном правительстве. В то же время кубанцы и терцы просили Дон прислать

* Местами «Областной совет иногородних».

хоть несколько сотен, так как «от товарищей дышать становится невозможно».

Завязанные в первые дни революции дружественные отношения между общерусской и казачьей революционными демократиями вскоре порвались окончательно. «Казачий социализм» оказался явлением настолько самодовлеющим, замкнутым в своих сословно-корпоративных рамках, что не укладывался в общепринятой идеологии учения, хотя казачьи представители его носили те же установленные названия — соц.-революц. и соц.-демокр.; при этом в Донском круге, например, при большинстве кадетов, было солидное представительство социал-революционеров *, а в Кубанской раде—преобладание социал-революционеров и социал-демократов. Главная масса выборного казачества — преимущественно степенные «старики» (молодежь — вся на фронте) — не отличалась особенно ни общим, ни политическим развитием и не принадлежала, конечно, ни к каким партиям, смотрела на вещи с чисто прикладной казачьей точки зрения и умеряла до некоторой степени политические увлечения своих верхов.

Советы придали идее «расказачивания» внешние формы как будто объективные: они стремились к объединению всех русских губерний в административном устройстве (советском), казаки же к обособлению и чисто казачьему самоуправлению; Советы требовали проведения общеземского демократического положения, казаки не желали поступаться своими учреждениями; Советы настаивали на уравнении земельных наделов между казаками и крестьянами, казаки всеми силами защищали свое право собственности и распоряжения казачьими землями, основывая его на исторических заслугах своих в качестве завоевателей, охранителей и колонизаторов бывших рубежей русской земли.

Организация общего областного управления не удалась. Началась внутренняя борьба. На почве этой возникли два явления: первое — тяжелая атмосфера отчужденности и вражды между казачьим и иногородним населением, принимавшая иногда, впоследствии, в быстро менявшихся этапах гражданской войны, чудовищные формы взаимного истребления, когда власть переходила из рук в руки. При этом обыкновенно та или другая половина населения крупнейших казачьих областей устранялась вовсе от участия в строительстве и хозяйстве края **. Второе — так называемый казачий сепаратизм, или самостийность.

Казачество не имело никакого основания ожидать от революционной демократии благоприятного разрешения своей участи, и особенно в наиболее жизненном для него вопросе — земельном. С другой стороны, Временное правительство также заняло двусмысленную позицию в этом отношении, и притом правительственная власть явно клонилась к упадку. Будущее рисовалось в совершенно неопределенных контурах. Отсюда, независимо от общего здорового течения к децентрализации у казаков, веками искавших «воли», явилось стремление самим обеспечить себе максимум независимости, чтобы поставить будущее Учредительное собрание перед совершившимся фактом, или, как говорили более откровенные казачьи деятели, «чтобы было с чего сбавлять». Отсюда — постепенная эволюция от областного самоуправления к автономии, федерации и конфедерации. Отсюда, наконец, при вмешательстве местных самолюбий, честолюбий интересов,— перманентная борьба со всяким началом общегосударственного направления, ослаблявшая обе стороны и затянувшая надолго гражданскую войну ***. Эти же обстоятельства родили идею самостоятельной казачьей армии, возникшей впервые среди кубанцев и не поддержанной тогда Калединым и более государственными элементами Дона.

Все изложенное относится, главным образом, к трем казачьим войскам (Дон, Кубань, Терек), составляющим более 60% всего казачества. Но общие характерные черты свойственны и другим войскам.

В стремлении к объединению казачество добивалось восстановления упраздненной должности походного атамана при Ставке, ведавшего ранее в административном отношении всеми казачьими войсками на фронте. В Ставку приезжала делегация казачьего союза просить о сохранении, до выяснения этого вопроса, атаманского штаба. Очевидно, в будущем предусматривалась возможность серьезного политического значения этого института. Верховный главнокомандующий, исходя исключительно из целесообразности и не желая запутывать еще более в корне нарушенное единство командования, отнесся отрицательно к созданию новой должности.

Интересно, что такого же взгляда держался сам признанный глава казачества генерал Каледин, которому впоследствии правительство, опасаясь возрастающего влияния его на Дону, предложило пост походного атамана. «Должность эта,— говорил Каледин,— совершенно не нужна. Она и в прежнее время существовала только для того, чтобы посадить кого-нибудь из великих князей. Чины штаба проводили время в поездках в тылу и попойках, держась в почтительном отдалении от армии, ее нужд и горестей». Каледин решительно отказался. Однако в левых кругах, чрезвычайно подозрительно относившихся и к казачеству, и к Ставке, проект походного атаманства вызвал большое беспокойство. Отравленная болезненной подозрительностью революционная демократия искала проявления контрреволюции и там, где руководствовались исключительно интересами государственными.

Сообразно с видоизменением состава Временного правительства и падением его авторитета, менялось отношение к нему казачества, нашедшее выражение в постановлениях и обращениях Совета союза казачьих войск, атаманов, кругов и правительств. Если до июля казачество вотировало всемерную поддержку правительству и полное повиновение, то позже оно, признавая до конца власть правительства, вступает, однако, в резкую оппозицию по вопросам об устройстве казачьего управления и земства, против применения казаков для усмирения мятежных войск и районов, и так далее. В сентябре, после корниловского выступления, Донское войско, поддержанное другими, становится на защиту Донского атамана Каледина, объявленного мятежником Временным правительством, проявившим в этом деле чрезвычайное легкомыслие и неосведомленность. Лояльность Каледина в отношении общерусской власти простиралась так далеко, что уже после падения Временного правительства он не решался расходовать на нужды области денежные запасы областных казначейств и сделал это только после ассигнования одним из прибывших в область членов бывшего правительства 15 миллионов рублей... Атамана казаки не выдали, в посылке карательных отрядов категорически отказали. А в октябре Кубанская рада облекает себя учредительными правами и издает конституцию «Кубанского края». С правительством говорят уже таким тоном: «Когда же Временное правительство отрезвится от этого угара (большевистское засилье) и положит решительными мерами конец всем безобразиям?»

Временное правительство, не имея уже ни авторитета, ни реальной силы, сдало все свои позиции и пошло на примирение с казачьими правительствами. Замечательно, что даже в конце октября, когда, вследствие порыва связи, о событиях в Петрограде и Москве и о судь-

* Круг вошел в блок с кадетской партией (народной свободы) для выборов в Учредительное собрание, вскоре, впрочем, расторгнутый.

** В главнейших областях, на Дону и Кубани казачье население составляло около половины.

*** Об этих явлениях я буду говорить подробнее впоследствии.

бе Временного правительства на Дону не было еще точных сведений, и предполагалось, что осколки его где-то еще функционируют, казачья старшина в лице представителей собиравшегося Юго-восточного союза * искала связи с правительством, предлагая помощь против большевиков, но... обусловливая ее целым рядом экономических требований: беспроцентным займом в полмиллиарда рублей, отнесением на государственный счет всех расходов по содержанию вне территории союза казачьих частей, устройством эмеритальной кассы для пострадавших и оставлением за казаками всей «военной добычи» (?), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне...

Небезынтересно, что Пуришкевич долго носился с идеей переезда на Дон Государственной Думы, для противовеса Временному правительству и сохранения источника власти на случай его крушения. Каледин отнесся к этому предложению отрицательно. Характерным показателем отношения, которое сумели сохранить к себе казаки в самых разнородных кругах, является та тяга на Дон, которая впоследствии, к зиме 1917 года, привлекла туда Родзянко, Милюкова, генерала Алексеева, Быховских узников, Савинкова и даже Керенского, который явился в Новочеркасск к генералу Каледину в двадцатых числах ноября 1917 г., но не был им принят. Не явился только Пуришкевич, да и то потому, что в это время сидел в тюрьме у большевиков в Петрограде. И вдруг оказалось, что все это чистая мистификация, что никакой силы у казачества в то время уже не было!

Ввиду разгоравшихся на территории казачьих войск беспорядков, атаманы не раз входили с ходатайством о возвращении с фронта хотя бы части казачьих дивизий. Их ждали с огромным нетерпением и возлагали на них самые радужные надежды. В октябре эти надежды как будто начали сбываться: потянулись домой казачьи дивизии. Преодолевая в пути всевозможные препятствия, задерживаемые на каждом шагу Викжелем[4] и местными Советами, подвергаясь не раз оскорблению, разоружению, употребляя где просьбу, где хитрость, а где и угрозу оружием, казачьи части пробились в свои области.

Как я уже говорил, противогосударственная пропаганда обрушилась с большою силою на казаков. Тем не менее казачьи части, восприняв и комитеты, и все начала «революционной дисциплины», долго сохраняли относительную боеспособность и повиновение. Еще в июле у меня на Западном фронте казачьи части выступали с неохотой, но безотказно против неповиновавшихся пехотных полков. Принимались меры, чтобы изъять казачьи войска из-под влияния армейских комитетов. Так, на Юго-западном фронте образовалось казачье «правление», отозвавшее казаков из всех общеармейских комитетов и ставшее в подведомственное отношение к «Совету союза казачьих войск». В полки одна за другой приезжали от областей делегации «стариков», чтобы вразумить опьяненную общим угаром «свобод» свою молодежь. Иногда это вразумление выражалось первобытным и довольно варварским способом физического воздействия...

Но никакими мерами нельзя было оградить казачьи войска от той участи, которая постигла армию, ибо вся психологическая обстановка и все внутренние и внешние факторы разложения, быть может, менее интенсивно, но в общем одинаково воспринимались и казачьей массой. Два неудачных и непонятных казакам похода на Петроград с Крымовым ** и Красновым *** внесли еще большую путаницу в их смутное политическое миросозерцание.

С возвращением казачьих войск в родные края наступило полное

* Дон, Кубань, Терек, Астрахань и горцы Северного Кавказа. Об этом позже.
** 3-й конный корпус во время Корниловского выступления против Керенского.
*** 3-й конный корпус с Керенским против большевиков.

разочарование: они — по крайней мере донцы, кубанцы и терцы * — принесли с собой с фронта самый подлинный большевизм, чуждый, конечно, какой-либо идеологии, но со всеми знакомыми нам явлениями полного разложения. Это разложение назревало постепенно, проявлялось позже, но сразу ознаменовавшись отрицанием авторитета «стариков», отрицанием всякой власти, бунтом, насилиями, преследованием и выдачей офицеров, а главное полным отказом от всякой борьбы с Советской властью, обманно обещавшей неприкосновенность казачьих прав и уклада. Большевизм и казачий уклад. Такие нелепые противоречия выдвигала ежедневная русская действительность на почве пьяного угара, в который выродилась желанная свобода. Началась трагедия казачьей жизни и казачьей семьи, где выросла непреодолимая стена между «стариками» и «фронтовиками», разрушая жизнь и подымая детей против своих отцов.

Глава XXVIII. *Национальные части*

Национального вопроса в старой русской армии почти не существовало. В солдатской среде представители народностей, населявших Россию, испытывали несколько большую тягость службы, обусловленную незнанием или плохим знанием ими русского языка, на котором велось обучение. Только на этой почве — технических затруднений обучения — быть может, общей грубости и некультурности, но отнюдь не национальной нетерпимости возникали много раз трения, отяжелявшие положение инородных элементов, тем более что, в силу системы смешанного комплектования, они были обыкновенно оторваны от родных краев: территориальная система комплектования армии признавалась технически нерациональной и политически небезопасной. В частности, малорусский вопрос не существовал вовсе. Малорусская речь вне официального обучения, песни, музыка приобрели полное признание и ни в ком не вызывали впечатления обособленности, воспринимаясь как свое, русское, родное. В армии, кроме евреев, все остальные элементы ассимилировались довольно быстро и прочно; армейская среда не являлась вовсе проводником ни принудительной русификации, ни национального шовинизма.

Еще менее национальное расслоение заметно было в офицерской среде. За корпоративными, военными, товарищескими или просто человеческими качествами и достоинствами отходили на задний план или стирались вовсе национальные перегородки. Лично мне в течение 25 лет службы до революции и в голову не приходило вносить когда-либо этот элемент в отношения командные, служебные, товарищеские. Именно интуитивно, а не в результате известных взглядов и убеждений. Возбуждаемые вне армии, в политической жизни страны национальные вопросы интересовали, волновали, разрешались в ту или другую сторону, иногда резко и непримиримо, не переходя, однако, за грань военной жизни.

Несколько иное положение занимали евреи. К вопросу этому я вернусь впоследствии. В отношении же старой армии можно сказать, что он имел значение скорее бытовое, нежели политическое. Нельзя отрицать, что в армии известная тенденция к угнетению евреев была, но она отнюдь не входила в систему, не инспирировалась свыше, а возникла в низах и в силу сложных причин, далеко выходивших за рамки жизни, быта и взаимоотношений военной среды. Евреи не имели доступа в офицерскую среду до третьего колена. Закон этот, однако, не соблю-

* Уральское войско до своей трагической гибели в конце 1919 года не знало большевиков.

дался, и в офицерском корпусе состояли не только прапорщики запаса, но и генералы генерального штаба, принявшие до службы христианство.

Правительственная политика среди офицерского состава всех народностей русского государства выделяла одних только поляков. Это традиционное недоверие имело формы несправедливые и обидные. Секретными циркулярами был установлен целый ряд ограничений в отношении офицеров-поляков: определенный процент их в составе войск западных и юго-западных округов, воспрещение назначений на должности полкового штаба, лишение права поступления в академии генерального штаба и даже интендантскую, курсовыми офицерами в военные училища и т. д. Для лиц, обладавших влечением к военной службе и желавших расчистить себе широкий путь через академию, был единственный выход — сделка с собственной совестью и перемена религии. Через это испытание должны были пройти, между прочим, покойный генерал Пузыревский, составивший себе в военном мире большое имя, и один из генералов, занимающий ныне высокий пост в польской армии. Имена других поляков, сохранивших религию и дошедших до высших степеней военной иерархии, исчисляются единицами. Среди командовавших войсками, например, я знал одного только поляка — генерала Гурчина, тогда как немцы насчитывались десятками.

Нужно отдать справедливость офицерской среде — в ней в общем совершенно отсутствовали те начала нетерпимости и предубеждений, которые проводились правительством. В военном быту тяготились этими стеснениями, осуждали их и, когда было возможно, обходили закон в пользу поляков. Это обстоятельство должно сгладить горечь некоторых воспоминаний среди той большой части офицерства польской армии, которое нашло себе некогда приемную семью в русской офицерской среде, вместе с нею прошло крестный путь войны и смуты и раньше ее выбилось на дорогу к воссозданию Родины. Война, во всяком случае, опрокинула всякие перегородки, а революция принесла и в порядке законодательном отмену всех вероисповедных и национальных ограничений.

Еще до 1917 года были созданы национальные части по различным соображениям. Несколько латышских стрелковых батальонов, пользовавшихся до революции хорошей боевой репутацией. Кавказская туземная дивизия, которою командовал великий князь Михаил Александрович. Она более известна под названием «Дикой» и состояла из добровольцев — северокавказских горцев. Едва ли не стремление к изъятию с территории Кавказа наиболее беспокойных элементов было исключительной причиной этого формирования. Во всяком случае, эпические картинки боевой работы «Дикой» дивизии бледнеют на общем фоне ее первобытных нравов и батыевских приемов. Сербская дивизия (потом корпус), составленная из пленных югославян, которая после неудач и потерь, понесенных в Добрудже, в задунайском отряде генерала Зайончковского * в 1916 году[5], не могла оправиться. На почве общего упадка дисциплины, отчасти же ввиду возникшей политической распри между родственными, но не очень дружными славянскими племенами («Великая Сербия» противополагалась «Югославии») пришлось сербский корпус, летом 1917 года, расформировать. Наконец, чехословацкая бригада — из пленных, к осени 1917 года развернутая в целый корпус, сыгравший впоследствии такую исключительную и двойственную роль в антибольшевистской борьбе Сибири.

С началом революции и ослаблением власти проявилось сильнейшее центробежное стремление окраин и, наряду с ним, стремление к национализации, то есть расчленению армии. Несомненно, потребность такого расчленения тогда не исходила из сознания массы и не имела

* Командует армией у большевиков.

никаких реальных обоснований (я не говорю о польских формированиях). Единственные мотивы национализации заключались тогда в стремлении политических верхов возникавших новообразований создать реальную опору для своих домогательств и чувство самосохранения, побуждавшее военный элемент искать в новых и длительных формированиях временного или постоянного освобождения от боевых операций. Начались бесконечные национальные военные съезды, вопреки разрешению правительства и главного командования. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане,— требуя провозглашенного «самоопределения» — от культурно-национальной автономии до полной независимости включительно, а главное — немедленного формирования отдельных войск.

В конце концов, более серьезных результатов, несомненно, отрицательных в смысле целости армии, достигли формирования украинское и польское, отчасти закавказские. Прочие попытки были пресечены. Лишь в последние дни существования русской армии, в октябре 1917 года, генерал Щербачев с целью удержания Румынского фронта приступил к широкому расслоению войск по национальным признакам — попытка, окончившаяся полной неудачей. Должен добавить, что только одна национальность не требовала самоопределения в смысле несения военной службы — это еврейская. И каждый раз, когда откуда-нибудь вносилось предложение — в ответ на жалобы евреев — организовать особые еврейские полки, это предложение вызывало бурю негодования в среде евреев и в левых кругах и именовалось злостной провокацией.

Правительство отнеслось резко отрицательно к расслоению армии по признакам национальности. Керенский в письме на имя польского съезда (1 июня 1917 года) высказал такой взгляд: «Великий подвиг освобождения России и Польши может быть совершен лишь при условии, что организм русской армии не будет ослаблен, что никакие организационные изменения не нарушат ее единства... Выделение национальных войск... в настоящий тяжелый момент растерзало бы ее тело, подорвало бы ее мощь и было бы гибелью как для революции, так и для свободы России, Польши и других народностей, населяющих Россию».

Командный элемент относился к вопросу национализации двойственно. Бо́льшая часть — совершенно отрицательно, меньшая — с некоторой надеждой, что, порывая связь с Советом рабочих и солдатских депутатов, создаваемые заново национальные части могут избегнуть ошибок, увлечений демократизации и стать здоровым ядром для укрепления фронта и создания армии. Генерал Алексеев решительно противился всем попыткам национализации, но поощрял польские и чехословацкие формирования. Генерал Брусилов самовольно разрешил первое украинское формирование, прося затем Верховного главнокомандующего «не отменять и не подрывать тем его авторитета» *. Полк оставили. Генерал Рузский также самовольно приступил к эстонским формированиям ** и т. д.

Вероятно, по тем же мотивам, по которым некоторые начальники допускали формирования, но в обратном их отражении, вся русская революционная демократия в лице Советов и войсковых комитетов восстала против национализации армии. Целый ряд резких резолюций и постановлений посыпался со всех концов. Между прочим, и киевский Совет рабочих и солдатских депутатов в середине апреля в резких и возмущенных выражениях охарактеризовал явление украинизации как

* Генерал Алексеев приказал расформировать, Керенский разрешил не расформировывать.

** Были расформированы.

простое дезертирство и шкурничество и большинством 264 голосов против 4 потребовал отмены образования украинских полков. Интересно, что таким же противником национализации явилась польская «левица», отколовшаяся от военного съезда поляков в июне из-за постановления о формировании польских войск.

Правительство недолго сохраняло свое первоначальное твердое решение против национализации. Декларация 2 июля, наряду с предоставлением Украине автономии, разрешила и вопрос национализации войск: «Правительство считает возможным продолжать содействовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии или комплектованию отдельных частей исключительно украинцами, насколько такая мера не нарушит боеспособности армии... и находит возможным привлечь к осуществлению этой задачи самих воинов-украинцев, командируемых Центральной радой в военное министерство, генеральный штаб и Ставку». Началось великое «переселение народов».

Еще ранее «председатель украинского войскового генерального комитета»[6] Петлюра разослал своих агентов — к сожалению, русских офицеров — по всем фронтам в качестве военных представителей комитета. Помню такой полковник — не то Павленко, не то Василенко — был и в Ставке и неоднократно обращался ко мне, скрывая свое официальное назначение, за разрешением украинских формирований, вкрадчиво уверяя, что он — только русский офицер, глубоко предан идее русской государственности и, вместе с своими единомышленниками, стремится лишь ввести в надлежащее русло «стихийное, народное стремление к самоопределению» и дать русской армии здоровые части. Другие агенты разъезжали по фронту, организуя в войсках украинские громады и комитеты, проводя постановления, резолюции о переводе в украинские части, о нежелании идти на фронт под предлогом «удушения Украины» и т. д. К октябрю украинский комитет Западного фронта призывал уже к вооруженному воздействию на правительство для немедленного заключения мира... В качестве главнокомандующего Западным и Юго-западным фронтами (июнь — сентябрь) я категорически воспретил начальствующим лицам входить в какое-либо сношение с «войсковым генеральным комитетом» и его агентами. Но работа комитета продолжалась почти официально, помимо и параллельно командованию, внося неизмеримые затруднения в мобилизацию, комплектование, перевозку и перемещение войск.

Петлюра уверял, что в его распоряжении имеется 50 тысяч украинских воинов. А командовавший войсками Киевского военного округа полковник Оберучев * свидетельствует: «В то время, когда делались героические усилия для того, чтобы сломить врага (июньское наступление)..., я не мог послать ни одного солдата на пополнение действующей армии... Чуть только я посылал в какой-либо запасный полк приказ о высылке маршевых рот на фронт, как в жившем до того времени мирною жизнью и не думавшем об украинизации полку созывался митинг, поднималось украинское желто-голубое знамя и раздавался клич: «Пійдем під украиньским прапором!». И затем — ни с места. Проходят недели, месяц, а роты не двигаются ни под красным, ни под желто-голубым знаменем.

Возможно ли было бороться с этим неприкрытым шкурничеством? Ответ на этот вопрос дает тот же Оберучев — ответ чрезвычайно характерный своим безжизненным партийным ригоризмом: «Само собой разумеется, что можно было силой заставить исполнять свои распоряжения. И сила такая в руках у меня была». Но «выступая силой против ослушников, действующих под флагом украинским, рискуешь заслужить упрек, что ведешь борьбу не с анархическими выступлениями..., а борешься против национальной свободы и самоопределения народностей. А мне, социалисту-революционеру, заслужить такой упрек, да еще на Украине, с которой я связан всей своей жизнью, было невозможно. И я решил уйти» **. И он ушел. Правда, только в октябре, незадолго до большевистского переворота, пробыв в должности командующего войсками важнейшего прифронтового округа почти пять месяцев.

В развитие распоряжений правительства, Ставка назначила на всех фронтах определенные дивизии для украинизации, а на Юго-западном фронте кроме того 34-й корпус, во главе которого стоял генерал Скоропадский[7]. В эти части, стоявшие обыкновенно в глубоком резерве, двинулись явочным порядком солдаты со всего фронта. Надежды оптимистов, с одной стороны, и страхи левых кругов — с другой, что национализация создаст «прочные части» (по терминологии слева — контрреволюционные), быстро рассеялись. Новые украинские войска носили в себе все те же элементы разложения, что и кадровые.

Между тем среди офицерства и старослуживых многих славных полков, с большим историческим прошлым, переформированных в украинские части, эта мера вызвала острую боль и сознание, что теперь уже близок конец армии ***. В августе, когда я командовал Юго-западным фронтом, из 34 корпуса ко мне начали приходить дурные вести. Корпус как-то стал выходить из прямого подчинения, получая непосредственно от «генерального секретаря Петлюры» и указания и укомплектования. Комиссар его находился при штабе корпуса, над помещением которого развевался «жовто-блэкитный прапор». Старые русские офицеры и унтер-офицеры, оставленные в полках за неимением щиро-украинского командного состава, подвергались надругательствам со стороны поставленных над ними зачастую невежественных украинских прапорщиков и солдат. В частях создавалась крайне нездоровая атмосфера взаимной ненависти и отчуждения.

Я вызвал к себе генерала Скоропадского и предложил ему умерить резкий ход украинизации и, в частности, восстановить права командного состава или отпустить его из корпуса. Будущий гетман заявил, что об его деятельности составилось превратное мнение, вероятно, по историческому прошлому фамилии Скоропадских ****, что он истинно русский человек, гвардейский офицер и совершенно чужд самостийности; исполняет только возложенное на него начальством поручение, которому сам не сочувствует... Но вслед за сим Скоропадский поехал в Ставку, откуда моему штабу указано было... содействовать скорейшей украинизации 34-го корпуса.

Несколько иначе обстоял вопрос с польскими формированиями. Временное правительство объявило независимость Польши, и поляки считали себя уже «иностранцами»: польские формирования существовали фактически давно — на Юго-западном фронте, правда, разлагающиеся (кроме польских улан); дав разрешение украинцам, правительство не могло уже отказать полякам. Наконец, центральные державы, создавая видимость польской независимости, также предусматривали образование польской армии..., окончившееся, впрочем, неудачно; формировала польскую армию и Америка на французской территории.

В июле 1917 г. формирование польского корпуса было возложено Ставкой на Западный фронт, в бытность мою там главнокомандующим. Во главе корпуса я поставил ген. Довбор-Мусницкого *****, ныне командующего польской армией в Познани. Сильный, энергичный, решитель-

* Соц.-рев., эмигрант и деятельный партийный работник. Назначен на должность Керенским по желанию киевского Совета солдатских депутатов.

** Оберучев. «В дни революции».

*** Среди других украинизации подверглась моя бывшая 4-я стрелковая дивизия.

**** Один из предков — Скоропадский, украинский гетман.

***** Командовал ранее 38 корпусом.

ный, бесстрашно ведший борьбу с разложением русских войск и с большевизмом в них, он сумел создать в короткое время части, если не вполне твердые, то, во всяком случае, разительно отличавшиеся от русских войск дисциплиной и порядком. Дисциплиной старой, отметенной революцией — без митингов, комиссаров и комитетов. Такие части вызывали и иное отношение к себе в армии, невзирая на принципиальное отрицание национализации. Передача имущества расформированных мятежных дивизий и полная предупредительность начальника снабжений дали возможность корпусу вскоре поставить и свою хозяйственную часть. По приказу офицерский состав польского корпуса комплектовался путем перевода желающих, солдатский — исключительно добровольцами или запасными батальонами; фактически — началась ничем не устранимая тяга с фронта по тем же побуждениям, которыми руководствовались русские бойцы, опустошая поределые ряды армии.

В результате польские формирования для нас оказались совершенно бесполезными. Еще на июньском войсковом съезде поляков довольно единодушно и недвусмысленно прозвучали речи, определявшие цели формирования. Их синтез был выражен одним из участников: «Ни для кого не секрет, что война уже кончается, и польская армия нам нужна не для войны, не для борьбы — она нам необходима, чтобы на будущей международной мирной конференции с нами считались, чтобы мы имели за собой силу». Действительно, корпус на фронт не выходил — правда, формирование не закончилось, во «внутренние дела» русские (октябрь и позже — борьба с большевизмом) не пожелал вмешиваться и вскоре перешел совершенно на положение «иностранной армии», поступив в ведение и на содержание французского командования.

Но и надежды польских националистов также не сбылись: на фоне общей разрухи и падения фронта корпус в начале 1918 г., после вторжения германцев внутрь России, частью был захвачен и обезоружен, частью разошелся, и остатки польских войск нашли впоследствии гостеприимный приют в Добровольческой армии. Лично я не могу не вспомнить добрым словом 1-й польский корпус, частям которого, расположенным в Быхове, мы во многом обязаны сохранением жизни генерала Корнилова и прочих быховских узников в памятные сентябрьские — ноябрьские дни.

Центробежные силы разметали страну и армию. К нетерпимости классовой и партийной прибавилось обострение национальной розни, отчасти имевшее основание в исторически сложившихся взаимоотношениях между племенами, населяющими Россию, и императорским правительством, отчасти же совершенно беспочвенное, нелепое, питавшееся причинами, ничего общего не имевшими со здоровым национальным чувством. Скрытая или подавленная ранее, эта рознь резко проявилась, к сожалению, в тот именно момент, когда общерусская власть добровольно и добросовестно выходила на путь широкой децентрализации, признания исторических прав и культурно-национального самоопределения составных элементов русского государства.

Глава XXIX. *Суррогаты армии: «революционные», женские батальоны и т. д.*

Мне остается отметить еще одно явление этого периода развала армии — стремление к введению в нее добровольческого начала, к замене или моральному подкреплению армии такими суррогатами вооруженной силы, как всевозможные «дружины смерти», «революционные батальоны», «ударные части», «женские батальоны» и т. д. Идею эту приняли самые разнообразные и противоположные элементы власти, русской общественности и армии: Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов одобрили формирование «революционных батальонов»; комитет Юго-западного фронта предлагал всем офицерам и солдатам через полковые комитеты поступать в состав ударных войск, «чтобы зажечь огонь любви к Родине и свободе, тлеющий в сердце каждого солдата и офицера, и повести их в решительный бой... за мир без аннексий и контрибуций»...

Объединенные военно-общественные организации * создали Всероссийский комитет и призывали для борьбы «за скорый мир всего мира под красные знамена добровольческих батальонов... рабочих, солдат, женщин, юнкеров, студентов, офицеров и чиновников». Верховный комиссар Временного правительства при Ставке, В. Станкевич, убежденный социалист, в программу своей деятельности ставил создание новой стратегии и новой армии путем радикального сокращения ее «до 15—20 корпусов избранного состава, наполовину состоящих из офицеров, прекрасно снабженных и вооруженных». Для поддержания безопасности и порядка в стране он не боялся даже создания «специальных надежных отрядов из социально высших классов», проектируя в первую очередь широкое развитие военных училищ не только как питомников офицерского состава, но и как вооруженной силы.

Все эти начинания не получили и не могли получить надлежащего развития по двум причинам: во-первых, тот бешеный темп, которым шло углубление революции, не давал времени для надлежащей организации; во-вторых, на призыв могли ведь откликнуться только элементы умеренности и порядка, т. е. враждебные углублению социальной революции, а потому давно уже и всецело взятые революционной демократией под подозрение в реакционности. Поэтому, наряду с теоретическим одобрением, практическое проведение формирований в жизнь встречало ряд совершенно непреодолимых затруднений.

Верховное командование также искало спасения армии в добровольческих организациях. Генерал Брусилов в первый же день после своего назначения Верховным главнокомандующим, еще не приезжая в Ставку, утвердил «План формирования революционных батальонов из волонтеров тыла», поручив выполнение его по всей России исполнительному комитету, под руководством «товарища Манакина» **. Не раз приходишь в полное изумление от того духовного перерождения, которое, под влиянием безудержного оппортунизма, произошло с генералом Брусиловым и другими лицами его типа.

«План» представляет смесь наивной регламентации, пафоса и еще более углубленной «демократизации» и демагогии. Достаточно прочесть несколько его положений, чтобы составить себе понятие о предполагавшемся характере новой армии: «В революционных батальонах не должно быть слова офицер и солдат, а есть начальник и волонтер, так как начальником может быть избран каждый волонтер». «Назначение командиров отделений, взводов, рот и батальонов производится на седьмой день по сформировании батальонов общим и тайным голосованием всех волонтеров, после чего они утверждаются исполнительным комитетом и главнокомандующим и являются несменяемыми». «Если же замена окажется необходимой, то должен быть представлен обвинительный акт за подписью двух третей личного состава части, с предъявлением обвинения только (?) в трусости, растрате казенных денег и измене присяге». «Никаким наказаниям дисциплинарным и служебным начальники и волонтеры не подвергаются; но в случае неблаговидных поступков... все волонтеры наказываются по присуждении товарищеского суда остракизмом и объявляются врагами отечества»...

* «Союз личного примера», Георгиевские кавалеры, Черноморские делегаты и т. д.
** Подполковник генерального штаба.

По всем крупным центрам разосланы были вербовочные «комиссары», которым надлежало при посредстве местных Советов вести агитацию и сбор волонтеров. Конечно, к «товарищу Манакину» убежденные добровольцы в сколько-нибудь значительном числе не пошли, и все предприятие ни к каким результатам не привело.

Возник целый ряд случайных добровольческих формирований, в том числе и «Корниловский отряд» капитана Нежинцева, преобразованный потом в «Корниловский ударный полк». Как трудно было в то смутное время держать в равновесии разум и сердце даже лучшей части воинства, свидетельствует тот факт, что после геройского прорыва неприятельского фронта 25 июня во время наступления 8 армии, после блестящих атак и богатых трофеев, соединенные комитеты Корниловского отряда вынесли требование о выводе его из боевой линии, и Нежинцев оценивал состояние отряда, как близкое к полному развалу. Впрочем, позднее Корниловский полк, благодаря доблести своего командира и офицерского состава, а, может быть, в силу создавшегося культа Корнилова, скоро оправился. Это тот самый полк, который позднее, в начале сентября, среди кипящей ненависти ко всему, что касалось имени Корнилова, имел смелость проходить церемониальным маршем в Могилеве мимо окон арестованного «за мятеж» Верховного главнокомандующего.

При многих полках организовались свои ударные команды, роты, батальоны. Туда уходили все, в ком сохранилась еще совесть, или те, кому просто опостылела безрадостная, опошленная до крайности, полная лени, сквернословия и озорства полковая жизнь. Я видел много раз ударников и всегда — сосредоточенными, угрюмыми. В полках к ним относились сдержанно или даже злобно. А когда пришло время наступления, они пошли на колючую проволоку, под убийственный огонь, такие же угрюмые, одинокие, пошли под градом вражьих пуль и зачастую... злых насмешек своих «товарищей», потерявших и стыд и совесть. Потом их стали посылать бессменно изо дня в день и на разведку, и в охранение, и на усмирения — за весь полк, так как все остальные вышли из повиновения. Неудивительно, что вскоре и эти обреченные потеряли терпение.

Право, скорее с грустью, чем с осуждением я перелистываю «протокол общего собрания штурмовой роты»; в полуграмотном по форме, но непосредственном по содержанию документе этом говорится: «В выступлении на позицию Путивльского полка категорически отказать», ибо солдаты штурмовой роты «выступили не с той целью, чтобы сидеть на одном месте, не двигаясь вперед, и быть сторожами своих окопов.., а идти вперед, на что мы были уже готовы; то мы только и имеем стремление работать там, где есть дружная работа. Пусть нам никто не ставит в укор, что мы своей сотней человек не берем такого укрепления, которое можно только штурмовать всем полком, и то дружно... Просим отправить нас туда, где идет дружная защита нашей Родины... в боях под Станиславовым. А буде, что мы не получим удовлетворения, то будем вынуждены отправиться туда добровольно, как нас на то дело и призывали». Тоже — бунт. Но... кто может, пусть осудит их.

На защиту Родины поднялись и женщины. «Ни один народ в мире,— говорилось в одном из воззваний московского женского союза,— не доходил до такого позора, чтобы вместо мужчин-дезертиров шли на фронт слабые женщины. Ведь это равносильно избиению будущего поколения своего народа». И далее: «Женская рать будет тою живою водой, которая заставит очнуться русского старого богатыря»... Увы! Рука, сделавшая этот красивый жест, беспомощно повисла в воздухе.

В Петрограде и в Москве образовались «Всероссийские женские военные союзы». Приступлено было к формированию нескольких батальонов (4—6) в столицах и некоторых больших городах; при одном из училищ (кажется, в Москве, при Александровском) было устроено отделение, из которого выпущено несколько десятков женщин-прапорщиков. Один батальон Бочкаревой, сформированный раньше других, принял участие в наступлении в июле, на Западном фронте.

Что сказать про «женскую рать»?.. Я знаю судьбу батальона Бочкаревой. Встречен он был разнузданной солдатской средой насмешливо, цинично. В Молодечно, где стоял первоначально батальон, по ночам приходилось ему ставить сильный караул для охраны бараков... Потом началось наступление. Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И когда разразился кромешный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного строя, сжались в кучку — беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыхленного немецкими бомбами. Понесли потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов.

Потом один из женских батальонов остался у Зимнего дворца защищать членов Временного правительства, всеми покинутых в памятный день октябрьского переворота... Видел я и последние остатки женских частей, бежавшие на Дон, в знаменитом корниловском кубанском походе. Служили, терпели, умирали. Были и совсем слабые телом и духом, были и герои, кончавшие жизнь в конных атаках.

Воздадим должное памяти храбрых. Но... не место женщине на полях смерти, где царит ужас, где кровь, грязь и лишения, где ожесточаются сердца и страшно грубеют нравы. Есть много путей общественного и государственного служения, гораздо более соответствующих призванию женщины.

Выдвигая целый ряд суррогатов армии, никто, однако, не имел смелости осуществить идею, совершенно логичную, вытекавшую из основной цели всех этих искусственно создаваемых революционных, ударных, женских и прочих частей, носившуюся в сознании очень многих и даже нашедшую частичное отражение в мыслях Верховного комиссара Станкевича... Я говорю об офицерских добровольческих отрядах.

Нет сомнения, что своевременно созданная сильная офицерская организация имела много шансов на решительный успех в борьбе с большевизмом в первую стадию его властвования. К сожалению, ни Керенский, ни тем более революционная демократия не допустили бы ни под каким видом подобного образования. По личным мотивам они были, конечно, правы; офицерскими войсками после всех событий первого периода революции, после установившихся — и не по офицерской вине — ярко враждебных отношений, и Керенский и Совет были бы насильственно устранены. Эта «потеря» была бы не слишком велика, если бы такою ценою стране удалось, не погружаясь в реакцию, претворить социальную революцию 1917 года в буржуазную и избегнуть ужасов большевизма, отодвинувшего, быть может, на столетие нормальное развитие всей русской жизни. Но если все это — только более или менее спорные предположения, то, во всяком случае для меня, является совершенно бесспорным одно положение: исход революции во многом зависел от армии. Пути революции были бы другие, если бы революционная демократия словом, делом и помышлением не противопоставляла офицерский корпус народу, а привлекла бы его к служению народу. Ибо, при всех своих великих и малых недостатках, офицерство превосходило все другие русские организации способностью и желанием жертвенного подвига.

Казалось бы, что, если не формирования, то, по крайней мере, подготовка офицерской организации на случай падения «существовавшего строя» и фронта — а это предчувствовалось всеми совершенно ясно —

была необходимой. Но представители активного начала томились в тюрьме, Главный совет офицерского союза, которому наиболее соответствовала эта задача, был разгромлен Керенским в конце августа, а в сознание большинства ответственных руководителей армии глубоко проникла страшная и небезосновательная тревога за судьбу русского офицерства.

В этом отношении очень характерна переписка генералов Корнилова и Духонина. После большевистского переворота, 1 ноября 1917 года, генерал Корнилов из Быховской тюрьмы писал Духонину: «Предвидя дальнейший ход событий, я думаю, что Вам необходимо безотлагательно принять такие меры, которые, прочно обеспечивая Ставку, дали бы благоприятную обстановку для организации борьбы с надвигающейся анархией». В числе их генерал Корнилов указывал: «Сосредоточение в Могилеве или в одном из ближайших к нему пунктов, под надежной охраной, запаса винтовок, патронов, пулеметов, автоматических ружей и ручных гранат для раздачи офицерам-волонтерам, которые обязательно будут собираться в означенном районе». Против этого пункта Духониным сделана пометка: «Это может вызвать эксцессы».

Таким образом, постоянные, болезненные опасения офицерской «контрреволюции» оказались напрасными. События застали офицерство врасплох, неорганизованным, растерявшимся, не принявшим никаких мер даже для самосохранения — и распылили окончательно его силы.

Глава XXX. *Конец мая и начало июня в области военного управления. Уход Гучкова и ген. Алексеева. Мой уход из Ставки. Управление Керенского и генерала Брусилова*

1 мая оставил свой пост военный министр Гучков. «Мы хотели,— так объяснял он смысл проводимой им «демократизации» армии,— проснувшемуся духу самостоятельности, самодеятельности и свободы, который охватил всех, дать организованные формы и известные каналы, по которым он должен идти. Но есть какая-то линия, за которой начинается разрушение того живого, могучего организма, каким является армия». Нет сомнения, что эта линия была перейдена еще до 1 мая.

Я не собираюсь давать характеристику Гучкова, в искреннем патриотизме которого я не сомневаюсь. Я говорю только о системе. Трудно решить, чьи плечи могли нести тяжкое бремя управления армией в первый период революции; но, во всяком случае, министерство Гучкова не имело ни малейшего основания претендовать на роль фактического руководства жизнью армии. Оно не вело армии. Наоборот, подчиняясь «параллельной власти» и подталкиваемое снизу, министерство, несколько упираясь, шло за армией, пока не пододвинулось вплотную к той грани, за которой начинается окончательное разрушение.

«Удержать армию от полного развала, под влиянием того напора, который шел от социалистов, и в частности из их цитадели — Совета рабочих и солдатских депутатов,— выиграть время, дать рассосаться болезненному процессу, помочь окрепнуть здоровым элементам,— такова была моя задача»,— писал Гучков Корнилову в июне 1917 года. И это несомненная правда. Весь вопрос в том, достаточно ли решительно было сопротивление разрушительным силам. Армия этого не ощущала. Офицерство видело вокруг военного министра — ранее твердого и настойчивого политического деятеля, послужившего много восстановлению русской военной мощи после манчжурского погрома — его помощников Поливанова, Новицкого [8], Филатьева и других — до крайности оппортунистов или даже демагогов. Оно читало приказы, подписанные Гучковым и ломавшие совершенно основы военной службы и быта. Что эти приказы явились результатом глубокой внутренней драмы, тяжелой борьбы и... поражения, офицерство не знало и не интересовалось.

Неосведомленность его была так велика, что многие даже теперь, спустя четыре года, приписывают Гучкову авторство знаменитого «приказа № 1»... Так или иначе, офицерство почувствовало себя обманутым и покинутым. Свое тяжелое положение оно приписывало, главным образом, реформам военного министра, к которому выросло враждебное чувство, подогреваемое еще более будированием сотен удаленных им генералов и ультрамонархической частью офицерства, не могшей простить Гучкову предполагаемого участия его в подготовке дворцового переворота и поездки в Псков *.

Таким образом, уход министра, если и вызывался «теми условиями, в которые была поставлена правительственная власть в стране, а в частности власть военного и морского министра в отношении армии и флота» **, то имел и другое оправдание — отсутствие опоры и в солдатской и в офицерской среде.

Временное правительство особым актом осудило поступок Гучкова, «сложившего с себя ответственность за судьбы России», и назначило военным и морским министром Керенского. Я не знаю, как вначале отнеслись в армии к этому назначению, но в Ставке — без предубеждения. Керенский совершенно чужд военному делу и военной жизни, но может иметь хорошее окружение; то, что сейчас творится в армии,— просто безумие, понять это не трудно и не военному человеку; Гучков — представитель буржуазии, правый, ему не верили; быть может, теперь министру-социалисту, баловню демократии удастся рассеять тот густой туман, которым заволокло сознание солдат...

Тем не менее нужна была огромная смелость или самоуверенность поднять такую ношу, и Керенский не раз перед армейской аудиторией подчеркивал это обстоятельство: «В то время, когда многие военные люди, изучавшие военное дело десятилетиями, отказывались взять пост военного министра, я — невоенный человек взял его»... Никто, положим, не слышал никогда, чтобы в мае предлагали портфель военного министра военному лицу... И притом оригинально это сопоставление знания и опыта, как будто наличие этих именно «предрассудков» искала революционная демократия в своих избранниках; как будто Керенский понимал хоть сколько-нибудь военное дело.

Первые же шаги нового министра рассеяли наши надежды: привлечение в сотрудники еще больших оппортунистов, чем были раньше, но лишенных военно-административного и боевого опыта ***, окружение людьми из «подполья» — быть может, имевшими очень большие заслуги перед революцией, но совершенно непонимавшими жизни армии, все это вносило в действия военного министерства новый, чуждый военному делу элемент партийности. Керенский через несколько дней после своего назначения издал декларацию прав солдата, чем предопределил все дальнейшее направление своей деятельности.

11-го мая министр проезжал через Могилев на фронт. Нас удивило то обстоятельство, что проезд назначен в 5 часов утра и в поезд приглашен только начальник штаба. Военный министр как будто избегал встречи с Верховным главнокомандующим. Разговор со мной был краток и касался частных вопросов — усмирения каких-то беспорядков, возникших на одной из узловых станций, и т. п. Капитальнейшие вопросы бытия армии и предстоящего наступления, необходимость единства взглядов между центральным управлением и командованием, отсутствие которого сказывалось с такой разительной ясностью,— все это,

* Предложение отречения императору Николаю II.
** Официальное письмо Гучкова председателю правительства.
*** Полковник Барановский, Якубович, кн. Туманов, позднее Верховский.

по-видимому, не привлекало никакого внимания министра. Между прочим, вскользь Керенский бросил несколько фраз о несоответствии своему назначению главнокомандующих фронтами, генералов Гурко и Драгомирова, что вызвало протест с моей стороны. Все это было весьма симптоматично и создало в Ставке нервное, напряженное ожидание...

Керенский ехал на Юго-западный фронт, открывая знаменитую словесную кампанию, которая должна была двинуть армию на подвиг. Слово создавало гипноз и самогипноз. Брусилов доносил в Ставку, что всюду в армии военный министр был встречен с необыкновенным подъемом. Керенский говорил, говорил с необычайным пафосом и экзальтацией, возбуждающими «революционными» образами, часто с пеной на губах, пожиная рукоплескания и восторги толпы. Временами, впрочем, толпа поворачивала к нему лик зверя, от вида которого слова останавливались в горле и сжималось сердце. Они звучали предостережением, эти моменты, но новые восторги заглушали их тревожный смысл. И Керенский докладывал Временному правительству, что «волна энтузиазма в армии растет и ширится», что выясняется определенный поворот в пользу дисциплины и возрождения армии. В Одессе он поэтизировал еще более неудержимо: «В нашей встрече я вижу тот великий энтузиазм, который объял страну, и чувствую великий подъем, который мир переживает раз в столетия...».

Будем справедливы. Керенский призывал армию к исполнению долга. Он говорил о долге, чести, дисциплине, повиновении, доверии к начальникам; говорил о необходимости наступления и победы. Говорил словами установившегося революционного ритуала, которые должны были найти доступ в сердца и умы «революционного народа». Иногда даже, почувствовав свою власть над аудиторией, бросал ей смелое, ставшее крылатым слово о «взбунтовавшихся рабах» и «революционных держимордах»... Вотще! Он на пожаре русской храмины взывал к стихии — «погасни!» — вместо того, чтобы тушить огонь полными ведрами воды.

Слова не могли бороться с фактами, героические поэмы с суровой прозой жизни. Подмена Родины — Свободой и Революцией — не уяснила целей борьбы. Постоянное глумление над старой «дисциплиной», над «царскими генералами», напоминание о кнуте, палке и «прежнем солдатском бесправии» или о «напрасно пролитой» кем-то солдатской крови — все это не могло перекинуть мост через пропасть между двумя составными частями армии. Страстная проповедь «новой сознательной железной революционной дисциплины», т. е. дисциплины, основанной на «декларации прав солдата», дисциплины митингов, пропаганды, политической агитации, безвластия начальников и т. д.— эта проповедь находилась в непримиримом противоречии с призывом к победе.

Воспринимавший впечатления в искусственно приподнятой театрально-митинговой атмосфере, окруженный непроницаемой стеной партийных соратников — и в министерстве, и в объездах — в лице приближенных и всевозможных делегаций, депутаций Советов и комитетов, Керенский сквозь призму их мировоззрения смотрел на армию, не желая или не умея окунуться в подлинную жизнь армии и в ее мучениях, страданиях, исканиях, преступлениях, наконец, почерпнуть реальную почву, жизненные темы и настоящие слова. Эти будничные вопросы армейского быта и строя — сухие по форме и глубоко драматичные по содержанию — никогда не составляли темы его выступлений. В них была только апология революции и осуждение некоторых сделанных ею же извращений в идее государственной обороны.

Солдатская масса, падкая до зрелищ и чувствительных сцен, слушала призывы признанного вождя к самопожертвованию, и он и она

воспламенялись «священным огнем», с тем чтобы на другое же утро перейти к очередным задачам дня: он — к дальнейшей «демократизации армии», она — к «углублению завоеваний революции». Так, вероятно, ныне, в храме пролетарского искусства, заплечные мастера палача Дзержинского смотрят с умилением на «страдания молодого Вертера» перед очередной ночью пыток и казней. Во всяком случае, шуму было много. Настолько, что фельдмаршал Гинденбург до сегодняшнего дня искренно верит, что Юго-западным фронтом в июне 1917 года командовал... Керенский. В своей книге «Aus meinem Leben» он повествует о том, как Керенский заменил Брусилова, «которого смыли с его поста потоки русской крови, пролитые им в Галиции и Македонии (?) в 1916 году» (фельдмаршал сильно ошибся в отношении театров войны), как Керенский наступал, как он сокрушал австрийцев под Станиславовым, и т. д.

В новом учреждении — политическом отделе военного министерства, со строго выраженной партийной социал-революционной окраской, началась работа по «созданию новой революционной армии», тогда как, по убеждению первого главы отдела В. Станкевича *, «по существу, поскольку главной задачей ставилось продолжение войны на фронте, в основу деятельности мог быть положен лишь чрезвычайный консерватизм, цепкое упорное отстаивание всего старого и, пожалуй, лишь выдвижение новых лиц».

* * *

Между тем в Ставке жизнь понемногу замирала. Административное колесо вертелось по-прежнему; все что-то делали, распоряжались, приказывали. Но из всей этой работы ушла душа. Работа имела чисто формальный характер, ибо все планы, предначертания фатально разбивались непредвиденным и непредотвратимым для Ставки сцеплением обстоятельств. Если раньше Петроград мало считался со Ставкой, то теперь стал к ней в положение слегка враждебное, и военное министерство начало вести какую-то большую реорганизационную работу, совершенно игнорируя Ставку.

Генерал Алексеев чрезвычайно тяжело переносил это положение, тем более что приступы мучившей его болезни участились. С необыкновенным терпением относился он ко всем уколам личному самолюбию и попранию его прав и власти, шедшими свыше; с таким же терпением, с прямотой, искренностью говорил он со множеством представителей армии и организаций, злоупотреблявших его доступностью. И работал неустанно, с целью сохранить, по крайней мере, те обломки, на которые рассыпалась армия. Желая показать пример повиновения, он протестовал, но подчинялся. По свойству своего характера он не мог быть настолько тверд и властен, чтобы заставить Временное правительство и гражданских реформаторов армии считаться с требованиями верховного командования, но, вместе с тем, никогда не кривил душой в угоду власти и черни.

20 мая, возвращаясь с Юго-западного фронта, Керенский остановился на несколько часов в Могилеве. Он был полон впечатлений, отзывался с большой похвалой о Брусилове и находил, что общее настроение и взаимоотношения на фронте не требуют желать лучшего. Хотя в долгой беседе с генералом Алексеевым Керенский ни одним словом не обмолвился о предстоящих переменах, но по некоторой неловкости, которую проявлял его антураж, в Ставке поняли, что решения приняты. Я не решился передать ходившие слухи генералу Алексееву и только на всякий случай принял меры — под благовидным предлогом задер-

* «Воспоминания 1914—1919 гг.».

жать предположенную поездку на Западный фронт, чтобы не ставить Верховного главнокомандующего в ложное положение.

Действительно, в ночь на 22 получена была телеграмма об увольнении генерала Алексеева от должности, с назначением в распоряжение Временного правительства, и о замене его генералом Брусиловым. Уснувшего Верховного разбудил генерал-квартирмейстер Юзефович и вручил ему телеграмму. Старый вождь был потрясен до глубины души, и из глаз его потекли слезы. Да простят мне здравствующие поныне бывшие члены Временного правительства вульгарность языка, но генерал Алексеев потом в разговоре со мной обронил такую фразу: «Пошляки! Рассчитали, как прислугу». Со сцены временно сошел крупный государственный и военный деятель, в числе добродетелей или недостатков которого была безупречная лояльность в отношении Временного правительства.

На другой день в заседании Совета рабочих и солдатских депутатов г. Керенский на вопрос, как он реагировал на речь Верховного главнокомандующего офицерскому съезду *, ответил, что генерал Алексеев уволен и что он, Керенский, «придерживается системы одного старого французского министра, что дисциплину долга (?) нужно вводить сверху». После этого большевик Розенфельд (Каменев) выразил полное удовлетворение соответствием этого решения с неоднократно предъявленными пожеланиями Совета. А в тот же день в газетах появилось официальное сообщение правительства: «Несмотря на естественную усталость генерала Алексеева и необходимость отдохнуть от напряженных трудов, было признано все же невозможным лишиться ценного сотрудника, этого исключительно опытного и талантливого вождя, почему ген. Алексеев и назначен ныне в распоряжение Временного правительства».

Генерал Алексеев простился с армиями следующими словами приказа: «Почти три года вместе с вами я шел по тернистому пути русской армии. Переживал светлой радостью ваши славные подвиги. Болел душой в тяжкие дни наших неудач. Но шел с твердой верой в Промысел Божий, в призвание русского народа и в доблесть русского воина. И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту же веру. Без нее не стоило бы жить. Низкий поклон вам, мои боевые соратники. Всем, кто честно исполнил свой долг. Всем, в ком бьется сердце любовью к Родине. Всем, кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание родной земли. Низкий поклон от старого солдата и бывшего вашего Главнокомандующего. Не поминайте лихом! Генерал Алексеев».

Мои отношения с генералом Алексеевым приняли к концу нашей совместной службы характер сердечной близости, и перед расставанием он сказал мне: «Вся эта постройка, несомненно, скоро рухнет; придется нам снова взяться за работу. Вы согласны, Антон Иванович, тогда опять работать вместе?». Я, конечно, высказал полную свою готовность.

Назначение генерала Брусилова знаменовало собою окончательное обезличение Ставки и перемену ее направления: безудержный и ничем не объяснимый оппортунизм Брусилова, его погоня за революционной репутацией лишали командный состав армии даже той, хотя бы только чисто моральной опоры, которую он видел в прежней Ставке.

Могилев принял нового Верховного главнокомандующего необычайно сухо и холодно. Вместо обычных восторженных оваций, так привычных «революционному генералу», которого толпа носила по Каменец-Подольску в красном кресле,— пустынный вокзал и строго уставная

* См. главу XXVI.

церемония. Хмурые лица, казенные фразы. Первые же шаги генерала Брусилова, мелкие, но характерные эпизоды еще более омрачили наше настроение. Обходя почетный караул георгиевцев, он не поздоровался с доблестным израненным командиром их, полковником Тимановским и офицерами и долго жал руки солдат — посыльного и ординарца, у которых от неожиданности и неудобства такого приветствия в строю выпали из рук ружья, взятые «на караул»... Передал мне написанный им собственноручно приветственный приказ армиям для посылки... на предварительное одобрение Керенскому...

В своей речи к чинам Ставки, собравшимся проститься с генералом Алексеевым, Брусилов оправдывался, да, оправдывался — иначе трудно назвать сбивчивые объяснения взятого им на душу греха — углубления вместе с Керенским и комитетами «демократизации армии». И резким диссонансом прозвучали после этого прощальные слова адреса, обращенные к уходившему вождю: «...Ваше имя навсегда останется чистым и незапятнанным, как неутомимого труженика, отдавшего всего себя делу служения родной армии. На темном фоне прошлого и разрухи настоящего Вы находили в себе гражданское мужество прямо и честно идти против произвола, восставать против лжи, лести, угодничества, бороться с анархией в стране и с развалом в рядах ее защитников»...

Мой образ действий, так же как и генерала Алексеева, не соответствовал видам Временного правительства, да и совместная работа с генералом Брусиловым, вследствие полного расхождения во взглядах, была немыслима. Я предполагаю, что еще в бытность на Юго-западном фронте Брусилов дал согласие Керенскому, предложившему на должность начальника штаба генерала Лукомского. И поэтому меня удивил тот диалог, который произошел между мною и Брусиловым в первый день его приезда: «Что же это, Антон Иванович! Я думал, что встречу в вас своего боевого товарища, что будем вместе работать и в Ставке, а вы смотрите на меня волком...». «Это не совсем так: мое дальнейшее пребывание во главе Ставки невозможно, да, кроме того, известно, что на мою должность предназначен уже Лукомский». «Что? Как же они смели назначать без моего ведома?..».

Больше ни я, ни он к этому вопросу не возвращались. Я в ожидании заместителя продолжал работать с Брусиловым дней десять. Признаюсь, мне была тяжела в нравственном отношении эта работа. С Брусиловым меня связывала боевая служба с первого же дня войны. Первый месяц в должности генерал-квартирмейстера штаба его 8-ой армии, потом два года в качестве начальника 4-ой стрелковой дивизии (вначале бригады) в той же славной армии и командиром 8 корпуса на его фронте. «Железная дивизия» шла от одной победы к другой и вызывала к себе трогательное отношение со стороны Брусилова и постоянное высокое признание ее заслуг. Это отношение распространялось и на начальника дивизии... Вместе с Брусиловым я пережил много тяжелых, но еще более радостных дней боевого счастья,— никогда незабываемых. И теперь мне было тяжело говорить с ним, с другим Брусиловым, который так нерасчетливо не только для себя — это неважно,— но и для армии терял все обаяние своего имени.

Во время докладов каждый вопрос, в котором отстаивание здравых начал военного строя могло быть сочтено за недостаток «демократичности», получал заведомо отрицательное решение. Было бесполезно оспаривать и доказывать. Иногда Брусилов прерывал текущий доклад и взволнованно говорил: «Антон Иванович! Вы думаете, мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю».

Вопрос о моем назначении его занимал более, чем меня. Я отказался высказать свои пожелания, заявив, что пойду туда, куда назначат.

Шли какие-то переговоры с Керенским. Брусилов мне раз сказал: «Они боятся, что, если вас назначить на фронт, вы начнете разгонять комитеты». Я улыбнулся. «Нет, я не буду прибегать к помощи комитетов, но и трогать их не стану». Я не придал никакого значения этому полушутливому разговору, но в тот же день через секретаря прошла телеграмма Керенскому приблизительно такого содержания: «Переговорил с Деникиным. Препятствия устранены. Прошу о назначении его главнокомандующим Западного фронта».

В начале августа я уехал в Минск, взяв с собою, в качестве начальника штаба фронта, генерала Маркова. Покидал Ставку без всякого сожаления. Два месяца каторжной работы раздвинули широко военный горизонт, но дали ли они какие-либо результаты в области сохранения армии? Активных — решительно никаких. Пассивные — может быть: несколько умерили темп развала армии. Только.

Сотрудник Керенского, впоследствии верховный комиссар, В. Станкевич *, характеризуя мою деятельность, говорит: «Чуть ли не каждую неделю в Петроград шли телеграммы (мои) с провокационно-резкими нападками на новые порядки в армии — именно нападки, а не советы... Разве можно советовать отменить революцию?..». Если бы это говорил только Станкевич и только про Деникина, это не имело бы интереса. Но так как подобный взгляд разделяли широкие круги революционной демократии и отнесен он к личности собирательной, «олицетворяющей трагедию русской армии», то заслуживает ответа.

Да, революцию отменить нельзя было. Я скажу более: то многочисленное русское офицерство, с которым я был единомышленен, и не хотело отнюдь отмены революции. Оно желало, просило, требовало одного: «Прекратите революционизирование армии сверху!». Другого совета никто из нас дать не мог. И если тот командный состав, который стоял во главе армии, казался «слишком мало связанным с революцией», надо было беспощадно разогнать его, поставить других людей — быть может, кустарей военного дела — но дать им во всяком случае доверие и власть.

Отбросим личности. Алексеев, Брусилов, Корнилов — это периоды, системы. Алексеев протестовал, Брусилов подчинялся, Корнилов требовал. Разве была какая-нибудь руководящая идея в сменах этих лиц, а не одно только судорожное метание правительственной власти, беспомощно погрязшей в собственных внутренних противоречиях? И не кажется ли вам, что перестановка звеньев в этой цепи, быть может, была бы спасительным выходом из нашей обреченности...

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Богаевский Митрофан Петрович — председатель «Войскового правительства» донского казачества, поднявшего антисоветский мятеж (октябрь (ноябрь) 1917 — февраль 1918 г.), известный под названием «калединщины» по имени возглавившего его атамана Каледина. Член «Донского гражданского совета» — белогвардейского правительства, созданного в Новочеркасске в ходе мятежа и претендовавшего на роль всероссийского правительства. В своих речах и статьях не раз излагал историю и проблемы донского казачества (отсюда выражение Деникина «Баян Донского казачьего войска»).

[2] Дутов Александр Ильич (1879—1921) — в годы первой мировой войны полковник. После Февральской революции избран председателем совета «Союза казачьих войск», в июне возглавил «Всероссийский казачий съезд». Был тесно связан с Корниловым. С сентября 1917 г. атаман Оренбургского казачества. В ноябре поднял мятеж против Советской власти. В июне 1918 г. в ходе мятежа Чехословацкого корпуса организовал борьбу за ликвидацию Советской власти на Южном Урале. В июле как член Учредительного собрания вошел в Комуч. В 1918—1919 гг. с перерывом командовал Оренбургской армией в войсках Колчака. С 1920 г. — в эмиграции.

[3] Караулов М. А. — войсковой атаман Терского казачества. После разгрома Красной Армией войск Деникина в марте 1920 г. и освобождения Северного Кавказа казачье войско, как и само это сословие, было упразднено.

[4] Викжель — Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных рабочих и служащих, созданный 1-м Всероссийским съездом железнодорожников 15 июля — 25 августа (28 июля — 7 сентября) 1917 г. в Москве. Его руководители бойкотировали мероприятия Советской власти. 20 ноября (3 декабря) принял резолюцию о ее признании при условии передачи ему управления железнодорожным хозяйством. В декабре Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожных рабочих и мастеровых выразил недоверие Викжелю и образовал Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников — Викжелдор. Руководство Викжеля развернуло борьбу против декрета Совета Народных Комиссаров от 23 марта 1918 г. о централизации управления железнодорожным транспортом и других мероприятий Советской власти в отрасли, а в июне призвало железнодорожников к забастовке. Рабочие не поддержали призыва. По их требованию организации Викжеля были распущены.

[5] Зайончковский Андрей Медардович (1862—1926) — генерал от инфантерии (1917), военный историк. Во время первой мировой войны командовал пехотной дивизией, корпусом и Добруджинской армией. С мая 1917 г. в отставке. В 1919 г. вступил в Красную Армию. С августа 1919 по март 1920 г. начальник штаба 13-й армии, сражавшейся с войсками Деникина в составе Южного и Юго-Западного фронтов, затем состоял при начальнике Полевого штаба РВС Республики. Был помощником председателя Военно-исторической комиссии и руководителем работ по обобщению опыта первой мировой войны. С 1922 г. профессор Военной академии РККА. Автор ряда работ по истории первой мировой войны.

[6] Петлюра Симон Васильевич (1879—1926). В 1914 г. был мобилизован в армию, с 1915 г. — председатель Главной контрольной комиссии Всероссийского земского союза по Западному фронту. В начале мая 1917 г. избран во Всеукраинский войсковой комитет Центральной рады в Киеве, был его председателем, позже секретарем (министром) Государственного секретариата Центральной рады по военным делам. Во время гетманщины — председатель Киевского губернского земства и Всеукраинского союза земств. С начала 1918 г. член украинской Директории и главный атаман войска «Украинской народной республики», с февраля 1919 г. — председатель Директории. Один из главных организаторов борьбы против Советской власти на Украине. После разгрома войск Директории Красной Армией в конце 1919 г. бежал в Польшу. С 1924 г. жил в Париже, где был убит.

[7] Скоропадский Павел Петрович (1873—1945). Во время первой мировой войны командовал 1-й гвардейской кавказской дивизией и армейским корпусом на Юго-Западном фронте, генерал-лейтенант (1916). В октябре 1917 г. возглавлял военные формирования Центральной рады. С начала австро-германской оккупации Украины выступал как ставленник Германии. 29 апреля 1918 г. избран гетманом, провозгласил создание «Украинской державы» вместо «Украинской народной республики». 14 декабря свергнут восставшим народом, бежал в Германию, где продолжал антисоветскую деятельность, сотрудничал с гитлеровцами.

[8] Новицкий Василий Федорович (1869—1929) — военный историк, профессор (1912), заслуженный деятель науки (1928). В первую мировую войну командовал стрелковой бригадой и пехотной дивизией, генерал-лейтенант (1916). После Февральской революции занимал должность помощника военного министра, затем командира корпуса, командующего 12-й армии, главнокомандующего Северного фронта. После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти и в 1918 г. вступил в Красную Армию. Был заместителем военного руководителя и военным руководителем Высшей военной инспекции РККА. С октября 1919 по 1929 г. профессор Военной академии РККА, где занимался и разработкой проблем истории первой мировой войны.

---

* «Воспоминания 1914—1919 гг.».

РОССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

А. Ф. Керенский

Глава X. *Время безумия*

1 ноября 1906 г. Николай II записал в своем дневнике: «Повстречались с Божьим человеком Григорием, родом из Тобольской губернии...». Тот год ознаменовал начало всевластия при императорском дворе Григория Распутина и той роковой стези, которая безжалостно привела царя и его семью в подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге, где они приняли смерть от пуль чека. Нелегко составить полное представление о поражающей всех власти, которой обладал неграмотный мужик из далекой сибирской деревни Покровское. Фантастическое превращение Распутина из близкого к императорской семье знахаря в человека, творившего историю России,— одна из тех исторических нелепостей, когда сугубо личная семейная драма выносится на авансцену мировой политики. Это еще раз подтверждает мою убежденность, что история не определяется «объективными» законами и что далеко не последнюю роль в ее развитии играет личность.

Будущий император Николай II в Виндзорском замке встретил Алису из великого герцогства Гессен-Дармштадта и влюбился в нее. Королева Виктория весьма благожелательно отнеслась к зарождавшимся чувствам своей любимой внучки и молодого наследника престола. Царь Александр III, зная, что гемофилия из поколения в поколение поражала членов гессенского дома, решительно воспротивился планам брачного союза, но в конце концов вынужден был уступить. Принцесса Алиса почти ничего не знала о России, где до того побывала лишь однажды, проведя несколько недель в гостях у своей сестры, жены великого князя Сергея Александровича *. Времени, чтобы приготовиться к выполнению своих августейших обязанностей, у нее тоже не было. О помолвке с наследником было объявлено в апреле 1894 г., а свадьбу отпраздновали в ноябре того же года, вскоре после смерти Александра III.

Принцесса Алиса получила воспитание в Виндзорском замке, однако во всем другом она мало чем отличалась от типичной английской девушки викторианской эпохи. И кто бы мог предугадать, что искрящейся радостью принцессе, «виндзорскому солнечному лучику», как ласково называл ее Николай II, суждено стать мрачной русской царицей, фанатичной приверженицей православной церкви. Однако очаровательная принцесса несла в себе семена будущих бедствий. Вместе со склонностью к мистицизму она унаследовала от своей матери способность передавать наследникам по мужской линии гемофилию. Поначалу судьба, судя по всему, благоволила ей, отказав даровать сына. Она родила четырех дочерей, что подорвало ее здоровье, но не смогла произвести на свет наследника престола. Страстное желание родить сына побудило царицу искать помощи у шарлатанов, авантюристов и «чудотворцев».

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 6—9.

* Московский генерал-губернатор, младший брат Александра III.

Европа тех лет буквально кишела ими, и некоторые попытали свое счастье в России. Первым при дворе появился д-р Энкосс, француз, которого все именовали Папусом. Он был представлен Николаю II в 1902 г. в Париже великим князем Николаем Александровичем. В 1901, 1905 и 1906 гг. Папус побывал в России и навсегда остался другом императорского семейства. В качестве президента Высшего совета ордена мартинистов он основал в Санкт-Петербурге масонскую ложу, в которой царь, по слухам, занял пост «высшего гостя». В число членов ложи вошли наиболее видные представители санкт-петербургского общества. Папус проводил сеансы, во время которых обычно вызывал дух Александра III для бесед его с сыном Николаем II. Незыблемую верность царя союзу с Францией, которую не могло поколебать никакое внешнее давление, часто объясняют связями с орденом мартинистов *.

Папус был предшественником и духовным отцом другого «чудотворца» — Филиппа Вашода, человека весьма незаурядного. Уроженец Лиона, он был представлен императорской чете в Компьене во время их визита во Францию, и его влияние на царицу было столь сильным, что в своем письме мужу в 1916 г. она именует его «одним из двух друзей, посланных нам Богом», под вторым подразумевая, конечно же, Григория Распутина. Престиж Филиппа Вашода был огромен, он имел немало последователей во Франции. Царица самозабвенно следовала всем его наставлениям, но наследника по-прежнему не было. В конце концов французу пришлось покинуть Россию. Духовник царицы архимандрит Феофан проклял его, назвав порождением бесовских сил.

Лишь много лет спустя, 30 июля 1904 г., после десяти лет супружеской жизни императрица родила сына. Его рождение вызвало в Александре Федоровне глубокие изменения. До этого все ее интересы ограничивались в основном семейным кругом. В чуждой и враждебной ей атмосфере двора она жила в постоянном страхе перед актами террора в отношении царя. Болезненная, крайне застенчивая, неимоверно страдающая при исполнении своих официальных функций, она редко появлялась в санкт-петербургском обществе, довольствуясь узким кругом склонных к мистицизму друзей. Однако после рождения престолонаследника она стала уделять внимание делам государственным, поскольку самодержавие отныне символизировало уже не только власть ее мужа, но и будущее ее сына. Алексей должен был стать истинным самодержцем. В ее экзальтированном сознании православие и самодержавие были неразделимы. Она верила в мистическое единение короны и народа и страшилась самой идеи ограничения самодержавной власти. В этом ее всячески поощряли Вашод и Распутин. Вот что писала она императору ** : «Сам месье Филипп сказал, что дарование конституции обернется большой потерей и для тебя, и для России». Она умоляла царя быть настоящим самодержцем, напоминая о том, что «им следует научиться трепетать перед тобой, помни, ведь о том же говорили тебе месье Филипп и Григорий...». Имя месье Филиппа упоминалось также в письме, написанном в 1915 г., когда император, уступив ее настояниям, принял на себя верховное командование армией: «Наш первый друг (месье Филипп) подарил мне икону с колокольчиком. Так как ты очень снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли ко мне приблизиться, а я бы предостерегала тебя». И далее: «Стань новым Петром Великим, покажи, что ты властелин и твоя воля будет исполнена... Важно, чтобы министры боялись тебя».

Но на трон уже легла тень смерти. Сын царицы Алексей страдал гемофилией, болезнью страшной и неизлечимой. Однако Александра

---

* Ср.: Papus, sa vie, son oeuvre. Editions Ocia. P. 1949, p. 283.

** 14 декабря 1916 г., письмо № 631.

Федоровна была не из тех женщин, которые сдаются без борьбы. Убежденная, что вера способна сдвинуть горы, она была одержима идеей найти святого человека, который молился бы за нее и сына. И тут из самой гущи народа, нижайший из самых низких, появился Григорий Распутин. Жизнь этого удивительного человека хорошо известна, и я ограничусь лишь изложением основных фактов. В годы молодости Распутин, неграмотный крестьянин, отличался распутством *, пьянством и буйством. Как и отец, который промышлял конокрадством, он никогда не жил в достатке и не гнушался воровством. Подобно многим сибирским крестьянам Григорий время от времени занимался извозом, совершая поездки в самые глухие уголки Тобольской губернии. Рассказывают, что однажды ему довелось везти в один из дальних монастырей священника и по дороге они разговорились. Священнику, видимо, удалось затронуть какую-то потаенную струну в сердце деревенского буяна.

Совершенно неожиданно Распутина охватило раскаяние. И с этого дня всю силу своей необузданной души он обратил к молитве, посту и хождению в церковь. Оставив дом и семью, он обошел пешком огромные просторы России, переходя от монастыря к монастырю. Он стал странствующим проповедником того типа, который был столь характерен для России. Вскоре вокруг него образовался кружок верных последовательниц, которых он называл своими «утешительницами». Его идеи о грехе и покаянии представляли собой путаную мешанину из религиозного экстаза и эротики. Вскоре слухи о Распутине — удивительные рассказы о его разнузданности и оргиях, благочестии и богоданном наитии — распространились по всей России и быстро дошли до Санкт-Петербурга. Уже в тревожном 1905 г. Распутин оказался в столице. Звезда его восходила стремительно. Он стал желанным гостем в домах церковных сановников и любимцем тех слоев общества, где процветали вошедший в ту пору мистицизм и увлечение спиритическими сеансами. Основой его влияния и успеха по-прежнему были женщины.

Григорию ничего не стоило после самой разнузданной оргии перейти к состоянию наивысшего религиозного экстаза. Наделенный живым умом, необычайной интуицией и необъяснимым магнетизмом, он хорошо понимал, какую ему следует выбрать для себя роль. Постепенно он стал вхож к архимандриту Феофану, инспектору санкт-петербургской Духовной академии и духовнику царицы, известному своей святостью и аскетизмом. Феофана не оставили равнодушным распутинский «дар проповедника», страстная истовость веры и врожденная мудрость его туманных толкований Евангелия. Благословение высокочтимого архимандрита окончательно закрепило за Распутиным репутацию святого человека и провидца.

В значительной мере успеху Распутина способствовало покровительство двух дочерей черногорского князя, как их называли, «черногорок». Одна из них, Милица, была замужем за великим князем Петром Николаевичем, вторая, Анастасия,— за его братом, великим князем Николаем Николаевичем. Анастасия была ярой приверженкой спиритизма и мистицизма. Постоянно чувствуя остракизм со стороны высшего света, сестры находили утешение в дружбе с царицей Александрой. Через великого князя Николая Николаевича они и представили Распутина императорской чете. Немного времени понадобилось, чтобы архимандрит Феофан понял, что Распутин вовсе не является ни божьим избранником, ни «святым чертом», как называли его ревностные столичные поклонницы, что он просто — дьявол. Но к тому времени уже и доброму архимандриту было не под силу обуздать власть Распутина. Не Распутин, а он, архимандрит Феофан, вынужден был покинуть столицу и уехать в Крым.

* Отсюда и его кличка «Распутин».

Постепенно Распутину удалось удалить черногорских принцесс из близкого окружения царицы, чем он восстановил против себя великого князя Николая Николаевича. В 1914 г., находясь на посту верховного главнокомандующего, великий князь получил телеграмму с просьбой разрешить Распутину посетить его. Ответ был краток: «Милости просим. Повешу немедля». Во дворце Распутина считали святым человеком и целителем, обладавшим сверхъестественной силой. Такие заслуживающие доверия свидетели, как преданный царю камердинер Чемодуров и семейный врач Д. Деревянко *, рассказывали мне, что в ряде случаев Распутину и впрямь удавалось остановить кровотечение у больного мальчика. Однако они же отмечали, что Распутин каждый раз появлялся у постели ребенка к концу кризиса, когда кровотечение, судя по всему, должно было остановиться само собой.

Но самые удивительные факты я узнал от преданной царю старой фрейлины Елизаветы Алексеевны Нарышкиной («Зизи»). Она с самого его рождения знала и любила царя, которого звала «Ники». Большую часть вины за его неуверенность и изменчивость характера она возлагала на людей, окружавших царя в годы его формирования, и на тяжелую руку его сурового отца. По ее словам, Александр III подавил волю своего чувствительного старшего сына, превратив его в неискреннего, скрытного и даже коварного человека. Но больше всего винила она царицу — однако вовсе не за то, за что ее более всего обвиняли в годы войны,— не за ее немецкое происхождение. Мадам Нарышкина подходила к трагедии царской семьи совсем с другой точки зрения, рассматривая ее в плане интимной, семейной жизни. Она категорически отвергала идею, которая, по мнению многих, даже тех, кто близко стоял к трону, не требовала доказательств,— идею о том, что интересы Николая II были для царицы превыше всего. Нарышкина уверяла, что «Ники» и его дочери составляли единую группу, от которой Александра Федоровна и ее сын держались в стороне.

«Все произошло из-за него»,— сказала она мне с каким-то непонятным раздражением, имея в виду царевича. И намекнула, что, по мнению вдовствующей императрицы, которая близко знала интимную жизнь императорской четы, именно ее невестка была источником всех несчастий. Я понял, что душевные недуги царицы и трагедия не только царя, но и всей империи каким-то образом связаны с рождением наследника. Подлинная история личной жизни царицы не стала и вряд ли когда-либо станет достоянием гласности. Однако до тех пор, пока мы не согласимся с тем, что какие-то сугубо личные, интимные обстоятельства настолько потрясли Александру Федоровну, что полностью изменили ее, мы не сможем объяснить ужасную драму, происходившую в те годы в Царском Селе. Ее подруга и наперсница, Анна Вырубова, была в курсе всего, но она предпочитала не касаться этого в своих полных вымысла мемуарах. После убийства царской семьи главный камердинер царя Чемодуров позволил себе произнести несколько зловещую сентенцию о «наказании за ужасный грех».

Распутин прекрасно вписывался в образ, составленный царицей о России. Он был для нее олицетворением «священного единения» самодержавия и крестьянства, а следовательно, рукой Провидения. Все слухи о моральной распущенности Распутина отвергались как клеветнические. Распутин совратил няньку царевича Вишнякову. Когда последствия этого уже невозможно было скрыть, она призналась царице в содеянном грехе, однако положение Распутина было настолько проч-

* Так у автора (*ред.*).

ным, что Александра Федоровна восприняла ее признание как попытку оболгать святого человека. По семейной традиции, Софье Ивановне Тютчевой, фрейлине и члену узкого придворного круга, было доверено воспитание принцесс. Она решительно воспротивилась привычке Распутина входить в любой час дня и ночи без всякого предупреждения в апартаменты ее воспитанниц. Однако царица и тут оказалась глуха к возмущению мадам Тютчевой, и фрейлине пришлось уйти в отставку. В конце концов вмешался царь, и Распутина попросили воздерживаться от неожиданных визитов к юным принцессам.

Вряд ли царь сомневался в достоверности сообщений о поведении Распутина вне стен дворца, особенно когда они исходили от столь преданных и заслуживающих доверия слуг короны, как его премьер-министр В. Н. Коковцов, председатель Думы М. В. Родзянко, обер-прокурор святейшего Синода А. Д. Самарин, товарищ министра внутренних дел и начальник полиции В. Н. Джунковский, который, помимо всего прочего, был личным другом царя.

К началу войны, против которой Распутин ожесточенно боролся, в Царском Селе у него сложился определенный круг приспешников, которые часто собирались в так называемом маленьком домике Анны Вырубовой. Слепая вера царицы в Распутина побуждала ее искать его советов не только в сфере личной жизни, но и в вопросах государственной политики. Генерал М. В. Алексеев, пользовавшийся большим уважением у Николая II, попытался поговорить с царицей о Распутине, но добился лишь того, что приобрел в ее лице непримиримого врага. Он рассказывал мне позднее, как был обеспокоен, узнав, что секретная карта военных действий каким-то путем попала в руки царицы. Но, как и многие другие, был бессилен что-либо предпринять.

Александра Федоровна была неколебима в своем убеждении, что всем министрам надлежит подчиняться Распутину. Читаем в одном из ее писем: «Не нравится мне выбор военного министра [генерала Поливанова]... Он враг нашему Другу, а это плохая примета...». К советам Распутина прислушивались даже при решении стратегических задач: «Я с волнением буду следить за твоей поездкой [вдоль фронтовой линии]... Помни, что сказал он о Риге...». И снова: «Наш Друг, с которым мы [императрица и Анна Вырубова] виделись вчера... выразил опасение по поводу того, что, если мы не введем в Румынию крупных воинских частей, то можем попасть в ловушку с тыла...». Чуть позднее она пишет: «Дорогой ангел, у меня к тебе множество вопросов о твоих планах относительно Румынии, наш Друг так хотел бы знать о них...».

Дом Распутина находился под постоянным внешним наблюдением и охраной тайной полиции, а сменяющие друг друга министры внутренних дел тратили бешеные деньги на внедрение в дом агентов для получения надежной информации о «божьем человеке». Чрезвычайная следственная комиссия, которую я создал от имени Временного правительства, раскрыла поистине чудовищную картину деятельности Распутина и его камарильи. Вокруг царицы и Вырубовой вились самые бессовестные льстецы и наиболее бесчестные министры, а то и просто заурядные шарлатаны. Из последних многие были связаны с германской секретной службой, которая окружила Распутина плотным кольцом своих агентов и «советников». Вне всякого сомнения, Распутин был центром, вокруг которого кипела деятельность не только прогерманских элементов, но и прямых германских агентов. Улики ошеломляют.

А. Н. Хвостов, назначенный во время войны по совету Распутина министром внутренних дел, едва ознакомившись с содержанием секретных досье своего министра, вознамерился убить Распутина. Как рассказал мне позднее Хвостов, он с абсолютной достоверностью установил, что через Распутина немцы получали наиболее секретные планы Генерального штаба и что удалить Распутина от двора было совершенно невозможно. Для любой разведывательной службы Распутин являлся настоящей находкой. Не воспользоваться им было бы для германского правительства чистейшим безумием. Распутин обладал тремя в высшей степени ценными качествами: он был против войны и поддерживал тесные связи с теми, кто разделял его взгляды; он был неразборчив в выборе друзей, особенно в тех случаях, когда они подсовывали ему соответствующую его вкусам женщину; и, наконец, он был безмерно хвастлив, когда дело касалось его беспредельной власти над «папой и мамой», как звал он своих венценосных покровителей, и не терпел чьих-либо сомнений относительно своего положения при дворе. Все это позволяло без особых усилий заставить Распутина впитывать необходимую информацию, а затем выжать ее из него, как воду из губки.

У Верховного командования были свои веские причины относиться с подозрением к недостойному окружению Александры Федоровны. И потому всякий раз, когда царица прибывала к своему мужу в Ставку, там всегда возникала атмосфера большого беспокойства. Справедливость таких опасений в полной мере подтвердил эксперимент, проведенный морским министром адмиралом И. К. Григоровичем. Адмирал был предан царю, однако его настолько снедали сомнения и подозрения, что, не в силах совладать с ними, он счел своим патриотическим долгом проверить слухи о проникновении германских шпионов в Царское Село. В ответ на настойчивые запросы из Царского Села относительно точной даты осуществления определенной военно-морской операции, он передал туда ложную информацию о приказе к отплытию отряда русских крейсеров. И именно в тот час и в том месте, когда и где, согласно переданной им информации, должны были появиться русские крейсеры, оказалась германская эскадра.

Постепенно всеми государственными делами стала заправлять царица, которая практически ежедневно обсуждала их с Распутиным и Анной Вырубовой. Одновременно стали распространяться слухи, будто Распутин пытается убедить царицу сместить царя и провозгласить себя регентшей империи. Стало очевидным, что для распутинской клики царь превратился в помеху, в опасное препятствие на пути осуществления их замыслов. Распутину было необходимо держать царя под своим полным контролем и постоянным наблюдением. И тут Распутину пришел на помощь его друг, тибетский знахарь Бадмаев. Самая влиятельная персона в распутинской клике, тибетский врач использовал для лечения своих пациентов травы, коренья, настои; он утверждал, что знает древние секреты, применявшиеся в земле далай-ламы, и вера в Бадмаева его многочисленных петроградских пациентов была безгранична. По неосторожности Распутин рассказал Юсупову, что некоторые из бадмаевских трав и кореньев могут «вызвать душевный паралич, а также останавливать или усиливать кровотечение». Что больше свидетельствовало об эффективности лечения Бадмаева, чем бегающие глаза царя и его беспомощная улыбка? Примерно к этому времени относятся постоянные напоминания царицы в письмах к царю «принимать капли, предписанные Бадмаевым».

Но как же относился ко всему этому сам царь? Какую роль играл он в развертывавшейся драме? Принято считать, что царь был столь же убежден в святости и мудрости «Друга», как и царица. Да, действительно, императорская чета разделяла неприязнь к людям своего круга и предпочитала общество «простых людей». Излюбленной мечтой Николая II, которой он не раз делился со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, было сблизиться с людьми, находящимися вне круга интеллигентов, профессиональных политиков и государственных деятелей.

Распутин применил весьма ловкий ход: в императорский дворец он явился в личине «мужика» и соответственно этому и вел себя. Наделенный почти безошибочной интуицией, «святой черт» быстро раскусил императорскую чету. Он никогда не льстил им. В лукавстве своем он так и не отказался от зипуна, подпоясанной кушаком рубахи, смазных сапог и нечесаной бороды, хорошо понимая, что именно это больше всего импонирует императорской семье. Царь и царица верили, что в лице одного из своих неграмотных «сыновей» с ними говорит истинно русский народ.

У Распутина не было никакой политической программы. Он простонапросто проповедовал мистическую веру в царя как помазанника божьего. Он убедил императора и императрицу, что через него они общаются со всем русским народом, в то время как крестьянские представители в Думе — мошенники, марионетки в руках дворянства. На деле же, чем дальше удалялась Россия от воплощения в жизнь царской мечты о самодержавии, православии и Московском царстве, тем глубже и шире становилась пропасть, разделяющая монарха и нацию. В конце концов сосуществование России и Николая II стало и вовсе невозможным, поскольку царь продолжал упорствовать в своем стремлении использовать власть короны для разрушения живого тела империи во имя своих абсурдных фантазий. Царь был убежден в необходимости сохранить верность клятве, которую он дал Александру III на его смертном одре, клятву «достойно нести бремя абсолютной монархии».

Удивительно, насколько по-разному относились к власти царь и царица. Александра Федоровна воспринимала свое право на власть честолюбиво и вполне осознанно. Николай II лишь покорно нес ее бремя. Он всегда помнил, что рожден «в день праздника великого долготерпенья». В. Н. Коковцов, близко знавший императора, утверждал, что по натуре своей Николай II был бы превосходным конституционным монархом. Однако в силу присущего ему упрямства, он продолжал вести себя как самодержец даже после того, как даровал России конституцию. Возможно, причина его безучастности в момент, когда он был вынужден отречься от престола, крылась в том, что в освобождении от бремени власти он видел промысел божий, поскольку сам, добровольно не мог сложить ее, связанный клятвой помазанника божьего. Повседневная жизнь монарха была для него непереносимо утомительной. Он не испытывал ни малейшего желания бороться за утраченную власть. Я с полным основанием могу подтвердить это, так как после падения монархии императорская семья находилась на моем попечении, и я имел полную возможность наблюдать за поведением как Александры Федоровны, так и Николая II.

Хотя Николай II наверняка знал о художествах Распутина, он не отдавал себе отчета в том, что за пределами дворца они сказываются на короне куда более разрушительно, чем любая революционная пропаганда, и что те группы, которые веками служили опорой монархии, оказались в состоянии глубокого потрясения и отчуждения. Но царь был лишен возможности удалить Распутина от постели больного царевича. Источник влияния Распутина — в интимных отношениях царя и царицы. По причинам, которые я не волен раскрыть, царь считал себя обязанным уступать Александре Федоровне во всем, что касалось наследника. Даже если бы здравый смысл взял верх, и царь захотел бы вверить жизнь ребенка заботам опытных врачей, императрица с ее верой в целительную силу Распутина все равно настояла бы на своем.

Нужно ли говорить о том, что пребывание Распутина при дворе и его поведение не прошли незамеченными общественностью? Слухи распространялись подобно лесному пожару, положением вещей заинтересовалась и пресса. Императорская чета явно не испытывала удовольствия от этого интереса к своей личной жизни. А тем временем сфера влияния Распутина становилась все шире. В различные государственные учреждения все чаще обращались за содействием многочисленные обладатели безграмотных, кое-как накарябанных карандашом записок Распутина. У всех на виду были его оргии и пьяные эскапады. Вопреки усилиям царицы скрыть от внимания общественности упоминания о Распутине его скандалы с церковными властями получили широкую огласку. Его имя то и дело упоминалось на заседаниях Думы. Распутин обращался к министрам и высокопоставленным чиновным лицам со все большей наглостью и высокомерием. Впадая в бешенство при малейшем проявлении несогласия или неуважения, он терроризировал царицу угрозами возвратиться в родную деревню.

В. Н. Коковцов, который занял пост премьер-министра после смерти Столыпина, был вынужден из-за Распутина уйти в отставку. В своих мемуарах, выгораживая царя, он рассказывает о царившей при императорском дворе власти «темных сил» и о трагических последствиях этого. Поначалу Коковцов пользовался полным благорасположением царицы, которая считала его абсолютно неспособным к каким-либо самостоятельным действиям. Однако, как всякий сознающий свою ответственность государственный деятель, он не мог мириться с пребыванием Распутина при дворе и с его растущей властью.

В феврале 1912 г., когда положение Распутина при дворе стало предметом жарких обсуждений в III Думе, В. Н. Коковцов получил приглашение от вдовствующей императрицы. «Разговор, который состоялся 13 февраля и длился полтора часа, был полностью посвящен Распутину»,— записал он в своих мемуарах. «Я ответил на все вопросы престарелой царицы и откровенно рассказал ей обо всем, что знал, ничего не утаивая и не пытаясь преуменьшить опасности положения, при котором личная жизнь императорской семьи становится достоянием всеобщей гласности, а самые интимные ее стороны превращаются во всех слоях общества в предмет грубой клеветы и безответственных сплетен. Царица горько расплакалась и обещала переговорить с сыном, добавив, однако, при этом: «Моя несчастная невестка неспособна осознать, что навлекает гибель на себя и династию. Она глубоко верит в святость этой весьма сомнительной личности, и никто из нас не в силах предотвратить катастрофу». Ее слова оказались пророческими.

Вдовствующая императрица умолила В. Н. Коковцова сказать царю правду. В апреле, имея при себе все необходимые доказательства, он сделал доклад Николаю II. Никаких комментариев со стороны царя не последовало. Вот что пишет В. Н. Коковцов о последствиях той аудиенции: «После визита ко мне Распутина 15 апреля 1912 г.* и моего сообщения царю все неожиданно изменилось самым решительным образом. С этого момента мой уход стал неизбежным. Его величество в течение последующих двух лет всячески проявлял ко мне внешнее расположение, но царица изменила свое отношение почти сразу после моего доклада царю о визите Распутина... Мое отрицательное отношение к пребыванию вышеназванной персоны при дворе стало решающим фактором».

29 января В. Н. Коковцову был пожалован графский титул, а вскоре без всяких видимых причин он был неожиданно смещен со своего поста. Сразу после этого вдовствующая императрица Мария Федоровна, крайне расстроенная смещением Коковцова, имела с ним беседу. «Выслушав мои объяснения,— сообщает он в своих мемуарах,— царица погрузилась в долгое молчание, а затем, расплакавшись, сказала мне:

* Очевидно, В. Н. Коковцов имеет в виду попытку Распутина завоевать его расположение.

«Я знаю, что вы честный человек и не желаете зла моему сыну. А потому вы поймете, как страшусь я будущего и какие мрачные предчувствия мучают меня. Моя невестка не любит меня, считая, будто я лишь ревностно защищаю свои права. Ей не дано понять, что я забочусь только о счастье сына и что вижу, как мы несемся навстречу катастрофе, покуда царь только и делает, что прислушивается к голосу льстецов. Теперь, когда вы располагаете свободой, почему бы вам не сказать царю все, что вы думаете, и не предупредить его, пока не будет слишком поздно?»

Смещение В. Н. Коковцова было личным триумфом Распутина, ибо никаких иных причин, кроме недовольства Распутина, для отставки этого верного короне государственного деятеля, всегда лояльно относившегося к Думе, не было. Дума в отношении Распутина заняла непримиримую позицию, и потому вполне естественно, что царица и ее приближенные стремились любым путем подорвать престиж Думы.

Вне всякого сомнения, в обычных условиях патологическая абсурдность распутинщины никоим образом не сказалась бы на быстром экономическом и политическом развитии России, но в случае войны стране пришлось бы нелегко. Я уже упоминал о том, что Распутин яростно выступал против войны. Но в решающие дни июля 1914 г. он отсутствовал в непосредственном окружении своих венценосных покровителей.

Мой друг Суханов, член Думы от Тобольской губернии (той самой, откуда был родом Распутин), показал мне копию телеграммы, которую Распутин послал царю: «Не объявляй войны,— говорилось в ней,— прогони Николашку... если объявишь войну, зло падет на тебя и царевича». Во время расследования обстоятельств убийства императорской семьи, проведенного в 1918 г., об этом же свидетельствовала и распутинская дочь Матрена. «Мой отец был решительно настроен против войны с Германией. Когда началась война, он лежал раненый* в Тюмени. Его величество послал ему много телеграмм, спрашивая совета... Отец настойчиво советовал ему «проявить твердость» и не объявлять войны. В то время я была рядом с ним и видела и телеграммы царя, и ответы отца. Все это так расстроило его, что из раны вновь началось кровотечение».

Мы сделаем еще один шаг к пониманию сложившейся ситуации, если ознакомимся с донесением полицейского чиновника, осуществлявшего наблюдение за Распутиным: «В середине 1916 г. мне довелось слышать его слова: «Если бы та потаскушка не пырнула меня ножом, никакой войны не было бы и в помине, я бы не допустил этого». Он также открыто заявлял, что наступило время положить войне конец: «По мне, так крови уже пролито достаточно, немцы для нас уже не угроза, они теперь слабые». Его идея сводилась к тому, что нам следует заключить с Германией мир».

В те критические дни накануне объявления войны царь был охвачен нерешительностью и не предпринял никаких усилий, чтобы избежать, как казалось ему, неизбежного развития событий. В одном его нельзя упрекнуть: этот человек трагической судьбы любил свою страну с беззаветной преданностью и не захотел покупать отсрочку капитуляцией перед кайзером. Думай Николай II больше о своем благополучии, чем о чести и достоинстве России, он бы наверняка нашел путь к соглашению с кайзером. В 1915 г., когда России приходилось особенно трудно, немцы обратились к царю с весьма выгодными мирными предложениями, которые предусматривали передачу ему столь желаемых для России Дарданелл и Босфора. Царь даже не снизошел до ответа.

Мне кажется, царица искренне старалась полюбить Россию, но

* Он был ранен некоей Гусевой.

только ту, которую она сама придумала в своем воображении и которой призван был управлять в качестве самодержца ее сын. Ради этого мифа она всеми силами противостояла России реальной.

Имеется достаточно оснований полагать, что к осени 1916 г. царь стал проявлять очевидные признаки усталости от Распутина и его окружения. Поведение Распутина становилось все более вызывающим, а в ряде случаев он позволил себе открыто перечить царю. Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы понять, что царь более не доверял Распутину.

В декабре 1916 г., десять лет спустя после его встречи с императорской четой, Распутин был убит группой заговорщиков, в которую входили великий князь Дмитрий Павлович, князь Феликс Юсупов * и реакционный депутат Думы Пуришкевич. Но убийство произошло слишком поздно. Во дворце не последовало никаких существенных перемен, ибо сам царь был центральной фигурой в той драме, которая близилась к своей трагической кульминации.

Глава XI. *План императора*

В первые дни после Февральской революции Чрезвычайная следственная комиссия обнаружила в личных бумагах Николая II переданную царю в ноябре 1916 г. анонимную записку, в которой излагался поистине фантастический план. Записка дает ключ к пониманию политики правительства в предшествующие падению монархии месяцы и некоторых акций кабинета А. Д. Протопопова, проведенных по инициативе царя. Вот некоторые выдержки из этого весьма поучительного документа: «Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г.: Так как в настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная дума, при поддержке так называемых общественных организаций, вступила на явно революционный путь, ближайшим последствием чего по возобновлении ее сессии явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь же подготовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд совершенно определенных и решительных мероприятий, клонящихся к подавлению мятежа, а именно:

I. Назначить на высшие государственные посты министров, главноуправляющих и на высшие командные тыловые должности по военному ведомству (начальников округов, военных генерал-губернаторов) лиц, не только известных своей издавна засвидетельствованной и ничем не поколебленной и не заподозренной преданностью Единой Царской Самодержавной власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом...

II. Государственная дума должна быть немедленно Манифестом Государя Императора распущена без указания срока нового ее созыва.

III. В обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то и осадное), со всеми его последствиями до полевых судов включительно.

IV. Имеющаяся в Петрограде военная сила в виде запасных батальонов гвардейских пехотных полков представляется вполне достаточной для подавления мятежа, однако батальоны эти должны быть

* Муж племянницы царя.

заблаговременно снабжены пулеметами и соответствующей артиллерией...

V. Тотчас же должны быть закрыты все органы левой и революционной печати и приняты все меры к усилению правых газет...

VI. Все заводы, мастерские и предприятия, работающие на оборону, должны быть милитаризированы с перечислением всех рабочих, пользующихся так называемой отсрочкой, в разряд призванных под знамена и с подчинением их всем закоиам военного времени.

VII. Во все главные и местные комитеты союзов земств и городов, во все отделы, а равно во все военно-промышленные комитеты... должны быть назначены в тылу правительственные комиссары, а на фронте комендаиты из эвакуированных офицеров для наблюдения за расходованием отпускаемых казною сумм и для совершенного пресечения революционной пропаганды среди нижних чинов...

VIII. Всем генерал-губернаторам, губернаторам и представителям высшей администрации в провинции должно быть предоставлено право иемедленного собственной властью удаления от должности тех чинов всех рангов и ведомств, кои оказались бы участниками антиправительственных выступлений...

IX. Государственный Совет остается впредь до общего пересмотра основных и выборных законов и окончания войны, но все исходящие из него законопроекты впредь представляются на Высочайшее благоусмотрение с мнением большинства и меньшинства. Самый состав его должен быть обновлен таким образом, чтобы в числе назначенных по Высочайшему повелению лиц не было ни одного из участников так называемого прогрессивного блока *.

В вышеизложенной записке нет ссылки на сепаратный мирный договор как средство спасения России. Однако в объяснительной записке ко второму пункту этого документа Говорухи-Отрока с поправкой Маклакова подчеркивается, что восстановление «неограниченного самодержавного правления» — патриотический долг, поскольку к «мерзостям.., неизбежно порождаемым конституционным правлением» для России добавляется и угроза «вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского».

Свет на происхождение анонимной записки пролил в своем показании на заседании Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством, товарищ министра ** С. П. Белецкий, который «втерся» в окружение Распутина и был связан с крайне реакционными кругами. В добавление к устным показаниям Белецкий буквально засыпал Чрезвычайную следственную комиссию из Петропавловской крепости, где находился, объяснительными записками. В одном из таких письменных показаний он подробно объясняет сущность и состав «кружка Римского-Корсакова», в который, по его утверждению, в основном входили сенаторы и члены Государственного Совета ***.

Члены Чрезвычайной комиссии потребовали от Маклакова дополнительных показаний. В кратком заявлении от 23 августа 1917 г. он осторожно признает, что одобрил Записку, и излагает свое письмо, направленное им царю 19 или 20 декабря 1916 г., в котором содержались аналогичные идеи. Далее он пишет: «После этого я писал еще письмо и проект Манифеста, и в памяти не осталось отчетливых следов

* Архив русской революции. Берлин, 1922, с. 337—338.

** Так у автора (*ред.*).

*** Наряду с сенаторами и членами Государственного совета в группе принимали участие Н. Е. Марков-второй и Г. Г. Замысловский. Марков-второй был видным и активным лидером Союза русского народа (Архив русской революции, т. 5, с. 337—342).

всех этих документов в их подробностях» *. Манифест, о котором идет речь, несомненно был тот, который предусматривал роспуск Думы, о чем говорится во втором пункте записки.

Было бы абсолютно нереалистичным полагать, что небольшая группка крайне правых деятелей из Государственного совета и Союза русского народа могла принудить царя пойти на переворот. Обе эти группы находились в полной зависимости от царя, и совершенно очевидно, что «кружок Римского-Корсакова» подготовил записку по его просьбе. Эту просьбу передал кружку Маклаков, которому царь ранее дал секретную аудиенцию, не занесенную в распорядок дня двора. Тем не менее сообщение о ней просочилось к Родзянко и некоторым другим членам Думы.

В середине сентября 1916 г. неожиданно для всех министром внутренних дел был назначен товарищ председателя Думы А. Д. Протопопов. В то время я находился в Туркестане, где проводил расследование в связи с серьезными беспорядками среди местного населения. На обратном пути я остановился в волжском городе Саратове, главном городе моего избирательного округа, где встретился и беседовал со многими ведущими политическими и общественными деятелями. В Саратове назначение Протопопова явилось для всех полной неожиданностью. Оно было истолковано, однако, как показатель того, что царь намерен найти общий язык с Думой, поскольку о тесных связях Протопопова и Распутина широким кругам не было известно. (Теоретически Протопопов считался умеренным либералом и представителем Прогрессивного блока.) Распутин, по слухам, хвастался, будто это он сыграл решающую роль в назначении Протопопова; показав на ладонь своей руки, он сказал, что «теперь всю Россию держит в своем кулаке».

По возвращении в Петроград я обнаружил на своем столе телеграмму из Саратова, в которой сообщалось об аресте после моего отъезда многих общественных деятелей, встречавшихся со мной. Поскольку мы оба — Протопопов и я — были уроженцами Симбирска и поддерживали хорошие отношения, я позвонил ему и попросил о немедленной встрече. «Можете приходить хоть сейчас. Мои двери для вас всегда открыты», — ответил он. На пороге своего просторного кабинета меня сердечно приветствовал новый министр в мундире шефа жандармов. В этой своей форме он выглядел в высшей степени импозантно, но я, сколько ни старался, никак не мог понять, зачем ему понадобилось надеть ее. Едва я вошел, он принялся рассуждать об огромной ответственности, возложенной на его плечи, о своих замыслах и планах на будущее. При первой же предоставившейся возможности я вручил ему телеграмму и стал излагать детали моего визита в Саратов. Он прервал меня и, покрутив пуговицу у меня на сюртуке, воскликнул: «Сейчас мы все уладим!» Тут же возле него появился молодой помощник. Передавая ему мою телеграмму, Протопопов сказал: «Немедленно телеграфируйте об освобождении лиц, упомянутых в этой телеграмме»

На левой стороне письменного стола министра я увидел вставленную в рамку репродукцию известной картины Гвидо. На ней была изображена голова Христа с удивительными глазами: если смотреть издалека, они казались закрытыми, а если подойти поближе — открытыми. Бросив на меня взгляд, Протопопов заметил: «Я вижу, вы удивлены, не правда ли? Вы так пристально все время рассматривали Его. Я никогда не расстаюсь с Ним. И когда нужно принять какое-то решение, Он указывает мне правильный путь». Я начал подозревать, что происходит

* В этой связи см.: Блок А. Собр. соч. Т. 6. М. 1962, с. 218—219 («На следующий день или через день у царя был Н. Маклаков... Протопопов сказал Маклакову, что царь поручает ему написать проект манифеста на случай, если ему будет угодно остановиться не на перерыве, а на роспуске Думы»).

нечто непонятное. Протопопов продолжал о чем-то рассуждать, но я уже не слушал его. Я был ошеломлен. Кто он — помешанный или шарлатан, ловко приспособившийся к затхлой атмосфере апартаментов царицы и «маленького домика» Анны Вырубовой?

Я знал Протопопова как нормального, элегантного, хорошо воспитанного человека, и перемена в нем была абсолютно необъяснима. Протопопов меж тем продолжал излагать свои планы спасения России, но у меня уже не было сил выносить это долее. Не дав ему кончить фразу, я встал, улыбнулся, поблагодарил и буквально выбежал из его кабинета. Я бросился в Таврический дворец, где заседала Дума, и пулей влетел в кабинет Родзянко, где собралось несколько депутатов Думы. Не в силах сдержать себя, я почти прокричал: «Да он сумасшедший, господа!». «Кто сумасшедший?»

Я пересказал, что произошло у нас с Протопоповым. Когда я дошел до его жандармского мундира, Родзянко рассмеялся и добродушно заметил: «Вы же сами сказали, что он сумасшедший, потому он и носит мундир шефа жандармов — он и нас посетил в нем же». И поведал мне историю с назначением Протопопова. Тем летом в Париж, Лондон и Рим совершила поездку парламентская депутация видных членов Государственного совета и Думы. Целью ее участников — либо членов, либо сторонников Прогрессивного блока — было упрочение дружественных связей с союзниками. Протопопова, товарища председателя Думы и отличного лингвиста, назначили главой депутации и, по словам Милюкова и Шингарева, также входивших в состав депутации, он справился со своими обязанностями с величайшим тактом и искусством.

На обратном пути он провел несколько дней в Стокгольме, где встретился с советником германского посольства, немецким банкиром Варбургом, близким другом германского посла в Швеции Люциуса. Русским властям было известно, что Люциус ведал вопросами пораженческой пропаганды и всей германской разведывательной работой в России. В результате, когда стало известно об этой встрече, в Думе, да и по всей стране разразилась буря возмущения. Протопопов попытался представить дело так, будто эта встреча состоялась с согласия русского посла в Швеции Неклюдова. Человек высоких моральных качеств, Неклюдов вел крайне трудную, но в то же время весьма успешную борьбу против попыток Германии втянуть Швецию в войну против России. Прослышав о том, что Протопопов сослался на его имя в целях оправдания своей секретной встречи, Неклюдов доложил министерству иностранных дел о том, что узнал об этом сенсационном рандеву post factum и предупредил Протопопова о возможных последствиях *.

И тем не менее вскоре, после скандальной истории в Стокгольме, Протопопов был назначен на пост министра внутренних дел. А чуть позже вся эта история стала достоянием гласности. Судя по всему, Протопопов страдал неизлечимой венерической болезнью и в течение многих лет лечился у д-ра Бадмаева. Именно в доме Бадмаева он и повстречался с Распутиным, которому не стоило бо́льшого труда подчинить себе человека с неустойчивой психикой. И хотя Протопопов всеми силами стремился скрыть дружбу с Распутиным, дружба эта, как видно, росла и крепла, и в «маленьком домике» Анны Вырубовой Распутин представил Протопопова царице, которую тот очаровал. Именно царица и рекомендовала позднее Протопопова на пост министра внутренних дел. Насколько я знаю, немногие из членов Думы были в курсе дела, а те, кто располагал информацией, предпочли хранить молчание.

Протопопов был не первый министр, получивший пост из рук Распутина. Но он был первый член Думы, который принял назначение, не поставив предварительно об этом в известность своих коллег. Через несколько дней после назначения он предпринял безуспешную попытку убедить Родзянко и других членов Прогрессивного блока в своих добрых намерениях. В начале октября разрыв стал окончательным, и с того дня двери Государственной думы для нового министра внутренних дел оказались навсегда закрытыми.

Дума знала о готовящемся императорском указе, предусматривавшем назначение генерала Курлова на пост товарища министра внутренних дел. На генерале Курлове, используя слова главного военного прокурора в беседе с зятем Столыпина, лежала «главная ответственность за смерть Столыпина». В той же беседе военный прокурор информировал зятя Столыпина о том, что «уголовное преследование Курлова было прекращено по личному указанию царя». Поэтому неудивительно, что предполагаемое назначение генерала вызвало в Думе бурю возмущения. От имени всех членов Думы, за исключением крайне правых, Родзянко предупредил Протопопова, что в ответ на назначение Курлова будут опубликованы все подробности, связанные с убийством Столыпина и ролью Курлова в этом деле. Их достоверность вызвался подтвердить Шульгин, человек неподкупной честности, пользующийся всеобщим уважением. Указ подписан не был, однако Курлов остался «тайным» товарищем министра и неофициально занимался всеми делами Департамента полиции. Встречаясь в доме тибетского доктора, они хорошо узнали друг друга.

Назначение Курлова, хоть и неофициальное, неизбежно должно было вскоре повлечь определенные последствия. Приблизительно в середине ноября, как раз когда царь рассматривал возможность назначения Маклакова в качестве преемника Протопопова, ко мне зашел для конфиденциальной беседы мой друг, профессор В. Н. Сперанский. Он спросил, не хотел бы я увидеться с сенатором С. Н. Трегубовым, который только что вернулся из Ставки в Могилеве. Встречу предполагалось провести, при соблюдении полной тайны, в доме его отца, главы медицинского департамента Министерства двора д-ра Сперанского. Я знал Трегубова еще со школьных лет в Ташкенте, где он занимал пост прокурора окружного суда. Я всегда испытывал к нему уважение за то, что при выполнении своих обязанностей он руководствовался не указаниями Щегловитова, а голосом собственной совести.

Встреча состоялась через несколько дней. Когда мы остались в комнате одни, Трегубов сообщил о глубокой тревоге, охватившей Ставку после получения от военной разведки данных об усиленной активности германских агентов среди петроградских рабочих. «Мы знаем,— сказал он,— что по роду своей политической деятельности вы связаны с представителями рабочих и хотели бы знать ваше мнение по данному вопросу». Я ответил, что хотя и не имею информации о деятельности германских агентов, с удовольствием обменяюсь с ним мнениями по этой проблеме. Я бы также хотел, добавил я, выразить свою обеспокоенность позицией Департамента полиции в отношении глубокого раскола среди рабочих по вопросам военной пропаганды.

«Что собственно вы имеете в виду?» — спросил он. «Исходя из

---

* В меморандуме, опубликованном в «Голосе минувшего» (Берлин, № 2, 1926), Протопопов утверждает, что во время секретной стокгольмской встречи «вопрос о сепаратном мире» не поднимался. П. Рисс, которому Протопопов передал этот меморандум, замечает: «Согласно словам Протопопова, России следовало бы за несколько месяцев до этого сообщить союзникам.., что, будучи неспособной продолжать войну, она вынуждена вступить в переговоры с Германией. Все эти месяцы союзникам и России надо было вести эти переговоры. В случае же отказа союзников от переговоров Россия в упомянутое время после заключения мира с Германией могла бы выйти из войны. Таким образом, она стала бы нейтральной страной. В декабре 1916 г. ... Протопопов изложил свой план царю, который по утверждению Протопопова утвердил его». Царь, конечно же, скорее мог утвердить план разгрома Петрограда, чем план сепаратного мира.

собственных наблюдений, а также из бесед с рабочими, я пришел к выводу, что по каким-то соображениям Департамент полиции закрывает глаза на подрывную деятельность, которую ведут среди рабочих пораженцы, руководствующиеся пресловутыми «Тезисами о войне», присланными в Россию Лениным. Я предлагаю вам как можно скорее приступить к расследованию действий Департамента полиции. Возможно, лучшим вариантом явилось бы создание сенатской комиссии». В подтверждение моих подозрений я рассказал о нескольких случаях, когда охранка арестовала на политических митингах совсем не тех ораторов, которых следовало бы арестовать. Агитаторы-пораженцы, призывавшие рабочих бастовать в знак протеста против империалистической войны, ухитрялись скрыться, а арестованными оказывались те, кто ратовал за новые усилия по защите страны. Было очевидно, что агенты охранки, действуя несомненно по инструкциям свыше, не проявляли ни малейшего интереса к агитаторам-пораженцам. Столь необъяснимое поведение придавало достоверность распространяющимся среди рабочих слухам об «измене наверху».

Закончив наш конфиденциальный разговор, мы возвратились в гостиную, где нас ожидал хозяин. Обменявшись несколькими общими фразами, я с тяжелым сердцем покинул этот дом. Я не сомневался, что Трегубов передаст нужным людям суть нашего разговора. Однако с горечью вынужден признать, что никаких последствий эта беседа не имела, и Курлов остался на своем ответственном посту.

«Во второй половине ноября,— писал незадолго до своей смерти Протопопов,— начало выкристаллизовываться рабочее движение. То там, то тут в разных районах города вспыхивали стачки... Мы были вынуждены разработать план для подавления рабочего движения на случай, если оно начнет распространяться и приобретать насильственный характер». В качестве первого шага в этом направлении он обратился к градоначальнику Петрограда генералу Балку, попросив его доложить обстановку в городе. К своему удивлению, Протопопов узнал об учреждении военной комиссии во главе с генералом Хабаловым с участием представителей Департамента полиции для разработки планов совместных действий армии и полицейских подразделений на случай беспорядков в столице. И хотя аппарат градоначальника находился в подчинении министерства внутренних дел, сам министр не имел ни малейшего представления о происходящих событиях.

Пока министр внутренних дел усиливал кампанию борьбы против союзов земств и городов, а также против кооперативных и общественных организаций, для оказания помощи полиции разрабатывался детальный план о вводе в город вооруженных пулеметных подразделений. С другой стороны, Департамент полиции почти открыто поддержал пропаганду большевистских пораженческих организаций, которые провоцировали рабочих на забастовки. После назначения 1 января 1917 г. И. Г. Щегловитова на пост председателя Государственного совета Протопопов, уже не скрывавший своей непримиримой позиции в отношении Думы.

Совершенно очевидно, что второй пункт записки, составленной в кружке Римского-Корсакова, выражал политику самого царя, главным инструментом которой был Протопопов. Еще раз подчеркиваю, что то была политика лично царя, а не правительства как такового. Против линии, которую проводил в жизнь полупомешанный Протопопов, выступали все члены Совета министров, включая его председателя кн. Н. Д. Голицына, и все они стремились сохранить если не дружественные, то надлежащие отношения с Думой и гражданскими организациями, работавшими на оборону. Стремясь избежать прямого столкновения между Протопоповым и Думой, кн. Голицын перенес открытие

сессии Думы с января на февраль и трижды по разным случаям обращался к царю с настойчивой просьбой о смещении Протопопова. Он подчеркивал «полную его неосведомленность в делах Министерства и незнакомство с очень сложной машиной Министерства внутренних дел...», что «он вреден и не сознает того положения, которое он создал» *. Царь неоднократно давал уклончивый ответ, однако под давлением Голицына в конце концов заявил: «Я долго думал и решил, что пока я его увольнять не буду» **.

На первый взгляд нерешительность царя в отношении Протопопова противоречит его более раннему намерению назначить на его место Маклакова. Единственным логическим объяснением такой позиции является то, что после смерти Распутина царь видел в Протопопове «безвредного» деятеля, неспособного в силу этой своей безвредности вести дело к сепаратному миру. И хотя император должно быть полностью отдавал себе отчет в том, что Щегловитов и Протопопов — сторонники именно такого курса, это не очень беспокоило его, коль скоро оба они, действуя в духе его великого предназначения, по-прежнему выступали как против Думы, так и против всех гражданских организаций.

В январе 1917 г. разработка плана переброски в Петроград армейских и полицейских войск была завершена. Все войсковые соединения и полицейские подразделения, так же как и отряды жандармов, подчинялись теперь штабным офицерам, специально назначенным во все шесть подразделений, находящихся под началом главы городской полиции. В случае беспорядков первой должна была действовать полиция, затем казаки, а если потребует ситуация, в действие будут введены войска, вооруженные пулеметами. По специальному приказу в городе была оставлена и передана в распоряжение градоначальника прибывшая морем партия английских пулеметов, предназначавшихся для фронта. Этот план, предусматривавший отношение к столице как к оккупированному городу, был абсурден и с самого начала обречен на провал. Царь, обеспокоенный разговором с Протопоповым, который выразил сомнение в надежности резервных войск в Петрограде, призвал для консультаций генерала Хабалова. Выслушав его доклад, он немедленно отдал приказ генералу В. И. Гурко *** возвратить в казармы якобы для отдыха два гвардейских кавалерийских полка и полк уральских казаков. Протопопов был в восторге от решения царя.

Тем временем с помощью агента-провокатора генерал Курлов, воспользовавшись первым же попавшимся предлогом, совершил налет на Центральный военно-промышленный комитет. 26 января 1917 г. все члены «Рабочей группы», за исключением полицейского агента Абросимова, были арестованы. Таким образом, был разгромлен центр патриотического движения «оборонцев» среди рабочих. Та же судьба постигла группы рабочих «оборонцев» в Москве и в провинции. 31 января по всей столице начались массовые демонстрации и стачки и было решено, что время для осуществления военных операций против населения, предусмотренных в записке «кружка Римского-Корсакова», созрело. Однако попытка положить конец движению «оборонцев» вызвала невиданный взрыв возмущения в широких слоях народа, который усмотрел в ней верный признак тайного стремления монархии заключить с Германией сепаратный мир. И даже поспешно призванные кавалерийские полки не могли спасти положение.

Во время последнего разговора с Протопоповым, 22 февраля, царь кивком головы попросил его выйти из апартаментов императрицы для

---

* Падение царского режима. Л. Т. 2. 1925. с. 253—254.
** Там же. с. 254.
*** Генерал В. И. Гурко временно из-за болезни Алексеева исполнял должность начальника штаба Верховного главнокомандующего.

беседы с ним tête-a-tête. В голосе его звучала тревога. Он сообщил Протопопову, что генерал Гурко самым возмутительным образом отказался выполнить его приказ и вместо полков личной гвардии, о направлении которых в Петроград он распорядился, послал туда морскую гвардию. Моряками командует великий князь Кирилл, который, как и большинство других великих князей, является злейшим врагом царицы *. Император сообщил Протопопову о своем намерении немедленно отправиться в Ставку с тем, чтобы обеспечить переброску в столицу необходимых армейских подразделений и принять дисциплинарные меры в связи с поведением генерала Гурко. Протопопов умолял царя не задерживаться в Ставке без крайней необходимости и заручился его обещанием возвратиться не позднее, чем через восемь дней.

Перед тем как покинуть Петроград, царь подписал указы Сенату как об отсрочке, так и о роспуске Думы, не проставив на обоих даты, и вручил оба документа князю Голицыну **. Таков был заключительный шаг царя по осуществлению его плана восстановления абсолютного правления и обеспечению победы под его личным руководством.

Глава XII. *Последняя сессия Думы*

После долгих поисков был найден нужный человек, человек «готовый на все». 18 января 1916 г. был смещен И. Л. Горемыкин, который к тому времени полностью растерял остатки своего влияния в Царском Селе. 19 января на его место был назначен Б. В. Штюрмер, человек крайне реакционных взглядов, для которого была ненавистна сама идея народного представительства или местного самоуправления. И, что более важно, он безгранично верил в необходимость прекращения войны с Германией. Подтвердилось зловещее предсказание Горемыкина: «Когда я уйду, они заключат мир». И действительно, вскоре развернулась лихорадочная деятельность по подготовке мирного соглашения.

В первые месяцы пребывания на посту председателя Совета министров Штюрмер являлся также и министром внутренних дел. Однако все еще занимавший пост министра иностранных дел С. Д. Сазонов неуклонно придерживался курса на сохранение союза с Великобританией и Францией и на продолжение войны до победного конца и оставался верным обязательствам кабинета вести политику в соответствии с мнением большинства Думы. Однако 9 августа Сазонов был неожиданно снят со своего поста. Его портфель взял себе Штюрмер, а 16 сентября министром внутренних дел был назначен А. Д. Протопопов. Таким образом вся официальная власть в Российской империи оказалась полностью в руках императрицы и ее советников.

Теперь стало абсолютно ясно, куда толкает Россию эта шайка безответственных реакционеров, авантюристов и невропатов. Германский министр пропаганды, весьма влиятельный член рейхстага Эрцбергер, писал в своих мемуарах: «В сентябре 1916 г. на кое-кого произвела большое впечатление новость о том, что возросла возможность заключения мира с Россией. 20 сентября 1916 г. один человек в следующих словах изложил свои впечатления в письме, направленном лично мне: «Ознакомившись с политической ситуацией, которую в целом я оцениваю как весьма тревожную, я полагаю справедливым сделать вывод о том, что Россия — единственная страна четырехстороннего союза, которая может начать переговоры, и, в случае уступок, которые позволят ей сохранить за границей военный престиж, пойдет первой на заключение мира. Ключом к пониманию ситуации является личность Штюрмера, взгляды которого коренным образом отличаются от взглядов Сазонова...». В тот же день я получил донесение из Петрограда о том, что, по словам высокопоставленных русских официальных лиц, они устали от войны и были бы рады заключить мир с Германией. Естественно, об этом тут же было доложено врагам Штюрмера. Назначение Протопопова на пост министра внутренних дел, что было делом рук Штюрмера, публикации в прессе относительно его встречи с д-ром Варбургом * привели к крайне резким заявлениям Милюкова и Шульгина, с которыми они выступили в Думе в декабре 1916 года. Они и привели к падению Штюрмера, «премьер-министра мира» **.

Не менее очевидным стало то, что все шансы избежать столкновения между монархией и народом упущены. 1 ноября, в первый день пятой и последней сессии Думы, Милюков выступил с резким заявлением в адрес Штюрмера. В своей речи он упомянул имя царицы, особа которой до тех пор номинально была неприкосновенна для какой-либо критики, и намекнул на ее косвенную причастность к германским интригам, завершив свое обвинение словами: «Что это — глупость или измена?» Ответ армии и народа на этот риторический вопрос мог быть только одним: «измена». И хотя позднее Милюков утверждал, будто задавая свой вопрос, он имел в виду именно глупость, а не измену, в это поверили немногие, особенно, если учесть, что все другие представители Прогрессивного блока и левых групп в течение длительного времени говорили то же самое, никогда, впрочем, не упоминая имени царицы.

На том же заседании членов Думы крайне озадачило неожиданное выступление лидера крайне правых В. М. Пуришкевича, который позже стал одним из соучастников убийства Распутина. Обрисовав в совершенно недвусмысленных выражениях махинации распутинской клики, он закончил речь призывом ко всем членам Думы, сохранившим верность России и монархии, отправиться в Царское Село и «коленопреклоненно» молить царя спасти Россию и трон от происков предательских «темных сил».

10 ноября Штюрмер был освобожден от занимаемых должностей. Его преемником стал А. Ф. Трепов, крайне правый член Государственного совета и человек, близкий к царю. Члены Прогрессивного блока были довольны, считая, что одержали совершенно неожиданную и блистательную победу. Однако трудовики и социал-демократы прибегли к тактике обструкции, стремясь помешать новому премьер-министру выступить в Думе, поскольку он сохранил в своем кабинете на посту министра внутренних дел Протопопова. Дума единогласно вынесла нам порицание, приняв решение не допускать нас на пятнадцать следующих заседаний Думы.

Тем временем набирала все большую силу правительственная кампания против добровольных общественных организаций, ратовавших за продолжение войны. 8 и 9 декабря полиция по приказу Протопопова учинила в Москве разгон съездов союзов земств и городов. Были запрещены съезды кооператоров, занимавшихся продовольственным снабжением. 13 декабря, в канун открытия общих дебатов о деятельности Протопопова, председатель Думы объявил, что, согласно правилам процедуры, правительство потребовало проводить эти дебаты за закрытыми дверями.

Я немедленно взял слово и на «открытом заседании» зачитал текст резолюций, принятых обоими съездами до их разгона. В одной из них, принятой съездом Союза городов, в частности, говорилось: «В России всем сословиям, всем классам, всякому единению честных людей вполне

* См. предыдущую главу.
** The Russian Provisional Government. Stanford, 1961, p. 41.

* См. главу XI.
** Souvenirs de guerre de M. Erzberger. P. 1921, p. 271.

ясно, что безответственные преступники, гонимые суеверным страхом, изуверы, кощунственно произносящие слова любви к России, готовят ей поражение, позор и рабство! Россия окончательно прозрела, и грозная действительность открылась перед ее глазами. Жизнь государства потрясена в ее основе, мероприятиями правительства страна приведена к хозяйственной разрухе, а новые меры правительства довершают расстройство и готовят социальную анархию. Выход из настоящего положения, ведущего Россию к несомненной катастрофе, один — реорганизация власти, создание ответственного министерства. Государственная дума должна с неослабевающей энергией и силой довести до конца свою борьбу с постыдным режимом — в этой борьбе вся Россия с нею. Союз городов призывает Государственную думу исполнить свой долг и не расходиться до тех пор, пока основная задача создания ответственного министерства не будет достигнута. Союз городов призывает и все организованные группы населения — города, земства, сельских хозяев, торговцев, промышленников, кооператоров и рабочих — объединиться для работы прежде всего в области упорядочения продовольственного дела, разруха которого грозит стране и армии».

В тот же день еще более решительно и серьезно изложил свою позицию Союз земств, возглавляемый князем Г. Е. Львовым: «Историческая власть страны стоит у бездны. Наша внутренняя разруха растет с каждым днем и с каждым днем становится труднее организовать страну в уровень с великими требованиями, которые к ней предъявляет война. Наше спасение в патриотизме, в нашем единении и ответственности перед родиной. Когда власть ставит преграды на пути к спасению, ответственность за судьбы родины должна принять на себя вся страна. Правительство, ставшее орудием в руках темных сил, ведет Россию по пути к гибели и колеблет царский трон. Должно быть создано правительство, достойное великого народа, в один из величайших моментов его истории, сильное, ответственное перед народом и народным представительством. Пусть Государственная дума при начатой решительной борьбе помнит о великой ответственности и оправдает то доверие, с которым к ней обращается вся страна. Время не терпит, истекли все сроки для отсрочек, данные нам историей».

Зачитав оба эти исторические документа, я подчеркнул, что цитирую не резолюцию рабочих и крестьян, а резолюцию городских и земских деятелей *. Далее я сказал, что мы выступим со всеми теми, кто открыто и прямо призывает народ и страну к открытой решительной борьбе со старой властью, губящей страну. Мое предложение обсудить этот вопрос на открытом заседании не было поставлено на голосование: отказавшись сделать это, Родзянко действовал согласно «Учреждению Государственной думы»**.

Я совершенно уверен в том, что если бы 13 декабря мое предложение было принято, то такой «революционный» акт со стороны Думы не вызвал бы никаких репрессий. В тот момент распутинская клика еще не была готова к решающим шагам, и Дума смогла бы стать не только глашатаем надежд народа, но и руководителем страны в переломный момент истории. Убийство Григория Распутина 17 декабря ни в малейшей степени не изменило политику Двора.

Через несколько дней, как раз накануне Рождества, дальнейшие заседания Думы были отложены на полтора месяца, а через неделю после этого, 27 декабря, на пост председателя Совета министров вместо Трепова был назначен высокопоставленный сановник двора князь Н. Д. Голицын, советник царицы по делам благотворительности.

* То есть людей скорее либеральных, чем революционных убеждений.

** Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание пятнадцатое. 13 декабря 1916 г., с. 1095—1098.

Это назначение носило весьма курьезный характер, если учесть, что новый глава правительства, которому предстояло в этот критический момент принять на себя руководство всей внутренней и внешней политикой страны, со слезами на глазах умолял царя не назначать его на столь ответственный пост, да еще в военное время. Но все мольбы его оказались напрасными. Впрочем, он и получил такое назначение именно потому, что не имел никакого опыта в делах государства и отличался полным отсутствием собственной воли. Отныне вся власть сконцентрировалась в руках Протопопова и его подручных.

1 января 1917 г. председателем Государственного совета стал один из самых влиятельных лиц, связанных с троном, бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов. Этот пост, как и пост председателя Думы, давал право лично докладывать царю. Назначение на столь высокий пост человека, который всего шесть месяцев назад по требованию общественности был смещен с должности, было явным свидетельством того, что монарх окончательно и безвозвратно утратил чувство ответственности за положение дел в стране. Именно в этот момент Протопопов и его приспешники кинулись, закусив удила, во все тяжкие. Их война против земств, Союза городов, кооперативов и всех добровольных организаций, работавших на нужды национальной обороны, приобрела патологический характер. В Думе стало известно, что правительство вознамерилось взять все эти организации под свой прямой контроль, а это наряду с другими мерами означало, что именно Протопопову поручили заниматься продовольственным снабжением жителей Петрограда.

В январе в столице резко возрос размах беспорядков среди рабочих. Если в 1916 г. по всей стране прошло 243 политические забастовки, то за первые два месяца 1917 г. их число составило 1140.

К середине января специальный комитет во главе с командующим Петербургского военного округа, которым он командовал вплоть до 27 февраля 1917 г., генералом С. С. Хабаловым, закончил разработку детального плана размещения в столице войск для совместных действий с полицией на случай беспорядков. Одновременно правительство начало кампанию борьбы с Центральным военно-промышленным комитетом из-за входящей в него Рабочей группы. Эта независимая группа рабочих, являвшаяся частью комитета (членами которого были ведущие представители промышленности), была сущим проклятием для Протопопова по одной простой причине: действуя с позиций марксистской идеологии и пролетарских принципов, группа успешно защищала экономические интересы промышленного пролетариата и вынуждала предпринимателей идти ему на уступки. Таким образом удавалось избегать забастовок на заводах, занятых оборонным производством.

31 января вся Рабочая группа была арестована, и ей было предъявлено обвинение в участии в «преступной организации, стремящейся к свержению существующего государственного строя и установлению социалистической республики». По приказу генерала Хабалова газетам было запрещено опубликовать письмо арестованных лидеров группы к трудящимся Петрограда, в котором они призывали их продолжать работу на оборонных предприятиях и не проводить демонстраций и забастовок в знак протеста против их ареста. Лишь один из членов группы «избежал» ареста: это был Абросимов, самый левый член группы, который постоянно вылезал вперед, правда, без большого успеха, со всякого рода «революционными» предложениями. В первые недели после падения монархии, когда досье охранки попали в руки нового правительства, выяснилось, что Абросимов был одним из самых активных агентов полиции. Но даже и без этого неоспоримого доказательства вся история о проведении кампании Протопопова — Курлова по деморализации «оборончества» рабочего класса столицы была доста-

точным свидетельством участия Абросимова в деятельности «пораженцев».

8 февраля по личному приказу царя Петроградский военный округ был выделен из Северного фронта, и командующий округом генерал Хабалов получил специальные полномочия. Дума оставалась единственной независимой организацией, которую еще не рискнул тронуть Протопопов. В те черные месяцы этот орган народного представительства, конечно же весьма далекий от совершенства, был единственной надеждой России. Думе доверяла армия на фронте, в ее силу верили рабочие столицы. Однако неделя шла за неделей, разрушительные силы действовали со все большей наглостью, а Дума по-прежнему так и не возобновляла своей работы.

По городу начали быстро распространяться слухи, будто Царское Село уже приняло решение расправиться с Думой. Слухи с каждым днем все нарастали, вызывая всеобщее беспокойство. Все понимали, что в случае разгона Думы общественное мнение потеряет всякое значение. Представители всех слоев общества, от командиров на фронте до простых заводских рабочих в Петрограде, верили в то, что Дума может спасти положение. Когда в конце концов на 14 февраля был назначен день возобновления работы Думы, нас с Чхеидзе посетила делегация рабочих Путиловского завода, игравшего ведущую роль в рабочем движении столицы, и сообщила нам, что в день открытия Думы рабочие планируют провести массовую демонстрацию в ее поддержку. Демонстрация была отменена, поскольку, по тактическим соображениям, Прогрессивный блок принял решение не поддерживать этот план. Об этом решении было объявлено в письме, которое Милюков направил в газеты.

Как обычно, в канун открытия Думы Родзянко отправился с всеподданнейшим докладом к царю. «Правительство,— сказал он,— все ширит пропасть между собой и народным представительством. Министры всячески устраняют возможность узнать государю истинную правду... С прежней силой возобновились аресты, высылки, притеснения печати. Под подозрением находятся даже те элементы, на которые раньше всегда опиралось правительство, под подозрением вся Россия. Государственной думе грозят роспуском. При всех этих условиях никакие героические усилия,.. предпринимаемые председателем Государственной думы, не могут заставить Государственную думу идти по указке правительства, и едва ли Председатель, принимая со своей стороны для этого какие-либо меры, был бы прав и перед народным представительством, и перед страной. Государственная дума потеряла бы доверие к себе страны и тогда, по всему вероятию, страна, изнемогая от тягот жизни, ввиду создавшихся неурядиц в управлении, сама могла бы стать на защиту своих законных прав. Этого допустить никак нельзя, это надо всячески предотвратить и это составляет нашу основную задачу» *.

Царь, явно раздраженный позицией Родзянко, предупредил его, что Думе будет позволено продолжить заседание лишь в том случае, если «она не допустит новых непристойных выпадов в адрес правительства», и отказался дать согласие на просьбу Родзянко об удалении наиболее непопулярных министров. В ответ на высказанные Родзянко опасения по поводу реакции общественного мнения и его намеки на возможность насильственных действий снизу Николай заявил, что имеющаяся в его распоряжении информация свидетельствует «совсем об обратном». На грани отчаяния, Родзянко высказал свои «самые худшие предчувствия... и убеждение», что это его последний доклад. «Я по всему вижу, что Вас повели на самый опасный путь... Вы хотите распустить Думу... Еще есть время; еще возможно все изменить и дать стране ответственное правительство. Видимо, этому не суждено сбыться. Ваше величество, Вы выражаете несогласие со мной и все останется как было... Я Вас предупреждаю, я убежден, что не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет Вас, и Вы уже не будете царствовать!» Пророчество Родзянко вскоре сбылось.

* Russian Provisional Government, 1977. Stanford. 1961, p. 3.

Такое негативное отношение к докладу Родзянко красноречиво свидетельствовало о том, что царь одобряет действия Протопопова и не имеет ни малейшего намерения пойти на какие-либо изменения.

Когда 14 февраля открылось заседание Думы, в повестке дня стоял вопрос о ее роли в противостоянии между властью и страной, близившемся к своей высшей точке. Милюков заявил, что, по его мнению, страна далеко опередила свое правительство. Но мысль и воля народа способны выразить себя только через узкие щели, которые оставляет мертвая бюрократическая машина. Все чаще из глубины России... мысль несется с надеждою к Государственной думе. В то же время его «несколько смущают» подобные призывы к действию, ибо, как он выразился, «наше слово есть уже наше дело» *. И это было абсолютно справедливо. Слова в качестве действий вполне годятся для поэтов, философов и писателей, но не достаточны для государственных деятелей и политиков. Их слова, даже самые зажигательные и мудрые, абсолютно бесполезны, если за ними не следуют действия.

Как правильно сказал Милюков, в настоящее время весь народ возлагает свои надежды на Думу, но Россия ждет от нее не слов, а действий. Оправданы ли эти надежды или нет, но люди ждут, что Дума станет во главе как их глашатай. И не только «мертвая бюрократическая машина» принесла народу страдания и помешала ему выразить свои творческие возможности. В конце концов в каждой стране существует та или иная форма бюрократической машины; без нее не может обойтись ни одно современное государство. Да и в самой России бюрократическая машина была далеко не так мертва, ибо у нее на службе было немало разумных и преданных делу людей. Однако их полностью лишили возможности действовать, они лишь выполняют приказы министров. А кто назначал этих министров? Кто смещал честных министров и назначал на их место прихлебателей Распутина?

Отвечая на замечание Милюкова относительно «мертвой бюрократической машины», я сказал то, о чем думали, но не рисковали говорить открыто депутаты Думы. И заявил, что ответственность за происходящее лежит не на бюрократии и даже не на «темных силах», а на короне. Корень зла, сказал я, кроется в тех, кто сейчас сидит на троне. Обращаясь к членам Прогрессивного блока, я продолжал:

«Нам говорят: правительство виновато, правительственные люди, которые как «тени» приходят и уходят с этих мест. Но поставили ли вы себе вопрос, наконец, во всю ширь и всю глубину, кто же те, кто приводит сюда эти «тени»? И если вы вспомните историю власти за эти три года, вы вспомните, как много здесь говорилось о «темных силах»; и эти разговоры о «темных силах» создали союз юных наивных мечтателей с политическими авантюристами **. И вот эти «темные силы» исчезли! Исчез Распутин! Что же, мы вступили в новую эпоху русской жизни? Изменилась ли система? Нет, не изменилась, она целиком осталась прежней...

И вот, я и спрошу вас, гг. члены Государственной думы (а вместе с вами и ту общественность, которую вы представляете): что же, наконец, эти три года войны привели вас к тому основному убеждению,

* Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание двадцатое. 15 февраля 1917 г.

** Намек на соучастников убийства Распутина — князя Юсупова, Пуришкевича и других.

которое, и только оно одно, может вас соединить с нами, представителями демократии?! Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало, героическими личными жертвами тех людей, которые это исповедуют и которые этого хотят? Как сочетать это ваше убеждение, если оно есть, с тем, что отсюда подчеркивается, что вы хотите бороться только «законными средствами»?! (В этом месте Милюков перебил меня, указав, что такое выражение является оскорблением Думы.) Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в орудие издевательства над народом?.. С нарушителями закона есть только один путь — физического их устранения».

Председательствующий в этом месте спросил, что я имею в виду. Я ответил: «Я имею в виду то, что свершил Брут во времена Древнего Рима». Председатель Думы позднее распорядился об исключении из стенографического отчета этого моего заявления, оправдывающего свержения тиранов. Когда мои слова передали царице, она воскликнула: «Керенского следует повесить!». На следующий день или, быть может, днем позже Председатель Думы получил от министра юстиции официальное заявление с требованием лишить меня парламентской неприкосновенности для привлечения к судебной ответственности за совершение тяжкого преступления против государства. Получив эту ноту, Родзянко тотчас пригласил меня в свой кабинет и, зачитав ее, сказал: «Не волнуйтесь. Дума никогда не выдаст вас».

На следующем заседании Думы, 17 февраля, обсуждался вопрос о Рабочей группе Военно-промышленного комитета и об аресте и суде над ее членами. (Этот вопрос был включен в повестку в день заседания по решению, поддержанному значительным большинством депутатов.) Первым на заседании выступил член партии прогрессистов и заместитель председателя Военно-промышленного комитета А. И. Коновалов. Он сделал подробное сообщение о налете полиции на штаб-квартиру «оборонческого» движения рабочих. Приведенные Коноваловым факты вызвали в Думе возмущение всех депутатов, за исключением, конечно, крайне правых.

Особое негодование вызвали два обстоятельства: первое — это приказ, запрещавший публикацию в прессе письма арестованных рабочих, в котором они призвали всех рабочих продолжать работу и воздерживаться от проявлений массовых протестов; второе — это то, что рабочий Абросимов, единственный из группы, не подвергшийся аресту, своим поведением после арестов достаточно красноречиво показал, что был агентом охранки. Факты, приведенные Коноваловым, дали каждому честному и порядочному члену Думы ключ к ответу на вопрос, кто стоял за спиной организаторов «диких» забастовок на фабриках и заводах и кто толкал администрацию фабрик и заводов, занятых военным производством, на проведение политики локаутов.

18 февраля началась серия забастовок в ответ на резкое повышение цен. Кузнечный цех Путиловского завода тотчас потребовал 50-процентного повышения зарплаты. Администрация решительно отвергла это требование, и рабочие, не покидая территории завода, остановили машины. Митинги состоялись и во всех других цехах завода. Тремя днями позже администрация, стремясь отделаться от «нежелательных элементов», распорядилась о закрытии кузнечного цеха под предлогом прекращения поставок угля и увольнении всех рабочих, занятых в производстве. Были закрыты и другие цехи, и волна забастовочных митингов прокатилась в тот вечер по всему заводу. На следующий день, 22 февраля, администрация Путиловского завода объявила локаут, в результате которого около 40 тыс. рабочих оказались буквально вышвырнутыми на улицу. Рабочие решили обратиться за поддержкой ко всем рабочим Петрограда и для координации действий создали стачечный комитет. В тот же самый день царь, который после смерти Распутина жил в Царском Селе, отбыл на фронт, пообещав Протопопову возвратиться через неделю.

А тем временем нарастала нехватка продовольствия. За несколько дней до этого, 19 февраля, возле продовольственных магазинов собрались толпы людей, требовавших хлеба. 21 февраля в ряде районов жены рабочих ворвались в булочные и бакалейные лавки и разграбили их. 23 февраля критическое положение с продовольствием обсуждалось на заседании Думы, при этом особое внимание было уделено ситуации в Петрограде. В своей речи я, в частности, сказал: «Я сегодня взял на себя обязанность передать вам то, что мне вчера сказали те путиловские рабочие, которые у меня были. Они просили передать вам следующее: скажите вашим товарищам, членам Государственной думы, что мы сделали все, чтобы этого закрытия завода вчера не последовало; мы сделали все ...и даже согласились вернуться на работу на старых условиях. Но в тот момент, когда таково было настроение руководящих рабочих масс завода, они прочитывают объявление о закрытии Путиловского завода и о том, что 36 000 петербургского населения, самого обездоленного и голодающего, выбрасывается на улицу. Они прочли это тогда, когда только что провели по всем мастерским ряд организованных собраний, где доказывали по тем или другим соображениям несвоевременность сегодня развивать это рабочее движение, и они просили меня вам передать. Я ответил им: «Я сомневаюсь, чтобы большинство Государственной думы поняло вас; кажется, общего языка между вами и ими нет никакого», но я обязаность свою исполняю (слева и в центре голоса: «Напрасно!»), я вам передаю. И если напрасно, то сделайте то, что требует от вас гражданский долг настоящего момента».

И это свершилось — они приступили к обсуждению этой проблемы! В конце заседания Милюков от имени Прогрессивного блока внес следующий проект резолюции: «Признавая необходимым, 1) чтобы правительство немедленно приняло меры для обеспечения продовольствием населения столицы так же, как и других городов; 2) чтобы, в частности, были немедленно удовлетворены продовольствием рабочие заводов, работающих на оборону; 3) чтобы для распределения продовольствия были теперь же широко привлечены городские самоуправления и общественные элементы и организованы продовольственные комитеты,— Государственная дума переходит к очередным делам». От имени группы трудовиков я предложил включить в проект резолюции Прогрессивного блока следующий пункт: «что все уволенные рабочие Путиловского завода должны быть приняты обратно и деятельность завода немедленно восстановлена». Предложение было поставлено на голосование, и моя поправка была одобрена.

К несчастью, попытка Думы положить конец провокационным действиям администрации завода и правительства была предпринята слишком поздно. 23 февраля началась всеобщая стачка рабочих. На десятках заводов и фабрик состоялись митинги и была прекращена работа. По окончании митингов рабочие под звук революционных песен устремились на улицы города. К полудню они заполнили Сампсониевский проспект, и отряды конной и пешей полиции оказались бессильны сдержать толпу. В два часа градоначальник Петербурга генерал Балк отдал приказ военному командованию подавить бунт.

На следующий день Дума продолжила обсуждение критического положения; на ее утверждение был внесен законопроект о передаче союзам городов и земств организации продовольственного снабжения. Родзянко обратился к князю Голицыну с настоятельной просьбой пере-

дать это дело из рук Протопопова в руки муниципальных властей. Тем временем тысячи рабочих двигались по направлению к Литейному проспекту, толпы людей собирались и в других районах города. В соответствии с планом генерала Хабалова о подавлении бунта силой оружия, поперек мостов были воздвигнуты заграждения, чтобы разделить город на две части. Но приказы генерала запоздали.

25 февраля против народа были брошены казачьи отряды и пехотные подразделения. Невский проспект и прилегающие к нему улицы были запружены толпами людей. На площади у Николаевского вокзала, у памятника Александру III проходил многотысячный митинг, однако казаки не только не стали разгонять его, но начали брататься с толпой. Неожиданно прибыл отряд конной полиции под командованием какого-то офицера. Он приказал сделать предупредительный залп, но в этот момент из рядов казаков прозвучал выстрел, и офицер упал замертво. Полицейские немедленно произвели ружейный залп прямо в толпу, и люди стали разбегаться по прилегающим улицам.

В тот день Дума собралась на свое последнее и самое короткое заседание. Стремясь как можно скорее утвердить законопроект о передаче продовольственного снабжения объединенной комиссии союзов городов и земств, члены Думы начали заседание в 11 утра и прервали его в 12 ч. 50 мин., назначив очередное заседание на 11 часов утра 28 февраля. Для всех было очевидно, что судьба Думы висит на волоске, что она наверняка будет либо распущена, либо ее заседания будут перенесены на более поздний срок. Чтобы не дать застичь себя врасплох, Думе следовало любой ценой продолжить сессию. Левая оппозиция настаивала на проведении следующего заседания не во вторник 28 февраля, а в понедельник 27 февраля.

Однако наши усилия оказались бесплодными перед лицом сопротивления большинства, и предложение было отклонено. Но одна уступка все же была сделана — на неофициальном заседании совета старейшин, состоявшемся в кабинете Родзянко, было решено провести закрытое заседание Думы в 2 часа дня в понедельник. В течение всего воскресного дня большое число членов Думы от различных фракций безуспешно пытались убедить председателя провести в понедельник официальное заседание.

В полночь с 26 на 27 февраля весенняя сессия Думы была прервана царским указом, на котором князь Голицын проставил дату — 25 февраля. Этим декретом была поставлена последняя точка в реализации плана царя. Утром 27 февраля начался мятеж в резервных батальонах гвардейских частей. Кавалерийские подразделения, отозванные с фронта, не прибыли в столицу. В то же утро правительство князя Голицына перестало существовать.

(Продолжение следует.)

СООБЩЕНИЯ

МОСКОВСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

И. В. Поздеева

В культуре позднего русского и славянского средневековья совершенно особую роль играло московское книгопечатание. В переходную эпоху первой половины XVII в. государев Печатный двор выпустил в свет больше книг кириллического шрифта, чем любая иная славянская типография. Значение деятельности Печатного двора уже не раз отмечалось в литературе. При этом остается в силе концепция исторической роли русского книгопечатания XVII в., выдвинутая знатоком европейской книги Н. П. Киселевым. Он изложил ее ярко и впечатляюще, в категоричной форме: «Государство разрешало пользоваться книгопечатанием с одной-единственной целью — для размножения текстов, необходимых для отправления церковных обрядов... До 1640-х гг. печатная книга только орудие религиозной практики; нельзя даже сказать — орудие религиозной мысли. Культурное и общественное значение книгопечатания было сведено к производству пособий для церковных служб. И меньше всего думали — или вовсе не думали — о книгопечатании как орудии просвещения... Никаких взаимоотношений, никакой связи с современной жизнью, с политическими событиями или политическими идеями... содержание печатных книг до Петра I не имело» [1].

Влиятельной и живучей эта концепция оказалась прежде всего потому, что идеально соотносилась с еще господствовавшей в те годы общей недооценкой роли традиционной культуры, с представлением о почти полной неграмотности населения, с непониманием того, что единая книжность XVII в. складывалась из двух форм — рукописной и печатной. Сейчас необходимо подойти к оценке московского книгопечатания XVII в. заново, учитывая современные общетеоретические и фактические знания. Для этого придется вернуться к вопросу, столь однозначно решенному в свое время: какова была реальная социальная функция выпущенных московским Печатным двором книг, то есть установить, во-первых, какие книги были изданы и в каком количестве; во-вторых, как эти книги использовались; в-третьих, в чьи руки они попадали по выходе из типографии. Материалы для решения этих проблем имеются в фонде Приказа книжного печатного дела в Центральном государственном архиве древних актов. Данные о деятельности Московской типографии от ее восстановления в 1615 г. до перехода в руки патриарха Никона в 1652 г.[2] подвергнуты статистической обра-

ПОЗДЕЕВА Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Исторического факультета Московского государственного университета.

[1] Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в.— Книга. Т. 2. М. 1960.
[2] Работы на Печатном дворе начались в 1614 г., но первая после перерыва книга (Псалтирь) вышла 6 января 1615 года. Последней книгой из исследуемых в работе являются Поучения Ефрема Сирина и аввы Дорофея, вышедшие уже во время патриаршества Никона (11 сентября 1652 г.), хотя печатать их начали еще до него.

ботке и систематизации, с параллельным изучением отдельных экземпляров изданий, их особенностей.

Для решения поставленной задачи прежде всего необходимо установить возможно более полный список изданий тех лет. Киселев опирался в своих подсчетах на Каталог А. С. Зерновой[3], содержащий описания только тех изданий, экземпляры которых были в то время известны. Данные архива позволили обнаружить 25 не вошедших в книгу Зерновой изданий; два неизвестных, но точно датированных издания были найдены археографами[4]; одно — известно из литературы[5]. Таким образом и был составлен список из 223 изданий московского Печатного двора, выпущенных государственной типографией в 1615—1652 гг. (издания самостоятельной книгопечатни В. Ф. Бурцева в статье не рассматриваются).

Второй проблемой стал выбор принципов группировки изданий. Киселев определял большинство печатных книг только как «орудие религиозной практики». Но для эпохи, когда «церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления»[6], разделение книг на церковные и светские представляется недостаточным. Все московские издания XVII в. Киселев разделил на литургические (именуя их «культовыми»), для церковного чтения и книги «нерелигиозного содержания». Причем изданий чисто «культовых» с его точки зрения было 85%, книг для церковного чтения — 14%, а «нерелигиозных» — всего 1,5%[7].

При выявлении структуры издательского репертуара Печатного двора применен принцип функционального использования различных типов книг, который источниковедение вводит для определения вида источника[8]. В период господства средневекового синкретического знания «чистые» типы книги фактически невозможны ни по содержанию, ни по форме, ни по функции. Почти все традиционные типы книг многофункциональны и могут быть разделены только по основной, преимущественной функции. Исходя из этого, среди изданий Печатного двора можно выделить, во-первых, книги литургические, то есть те, которые использовались в основном в богослужениях в церкви и дома. Это служебник, требник[9], служебные минеи, триоди, октоих, шестоднев, трефологион, чиновники, отдельные чины, службы, каноны. Из 223 изданий 1615—1652 гг. книг такого характера было 98, или 44%,— чуть ли не в 2 раза меньше, чем считал Киселев, хотя значение их в идеологической и политической жизни общества было велико.

---

[3] Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М. 1958.

[4] См. Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков. Л. 1970, № 72; Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М. 1980, № 681.

[5] Часовник, датированный 8 октября 1615 г., упоминается в послесловии виленского Часовника 1776 г. (см. Каратаев И. Описание славянорусских книг, напечатаных кирилловскими буквами. СПб. 1883, № 218).

[6] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 495.

[7] Киселев Н. П. Ук. соч., с. 129—135.

[8] Курносов А. А. К вопросу о природе видов источников. В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М. 1977.

[9] Особое место занимает изданный 20 июля 1639 г. Иноческий требник с более чем 30 произведениями (почти 300 листов из 552), предназначенными для чтения, обучения, проповеди, наставническому поучению и полемике. В него включены и важнейший памятник церковного права Номоканон и принятое в декабре 1620 г. «Соборное изложение» патриарха Филарета. Поэтому данное издание отнесено к книгам двойной функции, предназначеным и для чтения, и для богослужения (хотя оно могло бы войти и в разряд «многофункциональных» изданий) (см. Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII вв. М. 1985, с. 303—310. Там же (с. 310—311) опубликовано нелитургическое содержание и второго аналогичного издания — Требника мирского (20 июля 1639 г.).

Громадная, труднопредставимая сегодня и почти не замеченная современной наукой сила средневековой церкви была в ее социальной всеобщности, в том, что по сути своей она обращалась к каждому социальному субъекту и явлению. В основном эту «всеобщую» функцию церкви выполняли именно литургические тексты, призванные освятить жизнь любого средневекового сообщества, индивидуума, двора, общины, войска, селения, приказа. От рождения человека до его смерти, от начала до конца любого начинания или привычного, повторяющегося из поколения в поколение дела — каждый этап, шаг, как правило, сопровождался определенным литургическим текстом, чином, порой сложным и пышным обрядом — от минутной молитвы до многочасового богослужения. Специальные тексты читались в начале любого дела, например, молитва полагалась в «начало научению книжному», а другая — перед тем, как учиться церковному пению. Специальные молебны совершались накануне тех или иных сельскохозяйственных работ, перед закладкой дома, рытьем колодца, выступлением в поход, перед любой трапезой; на Печатном дворе — перед началом печатания каждого нового издания и так далее — в личной, коллективной, государственной жизни во всех ее проявлениях.

Во всех литургических текстах содержатся основные социальные и политические идеи православного вероучения, но, кроме того, детально разрабатывается и настойчиво повторяется комплекс историко-патриотических и историко-политических тем, наиболее актуальных в изучаемое время. Такова идея единства и богоизбранности Русской земли, преемственности между Русью и Византией; мирового предстательства России, ее исключительной роли в христианской истории; первенства и исторической роли Москвы («Москва — третий Рим»); идеи самодержавной власти, освященной историческим и религиозным авторитетом; и, наконец, богоизбранности, идейной и наследственной преемственности династии Романовых. Достаточно напомнить ставшую средоточием всех этих мыслей службу на Положение ризы господней, созданную и напечатанную в Москве в 1625 году[10]. В небольшом тексте службы семь раз упоминается Москва: «град твой, Господи», «чтущий тя град», «царствующий град», «Новый Сион», «честной чертог», «город славнейший, преименитый и Богом избранный».

Эту сторону литургического творчества русской церкви подчеркивали исследователи, выступавшие с религиозных позиций. «Творцы и списатели служб в честь русских святых и церковных событий не отрывались от своего времени,— писал Ф. Г. Спасский,— и, смешивая в службах жития и прославление святости, отмечали в них исторические этапы жизни русского народа»[11]. Темы мирового противоборства России, всемирного значения ее борьбы, последовательно проводимые в литургических памятниках, воспринимаются и русской литературой, «энергично развиваясь» в новых памятниках 1630-х годов[12].

Политические установки, заложенные в богослужебный текст, обладали повышенной силой воздействия на средневекового человека. Возможность и даже обязательность постоянной актуализации общехристианских идей божественного происхождения власти, подвига земного терпения и иных хрестоматийных положений православной литургики создавали прочную и постоянную взаимную заинтересованность церкви и государства в поправках, дополнениях, определенном истолковании литургических текстов. Государство таким образом получало освящение

---

[10] Автор этой службы — митрополит Киприан (см. Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. Париж. 1951, с. 65—66).

[11] Там же, с. 6.

[12] Демин А. С. Первое издание Пролога и культурные потребности русского общества 1630—1640-х годов. В кн.: Литературный сборник XVII в. Пролог. М. 1978, с. 73.

новой политической идеи, а церковь — систематическую политическую актуализацию неизменных положений православия. Таково было идеологическое, социальное и политическое значение литургики, которая занимала первое место в структуре издательской деятельности московского Печатного двора.

На втором месте по количеству изданий в его репертуаре были книги, используемые для обучения, которое всегда начиналось с освоения азбуки. На Печатном дворе два издания Азбуки вышли еще до того, как «подьячий азбучного дела» В. Бурцов[13] перестал быть его сотрудником, основал свою самостоятельную печатню, где и было 20 августа 1634 г. завершено считающееся сегодня первым в Москве издание этой книги. В архиве сохранились указания о пяти изданиях Азбуки, вышедших на Печатном дворе с 1634 г. по 1652 год[14]. Несомненно, их было гораздо больше, но так как незначительные по объему и формату Азбуки печатались на отходах бумаги, и нередко весь тираж приобретался одним человеком, сведения о них, как правило, не сохранились. Не найдено пока ни одного экземпляра этих изданий, которые в прямом смысле «зачитывались». Однако сегодня у нас есть основания считать, что Печатный двор выполнял задачу печати — «разсеяти» азбуки «аки благое семя» «по всей... велицей Русии», чтобы «всяк благоверен учится и да навыкает и паки малыя отрочата учатся и вразумляются и паки по лествице (лестнице.— *И. П.*) от нижния ступени на вышнюю восходят»[15].

Для всех, кто в России XVII в. обучался грамоте — от крестьянина до царского сына,— такими ступенями восхождения были Часовник и затем Псалтирь — два древнейших типа славянской литургической книги. Послесловие к московскому «крупношрифтному» (и тем очень удобному для обучения) Часовнику 1640 г. напоминает, что книга предназначается в начало «всякому правилу... и ко всякому молебному прошению, и в начальное человеком научение»[16]. На обязательную двойную функцию древних книг, использовавшихся и для обучения, обратил внимание еще Д. Мордовцев, писавший, что «первыми учебниками нашими явились Часовник и Псалтирь, как собрание и догматов веры и правил об обязанностях человека и гражданина»[17].

Книгой для обучения являлась и Псалтирь, в которой в присущей народному творчеству образной форме передано бесконечное разнообразие общечеловеческих чувств, оттенков духовной жизни, перенесенных в сферу взаимоотношений человека с Богом. Красота поэтических текстов, их общечеловеческая, вполне реальная, земная значимость на протяжении многих веков делали Псалтирь идеальным, интимным и ненавязчивым проповедником идеологии христианства.

Этим двум типам книг Печатный двор уделял исключительное внимание; с их издания началась его восстановленная деятельность. В отличие от историков книгопечатания сами издатели прекрасно понимали функции Часовника и Псалтири. В документах Печатного двора, начиная по крайней мере с издания 1622 г., Псалтирь малая, или келейная, в отличие от Псалтири следованной, называлась Учебной. К наименованию Часовника дополнение «учебный» делалось гораздо реже, но, очевидно, только потому, что все знали эту книгу как важнейшую в процессе обучения.

---

[13] См. Сетин Ф. И. Азбука Бурцова.— Русский язык в национальной школе, 1976, № 2. Об азбуке см. также: Немировский Е. А. Азбука 1573 г. В кн.: Проблемы школьного учебника. Вып. 2. М. 1974; его же. Азбука 1574 г.— Там же.

[14] Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора. М. 1986, № 67, 68, 148, 174, 192.

[15] Букварь (Азбука). М. 20 августа 1634 г., л. 89.

[16] Часовник. М. 21 мая 1640 г., л. 303.

[17] Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII века. М. 1862, с. 30.

Заметными событиями были издания Часовника в 1643 г. и Учебной псалтири в 1645 году. В них впервые появляется статья: «Наказание по учителем, каково им учити детей грамоте и како детем учитися...», представляющая собой развернутые методические указания — не только чему, но и как нужно учить «младых отрочат» «искусству имети в словесах и в речах и в пословецех... крепость в языке, и в смысле — разум, и в речении словес языка — чистость»[18].

В интересующее нас время Московская типография выпустила 63 издания только этих трех типов книг, используемых для обучения: 5 раз издавалась Азбука, 34 раза — Часовник и 24 — Псалтирь учебная. К ним надо добавить 5 изданий Канонника (также используемого для обучения), одно издание Малого Катехизиса (Собрание краткия науки об артикулах веры (20 января 1649 г.), предпринятое, как говорится в его послесловии, «наипаче же детем учащимся». В 1647 и 1648 гг. Печатный двор выпустил два учебника: «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (перевод книги И. фон Вальхаузена) и Грамматика М. Смотрицкого. Чтобы оценить значение последней книги, необходимо напомнить, что в представлении людей средневековья для понимания священного текста нужна была особая подготовка. В грамматическом знании «искали путь к тайнам земли и неба, ключ к вратам истинной сакральности»[19].

Московское издание Грамматики положило начало принципиально новому этапу в развитии аналитического пути обучения языку. Смотрицкий завершил кодификацию восточнославянской редакции церковнославянского языка и «дал школам XVII в. авторитетный и основательный справочник»[20]. Издатели снабдили книгу историко-философскими предисловиями и послесловиями, гимнами грамматике — «питательнице младенцев», «хранительнице детищ», обогащающей «зрением смысла», «происхождением действа», «действо же... цвет доброплодного ума»[21]. Московское издание Грамматики стало орудием культурного единения славян, основой плодотворности книжных связей между славянскими народами[22].

В целом за интересующее нас время на Печатном дворе вышло 71 издание семи типов книг для разных уровней обучения, которые, с одной стороны, решали широкий круг социальных задач, в том числе подготовки тысяч людей, необходимых для управления государством, укрепления его международного авторитета и военной силы, развития хозяйства, а с другой — они же «подтачивали устои церковнославянского языка и... социально-религиозные устои, которые он символизировал»[23]. Книги для обучения составили 32% всех вышедших в 1615—1652 гг. изданий.

Книги двойной функции, выделенные нами в отдельную группу, были предназначены как для внелитургического чтения (келейного, монастырского, школьного, во время трапез и т. д.), так и для чтения во время богослужения. По своему значению на первом месте среди них — Евангелие и Апостол (Деяния и послания апостольские). Издание

---

[18] Позднее текст «Наказания» перепечатывался в некоторых московских Псалтирях XVII в., в старообрядческих изданиях XVIII—XX веков. Такие Псалтири и получили в литературе название «учебных».

[19] Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск. 1984, с. 22.

[20] Нимчук В. В. Граматика М. Смотрицького — перлина давнього мовознавства. В кн.: Смотрицкий М. Грамматика. Факсимильное изд. Киев. 1979, с. 110.

[21] Смотрицкий Мелетий. Грамматика. М. 2 февраля 1648 г., лл. 40—44.

[22] Нимчук В. В. Ук. соч., с. 111; Атанасов П. Грамматика Мелетия Смотрицкого и болгарские книжники. В кн.: Русско-болгарские связи в области книжного дела. М. 1981, с. 72—73.

[23] Мечковская Н. Б. Ук. соч., с. 14.

и распространение отдельных частей и всего текста Библии на языке, доступном для народа,— один из важнейших моментов культурного развития средневекового общества. В указанные годы на Печатном дворе вышло девять изданий Евангелия и восемь — Апостола.

К той же группе книг относятся и два издания (первое не было закончено) важнейшего литературного сборника Древней Руси — Пролога, использовавшегося и во время богослужения и как популярнейшая «четья» книга. Эти издания не только знакомили (как и рукописные аналогичные тексты) русского читателя с сотнями произведений византийской и славянских литератур, но и включали (вопреки мнению Киселева об отсутствии в печатных книгах Москвы оригинальных русских произведений) десятки сказаний о русских князьях, видных политических и культурных деятелях, важнейших событиях русской истории. Пролог прославляет «Великую Руссию» — «третий Рим» христианства, «приснословущий град Москву», ее монархов. Печатный Пролог — книга поистине широчайшей для своего времени популярности и остро-политической направленности — важнейшая с точки зрения официальной идеологии. В печатных Прологах «явления русской жизни мыслились на одном уровне с общемировыми», а события политической и внешнеполитической борьбы Русского государства и Москвы — нового религиозного центра христианства XVI — XVII вв.— как имеющие первостепенное мировое значение [24].

К этой же группе изданий относятся и книги, включающие тексты как служб, так и житий. Таковы издания служб наиболее почитаемых в России святых и святых — покровителей царствующего дома: Николая Чудотворца (три издания), Сергия и Никона Радонежских (одно издание), Саввы Сторожевского (два издания), а также упомянутые издания Иноческого и Мирского требников (1639 г.), содержащие значительное количество нелитургических текстов.

Принципиально новый характер, необычный, почти «научный» подход к проблеме издания [25] виден на примере книги «Службы и житие Николая Чудотворца» (издана 5 декабря 1640 г. и 20 апреля 1641 г.). Это произведение представляет собой сплав агиографической, литургической, богословской, исторической и полемической мысли своего времени. В одну книгу были собраны не только все известные произведения о самом популярном на Руси святом, но выявлены и учтены разные («елико обретохом») редакции его жития. Книга, рассчитанная на «отец и братию освещенных, и причет, паче же и простых» [26], содержит также указанные политические идеи и имеет антиеретическую направленность. Всего в эти годы вышло 28 изданий двойной функции, что составляет 13% репертуара Печатного двора (33 315 экз.).

Особое место занимают среди изданий этих лет 16 книг, предназначенных для чтения; общекультурное, идеологическое и политическое значение их никогда не отрицалось. Но влияние этих изданий на русскую литературу и культуру, их тесная связь с идеологией и полемикой времени (вопросы, интересовавшие науку в XIX — начале XX в.) начинают заново изучаться только в последние годы. Каждая из этих книг, несомненно, заслуживает тщательного исследования, но здесь достаточно напомнить, что речь идет прежде всего о популярнейших традиционных русских сборниках постоянного состава [27]. Были изданы: Евангелие учительное, Маргарит, четыре издания поучений самого читаемого в крестьянской среде автора — Ефрема Сирина, Сборник

[24] Демин А. С. Первое издание Пролога, с. 70.

[25] Там же, с. 63.

[26] Цит. по изданию 1643 г., л. 244.

[27] Под это определение не подходит только Большой катехизис Зизания Тустановского (Беседословие. Около 29 января 1627 г.).

о почитании икон (или Многосложный свиток), Сборник поучений патриарха Иосифа (Поучение священническое), Кириллова книга, Книга о вере, Лествица, Сборник из 71 слова (Сборник) и Толковое евангелие Феофилакта Болгарского.

Из книг этой группы прежде всего было издано Евангелие учительное (4 мая 1629 г.) — традиционный тип сборника, содержащий поучения на воскресные дни лунного года, связанные с темами недельных литургических чтений из Евангелия. Книга эта переиздавалась дважды (17 марта 1633 и 12 июня 1652 г.) [28]. Она включает пространные поучения и слова, трактующие самые существенные догматические, историко-религиозные, социальные, нравственные положения православия. Эти издания дополняет Евангелие Толковое Феофилакта Болгарского (1 апреля 1649 г.). Таким образом, Печатный двор выполнил свою задачу — дать русскому и славянскому читателю тексты для понимания важнейшей книги христианского Святого Писания.

Эти четыре издания (4650 экз.) составляли более трети всего объема преимущественно «чительных» книг (2702 листа in folio). Почти все остальные книги этой группы вышли в 40-х годах XVII века. 1 сентября 1641 г. издан Маргарит — самый полный из бытовавших тогда славянских компендиумов произведений Иоанна Златоуста (1200 экз., 344 листа, in folio). Книга содержит все важнейшие [29] сведения, связанные с авторством и жизнью одного из величайших проповедников христианства. Содержание Маргарита необъятно, в нем находили ответы на большинство вопросов вероучения и поведения христианина. Исследователи справедливо обращали внимание на включение в московский Маргарит 1641 г. пяти слов, прославляющих на примере евангельской притчи «О богатом и Лазаре» нищелюбие и милосердие, обличающих «свирепство» и «безчеловечество» богатых [30] — темы, особенно популярные в годы нескончаемых восстаний XVII века. Недаром Иван Неронов использовал именно Маргарит для своих обличительных речей перед толпами людей «на торжище», «хождаше по стогнам града» [31].

В 1642, 1644 и 1648 гг. на Печатном дворе вышли (по 1200 экз.) три сборника ярко выраженной полемической, антиеретической тематики, целью которых была борьба с «инаковерными», теоретическое обоснование исключительного значения Москвы как центра сохранения православия. Ибо, как говорилось в предисловии к последней из этих книг: «Аще по апостолу, един Бог, едина вера, то иныя все не веры но ереси и раздоры» [32]. Эти три издания должны были оградить православных от активно наступавших с Запада иных христианских идей: католических, униатских, реформационных, а также и от русских еретических учений [33].

Издание 26 августа 1642 г. именуется в библиографии «Сборник о почитании икон в 12 словах», а в делах Печатного двора книга

[28] Не считая издания, предпринятого Бурцовым 8 сентября 1639 года. Составление книги традиция связывает с именем Константина Болгарского (Переяславского) — ученика просветителя славян Мефодия.

[29] В издание вошло больше произведений, известных под именем этого автора, чем содержали рукописные сборники и Маргарит, напечатанный в Остроге в 1595 г. (Исаевич Я. Д. Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI— первой половине XVII века. В кн.: Книга в России до середины XIX в. Л. 1978, с. 164—165; Демин А. С. Писатель и общество, с. 111).

[30] Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М. 1974, с. 250—253.

[31] Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. М. 1874, с. 258; Робинсон А. Н. Ук. соч., с. 254.

[32] Книга о вере единой и истинной православной, и о святой церкви восточной. М. Печатный двор. 8 мая 1648 г., лл. 1—1об.

[33] См. Народное антицерковное движение в России XVII в. Документы Приказа тайных дел о раскольниках. 1665—1667. М. 1986.

названа «О иконном поклонении» и «Многосложный свиток» (по названию одного из произведений, вошедших в сборник). В указе о начале печатания этой книги предписывалось издать «сборники, слова избранные о чести святых икон и поклонении». Цель издания основных византийских и славянских произведений о почитании икон предельно ясна: использовать все «еже изложиша и написаша в различная времена святыми духоносными отцы... на злочестивые еретики, иже велику брань и лют смертоносный яд на церковь божию и на святые иконы воздвигоша», чтобы «еретиков... яко плевлы от пшеницы отъяти и их пепел развеяти»[34].

Основой книги является произведение Зиновия Отенского, перечислившего в названии своего слова поименно западных и русского иконоборцев: «Слово обличительно на ересь новых развратников... Лютора... и Кальвина и Феодосия чернеца рекомаго Косого и еретика». Борьба с иконоборчеством в России середины XVII в. представлялась столь актуальной, что уже в 1647 г. в «Сборнике» (Сборник из 71 слова) снова был перепечатан почти весь текст «Сборника о почитании икон».

В годы подготовки воссоединения Украины с Россией аккумуляция всей белорусско-украинской и русской полемической литературы продолжалась в связи с изданием «Кирилловой книги» (21 апреля 1644 г., 1200 экз., 588 листов in folio) и упомянутой уже «Книги о вере единой» (8 мая 1648 г., 1200 экз., 290 листов in folio). Как известно, первое издание представляет собой книгу «разносторонней полемической направленности». Основано оно на составленном в 20-е годы XVII в. редакторском полемическом сборнике — «Просветителе Литовском»[35]. В него были включены произведения против антитринитариев, антикатолические и антиармянские статьи, в основном из Хронографа. Еще во время бытования в рукописной традиции в 20—40-е годы в списки «Просветителя» делались дополнения, затем вошедшие и в печатный сборник[36].

Таким образом, остро актуальный сборник, рожденный белорусско-украинской мыслью в 20-е годы XVII в., сразу же в большом количестве списков распространившийся по Руси[37], был отредактирован, издан под названием «Кирилловой книги» как орудие борьбы православия с инакомыслием, а позднее стал одной из принципиальных опор старообрядческой полемики.

Работа московских издателей по собиранию, переводу, обработке и тиражированию для русского читателя (в интересах религиозной борьбы 40-х годов XVII в.) украинско-белорусских полемических текстов закончилась выпуском «Книги о вере»; в нее вошли «Апокрисис» Христофора Филалета, «Полинодия» Захария Копыстенского (та же, что и в «Кирилловой книге»), виленская «Книжица о вере». Первоначальным составителем и редактором книги был украинский игумен Нафанаил, под именем которого сборник и вошел в историю культуры. По оценке Э. И. Калужняцкого, книга «содержит едва ли не все существенное, что касается унии», и приобрела «значение, которое едва ли имели книги, послужившие ей источниками»[38].

Более четверти всего объема книг, изданных в изучаемые годы для внелитургического чтения (объем текста — 2111 листов, общий тираж — 6000 экз.), составляют издания, направленные на пропаганду нравственно-этического учения православия. Прежде всего это четыре книги Поучений Ефрема Сирина (два издания — с добавлением Поучений аввы Дорофея), труды которого ни популярностью, ни своим влиянием на русскую народную культуру и литературу, еще недостаточно оцененным, не уступали произведениям Иоанна Златоуста[39]. Несомненно широкое распространение поучений Ефрема Сирина в крестьянской, особенно старообрядческой среде. В традиционной книжности старообрядцев Верхокамья — конкретно-историческом варианте поморской книжной культуры — найдено 36 книг Ефрема Сирина (и аввы Дорофея) при наличии 33 Евангелий учительных, 20 Златоустов и 4 Маргаритов[40].

Характерно, что одного тиража Поучений Ефрема Сирина, очевидно, оказалось мало; в 1647 и в 1652 гг. одно за другим последовали как бы «парные» издания. Необычным даже для торжественно-хвалебного стиля послесловий Печатного двора 30—40-х годов XVII в. является поэтический гимн Сирину в издании 1647 года. По мнению автора послесловия, нравственное воздействие Поучений Ефрема на людей неотразимо: «Блудный, вместо блуждения приносит целомудрие; лихоиметель — давание.., аще бы и варварскую кто душу имый, и тот, окаяв свою совесть и воспомянув его словеса, не умягчися ли». «Не токмо инок, но и мирянин, прочитая сию книгу, умилится душою, и сокрушится сердцем, и смирится умом, и послушник будет». И если московского издателя восхищали язык, образность и «доходчивость» нравственного идеала Ефрема Сирина, то исследователи отмечали глубину и обобщенность его мысли[41].

1 марта 1647 г. «из дела вышел» еще один сборник, посвященный вопросам нравственного учения христианства — Лествица Иоанна Синайского, так называемого Лествичника (347 листов in folio), а 30 июня — громадный Сборник из 71 слова, или «Сборник, юже о Бозе почитаем от недели мытаря и фарисея до недели всех святых» (879 листов in folio, 1200 экз.). В книгу вошли произведения 24 авторов: Иоанна Златоуста — 27 текстов, Григория Богослова — 6, Василия Великого — 5, Кирилла Туровского — 5, Кирилла Александрийского, Григория Двоеслова и многих других — целая библиотека известнейших христианских писателей. Сборник, с одной стороны, значительно расширял репертуар богословского чтения, с другой — еще раз довел до сведения русских и славянских читателей ряд антииконоборческих и антипротестантских произведений.

---

[34] Сборник о почитании икон. М. Печатный двор, 26 августа 1642 г.

[35] Опарина Т. А. Просветитель Литовский — неизвестный памятник идеологической борьбы XVII в. В кн.: Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск. 1987, с. 43—57.

[36] Это Индекс отреченных книг, Слово Максима Грека на латинов, Изложение вкратце (Вопросы и ответы Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского), а также крайне эсхатологическое «Казанье Кирилла Иерусалимского» Стефана Зизания (отсюда и название печатного сборника). «Кириллову книгу» «собирал протопоп Михаил Рогов с протчими мужи по повелению царя и патриарха на многие ереси латынские и армянские и немецкие и протчие» (Материалы для истории раскола за первое время его существования, изданные Н. И. Субботиным. Т. 6. М. 1881, с. 153; Опарина Т. А. Ук. соч., с. 52).

[37] Известны 28 списков трех редакций Просветителя Литовского XVII в. (Опарина Т. А. Ук. соч., с. 45, 49).

[38] Калужняцкий Э. И. Игумена Нафанаила «Книга о вере», ее источники и значение в истории южнорусской полемической литературы. Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских, 1886, кн. 4, отд. 2; Дементьев Г. Критический разбор так называемой Книги о вере, сравнительно с учением глаголемых старообрядцев. СПб. 1883, с. 21.

[39] В 1986 г. в хранилищах СССР были учтены 31 список XV в. Паренесиса Ефрема Сирина, 34 списка Поучений аввы Дорофея того же времени, 15 списков Маргарита и 22 сборника Златоуст (см. Предварительный список славяно-русских книг XV в., хранящихся в СССР. М. 1986).

[40] Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М. 1983, с. 40—71; История СССР, 1988, № 1.

[41] Ефрем Сирин. Поучения. М. Печатный двор, 7 января 1647 г., лл. 350—350об. «Ефрем дает блестящие и замечательные по глубине мысли, образцы такого истолкования их, которое в настоящее время принято называть историко-типологическим» (Зданов А. О толковании Ефрема Сирина на св. Писание Ветхого Завета. В кн.: Прибавления к творениям св. отцов в русском переводе. Т. 42. М. 1888, с. 483).

Особое место в этой группе книг занимает Сборник поучений, изданный от лица патриарха Иосифа (24 августа 1643 г., 1200 экз., 48 листов). В документах Печатного двора сборник назван «Поучение священническое патриарха Иосифа», и хотя в ряде случаев Поучение — даже не компиляция, а просто перепечатка чужих текстов, эта книга — первая в истории Печатного двора — издается от лица главы Русской православной церкви [42]. А время, когда архимандрит Симонова монастыря Иосиф стал патриархом (27 марта 1642 г.), было тяжелым и для народа и для государства, потрясаемого городскими восстаниями, набегами татар; сказывались сплочение противоборствующих социальных сил, неурожай, мор скота и чума.

Автор Поучения страстно взывал к иереям: «Научите, запретите, настоите, понудите людей божьих к благочестию, яко время обуреваемо есть и дние лукави суть, и люди на зло уклонишася» [43]. По словам Голубцова, патриарх обличал социальную несправедливость, призывал убедить, умилостивить людей властвующих, князей и судей. Как отмечали Голубцов и Булычов, из 10 поучений иебольшой книги семь обращены к «князем и судиям», особенно к «неправедно судящим», «обидящим и насильствующим», творящим милостыню не «от правого труда», а «от лихоимства». В Поучении говорилось о неумении и нежелании государства побороть социальную несправедливость. «Судии емлют, князи грабят и изъядают,— признавал патриарх,— сильнии сокрушают немощного, заступающаго несть, а сокрушает всяк и погубляет» [44]. В текстах, когда бы они ии были реально написаны [45], звучит обвинение современным порядкам, царю Алексею Михайловичу: «Погубленый от твоего судии к тебе... плачет, а ты не мстиши, держа истину в неправде, любя беззакониые прибытки и тех для напустив злого судию на люди» [46].

Практическое использование в политических и социальных целях церковных форм и норм общехристианской борьбы за духовное, внемирское и вневременное отмечали исследователи прошлого, но не замечали ученые времени недавнего. Еще в середине прошлого века П. Безсонов писал о церковиой книжности XVII в.: «И тем хуже, что, отрекаясь от наглядных вопросов жизни гражданской, вбирая их в себя, претворяет все в дело веры,.. где под званиями веры трактуются отношения гражданские» [47]. В московских изданиях первой половины XVII в. книги, предназначенные для чтения, поучения, размышления, должны были побуждать и к действию, которое и объявляется, как мы видели выше, венцом всякого чтеиня.

Кроме общих религиозно-учительных целей перечисленных изданий, а также «актуализированного» содержания, полемической, точнее антиеретической, направленности, книги должны были выполнять еще две функции. Первая: «книжное почитание», ориентированное на духовное и иравственное воспитание, в это время как бы заменяло высшую школу [48].

---

[42] Голубцов А. Вступление в патриаршество и поучение к пастве Иосифа — патриарха Московского. В ки.: Прибавление к изданию творений св. отцов. Т. 42. М. 1888, с. 327—381; Булычов А. А. Поучение на «мировое поветрие» патриарха Иосифа. В кн.: Литературв Древней Руси. Источниковедение. Л. 1988.

[43] Цит. по: Голубцон А. Ук. соч., с. 349.

[44] Поучение священническое патриарха Иосифа. М. Печатный двор. 24 августа 1643 г., лл. 24—25.

[45] В осиове этой части Поучения Иосифа лежит, очевидно, русский текст XIII в. «Поучение к попом», вошедший с XIV в. в Кормчие книги (Булычов А. Ук. соч., с. 192).

[46] Поучение, лл. 33—33об.

[47] Русское государство в половине XVII в. Рукопись времени царя Алексея Михайловича. Ч. 1. М. 1859, с. VI—VII.

[48] Пыпин А. Древисе просвещение.— Вестник Европы, 1894, т. 16, с. 769.

Вторая связана с появлением национального самосознания, неотделимого от идей славянского единства и православного «предстательства» Руси — идеи, которая в той или иной форме свойственна всем упомянутым изданиям Печатного двора.

Эта идея связана и с оценкой церковнославянского языка как важнейшего орудия Руси — «третьего Рима» православия. Достаточно напомнить завершающий московское издание «Книги о вере единой» гимн славянскому языку, ибо он «широк есть и великославен, совокупителен и умилен и совершен, паче простого и лятского обретается. И имеет в себе велию похвалу, не токмо от писаний богословских и песней церковных з греческого им переведенных, но и от божественная литургии и иных тайн. Иже богоугодным тем языком в Великой и Малой Руси, в Сербах и Болгарех и по иным странам действуются, и мнози,— как пишут издатели,— ныне свой хлеб и сокровища духовная во чтении н поучении изобильных книг словенских находят» [49]. Максимально четко эту идею в те же годы выразил хорват Ю. Крижанич: «Я пришел к этому царю, который один в мире был царем моего рода и языка, я пришел к иации своей и отечеству своему собственному» [50].

В последней группе изданий Печатного двора первой половины XVII в. объединены книги, которые выполняли, как правило, различные функции. Объединение произведено по внешним признакам, для удобства статистических подсчетов, так как изданий такого типа вышло всего десять. Из них половина является публикацией Устава (Типикон, Око церковное) Русской православной церкви или отдельных его частей. Устав в изучаемые годы издавался трижды: 20 февраля и 30 сентября 1633 г., 26 марта 1641 года. Общий тираж трех изданий составил 3350 экземпляров. В конце 40-х годов XVII в. вышли отдельными изданиями две статьи уставного характера, посвященные вопросам, вокруг которых в то время шла особенно напряженная полемика. Это 2400 листов «О поклонах» (октябрь — ноябрь 1647 г.) и 1200 экз. десятилистной тетрадки «О хиротонии» (25 августа 1649 г.).

Составной частью Устава является календарь установленных церковью памятей и праздников — Месяцеслов, или Святцы [51], который и стал основой двух самостоятельных изданий Печатного двора — 10 декабря 1646 г. (429 листов, в четвертую долю листа, 1200 экз.) и 14 ноября 1648 г. (272 листа, в шестнадцатую долю листа, 2400 экз.). Эти книги, как правило, изучали с точки зрения складывания русского православного календаря. А между тем Святцы как самостоятельный тип книги, традиция которого во многом была определена имеино вышеназванными изданиями Печатного двора, оказали влияние на народную культуру позднего средневековья. Со второй половины XVII в. эти книги были у большинства грамотных людей. В старообрядческой среде Святцы, так же, как и Учебная псалтирь, имелись почти в каждом доме, где были грамотные. Для всех слоев русского общества печатные Святцы очень скоро стали семейным календарем, справочником, энциклопедией.

Издание еще двух книг имело первостепенное значение. Речь идет о крупнейших памятниках русского права, содержащих в основном светское право (Уложение 1649 г.) и право церковное (Кормчая книга 1650—1653 гг.). Роль этих памятников в истории, культуре, письменности России столь велика, что их всестороннему подробнейшему иссле-

---

[49] Нафанаил. Книга о вере. М. 8 мая 1648 г., лл. 3—3об.

[50] См. Прибавления к изданию творений св. отцов. Т. 19. М. 1860, с. 506—507.

[51] Они входят в разных формах во многие типы книг: Псалтирь следованную, Часослов, Евангелие, Апостол.

дованию посвящены десятки работ[52]. Подлинное же значение этих изданий становится ясным только в том случае, если рассматривать их в неразрывном единстве, как это и делали издатели. Фактически Печатный двор издал полный свод права. Свод светских законов просуществовал как реально действующий еще более 200 лет; по крайней мере первый его исследователь, В. Строев, оценивал Уложение как памятник «ныне» (то есть в 1833 г.) существовавшего в России права[53].

Уложение, составленное, принятое и опубликованное в 1649 г., было результатом глубоких всесторониих перемен в русском обществе. Оно юридически оформляло постоянную наследственную крепостную зависимость крестьян, институт поместья, являлось важным этапом перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму, способствовало консолидации интересов основных классов-сословий общества, дальнейшей секуляризации права. По мнению исследователей, Уложение не только значительно превосходило предшествующие памятиики русского права, но «не имело себе равных... в современной ему европейской практике». Проведение в жизнь нового законодательства способствовало тому, что «преобладающей формой права стал закон, который в заметной мере потеснил и подчинил себе обычное право»[54].

Собственно церкви как политическому институту в Уложении уделено немного статей, трактовка которых позволяет говорить о стремлении власти подчинить церковь государству, ослабить ее могущество. Недаром будущий патриарх Никон резко выступал против нового законодательства, по его мнению, принятого «боязни ради междоусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради»[55].

Но всем этим и многим иным сторонам православной веры, церковной и светской жизни, не менее важным для феодального государства, было посвящено издание Кормчей книги. То, что в Кормчей видели необходимое дополиение Уложения, показывает даже дата указа об ее издании — 1 июля 1649 г., за два месяца до начала печатания второго издания Уложения[56]. Формально было не два, а одно издание Кормчей книги, вышедшее 15 июня 1653 года. Однако аналогично Большому катехизису 1627 г. какое-то количество экземпляров промежуточных этапов издания в июле 1650-го и мае 1652 г. с Печатного двора ушли, дав реальные основания говорить о так называемой Кормчей в первоначальном виде и о «смешанных» экземплярах Кормчей.

Таким образом, трехлетняя работа по упорядочению, кодификации и изданию законов дала в руки центральной и местной бюрократии, церковной иерархии унифицированные тексты норм для организации управления светского и церковного суда.

За 38 лет семимиллионное население России получило с государева Печатного двора более 100 тыс. книг для первоначального обучения; более 50 тыс.— для чтения, проповеди, полемической борьбы, а также основные библейские новозаветные книги. Впервые были напечатаны и стали доступны многим тексты государственных законов, церковного права и Устава, а также календарь.

---

[52] См. библиографию в кн.: Российское законодательство X—XX вв. Т. 3. Акты Земских соборов. М. 1985, с. 72—74.

[53] Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. СПб. 1833.

[54] Маньков А. Г. Уложение 1649 г.— кодекс феодального права России. Л. 1980, с. 109, 257, 3, 250; его же. Соборное Уложение 1649 года. В кн.: Акты Земских соборов, с. 77.

[55] Надо отдать должное прозорливости Никона, увидевшего истинные причины создания Уложения в беспрерывных восстаниях XVII в. (см. Ундольский В. М. Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича.— Русский архив, 1886, кн. 2, с. 611—612).

[55] Печатание Кормчей началось 5 сентября 1649 года.

АРМЕЙСКОЕ ДУХОВЕНСТВО РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

А. С. Сенин

Деятельность военного духовенства являлась для царизма одним из каналов религиозно-воспитательного воздействия на военнослужащих русской армии[1]. До конца XVIII в. военные священники не были отделены от епархиальных и в зависимости от расположения воинской части находились в ведении местной епархиальной власти. В военное время при перемещении войск, особенно в заграничных походах, для надзора за полковыми священниками назначались обер-полевые священники. 4 апреля 1800 г. по указу Павла I впервые в русской армии создается особое Управление военным духовенством во главе с полевым обер-священником. В 1830 г. учреждаются должности обер-священника Главного штаба и обер-священника Отдельного гвардейского корпуса. Общее руководство военным духовенством возлагается на Главного священника гвардии и гренадер армии и флота[2].

С 1890 г. заведование церквами и православным духовенством военного ведомства вверяется протопресвитеру военного и морского духовенства[3]. Назначался он так: главнокомандующий войсками Петербургского военного округа с согласия царя просил военного министра ходатайствовать перед Синодом о назначении такого-то протопресвитером военного духовенства; решение вступало в силу после его утверждения царем.

22 апреля 1911 г. Николай II утвердил доклад Синода о назначении Г. И. Шавельского протопресвитером военного и морского духовенства. Шавельский родился в семье сельского дьячка, окончил духовное училище, духовную семинарию и духовную академию, в русско-японскую войну служил полковым священником, дивизионным благочинным и главным священником 1-й Маньчжурской армии, награжден орденами св. Георгия и св. Владимира с мечами, с 1906 по 1910 г. был законоучителем в Смольном институте, с 1910 г.— профессором богословия историко-филологического института и членом Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства. После Октябрьской революции Шавельский эмигрировал в Болгарию, где стал профессором богословия Софийского университета, законоучителем и директором русской гимназии.

По рангу протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном

СЕНИН Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Московского историко-архивного института.

[1] Подробнее об этом см.: Кандидов Б. П. Церковный фронт в годы мировой войны. М. 1929; его же. Империалистическая война и религия. М. 1933; Василенко В. О. Офицеры в рясах. М. 1933; Суглобов Г. А. Союз креста и меча. М. 1969; Платонов Н. Ф. Церковь и империалистическая война. В кн.: Религия и церковь в истории России. М. 1975.

[2] Столетие Военного министерства. Т. XIII. СПб. 1902, с. 3—5, 7.

[3] Свод военных постановлений. Изд. 3-е. Кн. I. СПб. 1907, ст. 746.

мире и генерал-лейтенанту в военном, имел право на личные доклады царю. Его влияние распространялось на всю страну. Это была вершина карьеры для лица из белого духовенства. По делам церковного управления он получал указания только от Синода, по делам военного ведомства — от военного министра; в военное время представлял Синоду для утверждения кандидатуры полевых главных священников для каждой из формируемых армий[4]. В 1910 г. было утверждено положение о помощнике протопресвитера, а в 1915 г. при нем на время войны учреждалась должность секретаря[5]. При протопресвитере имелось духовное правление (присутствие и канцелярия) из трех человек, избиравшихся им из подведомственных ему и находящихся в Петербурге «благонадежных протоиереев и священников». При присутствии состояли также два сверхштатных члена. Все они утверждались Синодом, а председательство в правлении предоставлялось старейшему из его членов. Синод утверждал также делопроизводителя, который руководил канцелярией. Ему подчинялись столоначальники и регистратор. Делопроизводитель подчинялся обер-прокурору Синода[6].

Духовный управленческий аппарат включал дивизионных благочинных, которые назначались и увольнялись протопресвитером, но в мирное время подчинялись по делам службы местному архиерею. Благочинный был обязан регулярно посещать подведомственные ему церкви, следить за преподаванием закона божьего в полковых учебных командах для подготовки унтер-офицеров, рассматривать жалобы военных и светских лиц на полковых священно-церковнослужителей[7]. Основная работа по религиозному воспитанию военнослужащих выполнялась полковым священником, который в назначенные командиром полка часы совершал богослужения в полковых церквах в воскресные, праздничные и «высокоторжественные» дни, поучал воинов «истинам православной веры и благочестия, применяясь к степени их разумения, духовным потребностям военной службы», больных — «назидал и утешал в лазаретах», вел с военнослужащими беседы и чтения. В его обязанности входило ограждать военнослужащих «от вредных учений», исправлять их «нравственные недостатки», предотвращать «отступления от православной церкви»[8].

Денежными суммами и церковным имуществом заведовал назначенный командиром полка (или начальником того управления и учреждения, которым принадлежала церковь) из офицеров или классных чиновников ктитор. В церквах с приходами избирался прихожанами, не принадлежавшими к войскам, церковный староста[9]. По служебным правам и оплате военные священники приравнивались к военным чинам и пользовались льготами. Настоятель военного собора и храма, подчиненного протопресвитеру, дивизионный благочинный приравнивались к подполковнику, священники (основная часть военного духовенства) — к капитанам, штатный и нештатный дьякон — к поручику[10].

В военное время учреждалась должность главного священника армий фронта. Он назначался Синодом по представлению протопресвитера и имел двойное подчинение: протопресвитеру — по церковным делам,

---

[4] Там же, ст. 749—751, 755.

[5] Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отд. 1. СПб. 1910, № 92, ст. 1020; Приказ по военному ведомству № 465 от 31.VIII.1915.

[6] Свод военных постановлений. Изд. 3-е. Кн. I, ст. 768—783.

[7] Там же. Изд. 2-е. Кн. V. СПб. 1907, ст. 356—360.

[8] Там же. Кн. VII. СПб. 1907, ст. 37—55.

[9] Там же. Кн. XX, прил. к ст. 31. Положение о хозяйстве военных церквей, с. 188—189. Ктитор за упущения или преступления по должности подлежал ответственности как за проступки и преступления по военной службе.

[10] Приказ по военному ведомству № 45 от 26.II.1888. В годы войны главный священник армий фронта приравнивался к генерал-майору.

начальнику канцелярии главного начальника снабжений — по военно-административным, ведал духовенством, состоящим при войсках, управлениях, учреждениях и заведениях в районе, подчиненном главнокомандующему армиями фронта[11].

К концу 1915 г. военных священников насчитывалось 2 тыс., а всего их было в армии свыше 5 тысяч[12]. На службе в царской армии состояли также муллы, ксёндзы и раввины. До войны на каждый округ приходилось по одному мулле, ксендзу и раввину. Они находились в распоряжении штаба округа.

С 1 по 11 июля 1914 г. в Петербурге проходил Первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства. В нем участвовало 49 военных священников (от армии — 40). Предсъездовская комиссия разработала повестку дня из восьми пунктов: о составлении общей инструкции, или памятки, для военно-морского духовенства, о богослужении, об учительстве, о библиотеках в ротах, лазаретах и на гауптвахтах, о борьбе с сектантством, о препятствиях к плодотворной деятельности духовенства, о призрении вдов и сирот духовенства, о свечном заводе. На съезде было образовано восемь секций для обсуждения указанных вопросов и разработки заключительных документов.

Съезд принял памятку-инструкцию военному священнику. Помимо обязанностей священника (совершение богослужений, погребений, наставлений и т. д.), инструкция возлагала на него такие обязанности, которых не несли его предшественники. Строевому священнику вменялось теперь в обязанность помогать врачам в перевязке раненых, заведовать уборкой с поля боя убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, извещать родственников убитых, создавать походные библиотеки; госпитальному священнику — чаще совершать богослужения для больных, ежедневно обходить палаты, беседовать и утешать, писать письма от больных на родину. Военный священник должен был стать в войсках проводником «начал преданности и верности до самопожертвования государю императору», воспитывать воинов «в духе непоколебимой преданности вере», прививать им идеи «беспрекословного повиновения начальству»[13].

Съезд рассмотрел еще один вопрос, не предусмотренный повесткой дня. Дело в том, что 22 мая 1914 г. «государь император, в своих непрестанных заботах о благе армии, дабы оградить ее от признанных опытом и наукою вредных последствий употребления спиртных напитков и охранить в ней вящую силу, здоровье и твердость духа, столь необходимые ее боевой готовности как в мирное, так и военное время», высочайше повелел принять к неуклонному исполнению «Меры против потребления спиртных напитков в армии». В частности, предлагалось создавать общества трезвенников на основе правил, «кои будут выработаны Духовным правлением при протопресвитере военного и морского духовенства». Полковые священники были обязаны не менее двух раз в год делать сообщения в присутствии всех офицеров для освещения гибельных последствий влияния алкоголя на организм и значения, которое придает религия борьбе с пьянством. Особое внимание уделялось молодым солдатам. Духовенство было призвано регулярно вести проповеди среди них, вовлекая в полковые общества трезвенников. При этом подчеркивалось,

---

[11] Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг. 1914, ст. 181—185.

[12] Вестник военного и морского духовенства, 1915, № 22, с. 681; Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. Нью-Йорк. 1954, с. 93.

[13] Циркуляр протопресвитера военного и морского духовенства благочинным после окончания съезда.— Вестник военного и морского духовенства, 1914, № 17, с. 597—599; см. также Вестник военного и морского духовенства, 1915, № 22, с. 679; Шавельский Г. И. Ук. соч. Т. 1, с. 82—83; т. 2, с. 94; Платонов Н. Ф. Ук. соч., с. 233—234.

что для более успешной борьбы с употреблением спиртных напитков нижними чинами должны приниматься всевозможные меры нравственного воздействия на них, чтобы пробудить сознательное отношение к этому вопросу. Священник был обязан вести с нижними чинами беседы не менее одного раза в неделю. Кроме того, предусматривались дополнительные беседы с молодыми солдатами, замеченными в пьянстве. Именно в развитии и утверждении религиозности видели наиболее эффективный путь борьбы с пьянством [14].

В том же месяце вышел первый номер газеты «Трезвость». «Вестник военного и морского духовенства» по этому поводу писал: «Борьба с пьянством должна считаться у нас святым и великим подвигом, кратковременный опыт отрезвления народа путем прекращения винной торговли с очевидностью доказал, каким великим благом может быть в народной жизни трезвость. Отовсюду идут сообщения, что за один месяц русский народ духовно совсем переродился... он оправился материально, освободился в значительной мере от возмутительных проявлений хулиганства, сделался серьезным и «духовно благообразным». На местах военные священники принимали решения во всех торжественных случаях — на проводах, встречах, полковых трапезах совершенно воздерживаться от употребления вина и водки, «чтобы не подавать примера другим и в целях возвышения пасторского авторитета в глазах гг. офицеров и нижних чинов» [15].

С началом войны были учреждены должности священников при штабах армий. Штабные священники становились ближайшими помощниками главных священников, по их поручению наблюдали за деятельностью (фактически — руководили ею) госпитальных священников и прибывших в Действующую армию священников-добровольцев, которые после 10-дневных курсов привлекались к оказанию помощи раненым [16].

Одной из главных задач военного духовенства являлось объяснение целей войны, оправдание ее со всех точек зрения. В брошюре «За веру, царя и отечество» Шавельский доказывал, что стремление «к внешнему величию» страны и расширению ее владений есть священный долг народа, благословленный Богом [17]. Религиозная печать открыто пропагандировала идеи царского империализма и говорила о том, что не решались публично обсуждать даже политические деятели: «Если мы будем владеть Босфором, то в наших руках будет, так сказать, ключ от входа в Черное море, а самое это море обратится в русское озеро» [18]. Военные священники пытались поэтизировать войну, старались усмотреть в ней даже пользу: «полезность» они видели в сплочении народа, примирении политических «распрей», нравственном совершенствовании людей (война — «хороший учитель посту и воздержанию»), доказывали, что состояние мира порождает в людях трусость, «грубый ожирелый эгоизм» и «умственный застой». Война же возбуждает нацию, люди возвращаются с поля боя «с более закаленным характером, с большим терпением и упованием на себя», поэтому «война полезна для домашней семейной жизни человека». И вообще начавшаяся война носит священный характер: цель — «крест Христов на храме св. Софии в Константинополе, взамен венчающего его теперь турецкого полумесяца. Константинополь — колыбель нашей православной веры, и он должен быть в наших руках... Царьград и Босфор должны быть наши как колыбель веры нашей» [19].

Используя религиозность солдат, военное духовенство пыталось убе-

[14] Приказы по военному ведомству. СПб. 1914, с. 494—498.

[15] Вестник военного и морского духовенства, 1914, № 13—14, с. 461; № 20, с. 717, и др.

[16] Там же, 1915, № 2, с. 39.

[17] Василенко В. О. Ук. соч., с. 48.

[18] Кандидов Б. П. Церковный фронт в годы мировой войны, с. 39.

[19] Там же, с. 38—39.

дить их в том, что война с Германией «есть война сатаны против Христа», а германский император Вильгельм — «друг дьявола». Разжигалась религиозная и национальная ненависть к противнику, утверждалось, что тот оскверняет храмы, добивает раненых, издевается над пленными [20]. Организовывались религиозные церемонии (освящение знамен, благословение орудий, снарядов и инженерно-технических сооружений), а в минуты затишья священников часто можно было видеть в окопах [21]. В Действующей армии создавались походные церкви. С 1916 г. существовал Комитет по сооружению подвижных храмов на фронте. Фабрикант С. С. Мешков организовал производство военно-походных церквей. На Каспийском и Черном морях были построены плавучие церкви. Важной считалась работа священников в запасных батальонах и на этапных пунктах, где обучали новобранцев и формировали пополнение [22]. На фронт привозили «чудотворные иконы» (по распоряжению царя в 1916 г. одну из них доставили прямо из Московского Успенского собора), крестики и религиозную литературу. Правительство поощряло издательскую деятельность церкви и не скупилось выделять на это средства. Церковные газеты по цене были более доступными для военнослужащих, чем светские.

О новых методах деятельности военных священников в годы войны и требованиях к ним свидетельствуют решения съездов духовенства армий или фронтов. В мае — июне 1917 г. были опубликованы материалы съезда священников 7-й армии. В нем участвовал 21 военный священник. Главным для военного священника являлось умение распространять идеологию правящих классов и убеждать массы в правильности их политики. Особое значение придавалось устной пропаганде среди солдат. Ценились оперативность, умение реагировать на настроения слушателей. Военный священник обязан был каждодневно вести проповеди «на современные, затрагиваемые обстоятельством времени темы, освещая с патриотической и религиозной точек зрения различные события жизни общественной, государственной и военной» [23]. Съезд рекомендовал учитывать степень грамотности и знаний солдат. Предлагалось также проводить «внебогослужебные беседы» с личным составом воинских частей. Определяя тематику таких бесед, съезд подчеркнул, что военный священник должен останавливать внимание слушателей прежде всего на вопросе о смысле и целях войны, и признал необходимым привлекать лекторов из числа офицеров.

Съезд рекомендовал использовать кино для усиления воздействия на воинов, организовывать библиотеки в каждом подразделении, распространять бесплатные листки и брошюры пропагандистского характера и иллюстрированные издания, создавать специальные витрины и вывешивать газеты «в местах скопления нижних чинов» [24]. Священник должен был оказывать влияние и на офицеров, «особенно на молодежь»: «предостерегать офицеров от неосторожного, к сожалению, нередко наблюдаемого, будирующего критиканства и выражений недовольства действиями властей», так как подобные разговоры «через солдат, обслуживающих

[20] Василенко В. О. Ук. соч., с. 53.

[21] Г. И. Шавельский признавал, что не все военные священники хотят делить опасность с солдатами: «Всех священников, во время боя остающихся при обозах или вообще вдали от перевязочных пунктов и оставляющих во время боя убитых без погребения, умирающих без напутствия, страдающих без утешения, сражающихся без ободрения,— всех таких священников будут считать нежелающими выполнять свой священнический долг, преступниками перед Богом и родиной» (цит. по: Василенко Б. О. Ук. соч., с. 52—53).

[22] Вестник военного и морского духовенства, 1915, № 22; с. 681. Местом пребывания протопресвитера стала Ставка Верховного главнокомандующего (Шавельский Г. И. Ук. соч. Т. 1, с. 21; Листок войны, 1914, № 8, с. 121).

[23] Вестник военного и морского духовенства, 1917, № 9—10, 11—12, с. 215, 254—255.

[24] Там же, с. 255, 256, 257.

офицерские собрания, тотчас делаются достоянием всего полка и, несомненно, не могут не оказывать дурного влияния на настроения нижних чинов»[25].

О значении, которое придавалось военному духовенству, косвенно свидетельствует и тот факт, что, по неполным данным, за годы войны священникам было вручено: 227 золотых наперсных крестов на георгиевской ленте, 85 орденов св. Владимира 3-й степени с мечами, 203 ордена Владимира 4-й степени с мечами, 304 ордена св. Анны 2-й степени с мечами, 239 орденов св. Анны 3-й степени с мечами. Шавельский был награжден орденами Александра Невского и св. Владимира 2-й степени. «Нам нужно поклониться в ноги военному духовенству за поддержку, какую оно оказывает нам в тяжелую годину войны»[26],— говорил великий князь Николай Николаевич. Православная церковь защищала монархический строй в России до самых последних дней его существования. В январе 1917 г. киевский митрополит Владимир писал: «Пресса у нас не должна, не вправе дотрагиваться до монархии и проводить республиканские идеи, не должна направлять умы в сторону революции, не должна подрывать любовь и уважение к царствующему дому». «Церковные ведомости» 25 февраля 1917 г. призывали «всех православных христиан» встать «непреоборимой стеной вокруг царского престола»[27].

Только после Февральской революции духовенство было вынуждено объявить свершившееся «волею божьей». Синод призвал «возлюбленных чад святой православной церкви» объединиться в «братской любви» и «довериться Временному правительству». В послании Синода особо выделялось, что «враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия». Церковь использовала свое влияние для укрепления авторитета Временного правительства в войсках[28]. Обращение к войскам завершалось словами: «У них (офицеров.— *А. С.*) и у вас (солдат.— *А. С.*) — одно дело, один подвиг — война до полной победы над врагами»[29]. В армии создавались полковые приходские советы. В них входили военный священник, ктитор, псаломщик, по представителю от каждой роты и три представителя полкового комитета[30]. Военное духовенство в 1917 г. продолжал возглавлять тот же Шавельский, арестованный в февральские дни, а затем отпущенный по просьбе военного министра А. И. Гучкова.

Методы работы военных священников в новых условиях определил Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства, проходивший в Могилеве с 1 по 11 июля 1917 года. Он обсудил выступление Шавельского, доклад протоиерея Садикова «Современное положение священника в войсках» и доклад священника А. Боярского об отношении духовенства к политико-экономическим вопросам. Большинство присутствующих высказалось за участие военного духовенства в политике. Священник К. К. Стешенко заявил, что оно может примкнуть к любой политической партии, за исключением анархистов и большевиков. Боярский предложил войти в контакт с эсерами.

Съезд не принял решения по вопросу об отношении духовенства к различным партиям, но из церковной печати тех дней явствует, что военных священников устраивала позиция кадетов, которые считали вредной коренную ломку социальных отношений «без соблюдения справедливости к имущим» и не обольщались «идеей социализма». Симпатии священников были на стороне тех, кто «эволюцию предпочитает революции»[31]. Стешенко предложил издавать в Петербурге журнал военного духовенства, В. Н. Егоров — массовую газету. Было принято решение о выпуске в Киеве газеты для солдат «Церковно-общественное слово. Орган прогрессивного военного и морского духовенства». 3 июля съезд военных священников приветствовал Верховный главнокомандующий генерал А. А. Брусилов. Съезд постановил «в духе времени» преобразовать Духовное правление в Протопресвитерский совет из 10 лиц. Утверждалась выборность всех лиц — от благочинного до протопресвитера. 9 июля делегаты тайным голосованием избрали на должность протопресвитера Шавельского[32].

Военное духовенство поддерживало империалистическую политику Временного правительства, в печати и решениях своих съездов призывало солдат напрячь все силы «в эти грозные дни и дать правительству и армии все, что нужно для организации победы». После июльских событий в армии распространялось воззвание Синода, в котором повторялись вымыслы буржуазной печати о связях большевиков с германским правительством. Отцы церкви благословляли контрреволюционные ударные и добровольческие батальоны. Московский митрополит Тихон (будущий патриарх) 2 июля благословил на Красной площади ударный женский батальон смерти.

Временное правительство проявило инициативу в созыве Всероссийского поместного собора и выделило на его нужды 2 млн. рублей[33]. Он начал работу 15 августа в Москве. Среди его делегатов было 10 представителей военного духовенства[34]. От имени Верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилова собор приветствовал князь Г. Н. Трубецкой. 17 августа перед делегатами выступил Шавельский. «Священный собор,— сказал он,— должен прийти на помощь армии. Я считаю необходимым, во-первых, чтобы Всероссийский поместный собор обратился к армии с воззванием самым решительным и горячим... Во-2-х, считаю необходимым, чтобы от имени собора беспрерывно издавались листки для армии... В-3-х, нужно послать от собора проповедника в Московский гарнизон,.. ибо настроение гарнизона отражает в себе настроение общества. В-4-х, нужно устроить всенародное моление к Господу о спасении отечества и вразумлении заблудших»[35].

Наиболее подходящим днем для этого приехавший из Ставки Шавельский назвал 26 августа. Именно в тот день Корнилов намечал отправить первые эшелоны контрреволюционных войск на Петроград для осуществления военного переворота, а Временное правительство намеревалось обсудить вопрос о введении смертной казни в тылу. 24 августа собор принял воззвание к армии. Участник собора профессор Духовной академии Б. В. Титлинов вспоминал позднее: «Когда в последних числах августа вдруг достигла до собора весть о выступлении ген. Корнилова, то надо было видеть возбуждение, овладевшее соборными элементами, чтобы с безошибочностью установить соборную ориентацию»[36]. Значительная часть военных священников поддержала попытку военного переворота, предпринятую Корниловым. Однако остановить рост революционного движения в армии они оказались уже не в силах.

---

[25] Там же, с. 215.

[26] Там же, 1915, № 22, с. 679; Кандидов Б. П. Империалистическая война и религия, с. 22; Шавельский Г. И. Ук. соч. Т. 1, с. 188.

[27] Цит по: Кандидов Б. П. Церковь и Февральская революция, М. 1934, с. 17; Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах. Л. 1987, с. 7.

[28] Речь, 8, 10. III.1917.

[29] Вестник военного и морского духовенства, 1917, № 11—12, с. 240—241.

[30] См. подробнее: Василенко В. О. Ук. соч., с. 68—69.

[31] Всероссийский церковно-общественный вестник, 11, 12.VII; 3.VIII.1917. На съезде В. Н. Егоров утверждал, что духовенство «левее» всех партий. И. К. Матиков осудил взгляды Боярского, который высказался за 8-часовой рабочий день и отмену смертной казни.

[32] Там же, 18.VII.1917.

[33] Плаксин Р. Ю. Ук. соч., с. 14.

[34] Список Священного собора православной российской церкви. М. 1917, с. 1—12.

[35] Священный собор православной российской церкви. Деяния. Вып. 2, кн. 1. М. 1918, с. 40—41, 48, 61.

[36] Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Пг. 1924, с. 70.

НОВОЕ ОБ ОБЩЕСТВЕ ВОЕННЫХ ДРУЗЕЙ

Н. К. Орлова

В период между двумя восстаниями декабристов (14 декабря 1825 г. в Петербурге и 29 декабря того же года на Украине) была предпринята попытка «возмущения» войск Литовского Отдельного корпуса, начавшаяся с отказа присягнуть Николаю I 24 декабря 1825 года.

Общество военных друзей, осуществившее это открытое выступление против правительства, уже привлекало ранее внимание историков. Еще в 1920 г. А. А. Сиверс попытался выяснить наличие связей этого общества с декабристами. В дальнейшем многие специалисты рассматривали указанную организацию как одну из декабристских, отделяя ее от организаций так называемого филоматского (познавательного) типа, существовавших тогда на территории Литвы и Белоруссии[1]. Однако Обществу военных друзей они (за исключением П. Н. Ольшанского) уделили недостаточное внимание. Современных исследователей уже не удовлетворяет конспективное изложение материала о деятельности этого общества, отдельные аспекты его истории нуждаются в уточнении. Прежде всего требует большей обоснованности вывод о декабристском характере Общества военных друзей. Необходимо выяснить, когда началась и как проводилась подготовка к выступлению, организованному его членами; каков его характер; существовали ли у него связи с другими тайными обществами России той поры.

4 декабря 1825 г. начальник штаба Литовского Отдельного корпуса Н. С. Вельяминов вернулся из Варшавы, где встречался с начальником Главного штаба цесаревича Д. Д. Курутой. В секретной беседе ему намекнули, что с присягой войск великому князю Константину Павловичу не надо торопиться. 14 декабря из Петербурга в Варшаву было послано донесение о вступлении на престол Николая I и предлагалось немедленно привести войска к присяге на верность новому императору. 21 декабря командир корпуса Ф. Ф. Довре получил официальный приказ о приведении войск к присяге, и в тот же день в Варшаве присягнули Николаю I.

На следствии по делу декабристов руководитель Общества военных друзей К. Г. Игельстром долго отрицал свою причастность к срыву присяги в Литовском пионерном батальоне, объясняя это просто «недоумением» и используя тот факт, что по закону престол должен был перейти к великому князю Константину. Только в мае 1826 г. он признался, что «мысль к непринятию присяги получил я первоначально от того, что Рукевич объявил мне, что в Санкт-Петербурге находятся две партии. Из чего я заключил, что должны быть междоусобия».

Вероятно, эти сведения обсуждались на собрании комитета Общества, где и было принято решение об агитации среди офицеров корпуса: «Назначено было нами ехать: капитану Игельстрому в 43-й егерский полк, Петровскому — в 47-й, а мне — в Самогитский гренадерский полк»,— показывал на следствии член Общества А. И. Вегелин[2]. В результате анализа показаний подследственных выясняется, что план агитации обсуждался членами комитета Общества военных друзей 13 или 14 декабря 1825 года.

Для его осуществления Игельстром под предлогом посещения невесты предпринял спустя два дня поездку в Гродненскую губ., в места расположения 47-го и 48-го егерских полков. 18 декабря он был в Белостоке и, не заезжая в батальон, поехал к М. И. Рукевичу, у которого находились члены Общества Ф. В. Ордынский, А. И. Вегелин, Э. А. Петровский и Строковский. 20 декабря Игельстром с друзьями вернулся в город и встретился с находившимся на гауптвахте членом комитета А. М. Требинским, которому предложили провести агитацию среди офицеров одного из батальонов Белостокского пехотного полка. Чтобы не вызвать подозрения у командования, члены комитета покинули Белосток, договорившись, что будут ждать известий у Рукевича в Завыках, а Игельстром остался вместе с Петровским в городе.

На следствии Игельстром объяснил это необходимостью добиться у начальника штаба возвращения роты, от командования которой он был отстранен в августе 1825 года. Скорее всего ему было важно, чтобы о нужном дне первыми узнали члены комитета. Если бы приказ о присяге пришел неожиданно, то не осталось бы времени на соответствующую подготовку солдат. 22 декабря Игельстром на приеме у командования изложил свою просьбу о возвращении ему роты. А накануне в штаб был доставлен секретный конверт с приказом о приведении войск к присяге. Игельстрому поручили срочно отвезти пакет командиру Литовского пионерного батальона. Прежде чем выехать из Белостока, Игельстром отправил Петровского в Завыки с указанием организовать срыв присяги.

Накануне приведения войск корпуса к присяге руководители Общества военных друзей провели несколько заседаний: 19, 20 и 22 декабря. Согласно разработанному ими плану, предусматривалось поднять многие полки. Можно предполагать, что в тех из них, где велась агитация, ждали сигнала к выступлению. Это находит подтверждение в ответах Вегелина, который вспоминал на следствии, что вечером 23 декабря Игельстром сказал ему, будто Самогитский гренадерский полк не присягнет и ждет, чтобы кто-нибудь начал[3].

Для приведения Литовского батальона к присяге его роты были собраны в Брянске. Присягу назначили на 8 час. 24 декабря. На квартире поручика Сосновского собрались офицеры и Игельстром призвал их быть твердыми. Петровский так передавал содержание этой речи: «Он открыл нам, что это будет истинное добро,.. а непринятие присяги будет также способствовать к восстановлению вольности, что он имеет известие из Санкт-Петербурга, где то же самое сделали». Капитан Я. И. Малафеев тоже показывал, что темой разговора была предстоящая присяга, а Игельстром сказал, что ему «известно, что большая часть России расположена в пользу е. в. цесаревича и что даже солдаты нашего батальона, с нетерпением ожидая приказа на учинение присяги цесаревичу, не хотят верить несбыточности сего»[4].

Поздно вечером офицеры разошлись по квартирам, но организаторы выступления спать не ложились, а начали агитацию среди солдат через унтер-офицеров и ефрейторов своих рот. «Некоторые из них приходили ко мне в комнату, к другим же я сам выходил,.. представляя им, что теперь удобный случай доказать усердие наше,— показывал Игельстром. Вегелин делал то же в 3-й пионерной роте, Петровский с П. П. Воеховичем — во 2-й. Они призывали солдат присягать Константину как «законному наследнику престола». Особый упор делался на возможности облегчения их участи в случае воцарения цесаревича, который определит солдатам жалованье по примеру польских войск и убавит срок службы.

ОРЛОВА Наталья Кузьминична — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального государственного военно-ясторического архива СССР.

[1] Дьяков В. А. Освободительное двнжение в России. 1825—1861 гг. М. 1977; Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. М. 1955; Ольшанский П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М. 1959; Сиверс А. А. «Тайное Общество Военных Друзей» (1825 г.). В кн.: Дела и дни. Кн. I. Пг. 1920; и др.

[2] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, ф. 801, оп. 70, д. 45, ч. 1, лл. 1080, 1125.

[3] Там же, л. 1135об.

[4] Там же, лл. 893, 280.

Офицеры убеждали солдат держаться дружно, действовать согласованно [5].

Вот показания юнкера В. М. Кондратовича: «23 декабря... взошел ко мне капитан Игельстром и начал говорить, чтобы я постарался уговаривать 2-й роты людей, дабы нас хотят обмануть и неправильно привести к присяге, потому что в Санкт-Петербурге присягали Константину Павловичу. Как он уже известен, то и нам должно стараться ту же ночь уговаривать людей, ибо поутру будут приводить к присяге, а потому теперь только наступило удобное время и такого более не скоро дождемся».

В 8 час. 24 декабря все роты и команда понтонов были построены в каре на сборном месте. По спискам в батальоне числилось 1109 человек, в момент присяги налицо было 1020. В середине каре стоял аналой, рядом — священник, батальонный адъютант и командир батальона подполковник А. А. Обручев. Раздалась команда «На кра-ул!», батальонный адъютант зачитал манифест с приложениями. Когда читали последнее письмо Константина к вдовствующей императрице Марии Федоровне, Игельстром взмахнул шпагой и солдаты 3-й роты закричали: «Ура Константину Павловичу!». Их возглас был подхвачен другими ротами. Командир батальона, полагая, что кричат Николаю I, скомандовал «К ноге!», но тут услышал повторенное приветствие Константину.

Думая, что солдаты не поняли, кому следует присягать, Обручев еще раз зачитал документы, и, обходя роты, пытался убедить принести присягу Николаю I. Вернувшись на место, он повторил команду. Но ротные командиры, не позволяя солдатам снимать кивера, скомандовали «Отставить!». Подполковник опять обошел батальон, угрожая, что за неповиновение всех сошлют в Сибирь, а каждого десятого расстреляют; затем вызвал на середину каре ротных и приказал им разъяснить солдатам обстановку. Однако ротные старались поднять дух солдат, убеждая их «держаться прежнего».

Подполковник, заметив особенную активность 1-й и 3-й пионерных рот, подошел к ним и спросил: «Все ли вы слышали и понимаете прочитанное?» Солдаты отвечали, что все слышали, но «требуем в доказательство собственноручной подписи Его Императорского Высочества цесаревича» [6]. В тот день было довольно холодно, войска стояли на сильном ветру уже несколько часов, недовольство солдат нарастало, присяга срывалась. Тогда батальонный командир решил присягнуть один, надеясь, что его примеру последуют другие офицеры. А Игельстром в это время стал выводить свою роту из каре, за ним последовали остальные, и присяга была сорвана. Спустя час в Белосток отправили капитана Малафеева с устным донесением о случившемся.

Организаторы выступления спешили сообщить об этом друзьям в других полках. В Самогитский гренадерский полк, где ждали сигнала, был отправлен прапорщик Воехович, которому Игельстром наказал «смело объявить» о срыве присяги; Петровский взялся сообщить в Несвижский карабинерный полк; Игельстром и Вегелин выехали в Белосток. Они торопились узнать, сумел ли Требинский организовать выступление Белостокского пехотного полка и послать связного в Луцкий гренадерский полк со следующей запиской: «Пионерный батальон по полученным из Санкт-Петербурга известиям присяги не учинил» [7]. Но организовать выступление в широких масштабах все же не удалось. 25 декабря в Брянск прибыл начальник штаба Н. С. Вельяминов, и 26 декабря батальон присягнул Николаю I.

Подготовка отказа от присяги и непринятие ее в Литовском пионерном батальоне наводят на мысль о существовании связей Общества военных друзей с декабристами. «Военные друзья» начали готовиться к событиям 24 декабря задолго до того, как стала известна дата приведения войск к присяге. Подготовка велась среди офицеров и солдат, причем приемы агитации были похожи на те, которые использовали декабристы, в качестве формального предлога для выступления также выдвигавшие верность Константину.

Предположения о связях Общества военных друзей с декабристами основываются главным образом на показании Игельстрома о полученном им письме за подписью «К:х:л:б:к:р», на которое впервые обратил внимание польский историк Г. Мосцицкий, опубликовавший это письмо [8]. Тогда же встал вопрос о его достоверности. Ольшанский привел ряд аргументов в пользу его подлинности, считая основным аргументом активизацию членов Общества военных друзей с 22 декабря, когда Игельстром получил письмо. Между тем документы следствия однозначно свидетельствуют о более ранней дате начала подготовки выступления в корпусе. Другой исследователь также считает, что такое письмо могло существовать, ссылаясь в качестве довода на подпись под ним и полагая, что если бы Игельстром хотел запутать следствие, то указал бы другую подпись. Третье мнение в пользу существования письма высказал Б. С. Клейн, который провел скрупулезный анализ маршрута декабриста В. К. Кюхельбекера, полагая, что письмо было отправлено им сразу же после отъезда из Петербурга, чем и объясняется его появление в Белоруссии: он ожидал восстания [9].

В первой половине мая 1826 г. шли интенсивные допросы членов Общества военных друзей, но не было показаний Игельстрома, долго отрицавшего факт существования тайного общества и не раскрывавшего, естественно, своей подлинной роли. Срыв присяги в батальоне он объяснял личной инициативой. Председатель следственной комиссии П. Я. Перрен в беседе с Игельстромом как бы между прочим упомянул, что Требинский вынужден будет во всем признаться; в противном случае его ожидает наказание, соответствующее званию, и намекнул, что спасти его от шпицрутенов может только признание Игельстрома. На следующий день последнему сказали, что угрозы подействовали и Требинский дал показания.

Игельстрома ознакомили с ответами Требинского от 4 апреля. Игельстром не подтвердил его показаний и сам ничего не открыл. Тогда была предпринята еще одна попытка: Игельстрому устроили очную ставку с Требинским, проинструктировав последнего, о чем надо говорить и как себя вести. После этого Игельстром написал ответы на вопросные пункты, предложенные комиссией, но был осторожен и немногословен, признаваясь только в том, что уже было известно, и лишь 13 мая написал об «известиях о партиях в Санкт-Петербурге», которые получил от Рукевича [10].

Следственной комиссии была косвенно известна причастность Рукевича к деятельности Общества военных друзей. Но этих сведений было недостаточно для обвинения, поскольку Рукевич отвечал отрицательно на все вопросы. Перрен предложил Требинскому убедить Игельстрома показать на Рукевича. Это подействовало, и 24 мая Игельстром пишет «дополнительные показания»: «В бытность мою пред половиной декабря у Рукевича слышал я от него, что в Санкт-Петербурге по получении известия о кончине блаженной памяти императора Александра Павловича изволила пожаловать е. и. в. Мария Федоровна с е. и. в. Николаем Павловичем, предлагая признать е. и. в. Николая Павловича законным нас-

---

[5] Там же, лл. 1094—1095, 391об., 835.
[6] Там же, лл. 39об., 169об.
[7] Там же, л. 1111об.

[8] Mościcki H. Młodzież litewska i dekabryści.— Biblioteka Warszawska. 1910, t. 1, zesz. 3, s. 496; Ольшанский П. Н. Новые документы о русско-польских связях. В кн.: Славянский архив. М. 1959, с. 107.
[9] Букчин С. В. «Оныя присяги не приняли».— Неделя, 1975, № 50; Клейн Б. С. Найдено в архиве. Минск. 1968, с. 46.
[10] ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 70, д. 45, ч. 1, лл. 1080—1081.

ледником, уверяя при этом, что пылкость его высочества цесаревича послужит ко вреду государства. Но гвардия, которая в сие время собралась около Сената, по данному ей знаку закричала: «Да здравствует государь император Константин Павлович!»,— чем принудила всех бывших в Сенате к учинению присяги на верность его высочеству цесаревичу» [11].

Эти показания были переписаны набело и скреплены подписями членов комиссии, однако Игельстром отказался их подписать, ибо убедился в предательстве Требинского, которого и ранее подозревал в том. Свою догадку он сумел передать другим подследственным. И через два дня комиссии были представлены новые показания.

26 мая Игельстром написал следующее: «21 декабря 1825 г., будучи здесь, в Белостоке, и проходя из лавок к дому Рукевича, был я встречен на Васильковской улице незнакомым жидом, который спросил меня, не я ли капитан Игельстром. Получив утвердительный ответ, вручил мне письмо, которое было запечатано облаткой, а сам удалился; развернув оное, я читал: «Я еду из Санкт-Петербурга, где по получении известия о кончине блаженной памяти государя императора Александра Павловича изволила пожаловать в Санкт-Петербургский Сенат е. и. в. Мария Федоровна с е. и. в. Николаем Павловичем, предлагая признать е. и. в. Николая Павловича законным наследником, уверяя при этом, что пылкость его высочества цесаревича может послужить ко ареду государства. Но гвардия, которая собралась около Сената, по данному ей знаку закричала: «Да здравствует государь император Константин Павлович!», чем принудила всех бывших в Сенате к учинению присяги на верность е. в. цесаревичу. Впоследствии по полученным будто известиям из Варшавы, что е. в. цесаревич отказывается от престола, приказано было привести к присяге на верность е. н. в. Николаю Павловичу все находившиеся в Санкт-Петербурге войска, но оныя присяги не приняли и решились ожидать прибытия е. в. цесаревича. После сих подробностей я уверен, что весь Литовский корпус не будет хладнокровно взирать на то, что законного наследника лишают престола; тем более что служа под начальством оного, все чины сего корпуса узнали характер своего начальника и верно будут держать сторону е. и. в. цесаревича. Имею честь быть и прочее — К:х:л:б:к:р» [12].

Подпись под письмом говорит в пользу того, что оно было отправлено В. К. Кюхельбекером. Именно он покинул столицу вечером после поражения восставших и направился к Константину просить за «своих несчастных товарищей» [13]. Обстоятельства, при которых Игельстром признался в получении письма, свидетельствуют о его осторожном отношении к тексту. Игельстром сознавал, что мера наказания всех будет зависеть от его показаний.

Текст воспроизведенного письма делится надвое: в первой части сообщалось о присяге Константину, во второй — о переприсяге (или присяге) Николаю I, то есть о событиях 14 декабря 1825 года. Показания Игельстрома от 24 мая почти совпадают с первой частью показаний от 26-го. Одни и те же сведения и в той же формулировке приписывались то Рукевичу, то Кюхельбекеру. Почему же Игельстром отстаивал перед следственной комиссией справедливость последних показаний? Думается, что, попав в сети, расставленные комиссией с помощью Требинского, он не просто наговаривал на Рукевича, а проговаривался, что «первоначально» узнал о «партиях» от Рукевича (показания 13 мая), а под влиянием Требинского («тем самым вину не прибавим») показал, что Рукевич сообщил ему и о присяге Константину (показания 24 мая).

Игельстром удержался от рокового шага и отказался подписать свои

---

[11] Там же, ч. 2, л. 43.
[12] Там же, лл. 44—45.
[13] Восстание декабристов. Т. 2. М.— Л. 1926, с. 153.

же показания, так как они обвинялн невинного. Понимая, что неосторожным свидетельством он почти погубил Рукевича, Игельстром решил признаться в получении известий о событиях в столице якобы от какого-то незнакомого лица (показания 26 мая).

Кроме показаний Игельстрома, других источников, подтверждающих получение им письма, в распоряжении исследователей нет. Допрошенные комиссией Требинский и Вегелин ответили, что подобного письма не видели. Кюхельбекера же не допрашивали по указанию Константина: в секретном предписании командиру корпуса Довре великий князь предложил запретить следственной комиссии принимать впредь к рассмотрению ответы такого рода и поставить ей в обязанность судить Игельстрома только за те вины, которые уже открыты, не запутывая следствие «отвлеченными обстоятельствами», ибо они есть не что иное, как «выдумка подсудимого, не заслуживающая никакого внимания, но клонящаяся к запутыванию и проволочке дела» [14].

Как уже говорилось выше, членами Общества военных друзей в середине декабря было принято решение об организации срыва присяги. При агитации они использовали сведения о «двух партиях». Накануне присяги Игельстром ссылался на «известия из Санкт-Петербурга», где «то же самое сделали», и Кондратовичу говорил, что извещен о событиях в столице. Собираясь отправить связного в Луцкий гренадерский полк, Игельстром намеревался сообщить, что пионерный батальон не принял присяги вследствие «полученных из Санкт-Петербурга известий».

Откуда Игельстром мог узнать о событиях 14 декабря 1825 года? Высочайший манифест от 19 декабря о восстании на Сенатской площади и подробное «Описание происшествия 14 декабря» от 21 декабря были разосланы по армиям и корпусам лишь в самом конце декабря. В Варшаву «Описание...» было доставлено 30 декабря и, согласно предписанию Константина от 31-го, разослано по воинским частям корпуса [15]. Можно допустить, что Игельстром, находясь под арестом, каким-то образом сумел познакомиться с сообщением о розыске «государственного преступника» Кюхельбекера и использовал эту информацию для введения в заблуждение следственной комиссии. Но это противоречило показаниям подследственных об осведомленности Игельстрома относительно действий войск в столице. Значит, сведения, которые использовали «военные друзья» при агитации, были получены не из официальных источников.

---

[14] ЦГВИА СССР, ф. 16230, оп. 1, д. 642, л. 97об.
[15] Там же, ф. 25, оп. 161-А, св. 494, д. 774, л. 43.

СВЕДЕНИЯ О КИТАЕ В ПЕРВОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТНОЙ ГАЗЕТЕ

Л. А. Сластникова

При Петре I была основана первая русская печатная газета «Ведомости». Указ Петра I о ее создании был издан 16 декабря 1702 года. Постоянного названия газета не имела. Комплект газеты 1704 г. имеет годовой титул: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах». Наиболее ранний из дошедших до нас печатных выпусков «Ведомостей» датирован 2 января 1703 года. Как и в петровских «Ведомостях», в «Санкт-Петербургских ведомостях» (постоянное название газеты с 1728 г.) преобладали сообщения из-за границы, преимуще-

---

СЛАСТНИКОВА Людмила Александровна — научный сотрудник Государственного музея этнографии народов СССР, Ленинград.

ственно о положении в странах Западной Европы. Но газета содержит также интересные материалы по истории Сибири, Кавказа, стран Ближнего и Дальнего Востока. Среди них с момента ее появления и до конца 30-х годов XVIII в. занимали свое место и материалы о Китае[1].

В этих сообщениях можно выделить три основные темы: 1. Сообщения о самой стране (Китае) и событиях в ней. 2. Европа и Китай (торговля, европейские миссионеры в Китае, политика богдыханов в отношении европейцев). 3. Россия и Китай (русско-китайские отношения и китайские товары в России).

Сведений о событиях в Китае, не связанных с Европой или Россией, в газете сравнительно мало (за рассматриваемые годы только пять сообщений такого рода). Два из них касаются взаимоотношений цинского Китая с Джунгарским ханством. 16 ноября 1722 г. газета сообщала об удачном для Китая окончании войны с «западными татарами» (то есть с Джунгарским ханством). 25 апреля 1735 г. было опубликовано сообщение, в котором снова говорилось о битве китайцев с пограничными «татарскими народами» (с тем же ханством)[2]. Сообщение от 25 апреля 1734 г. единственное, в котором говорится только о Китае, без всякого упоминания при этом о Европе или России. Остальные же составлены так, что если в них и говорится о сугубо китайских событиях, то всегда дается информация и о политических или торговых взаимоотношениях европейских стран или России с Китаем.

Долгое время (до конца 20-х годов XVIII в.) сведения о событиях в Китае (даже о въезде в Пекин русского посла) поступали в «Ведомости» по сообщениям из Лейдена, Рима, Лиссабона и других европейских городов. В этих сообщениях нередко искажались факты, например, преувеличивались успехи европейцев и сдержанно сообщалось об их неудачах, что понятно, учитывая источник информации. Это относится, в частности, к сообщениям о политике цинского правительства в отношении европейцев, в том числе миссионеров.

С 1729 г. в газете появляются известия, полученные уже непосредственно из Китая. В них говорится о его победе над «Велико-Тибетским королевством» и о переезде богдыхана в замок Хам-Хум-Иян, о землетрясениях в Китае и об открытии в Пекине гимназии для обучения китайцев латинскому языку. В первом из этих известий речь идет, по-видимому, о подавлении антицинского выступления в Тибете в 1727—1728 годах. В результате этого выступления был убит правитель Восточного Тибета, назначенный Цинами; китайское правительство послало в Тибет войска, но еще до их прихода восстание было подавлено правителем Западного Тибета Полонаем, и летом 1728 г. он был объявлен полновластным правителем Тибета[3].

В большинстве сообщений газеты о Китае говорится о контактах этой страны с европейскими государствами и, в частности, о большой роли миссионеров. Знакомясь с этими сообщениями, не стоит забывать о том, что в начале XVIII в. в России распространился благодаря ездившим в Китай русским купцам слух, будто бы император Канси «расположен к принятию христианства»; тогда же в Китай направляется первая духовная миссия и Россия добивается разрешения открыть в Пекине православную церковь[4].

Что касается торговли западноевропейских стран с Китаем, то более

[1] Источником послужили «Ведомости» за 1703—1727 гг. (отдел редкой книги Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) и «Ведомости» и «Санкт-петербургские ведомости» (отдел редкой книги центральной библиотеки Государственного Эрмитажа) за 1728—1740 годы.

[2] В этом же сообщении приведена цифра убитых с китайской стороны — 50 тыс. человек. Это — обычное для того времени преувеличение численности армий и их потерь.

[3] Новая история Китая. М. 1972, с. 40.

[4] Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. М. 1978, с. 19.

или менее регулярные сведения о ней появляются на страницах газеты с конца 20-х годов XVIII в., особенно много таких сообщений в 1728 году. В сообщениях на эту тему прослеживается определенная эволюция. Если вначале газета подробно сообщала о том, какие китайские товары в какой европейский порт привезены и где будут продаваться, то в 30-е годы XVIII в. внимание обращается уже на конкурентную борьбу Ост-Индских компаний европейских стран. Менялся со временем не только характер этих сообщений, но и возрастало их число, что отражало рост в России интереса к торговле с Китаем.

В первой четверти XVIII в. сведений о русско-китайских отношениях в газете почти не было. Но уже в конце 1720-х годов в ней во все большем количестве печатаются сообщения, отражающие процессы расширения русско-китайских связей. В 1728—1729 гг. газета сообщала о возвращении из Китая бывшего там российским послом С. Л. Владиславича-Рагузинского. Русские читатели могли узнать о поездках в Китай российского торгового агента Л. Ланга. В 1731—1732 гг. газета подробно писала о китайских посольствах в России. Первое из них, прибывшее в Москву в январе 1731 г., было отправлено из Китая еще к Петру II[5]. Газета помещала подробные реляции о прибытии послов на российскую границу, о въезде их в Москву и об аудиенциях у Анны Иоанновны.

В 1733 г. газета рассказала о впечатлении, которое произвели на китайского императора и его двор рассказы этого посольства о России, и подчеркивала, что «китайцы о заслугах европейских народов от сего посольства нарочито уверились». Второе китайское посольство (прибывшее в Петербург в 1732 г.) было отправлено из Китая уже для поздравления Анны Иоанновны «с восприятием российского престола». Сообщалось также об аудиенции этого посольства у императрицы. Посольству было «высочайше позволено» осмотреть кунсткамеру и библиотеку, члены его посетили также Кронштадт и Петергоф, где осмотрели флот и фонтаны, а в Москве, на обратном пути в Китай,— фабрики и «все смотрения достойное». Газета называла имена китайских послов и имя правившего в то время в Китае богдыхана.

В XVII в. Россия стала непосредственным соседом Китая, и это оказало влияние на русско-китайские отношения и торговлю. Китайские товары долгое время были в России редкостными, экзотическими предметами роскоши. Наряду с издавна торговавшими в Сибири бухарскими купцами, привозившими туда среднеазиатские и китайские товары, все больше стало появляться там русских купцов. Китайские товары могли также поступать в Россию и через Западную Европу. Первое сообщение, в котором говорится о ввозе в Россию китайских товаров, было опубликовано в «Ведомостях» 24 августа 1703 года. Речь шла о намерении Петра I строить город (то есть Петербург), чтобы «все товары, которые к Риге, к Нарве и к Шанцу приходили, тамо пристанище имели, также б и персидские и китайские товары туда же приходили».

В дальнейшем в газете появлялись сообщения о китайских товарах в России. В помещенных на страницах «Ведомостей» описаниях торжеств при дворе Екатерины I говорится об украшавших залы «китайских фарфоровых высокой цены гурнах». В объявлениях о продаже вещей в числе других указываются: «изрядная японская и китайская фарфоровая посуда», «китайские зело изрядные завесы около постели с таким же одеялом и четырьмя подушками», «китайские атласы и камки разных цветов» и др. Сообщалось, что все находящиеся в придворной аптеке сосуды из фарфора сделаны в Китае по специально посланным туда образцам.

[5] Основной целью этого посольства (как и посольства, прибывшего в Москву и Петербург в 1732 г.) было получение согласия калмыков выступить против джунгар (см. История Китая. М. 1974, с. 185—186).

Условия для развития русско-китайских торговых отношений были непростыми. В основном русские везли в Китай меха. Цинское правительство старалось под всевозможными предлогами не допускать в глубь Китая русских купцов, ограничить торговлю приграничной зоной. И все-таки торговля между двумя странами расширялась. С конца XVII в. в Китай стали отправляться русские казенные торговые караваны. В первой четверти XVIII в. они посылались примерно раз в три года, затем не выдержали конкуренции с частной торговлей. Информация о продаже привезенных этими караванами товаров начинает публиковаться в газете с 1735 г., то есть примерно с того же времени, когда она стала уделять больше внимания и торговле с Китаем западноевропейских стран, деятельности их Ост-Индских компаний.

Что же ввозили из Китая в Россию? Для частной торговли характерно было преобладание сравнительно дешевых хлопчатобумажных тканей. Казенные же караваны привозили, кроме того, в большом количестве товары, рассчитанные на богатых покупателей: шелковые ткани, драгоценные камни, изделия из золота и серебра, дорогой фарфор. Доставляли они в Петербург и Москву также чай, лекарственные травы и «мягкую рухлядь» (меха). Из привезенных казенными караванами товаров сначала выбирали вещи члены императорской семьи, оставшееся поступало в продажу с аукционов. Не проданное в Петербурге отправлялось для продажи (также с аукционов) в Москву[6]. Здесь в Сибирском приказе продавались в основном ткани и чай, а предметы роскоши (драгоценные камни, фарфоровая, серебряная и ценинная, то есть глиняная и фаянсовая, посуда, табакерки, алмазные вещи и т. п.) продавались в Петербурге.

Разнообразен ассортимент привозимых казенными караванами китайских шелковых тканей. Здесь были атласы, канфы, разной цены камки, голи (так назывались лучшие сорта камок), полуголи, бархаты, ленсы, парча. Были плотные шелковые ткани типа штофа и тонкие тафты, фанзы и флеры. Из хлопчатобумажных тканей привозились даба и разных типов китайка. Были среди караванных товаров также шерстяные и льняные ткани: каламенки, рубки (урубки), стамеды и усы[7]. Продавалась в Петербурге и Москве также разнообразная китайская посуда: лаковая, фарфоровая, ценинная, а также из серебра и белой меди. Еще в 1703 г. были проведены опыты, которые установили, что в состав китайской белой меди входит мышьяк и, следовательно, сделанная из нее посуда вредна для здоровья[8]. О продаже ее в Сибирском приказе говорится только в объявлении, помещенном в газете 20 января 1735 г. (оно повторялось 23, 27 января, 20 и 27 февраля). Наиболее же часто сообщается о продаже посуды ценинной, фарфоровой и серебряной.

О продаже чая в России газета начинает сообщать с 1735 г. (в объявлениях о продаже товаров караванной торговли). В предыдущие годы встречаются только сообщения о продаже чая в городах Европы. Чай в России появился в середине XVII в. и первоначально употреблялся при царском дворе как лекарство[9]. В XVIII в. он поступал через Сибирь все бóльшими партиями и к концу столетия стал достаточно широко распространенным напитком[10]. В Россию чай привозился «разных званий»: жулан (джулан) — лучший зеленый чай, манихвал — смесь жулана с жасмином, луган (луган кирпишный) — дешевый чай. Привозили и черный чай, или тебуи (те-бу). Среди привозимых товаров был также бадьян.

Китайские товары были дороги, и распродавали их с трудом[11]. В объявлении, помещенном газетой 7 июля 1737 г. (повторено 11 июля), говорится, что по неоднократно публикованным предложениям Штатс-конторы купить сибирские товары (среди них были и китайские) «никого не явилось», поэтому Штатс-конторой назначается последний срок продажи 14 июля. Случалось так, что новые торговые караваны прибывали, когда не были еще распроданы товары, привезенные прежними. Газета сообщала, что в Петербурге китайские товары можно купить также у аукционистов Кенигсфелда, П. Тамеса, Сутова.

В 1728—1732 гг. газета давала описание путей в Китай из Европы и России, например, пути в Китай португальского посла, сообщала об английском корабле, который первым, возвращаясь из Китая, прошел через «Балийское морское устье» (море Бали), а также о датском капитане Тундере, у которого путь до Кантона и обратно занял 20 месяцев, что «за особое счастье почитать надлежит». Путь в Китай через Сибирь был подробно описан в сообщении 30 апреля 1728 г., а 16 марта 1730 г. газета писала об экспедиции Беринга и о возможном пути в Китай через Северный Ледовитый океан «из Лены, ежели бы в северной стороне лед не препятствовал».

Помещались в газете и сведения о знакомстве русских ученых с китайской культурой. В 1730 г. был отпечатан при Академии наук составленный Ф. Байером «Музеум зиникум», содержащий в себе грамматику и лексикон китайского языка, о чем газета сообщала в приложении (суплементе). Газета писала о том, что торговый агент Ланг перед отъездом в Китай осматривал хранящиеся в кунсткамере китайские вещи, отмечая, что еще нужно привезти (уже привезенные им карта и книги были отданы ученым Академии наук), а также о планировавшейся членами Российской АН научной переписке с иезуитскими коллегиями в Пекине. Но уже в следующем выпуске газеты говорилось о запрещении царским правительством этой переписки, «дабы всякое подозрение, которое от того произойти может, тем отвращено было». В том же выпуске говорилось, что привезенные Лангом карта и книги оказались не китайскими, а «мунгальскими».

Итак, на страницы первой русской печатной газеты попадала только та информация о Китае, которая характеризовала его как политического и торгового партнера. Если в первые годы издания информация о существовавшей уже в то время торговле с Китаем практически отсутствует в газете, то с конца 20-х годов XVIII в. она начинает появляться все чаще и становится более разнообразной по содержанию. В петровское время большинство сведений о Китае попадало на страницы газеты в виде сообщений, в которых шла речь о взаимоотношениях Китая с европейскими странами. Такой выбор информации можно объяснить политикой «активности на Западе», проводившейся тогда царским правительством. Но в то же время происходило расширение русско-китайских связей, что также отразилось на страницах газеты: к середине 30-х годов XVIII в. количество сообщений о взаимоотношениях Китая и стран Западной Европы сокращается, зато увеличивается число известий о русско-китайских отношениях. Публиковавшаяся газетой информация, исторически достоверная и в целом объективная, представляет немалый интерес для познания русско-китайских отношений того времени.

---

[6] Кречетова М. Н. Из истории торговых отношений России и Китая в XVII—XVIII вв.— Труды Государственного Эрмитажа, 1958, т. II, кн. 1, с. 230.

[7] О привозимых в Россию китайских тканях см.: Словарь коммерческий, содержащий познания о товарах всех стран. Чч. 1—7. М. 1787; Foust C. M. Moscovite and Mandarin. Chapel Hill. 1969.

[8] Словарь коммерческий. Ч. 4, с. 291, 296.

[9] Пыляев М. И. Старое житье. СПб. 1897, с. 4.

[10] Foust C. M. Op. cit., p. 358.

[11] Кречетова М. Н. Ук. соч., с. 230.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. И. ПАВЛЕНКО, В. Б. КОБРИН, В. А. ФЕДОРОВ. *История СССР с древнейших времен до 1861 года.* Под редакцией Н. И. Павленко. М. Просвещение. 1989. 559 с.

В содержании рецензируемого учебника, адресованного студентам педагогических институтов, просматриваются как печать застойных лет, так и некоторые новые тенденции, характерные для советской историографии последних лет. Свежие веяния сказались больше всего в главах по периоду до начала XVII в., в меньшей степени — в главах о России XVII—XVIII вв. и практически не коснулись глав о первой половине XIX века.

Новизна пособия состоит в том, что в нем получили отражение некоторые положения, считавшиеся прежде «еретическими», например, о дофеодальном характере киевского общества IX—XI вв., антинациональном поведении многих русских князей в период монголо-татарского вассалитета, обратимости прогрессивных экономических явлений до середины XVIII в. и некоторые другие, в появлении кратких, хотя и преимущественно отрицательных характеристик государственных деятелей, включая императоров, в том, что в изложение в качестве сквозной темы включен быт.

Первая сквозная тема учебника — производительная деятельность народных масс. Начиная с введения, авторами проводится мысль о неблагоприятных условиях, в которых она протекала (тяжелые географические условия, монголо-татарское иго, крепостное право, военная опасность), и, как следствие этого, о постоянно низком уровне производительности труда и отсталости экономики. Этот стандартный набор объяснений русской отсталости вряд ли достаточен. Можно назвать народы, которые жили в таких же или даже в более трудных географических условиях и при этом не страдали хронической отсталостью. Имеются веские аргументы и в пользу того, что внеэкономическая зависимость не исключает достаточно высокой эффективности труда [1]. В первой половине XIX в. уровень производства у помещичьих крестьян был выше, чем у государственных. Вопрос о военных расходах в России требует дальнейшего изучения, но в XVIII—XIX вв. они вряд ли находились на уровне более высоком, чем во Франции, Пруссии, Англии и Австрии [2].

В учебнике экономическая отсталость объясняется главным образом внешними обстоятельствами (в сущности, и крепостное право — следствие внешней опасности и широких пространств [3]). Вместе с тем в нем не упоминаются внутренние причины: русская хозяйственная этика, ментальность народа, колонизация, подвижная граница государства, система наследования, характер налогов, ограниченное распространение частной собственности, постоянная административная опека над хозяйственной деятельностью производителей, их зависимость не только от государства и помещиков, но и от общины (городской или сельской), внешнеполитические авантюры, слабые города. Перечисленные факторы не в меньшей мере тормозили экономическое развитие.

Рядом новых трактовок отличается освещение социально-экономической истории до XVII века. В учебнике приведены различные варианты решения проблемы генезиса феодализма на Руси. Иначе, чем в других пособиях, представлено социальное положение различных групп зависимого населения в Древней Руси, в частности смердов и закупов. Непривычно для подобного рода изданий звучит мысль о том, что лишь в конце XIII — начале XIV в. на Руси замечается рост феодального землевладения, хотя и в этом случае «вотчины — княжеские, боярские, монастырские — были еще крайне немногочисленны, являлись островками в море крестьянских общин» (с. 99). К сожалению, авторами не определена социальная природа «крестьянских общин». Вместо этого излагаются различные точки зрения по вопросу о черном землевладении и крестьянстве (с. 100). В итоге стираются специфические социально-экономические черты русского общества XIV—XV веков.

Вызывает известное неудовлетворение и трактовка развития русской государственности. Выделение дружины по традиции осмысливается авторами как «существенный этап в создании классового общества и в превращении власти князя из родоплеменной в государственную» (с. 42). Однако, возникнув в условиях первобытнообщинного строя, дружина никоим образом не нарушила доклассовой социальной структуры. Следовательно, вывод о превращении княжеской власти из родоплеменной в государственную в связи с появлением дружины представляется преждевременным.

В учебнике утверждается, что «летописец рассказывает о племенных княжениях — ранних государственных образованиях, существовавших у полян... древлян, дреговичей, полочан» (с. 45). Термин «племенные княжения» надуман и искажает смысл летописного рассказа, как и понятие «единое государство IX в.», совершенно не соответствующее реалиям той эпохи и являющееся явной модернизацией политических структур восточнославянского общества.

Политический строй России второй половины XV — первой трети XVI в. справедливо характеризуется как самодержавная монархия, в которой «великому князю принадлежала вся полнота политической власти» (с. 131). Однако на с. 138 утверждается, что Россия «развивалась в направлении сословно-представительной монархии». Думается, что подобная противоречивость учебнику противопоказана.

Говоря о строительстве государства, авторы главное внимание обращают на усложнение системы управления, но не на правовое осмысление эволюции государственности в юридических, государственно-правовых терминах. Читатель остается в неведении о характере государственности в киевский и московский периоды, непонятно, в чем состояло их отличие и в чем было сходство. Абсолютизм и просвещенный абсолютизм авторами не разведены. Абсолютизм провозглашается высшей формой феодального государства, из чего следует, что государственность в XVIII — первой половине XIX в. не развивалась. Но это не так. При Петре I появились и со временем усиливались элементы правового государства. Деспотическая монархия эволюционировала в сторону «закономерной», раскрепощались сословия, их политические и экономические права юридически закреплялись государством и т. д. Эти чрезвычайно важные моменты, свидетельствовавшие о жизнеспособности русского общества и государственности, должны были, как нам представляется, найти отражение на страницах учебника.

Вообще авторы как будто специально уклоняются от обсуждения теоретико-методологических и философских вопросов. Между тем именно сейчас крайне необходимо глубокое социологическое, теоретическое, в том числе и сравнительно-историческое осмысление конкретно-исторического материала, чего пособию, к сожалению, явно недостает. Это, в частности, можно сказать об истории формирования Российского государства и его внешней политике, которые во многом рассматриваются по традиционной схеме. Нам представляется, что целесообразно было бы ввести в анализ внешней политики такие понятия из арсенала социологии международных отношений, как «равновесие сил», «политическая система», «функция внешней политики», рассматривать ее как функцию внутренней политики и общественных отношений, то есть рассказывать о ней системно, раскрывая ее динамику.

В прежних учебниках социальным конфликтам отводилось очень большое место. Однако при всей своей важности они все-таки эпизоды, моменты в историческом развитии, нельзя только к ним сводить весь исторический процесс. Тем не менее и в рецензируемом пособии сохраняются традиционные преувеличения, например, роли движения декабристов: ему приписывается «огромное» историческое и международное значение, «широкий отклик в странах Западной Европы», нанесение

---

[1] Kolchin P. Unfree Labor. Cambridge (Mass). 1987, pp. 105—110, 348.

[2] Pinter W. M. The Burden of Defense in Imperial Russia, 1725—1914.— Russian Review, 1984, vol. 43, № 3.

[3] Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением. XIV—XVI вв. Л. 1987, с. 223—232.

«серьезного удара по всему зданию реакционного Священного союза» (с. 468—469). Может быть, следует все же прислушаться и к голосу В. О. Ключевского: «Декабристы — историческая случайность, обросшая литературой»? Конечно, эта точка зрения — другая крайность, но истина лежит где-то посередине. Пора, по-видимому, прекратить бездумное цитирование фразы насчет того, что декабристы разбудили Герцена...

Главы по истории культуры и быта представляются наиболее удачными в учебнике. Четко, ясно, объемно, без преувеличений, может быть, первый раз в нашей ученой и учебной литературе рассказано о реальной жизни крестьян в XIV — XVI веках. К сожалению, применительно к более поздним периодам встречается немало трафаретных утверждений вроде, например, тезиса о непрерывном росте оброков помещичьих, государственных и удельных крестьян за первую половину XIX в. (с. 408—409). Но если это произошло в условиях традиционной агротехники, то либо крестьянам до XIX в. жилось очень хорошо, либо сам этот рост повинностей преувеличен. Мы склоняемся ко второму объяснению.

Представляется неудачной и формулировка: «разложение и кризис феодально-крепостнической системы хозяйства». Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. хозяйство крепостной деревни приспосабливалось к новым условиям, видоизменилось, развивалось, но ни в коем случае не распадалось и не дезорганизовывалось. Утрачивалась натуральная замкнутость, развивались товарно-денежные отношения, дворянское предпринимательство, промыслы, отходничество, крестьянская собственность (с. 309). Неубедительной представляется и трактовка «кризиса феодализма» в 1830—1850-е годы (с. 411—415). На самом деле ни помещичье, ни крестьянское хозяйство не испытывали в это время упадка[4], социальная структура деревни была достаточно стабильной[5].

У читателя может сложиться впечатление о несовместимости крепостного права и товарно-денежных отношений. Нам представляется, однако, что новые явления в сельском хозяйстве — это прежде всего признаки развития крепостнической системы, которая в середине XIX в. еще далеко не исчерпала себя. Можно говорить о том, что давно уже изжили себя лишь рабские элементы крепостного правопорядка. Следовало бы, пожалуй, прислушаться к парадоксальной на первый взгляд мысли П. Б. Струве: «Экономическое будущее в 50-х и 60-х гг. XIX в. бросало свою исполинскую тень на крепостное хозяйство и делало его, несмотря на его полный расцвет,— несостоятельным... Реформа 18 февраля по своему экономическому смыслу и содержанию не столько подвела итоги прошлого и настоящего, сколько учла будущее»[6].

Если отрицательное влияние монголо-татарского ига на экономическое развитие страны авторы преувеличили (с. 3—4), то его социально-политические последствия, напротив, оказались преуменьшенными (с. 86—91). Слом вече и других демократических институтов, свойственных политической системе киевского периода, и установление приоритета государства над обществом произошли под решающим влиянием монголо-татарского ига.

В учебнике не нашлось места для характеристики русских городов ни в один из периодов их истории, читатель должен довольствоваться отдельными фактами и притом не всегда верными. Например, авторы утверждают, что процент городского населения в 1796 г. равнялся 4,1% (с. 306) — между тем это процент городских сословий в общей численности ревизского населения, доля же городского населения, по разным оценкам, составляла в конце XVIII в. 8—9%[7]. Уровень развития городской жизни — важнейший фактор исторического процесса, поэтому отсталость российских городов, незавершившееся до второй четверти XIX в. отделение города от деревни, слабость городского бюргерства отрицательно сказались и на экономическом росте страны, и на разви-

[4] Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М. 1974, с. 250—251; Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М. 1913, с. 74—81.

[5] Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М. 1967, с. 13—22.

[6] Струве П. Б. Ук. соч., с. 155—156.

[7] Кабузан В. М., Пуллат Р. Обзор источников о численности и составе городского населения России XVIII — начала XX в. (1719—1917).— Известия АН ЭССР. Т. 24, 1975. Общественные науки № 2, с. 158—159.

тии ее культуры, и на медленном развитии демократических институтов. Можно выразить сожаление, что авторы обошли эти вопросы и не сравнили русский город с европейским и восточным.

Не отмечено в учебнике и такое принципиально важное для социально-экономической истории России явление, как революция цен в XVIII в., проходившая с двухвековым сдвигом по сравнению с революцией цен в Европе XVI века. Российская революция цен сопровождалась громадным — пятикратным — ростом цен, выраженных в золоте или серебре, и оказала серьезное воздействие на экономическое, социальное и политическое развитие России.

Рецензируемый учебник, в общем, адекватно отразил доминирующие и давно устоявшиеся в советской историографии точки зрения по важнейшим проблемам отечественной истории. Однако авторы умолчали о проходивших в нашей науке дискуссиях, они очень редко упоминают об отклоняющихся от официально принятых точках зрения.

Каким нам видится новый учебник по истории России? Материал в нем должен подаваться по проблемному или тематическому принципу. Авторы его должны показать плюрализм мнений, существующих по ключевым проблемам истории России в отечественной и зарубежной историографии. Следует уделить самое пристальное внимание проблеме общего и особенного в историческом процессе России и Европы. Острее надо поставить вопросы, связанные с особенностями русского национального характера, ментальности и культуры, русских традиций. Учебник должен быть снабжен хорошей библиографией, подробной хронологией, добротными предметным, географическим и именным указателями.

Б. Н. Миронов, И. Я. Фроянов

1939 год. Уроки истории. М. Мысль. 1990. 580 с.

В необъятной летописи истории человечества есть годы, которые занимают особое место в его памяти. 1939-й же принадлежит к числу самых памятных. Поэтому неудивительно, что каждая новая попытка историков разобраться в драматических коллизиях того времени неизменно вызывает повышенный интерес. Специалисты и широкий круг читателей с нетерпением ждали новую книгу о 39-м годе[1], и она, как нам представляется, не обманула их ожиданий.

Авторы рецензируемой работы стремятся дать правдивое, без конъюнктурной оглядки объяснение происходившего, основанное на объективном осмыслении событий. Они считают, что события 1939 года не могут быть поняты без учета того, что происходило в предшествующие годы (борьба республиканской Испании против фашистской агрессии, начало принимавшей все более широкие масштабы японской агрессии против Китая, Мюнхенский сговор и т. д.). Вместе с тем 1939 год сам повлек за собой целую вереницу последующих сдвигов на международной арене, имевших катастрофические последствия. Авторы показывают, в частности, чего стоили уступки «умиротворителей». Естественно, что особенно большое внимание уделено Мюнхену, его огромному негативному воздействию на международные дела. «Мюнхенский сговор,— говорится в книге,— не только нарушил равновесие сил на мировой арене, но и повлиял на соотношение классовых и политических сил внутри каждого из государств, оказавшихся прямо или косвенно в сфере его воздействия» (с. 145).

Всматриваясь в калейдоскоп событий 1939 г., я уделил бы больше внимания трагедии республиканской Испании. Думается, при оценке дипломатической, общеполитической, военной и психологической ситуации этого года испанский фактор часто недооценивается. Конечно, реалистически мыслящие, хорошо информированные лидеры прекрасно понимали уже к концу 1938 г., что Испанская республика обречена и падение Мадрида формально не вносило существенных изменений в рас-

[1] Авторский коллектив: В. К. Волков, Р. М. Илюхина, А. А. Кошкин, Ю. В. Кудрина, Е. Н. Кульков, Н. С. Лебедева, В. Л. Мальков, И. Д. Остоя-Овсяный, Л. В. Поздеева, И. И. Поп, О. А. Ржешевский (Отв. ред.), В. М. Фалин, И. А. Челышев.

становку сил. Однако нельзя игнорировать значение испанского фактора в общем балансе событий 1939 года. Более основательный рассказ о международных последствиях окончательной победы Франко и завершения войны в Испании помог бы глубже и объективнее понять расстановку сил в Европе в первой половине 1939 года.

Авторам удалось отразить весь комплекс событий и явлений международной жизни 1939 г., в их многообразии выявить определенное единство, исследовать взаимосвязи, взаимовлияние и взаимодействие. В центре, разумеется, находятся переговоры между СССР и англо-французами весной и летом 1939 г. (главы «Упущенные возможности», «Договор и секретный протокол» и «Нацистская Германия развязывает войну»). В книге получила отражение позиция США и ряда европейских стран (Венгрии, Югославии, Болгарии, Румынии, Польши, Швеции, Дании, Бельгии, Нидерландов и др.).

Учтен в работе и дальневосточный фактор (глава «Сполохи войны на Дальнем Востоке»). Однако, я полагаю, что вопрос о значении событий на Халхин-Голе заслуживал более подробного освещения. В отличие от столкновения у озера Хасан летом 1938 г., которое рассмотрено более или менее основательно (с. 290—292), битве на Халхин-Голе уделено лишь несколько фраз (с. 294, 296). Оценка ее результатов дана в связи с подписанием советско-германского пакта о ненападении и лишь в плане ее значения для японской стороны. «Военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск в районе р. Халхин-Гол сообщение о подписании советско-германского пакта о ненападении привело японское руководство в замешательство» По словам временного поверенного в делах СССР в Японии, после этого известия японская военщина была ошеломлена, оказалась в растерянности (с. 296). В другой главе указывается: «События на мало кому дотоле известной монгольской реке оказывали непосредственное влияние на кратко- и долгосрочные планы агрессивных держав, а также их «умиротворителей» (с. 330). Думается, однако, итоги битвы на Халхин-Голе имели и другую, куда более важную сторону. Ведь с 11 мая 1939 г., когда загремели выстрелы в Монголии, угроза с Востока приняла для СССР вполне реальные очертания. Именно в двадцатых числах августа бои, в которых участвовали десятки тысяч человек, достигли апогея. Для СССР раскаты Халхин-Гола звучали как тревожный набат. Опасность войны на два фронта — на Западе и Востоке — казалась возможной, как никогда. Я не сомневаюсь, что японский синдром оказал существенное воздействие на советское руководство при принятии драматического решения о договоре 23 августа.

Говоря о заключении советско-германского договора о ненападении, авторы использовали много новых, ранее неизвестных документов. Их выводы отражают новые подходы, основанные на научно обоснованном видении прошлого. Объективно и вполне аргументированно раскрывается ответственность западных держав за подкладывание дров в готовившийся германскими, итальянскими, японскими милитаристами костер. «В 1939 г. всходил урожай семян, селектированных и высеянных правительствами, идеологическими и финансовыми центрами Запада еще в 20-х и особенно в начале 30-х годов» (с. 319).

Подчеркивая вынужденный характер заключения советско-германского пакта, авторы показывают и то, что дало это событие для национальной безопасности СССР, как оно повлияло на развитие стратегической ситуации в мире (с. 315), и то, что нанесло Советскому государству большие моральные и политические потери. «Сталин попрал ленинские принципы внешней политики и решил переиграть империализм в его же силовой стихии и вероломстве... Партия и народ чаще всего фактически оставались в неведении относительно того, какие обязательства и решения принимались от их имени. Подобные противоправные и безнравственные действия нанесли большой и стойкий ущерб авторитету социализма, серьезно обременили внутригосударственное развитие» (с. 353—354).

Ряд положений рецензируемой книги, безусловно, станет предметом дальнейших дискуссий, многие сюжеты потребуют новых исследований, привлечения новых архивных документов. Сделанный авторами серьезный шаг по пути объективного и честного исследования кануна и начала второй мировой войны, несомненно, будет стимулировать эти разыскания.

Член-корреспондент АН СССР
Ю. А. Поляков

А. В. КИВА. *Национально-освободительное движение: теория и практика.* М. Наука. 1989. 331 с.

Монография доктора исторических наук А. В. Кивы (Институт востоковедения АН СССР) отражает современные идейно-теоретические искания по проблемам социальной эволюции афро-азиатских стран. Исходная посылка автора — признание крайнего многообразия и глубокой дифференциации по уровню и направленности развития стран «третьего мира». В книге показано, что во многих государствах, провозгласивших социалистическую ориентацию, наблюдались экономическая стагнация, острые внутренние конфликты, происходило бюрократическое перерождение радикальных режимов. В то же время ряд капиталистически ориентированных стран (а таких в «третьем мире» большинство) добился весьма высоких показателей экономического роста. Кива полагает, что до недавнего времени в нашей литературе имела место завышенная оценка как перспектив развития рабочего и революционного движения в странах Востока, так и потенций их успешного продвижения по некапиталистическому пути. Возможности же их прогрессивного развития в рамках капитализма явно недооценивались. Автор приходит к выводу, что при нынешней расстановке сил в мире некапиталистический путь развития для отсталых стран остается не правилом, а исключением (с. 66).

В монографии подвергаются критическому анализу выдвинутые в 70—80-е годы концепции общественного прогресса освободившихся стран — зависимого развития, многоукладности, общественного синтеза и др (гл. 4), которые, как считает Кива, страдали одним общим недостатком — заведомо негативной оценкой перспектив национального капитализма в «третьем мире» (с. 145—146).

Важное место в книге занимает вопрос о критериях социального прогресса. К ним автор относит успешное экономическое развитие, реальную политическую демократию, внутреннюю политику, проводимую в интересах трудящихся масс и т. д. (с. 135—137). При характеристике эволюции капитализма в современную эпоху Кива призывает исходить из основополагающих принципов исторического материализма, согласно которым каждая формация не умирает, прежде чем не израсходует потенциал своего развития. В пересмотре нуждаются, по мнению автора, также тезисы об «общем кризисе капитализма» и о невозможности существования той формации без неэквивалентного обмена с «третьим миром», то есть неоколониализма. Автор присоединяется к тем исследователям, которые ставят под сомнение «пятичленную» схему формационного развития и делают акцент на его многовариантности и роли цивилизационного фактора.

Рассматривая проблемы современного революционного процесса, Кива выступает против утопических представлений о революции и фетишизации самого этого понятия. В этой связи анализу подвергается соотношение таких категорий, как «революция», «контрреволюция», «реформа», и др. Автор четко разграничивает революции политические и социальные. Для первых при захвате власти решающее значение имеет революционное действие, а для вторых основным инструментом преобразований становится реформа (с. 243). Кива призывает вернуть изначально позитивный смысл понятию «реформа». Она всегда идет рука об руку с революцией и выражает объективные потребности социально-экономического прогресса, является универсальным средством снятия накопившихся в обществе противоречий. Представляют интерес рассуждения автора об этике и цене революции, роли насилия в ней. Чем больше насилия в революции, тем вероятнее, замечает он, появление мощной контрреволюции.

В заключительных главах книги содержится подробный анализ проблем социалистической ориентации. Автор подчеркивает, что путь социалистической ориентации оказался на практике намного более сложным и противоречивым, чем представлялось в теории. Главное для социалистической ориентации — создание эффективной модели нормального и даже ускоренного хозяйственного развития, ориентированного на социалистическую перспективу. Однако для большинства стран это вовсе не предполагает форсированной индустриализации по советскому образцу. Необходимо, считает автор, по-новому рассмотреть также вопрос о социальной базе социалистической ориентации, учитывая незрелость и малочисленность рабочего класса в экономически отсталых странах.

Крайне сложно стоит также вопрос о демократии как необходимой предпосылке социалистических преобрвзований в обществе, где отсутствуют глубокие демократические традиции и проявляется сильная тенденции к бюрократизации, авторитвризму и волюнтаризму, особенно в условиях огосударствлении собственности. Все это во многих случаях приводит к возникновению застойной модели «казарменного социализма».

А. В. Кива считает, что, хотя дискуссии по проблеме социалистической ориентации и обогатили наше понимание этого процесса, все же советское обществоведение не располагает пока научно обоснованной концепцией социалистически ориентированного развития как альтернативного капитализму варианта общественного прогресса в «третьем мире» (с. 302). Необходимо осознать, подчеркивает он, что «в огромных достижениях стран Запада в гораздо большей степени отразились основные закономерности общемирового развития индустриальной цивилизации, нежели капитализма как определенного способа производства» (с. 304).

По-новому ставится в книге и ряд вопросов, касающихся отношений Советского Союза со странами «третьего мира», отмечается ограниченность наших возможностей при оказании им помощи, необходимость сотрудничества и неконфронтационного подхода при взаимодействии с западными державами в этой зоне, отказа от абсолютизвции и навязывания советского опыта.

В монографии затронут широкий круг проблем. Порой это приводит к тому, что некоторые из них двны лишь в порядке постановки. Пожалуй, в гораздо более глубокой разрвботке нуждается проблема неоколониализма. Выглядит несколько устаревшей и отдающей догматизмом трактовка содержания революционного процесса и типология революций на Востоке. Хотелось бы также больше узнать о представлениях авторв относительно новой концепции социализма и позитивной программы левых сил.

Н. И. Калашников

А. И. УТКИН. *Теодор Рузвельт*. Политический портрет. Свердловск. Издательство Уральского университета. 1989. 192 с.

Т. Рузвельт предстает со страниц книги доктора исторических наук А. И. Уткина как талантливый и дальновидный политик, создатель своеобрвзной модели президентского правления, действующей и поныне, вошедший в историю как крупный социальный реформатор. На примере Рузвельтв автор поквзывает, что и в мире капитала политикв не является простой функцией экономически господствующих сил, а представляет собой достаточно самостоятельную сферу общественной активности.

Много внимания в книге уделено становлению и развитию взглядов Т. Рузвельта на общество в государство. Взлет его к вершинам власти, как подчеркивает автор, произошел на волне империалистической конъюнктуры. Думается, однако, что подход Уткина к освещению ряда моментов внешнеполитической деятельности Т. Рузвельта является спорным. Роль его в формировании внешней политики США порой выглядит все же преувеличенной. Трудно согласиться, например, что он был ключевой фигурой в лагере идеологов экспансии (с. 9). Вряд ли он превосходил таких деятелей, как Дж. Стронг, Дж. Фиске, Дж. Барджес, Ф. Тернер, Б. Адамс и особенно А. Мэхэн. Более взвешенной представляется оценка его трудов на с. 53, где они оценены именно как определенивя веха в формировании идеологии американского империализма. Уникальность Рузвельта состоит в том, что он сумел соединить «теорию экспвнсии» с «практикой».

Не совсем точев список «единомышленников» Т. Рузвельта в вашингтонской элите, которых он «объединял» под своим знвменем (с. 82—83). Среди них не могло быть в указанный момент ни У. Тафта, ни А. Бевериджа, делавших карьеру вдалеке от столицы. У. Рокхилл еще не был заместителем госсекретаря, в Мэхэн уже не был преподавателем колледжа. Удивительно, что здесь опущено имя Адамса, действительно высоко котировавшегося одно время в окружении Т. Рузвельта. В книге также преувеличивается роль Т. Рузвельта в подготовке внексии Гавайев и войны против Испании. Автор считает, что именно с Т. Рузвельта «начинается эра американского империализма». Между тем этв эра при любых подходах включает в себя президентство У. Маккинли и всю его правящую элиту, в рядах которой Т. Рузвельт занимал еще довольно скромное место.

Спорным является утверждение, что с президентства Т. Рузвельта начинается «отход США от внешнеполитической активности, обусловленной «доктриной Монро» (с. 9). Впрочем на с. 83 говорится: «Я хотел бы,— заявил Рузвельт,— чтобы «доктрина Монро» выдерживалась во всей ее целостности». И это была не просто декларация, поскольку эта доктринв оставвлась краеугольным квмнем внешнеполитической философии Т. Рузвельта на протяжении всей его жизни. Более того, он приспособил начавшую устаревать доктрину к реалиям эпохи империализмв и положил ее обновленные постулаты в основу деятельности своей администрации за рубежом. Отмеченное же выше утверждение потребовалось Уткину для того, чтобы обосновать явно нвметившийся при Т. Рузвельте поворот внешней политики США в сторону Европы. Однако необходимости в таком противопоставлении нет, поскольку верность «доктрине Монро» не противоречила активизации европейской политики США.

По существу, в активе Т. Рузвельта была только одна крупная попытка вмешательства в большую игру европейских квбинетов — учвстие в Альхесирасской конференции в январе 1906 года. Но эта попытка осталась лишь эпизодом в истории его президентства и твк и не превратилась в основу для проведения долгосрочного политического курса. Проантантовская тенденция, которая проявилась в тот период, еще не оформилась окончательно и однозначно.

Возражение вызывает и тезис автора о том, что «в Лвтинской Америке Т. Рузвельт неизменно руководствовался политикой «большой дубинки» (с. 9). Арсенал его был все-таки значительно богаче. Да, собственно, можно ли вообще говорить о единой и непременной «латиновмериканской» политике? Поведение администрации США в Карибском бассейне резко отличалось от ее политики в отношении крупных государств Южной Америки, что было четко зафиксировано в недооцененном Уткиным «дополнении Рузвельта» к «доктрине Монро», расширительное толкование которой применялось для обоснования политики США только и исключительно в отношении карибских республик. Южнее Амазонки «доктрина Монро» применялась в очень ограниченной степени.

Не совсем верной представляется расстановка автором акцентов в рузвельтовской программе внешнеполитических действий. Например, межокеанский канал, бывший самой заветной его мечтой, перемещается тут с первого места на четвертое. Между тем вокруг идеи канала строилась вся карибсквя стратегия Т. Рузвельта, взаимоотношения с державами Европы в этом регионе, будущие тихоокеанские планы. При решении вопроса о захвате зоны канала учитывались не только военные мотивы. Имеются в книге неточности и при описании панамского эпизода, в частности довольно двусмысленно представлена роль самого президента, который выглядит чуть ли не как прямой участник заговора панамских сепаратистов, хотя говорить можно лишь о совпадении целей, об использовании Рузвельтом ситуации а Панаме и, наконец, о молчаливом поощрении мятежников.

Англо-американские отношения данного периода не вписываются в идиллическую картину, нарисованную автором. О конфликте из-за границ Аляски или противоречиях по другим вопросам в книге говорится лишь скороговоркой. При освещении дальневосточной политики Т. Рузвельта допускается смещение представлений самого президента и тех кругов, которые были заинтересовваны в освоении китайского рынка, что Т. Рузвельт считал задвчей бизнеса, а не государства.

Спрвведливо обратив внимание на изменение отношений Т. Рузвельта к Японии в ходе ее войны с Россией, автор предлагает несколько устаревшую версию прошедших при посредничестве президента мирных переговоров, представляя С. Ю. Витте более ловким дипломатом, чем он был в действительности. Витте, конечно, добился немалых успехов в ходе переговоров о Портсмутском мире, да и японскую политику Т. Рузвельта можно считать близорукой, но говорить о том, что руссквя дипломатия «использовала» президента (с. 130), вряд ли правомерно.

Встречаются ошибки и в рассказе о преемнике Т. Рузвельта в Белом доме, У. Тафте. Вряд ли знакомство с ним в 1890 г. определялось стремлением Т. Рузвельтв «обзавестись влиятельными связями» — Тафт не был в то время сколько-нибудь значительной фигурой в мире политики. Дело свелось к служебным контактам двух

чиновников, пути которых затем на долгие годы разошлись. Но разумеется, автор совершенно прав, когда подчеркивает, что в администрвции Т. Рузвельта Тафт — любимец президента — «стал неким послом по особым поручениям».

Интересен анализ исторических воззрений Т. Рузвельта. Уткин подчеркивает зависимость взглядов президента на историю от философии социал-дарвинизма. Разобрав его основные исторические сочинения, ввтор делает вывод: «Как будущий государственный деятель он сформулировал собственное мировоззрение на основе анализа американской истории» (с. 51). Добавим: не только американской, поскольку Т. Рузвельт обладал громадными познаниями в области всеобщей истории.

Книга Уткина позволяет ближе познакомиться с одним из самых выдающихся деятелей американской истории. Автор сделал много метких наблюдений о характере и поведении своего героя. Наши критические замечания не преследуют цели дискредитировать эту интересную работу, а лишь выражают отличную от авторской позицию по ряду вопросов.

В. В. Носков

Н. А. ХАЧАТУРЯН. *Сословная монархия во Франции XIII—XV вв.* М. Высшая школа. 1989. 272 с.

В работе доктора исторических наук Н. А. Хачатурян (МГУ) удачно преодолевается разрыв между чисто институциональным анализом государства типа сословной монархии, долгое время господствовавшим в западной медиевистике, и подходом советских историков, которые, справедливо подчеркивая и убедительно выявляя классовую природу феодального государства на всех этапах его развития, одновременно не уделяли должного внимания тем политическим и правовым институтам, с помощью которых эта природа реализовалась в его социальной политике.

Хачатурян избежала односторонности обоих подходов, которая вела к упрощению весьма сложных и противоречивых связей государства с обществом в условиях феодальной системы. В своем анализе она исходит из следующих выявленных ею общих черт, свойственных государствам рассматриваемого типа: 1) дуализм власти, то есть сосуществование укрепляющейся центральной власти с достаточно сильными органами управления в руках феодалов и городских корпораций на местах; 2) перерастание королевской власти из патримониальной в публичную; 3) формирование общегосударственных сословий — духовенства, дворянства, горожан, закреплявшего в праве реально существовавшие классовые и социальные различия (при этом складывание сословий рассматривается как проявление корпоративного характера собственности и, в частности, нерасторжимой связи земельной собственности с политической властью при феодализме); 4) вытекающая из этих специфических свойств собственности необходимость постоянного диалога центральной власти с сословиями, который наиболее полно был реализован в сословных собраниях разного типа. В работе прослежено, как эти общие черты преломлялись в разных сферах функционирования государственного механизма Франции.

Книга написана на основе обильного материала разнообразных источников, содержит хорошо аргументированные выводы и перспективные гипотезы. Оригинальна авторская оценка места и значения Парижского парламента в процессе централизации государственной власти (гл. II). Хачатурян акцентирует внимание на правотворческих функциях парламента и его роли в создании общегосударственного королевского права (с. 53).

Наибольший интерес представляет характеристика позиции парламента как высшего королевского суда (а через него и королевской власти в целом) в крестьянском вопросе: парламент не только широко принимал к производству иски крестьян, даже сервов против их сеньоров, но и часто решал их в пользу первых, способствуя тем самым личному освобождению крестьян, развитию сельской общины и коммунальной автономии, оформлению крестьянского сословия (с. 58—72). Можно согласиться с мнением ввтора, который видит причину происходящего в том, что при большой политической силе и сплоченности феодалов в XIII—XIV вв. королевская власть во Франции в процессе централизации вынуждена была искать поддержки не только у городов (что известно со времени О. Тьерри), но и у части крестьян, превращая их в своих прямых подданных.

Впервые в нашей литературе автором исследуется формирование общегосударственной налоговой системы во Франции. Достаточно четко охарактеризованы две тенденции этого процесса: одна — к максимальному расширению числа налогоплательщиков, вторая — к постепенному освобождению от налогов дворянства, духовенства, чиновной элиты, отдельных крупных городов, представителей городской верхушки. В результате основные налоговые тяготы ложились на средние слои крестьянства и горожан (с. 102—111). Эти наблюдения хорошо объясняют массовые антиналоговые выступления в деревне и городах во Франции XIV—XV вв., с которыми в той или иной мере приходилось считаться и правительству и сословным собраниям в их фискальной политике.

В книге рассматривается эволюция французской армии XIII—XV вв.— от чисто военно-вассальной организации, через систему военных контрактов, к постоянной, созданной Карлом VII в первой половине XV века. Эта эволюция свидетельствует об усилении центральной власти и приобретении ею публично-правового характера. Автор исследовал роль отрядов народной самообороны, возникших в условиях Столетней войны, как важного элемента французских вооруженных сил (с. 145—156).

В книге предлагаются новые трактовки роли сословных собраний во Франции XIV—XV веков. В противоположность существующим в литературе утверждениям о слабости и безынициативности этих учреждений во Франции (в отличие, например, от Англии) автор показывает, что сложная и многоуровневая система представительства сословий (генеральные, провинциальные, местные штаты) носила достаточно действенный характер. Эти собрания, если не формально, то по существу постоянно пытались (а иногда в этом и преуспевали) ограничить притязания короля и его правительства (в 1356—1357, 1413, 1439 гг.). Во всяком случае, они всегда служили местом оживленного диалога между правительством и сословиями, в котором выражалось общественное мнение страны.

В книге феодальная французская сословная монархия выступает во всей сложности ее социальных и политических взаимосвязей. В упрек автору можно поставить то, что она недостаточно полно обобщила и осмыслила собранные ею же интереснейшие факты, свидетельствующие о противоречиях между феодальным государством, призванным действовать в интересах господствующего класса, и корпорациями сельских общин, с которыми оно вынуждено было считаться в разных аспектах своей деятельности. Ведь это определяло не только противоречивость королевской политики, но и закрепляло опыт участия простых людей в политической жизни, а государственного аппарата — в использовании в своих целях общинного самоуправления.

Думается, что в работе не уделено должного внимания активному внесудебному протесту крестьян как фактору, явно или скрыто воздействовавшему на политику правительства и позицию сословных собраний. «Лимиты королевской власти» определялись не только волей уже институированных сословий, но и постоянным социальным напряжением в деревне, нередко прорывавшимся в открытых восстаниях. Автор недостаточно проанализировал воздействие демографических сдвигов XIV—XV вв. на положение различных слоев общества, а в связи с этим и на изменения в политике государства.

В книге, поднимающей теоретические проблемы сословной монархии, было бы желательно шире использовать сравнительно-исторический материал. Пока что это делается походя — в последней V главе, в связи с характеристикой французской системы сословных собраний (они сравниваются с Англией, Германией, Нидерландами). Подобный материал полностью отсутствует в главах и разделах, посвященных формированию публичной власти французских королей, где он мог бы быть весьма поучительным. Можно пожалеть и о том, что история Генеральных штатов до 1484 г. освещена в книге слишком сжато.

Е. В. Гутнова

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

С начала 40-х годов среди тех, кто критиковал М. Н. Покровского, стало обыкновением приписывать покойному ученому тезис, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое»[1]. После XX съезда КПСС исследователи истории исторической науки в СССР пришли к выводу, что в работах Покровского данного тезиса нет: он был приписан ученому недобросовестными оппонентами[2]. Но каковы же обстоятельства появления указанной инсинуации? Пока они не будут выяснены, возможно сомнение в правоте защитников ученого.

Покровский в докладе на конференции марксистско-ленинских учреждений, сделанном 22 марта 1928 г., говорил: «Я в течение своей литературной деятельности так много толковал и своих учеников приучил толковать об отражениях классовой борьбы в русской исторической литературе и вообще в русской обществоведческой литературе, что об этом не хочется говорить, потому что невольно то, что сам говорил 25 раз, кажется известным для всех, хотя я не уверен, что это так общеизвестно для всех, кроме меня и моего семинария. Все эти Чичерины, Кавелины, Ключевские, Чупровы, Петражицкие, все они непосредственно отразили определенную классовую борьбу, проходившую в течение XIX столетия в России, как я в одном месте выразился, история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет»[3].

Конечно, это последнее высказывание Покровского содержит преувеличение. Хотя действительно и названные и многие не названные историки XIX — начала XX в. прибегали к эзопоскому языку и ряд явлений и процессов, которые волновали их в окружающей жизни, разбирали и осуждали на примере иных эпох, или даже народов. Тем самым определенным образом воспитывалось общественное мнение, ибо российский интеллигент научился читать между строк. Но не этот момент сейчас для нас главный. Важно установить, каким образом мысль Покровского, не допускающая двойственных толкований, была трансформирована в противоположную, кто и с какой целью это сделал.

Впрочем, цель ясна, нужно было во что бы то ни стало дискредитировать крупного ученого. Но за что? Цитируемая работа Покровского позволяет выдвинуть некоторые предположения на этот счет. Покровский расхваливал в ней Н. И. Бухарина. Вот несколько цитат: «Конечно, не рядом с Лениным, но во всяком случае, как одно из новых слов того времени, я ставлю книгу Бухарина «Экономика переходного периода»... У Бухарина, несмотря на некоторые несостоявшиеся прогнозы, имеется целый ряд основных мыслей, которые в области политической экономии представляют собой почти такой же поворот, как ленинская книга «Государство и революция» в области права»[4]. И далее: «Книга Бухарина родилась в самом процессе революции, и это отразилось на ее стиле. Эта книга дышит революцией, ее и теперь, после 8 лет, приятно читать, молодеешь, когда ее читаешь»[5].

Но вот Бухарин объявлен врагом народа и расстрелян. Его имя тщательно вытравляется из истории. Как же оставить безнаказанными тех, кто говорил о нем доброе слово? К тому же многие сотрудники Коммунистической академии, любимого детища Покровского, тоже объявлены врагами народа. Вот и появляется сборник статей, в котором и самому Покровскому, и его ученикам была дана политическая оценка: «Так называемая «школа Покровского» не случайно оказалась «базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных органами НКВД, троцкистско-бухаринских наймитов фашизма»[6]. Но и этого показалось мало. Вторая часть того же сборника носила уже не научно-критический, а обвинительный характер. Это было подчеркнуто в названии: «Против витимарксистской концепции М. Н. Покровского» (ч. II. М.— Л. 1940). Он открывался статьей Ем. Ярославского «Антимарксистские извращения «школы» М. Н. Покровского». В ней автор писал: «Около Покровского ютилась и под его руководством на историческом фронте подвизалась целая группа врагов народа» (с. 24). И дальше пошло перечисление его имевших и не имевших место прегрешений. А среди последних значилось: «Покровский и его школа» учили, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое» (с. 9). Сноска на источник, разумеется, отсутствовала.

Хлесткое высказывание, сконструированное Ярославским, пошло кочевать из работы в работу, приводилось в лекциях для нескольких поколений студентов — будущих историков.

Ю. Ф. Иванов

[1] См. Письма А. М. Панкратовой.— Вопросы истории, 1988, № 11, с. 57.

[2] См. Чернобаев А. А. М. Н. Покровский — ученый и революционер.— Вопросы истории, 1988, № 8, с. 22.

[3] Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет.— Вестник Коммунистической академии, 1928, кн. 26(2), с. 5—6.

[4] Там же, с. 12—13.

[5] Там же, с. 14.

[6] Панкратова А. М. Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского.— Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. М.—Л. 1935, с. 5.

ФИНЛЯНДИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ ДО «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ» *

После того, как Лига наций оказалась слабой как гарант мира, Финляндия во второй половине 1930-х годов стала строить свою внешнюю политику на основе северного нейтралитета. Швеция, Норвегия и Дания — страны, оказавшиеся нейтральными во время первой мировой войны, составляли одну группу, и считалось, что Финляндии, если она присоединится к этой группе, удастся остаться вне конфликтов великих держав.

Данная линия укрепилась после поражения консерваторов на президентских выборах Финляндии 1937 года. Было сформировано новое правительство, в которое вошли социал-демократы, аграрники и либералы. В идеологическом плане это правительство было близко к правительствам скандинавских стран; своей деятельностью оно стремилось к устранению препятствий, которые мешали северному сотрудничеству. Отношение к Германии было подчеркнуто прохладным. Зато это правительство стремилось к улучшению отношений между Финляндией и СССР.

Кроме того, консервативная оппозиция, которая подчеркивала непримиримую противоположность между Финляндией и Советским Союзом, лишь полуискренне была заинтересована в северном содружестве. По мнению консерваторов, для того, чтобы Финляндия смогла защищать свою независимость, поддержка какой-то великой державы была необходимой, и в Балтийском регионе речь в этом отношении могла идти только о Германии. Эта линия носила, однако, дефензивный характер, поскольку имевшаяся в правых кругах идея «ирридентизма» в отношении к так называемой Восточной Карелии под конец 1930-х годов в связи с международной обстановкой стала существенно терять почву.

Тем не менее с идеей о нейтралитете была последовательно связана готовность к обороне, хотя распространение северного сотрудничества на эту область являлось в то время проблематичным вопросом. Как пишет Макс Якобсон: «Финляндия боялась Советского Союза, Дания боялась Германии, Швеция не решила, кого больше бояться, а Норвегия считала свое положение достаточно сильным для того, чтобы вообще не бояться». В перспективе финны надеялись установить военное сотрудничество с ближайшим соседом — Швецией. Речь шла, в первую очередь, об организации совместными силами обороны Аландских островов.

С советской точки зрения, складывающаяся ситуация рассматривалась по-иному. «Бегству к нейтралитету» не было суждено реализоваться. Маленькое государство у Балтийского моря, Финляндия, при возникновении конфликта должно будет выбрать сторону или Германии, или СССР. В 1938 г., после аншлюса Австрии, Москва начала с Хельсинки тайные переговоры о сотрудничестве в области политики безопасности. СССР заявил, что от Финляндии потребовались надежные гарантии, что она намерена защищать финский нейтралитет, а именно: против Германии, в случае попытки Германии ввести СССР фланговый удар с севера. Иными словами, в Москве не верили в способность Финляндии, а быть может, даже и в ее желание защищать свою территорию в случае нападения Германии на СССР с данного направления. В соответствии со словами Москвы, фортификацию Аландских островов нельзя было производить без участия Советского Союза. Более того, Финляндия должна была поручить Советскому Союзу произвести фортификацию Суурсаари, острова, находящегося в Финском заливе и принадлежавшего Финляндии. Предусматривалось также, что Финляндия должна была принять советскую помощь с целью отражения германской агрессии.

Финляндская сторона категорически отказалась от таких предложений, считая их нарушением суверенитета страны, а также северного нейтралитета. Иными словами, уже в этой стадии произошло столкновение двух основных позиций. С одной стороны, Советский Союз хотел отнести Финляндию, равно как и Прибалтийские страны, к сфере своего влияния в целях укрепления своих оборонительных позиций против Германии.

* В связи с публикацией в журнале материалов, освещающих историю международных отношений 30-х годов и, в частности, историю советско-финляндского вооруженного конфликта 1939—1940 гг., известного как «финская война», или «зимняя война», в редакцию приходят письма советских и зарубежных читателей и исследователей. Одно из них — письмо профессора Академии Финляндии Туомо Полвинена.

А Финляндия, с другой стороны, хотела, чтобы отношение к ней было как к безоговорочно нейтральной стране Скандинавии. Позиции двух государств остались неизменными на переговорах год спустя после того, как Чехословакия стала протекторатом Германии. Сейчас Советский Союз уже требовал не вооруженного сотрудничества, а предоставления в свое распоряжение островов Финского залива на основе арендного договора или обмена территориями. Единственным результатом переговоров был отказ Швеции от рассмотрения аландского вопроса, поскольку она поняла, что ее судьбу можно было в дальнейшем связать с судьбами Финляндии.

Преследовал ли Сталин цели, идущие дальше, чем те ограниченные цели, которые определены на переговорах 1938—1939 гг., например, восстановление границ царского времени — этого боялся в числе других Ю. К. Паасикиви, тогдашний посланник Финляндии в Стокгольме? Этот вопрос остался пока без ответа. Помимо проблемы Аландских островов, Северные страны имели разные мнения еще по другому вопросу. В мае 1939 г. Германия предлагала этим странам договор о ненападении. Все страны, кроме Дании, считали, что не было необходимости в заключении такого договора. Дания на основе своего географического положения пошла на такой договор. Это послужило поводом обвинений в адрес Финляндии со стороны Германии в 1939—1940 гг., но лишь до того, как Германия оккупировала Данию несмотря на договор о ненападении.

То, что Москве не удалось получить от своих западных соседей, включая Финляндию, она пыталась получить от Лондона и Парижа на переговорах, начавшихся весной 1939 года. Что касается Финляндии, маршал Ворошилов требовал, чтобы западные державы добились от правительства Финляндии разрешения пользоваться Аландскими островами и Ханко как общими военными базами для западных держав и СССР. Государства, не относящиеся к этим странам, в их числе и Финляндия, испытывали к СССР чувства глубокого недоверия, считая, что планируемое соглашение о гарантиях в дальнейшем предоставит Сталину повод вмешиваться во внутренние дела этих государств под предлогом «непрямого нападения». Они упорно сопротивлялись. Правительство Финляндии пользовалось поддержкой общественного мнения, которое недвусмысленно было за северный нейтралитет.

Как подчеркивает Кейо Корхонен, Советское правительство преследовало ту же цель, когда оно летом 1939 г. вело переговоры с Англией и Францией о гарантиях данным государствам и когда оно 23 августа 1939 г. договорилось с Германией о разделе данных территорий на сферы влияния. Оно хотело иметь возможность эффективно контролировать политическое поведение своих западных соседей. Соглашение между тремя державами не смогло бы стать групповой гарантией или разделением на сферы интересов, поскольку Англия и Франция не смогли гарантировать район Балтийского моря: там ведь не было для них никакой сферы, о разделении которой могла бы вообще зайти речь. Великие державы, дающие гарантии, лишь на бумаге могли бы реализовать эти гарантии и предоставить помощь. На практике все это было бы лишь у того, кто располагал реальными возможностями для вмешательства. Иными словами: и соглашение между тремя державами дало бы Советскому Союзу сферу влияния, но сделали бы это не Германия, а Англия и Франция. В британском Форин оффис были не без иронии обрисованы посланнику Финляндии Г. А. Гриппенбергу истинные границы влияния Англии на судьбы Финляндии: «Если Советское правительство нападет на вас, несмотря на проводимый вами нейтралитет, Англия не будет помогать ему (т. е. Советскому Союзу)».

Финская внешняя политика привыкла считать антагонизм между Германией и СССР в районе Балтийского моря явлением постоянного характера. Несмотря на неожиданное изменение ситуации в августе 1939 г., внешнеполитические ориентиры Хельсинки остались прежними: нейтралитет и северное сотрудничество. Когда началась война, Финляндия, так же как и другие северные страны, объявила себя нейтральной.

5 октября 1939 г., вскоре после того, как Прибалтийские государства заключили договора с СССР, Молотов предложил правительству Финляндии командировать своих представителей в Москву для того, чтобы вести переговоры «по конкретным политическим вопросам». Во внешнеполитическом отношении Финляндия оказалась в сложившейся ситуации полностью изолированной.

Швеция стремилась, в первую очередь, к сохранению своего нейтралитета. Министр иностранных дел Финляндии Э. Эркко получил от Швеции ответ, что Финляндия могла бы, если этого захотела, одна послать свои войска на Аландские острова. В кое-какой степени Швеция была готова оказать материальную помощь, в том числе поставками продукции военной промышленности. Зато о каких-либо войсках ни в коем случае не могло быть и речи. Позиция Стокгольма так и не изменилась, хотя многие финны, прежде всего Эркко, с трудом верили, что шведы действительно сказали свое последнее слово по этому вопросу.

Что касается Германии, то она скрупулезно соблюдала заключенный с Советским Союзом договор и посоветовала финнам подчиниться требованиям Москвы во избежание более тяжких последствий. Для того, чтобы отвергнуть спекуляции о помощи со стороны Германии, Берлин 9 октября 1939 г. осторожно, но достаточно ясно проинформировал Хельсинки, что Финляндия попала в сферу интересов СССР. До начала «зимней войны» Германия последовательно призывала финнов к уступкам Москве.

Со стороны западных держав вопрос о Финляндии рассматривался прежде всего в контексте отношений с СССР. С учетом интересов Великобритании или Франции Финляндия как таковая не имела особого значения. С другой стороны, продвижение Советского Союза в этом направлении смогло бы провоцировать противоречия между Москвой и Берлином и заставить немцев сосредоточить, по крайней мере, часть своих ВВС на Балтике. Война, даже короткая, в Северной Европе (никто не верил в длительное сопротивление финнов) связала бы советские вооруженные силы и помешала бы поставкам из СССР в Германию. Иными словами, такая война послужила бы интересам союзников. Так рассуждала Великобритания и, поскольку эта страна сомневалась в готовности Сталина прибегнуть к силе для форсирования своих целей, она, как доказал Ю. Невакиви на основе исследований материалов архива британского МИД, поощряла Финляндию занять позицию, отвергающую требования Кремля. Каких-либо конкретных обещаний о помощи Хельсинки, однако, не получил.

На переговорах в Москве Сталин потребовал часть Карельского перешейка, острова Финского залива, западную часть Рыбачьего полуострова (у Печенги) и военную базу на северном берегу Финского залива у г. Ханко. Взамен были предложены территории Советской Карелии.

В портфеле Ю. К. Паасикиви, руководителя делегации Финляндии, были строгие указания придерживаться действующих договоров и соглашений и отвергнуть планы, ставящие под угрозу нейтралитет страны. Финляндия пошла бы не по прибалтийскому пути. Правительство Финляндии считало юридически необоснованными требования Москвы, в результате которых проведение финской линии, направленной на северный нейтралитет, в дальнейшем уже не было бы возможным. Финляндия хотела сама защищать себя, она была способна на это. СССР не подвергался опасности ни со стороны самой Финляндии, ни через нее. Тут играло свою роль глубокое недоверие в отношении территориальных уступок: они, и прежде всего военная база в западной части Финского залива, могли бы оказаться первым шагом на пути к уничтожению независимости. Правительство, занявшее строгую позицию, опиралось на общественное мнение, которое было за неприкосновенность территориальной целостности страны.

Несмотря на то, что обе стороны пошли на уступки, на переговорах не было достигнуто единогласия, и переговоры прервались в середине ноября 1939 года. Камнем преткновения оказался, в конечном счете, вопрос о создании военной базы под г. Ханко.

На чем был основан оптимизм финнов — в особенности, если учитывать соотношение сил у каждой из сторон? Следует подчеркнуть, что в Хельсинки преобладало убеждение: для того, чтобы удовлетворить свои требования, Сталин не решится на войну. Советский Союз, который постоянно подчеркивал свое миролюбие, просто не смог бы начать войну против маленького северо-западного соседа без потери своего международного престижа. Предупреждения и угрозы Молотова были истолкованы как блеф и война нервов, необходимые для того, чтобы напугать финнов. Пока не было предъявлено ультиматумов, все осталось, как оно и было. В противном случае стороны снова сели бы за стол переговоров.

Хельсинки так и не задавал себе вопроса: либо последние территориальные претензии Сталина, либо война, а видел перед собой и другие альтернативы. В свете дальнейших событий такая постановка вопросов оказалась нереальной, о чем маршал Маннергейм и правительственный советник Паасикиви перед началом войны предупреждали правительство Финляндии.

Поскольку переговоры не дали результатов, 30 ноября 1939 г. Сталин начал военные действия. На следующий день было создано марионеточное правительство во главе с секретарем Коминтерна О. В. Куусиненом, финном по происхождению. Это правительство, официально признанное Кремлем, состояло из финских коммунистов в эмиграции. Сталин заключил с ним договор о взаимной помощи и дал этим понять, что Советский Союз вообще не был в состоянии войны с Финляндией. Хельсинки остался без альтернатив. Несмотря на крайние неблагоприятные условия — надежной поддержки ждать было неоткуда — финнам пришлось воевать с великой державой.

Туомо Полвинен

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ С. А. МЕЗИНА

В № 1 журнала «Вопросы истории» за 1990 г. опубликована рецензия С. А. Мезина на мою книгу «Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства» (М. Высшая школа. 1988. 416 с.). Свою работу я рассматривал, как комплексное исследование процесса введения христианской религии в Киевском государстве, уделив главное внимание вопросу о том, как, почему и когда насаждалась новая религия в различных регионах Руси в течение IX — первой трети XII века. К сожалению, рецензент только слегка коснулся этой основной проблемы и предпочел остановиться на отдельных аспектах, которые его не удовлетворили.

Касаясь причины принятия Русью христианства, С. А. Мезин утверждает, что в книге недооцениваются внешние факторы. На самом же деле в монографии на с. 58 говорится о том, что языческое мировоззрение пагубно сказывалось на связях Руси с другими государствами, поскольку мешало заключению родственных союзов.

«А ведь с помощью династических браков в средние века и утверждались близкие отношения между отдельными странами. Эти браки способствовали заключению мирных договоров и военных союзов, развитию торговых и культурных связей». В книге говорится и о том, как конкретно языческая религия задерживала развитие торговых связей, привлечение на Русь иностранных специалистов.

Рецензент уверяет читателя: «По мнению Рапова, христианство начинает широко распространяться на Руси уже в первой половине IX в.» (с. 166). Однако в моей книге говорится о том, что в это время возникают первые очаги христианства на Руси, появляется немногочисленная группа русов, исповедующих христианскую религию, а отнюдь не о широком распространении новой религии среди населения (с. 73—76 и 392).

С. А. Мезин возражает против моего утверждения, что в 866 и между 874 и 877 годами имели место два массовых крещения русов. Он считает, что данные источников могут иметь другую интерпретацию, то есть, что речь идет лишь «об отдельных случаях крещения славян, главным образом дружинников и купцов» (с. 166). Мне не известны источники, свидетельствующие об обращении в христианство в указанные годы именно русов-купцов и дружинников, а вот в «Окружном послании» константинопольского патриарха Фотия, в хронике Георгия Кедрина, у Продолжателя Феофана прямо говорится о крещении в 60—70-е годы IX в. «народа россов». Эти данные упомянутых авторов и приведены в моей книге (с. 78, 87, 91).

Рецензент ошибается, утверждая, что «об обязательности сожжения жены (после смерти мужа.— *О. Р.*) не говорит ни один известный историкам источник» (с. 166). Вот что, например, писал выдающийся арабский географ X в. ал-Масуди: «Славяне и русы... сжигают своих мертвецов с их вьючным скотом, оружием и украшениями. Когда умирает мужчина, то сжигается с ним жена его живою... Женщины их желают своего сожжения для того, чтобы войти с ними (мужьями) в рай»[1]. Можно привести и другие примеры.

С. А. Мезин заявляет, что я «всю политическую историю Руси второй половины X в. (до 980-х годов)» изображаю «как историю борьбы язычества и христианства» (с. 166). Однако в своей книге я касаюсь только сюжетов, относящихся к взаимоотношениям язычников и христиан в Киевском государстве.

Рецензент ставит под сомнение выявленную мною дату крещения киевлян, но никаких аргументов, отвергающих эту датировку, не приводит. С. А. Мезину представляются «фантастическими» подробности крещения новгородцев, содержащиеся в Иоакимовской летописи, однако эту свою оценку он не подкрепляет соответствующими соображениями.

Я вовсе не утверждаю, что в правление Владимира завершился процесс христианизации Руси. На с. 402 моей монографии говорится: «Итак, можно констатировать факт, что в правление князя Владимира огромное большинство населения Руси подверглось христианизации. Тем не менее осталось немало и язычников. Одни из них бежали из городов в глухие места, другие (например, ростовцы или муромцы) продолжали исповедовать язычество даже в областных центрах, оказывая серьезное сопротивление церкви и христианизации». А на с. 404 я говорю о том, что христианство на Руси впоследствии фактически слилось с язычеством, возникло двоеверие, которое было характерным даже для XIX столетия.

О. М. Рапов

---

[1] Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. СПб. 1870, с. 129.

НЕОБХОДИМОЕ УТОЧНЕНИЕ

В рецензии Т. А. Павловой на книгу К. Хилла «Непокорный, мятежный и полный разногласий народ. Джон Баниан и его церковь, 1628—1688» (Вопросы истории, 1989, № 10, с. 169—170) утверждается, что «русскому читателю совершенно не известен Баниан». Мне хотелось бы поправить автора.

В историческом кабинете нашей сельской школы хранится книга этого английского проповедника и писателя, вышедшая в свет в 1881 году. Она была отпечатана в типографии А. Траншеля (Стремянная, № 12, СПБ). На темно-зеленой матерчатой обложке четко и красиво воспроизведено название: «Путешествие пилигрима в небесную страну и Духовная война» Джона Буньяна с объяснениями и 105 картинами в переводе с английского Ю. Д. З., вторым изданием, исправленным». Открывает книгу стихотворение, передающее идеи знаменитого пиэтиста. В приложении приведена подробная биография автора — «Жизнь Джона Буньяна» на 27 страницах и линогравюры с копий картин Линтона, Энлея, Фристона, Шапона, Селода и Приоля и других мастеров. Текст сопровождается постраничными комментариями.

В этой связи хотелось бы заметить, что историки-краеведы, особенно сельские учителя могли бы шире привлечь своих питомцев и их родителей к поискам библиографических раритетов, имеющих большое значение для исторической науки.

К. Вайнмайер,
Казахская ССР

* * *

В связи с письмом К. Вайнмайера я хотела бы отметить, что уточнения требует не только моя рецензия на книгу К. Хилла, но и статья, опубликованная под заголовком «Ожесточение и терпимость» в журнале «Родина» (№ 10 за 1989 г.). Там сказано, что произведение Баниана «Путь странника» («The Pilgrim's Progress») не переводилось на русский язык. На самом деле оно издавалось на русском языке несколько раз: в 1782 г. (в переводе с французского), в 1786—1787 гг. (в переводе с немецкого), в 1819 г., а также в 1878, 1881, 1903, 1908, 1910 и 1911 гг. в переводе с английского оригинала. Допущенную мною ошибку можно в какой-то степени объяснить чрезвычайным разнобоем и путаницей в транскрипции имени Bunyan на русский язык. В переводах употребляются написания Бюниан, Буньян, Бэньэн, Бениян, Бэньян, Беньян, чего не учитывают каталоги наших библиотек. Я приношу свои извинения читателям и благодарна К. Вайнмайеру, указавшему на эту ошибку.

Однако это фактологическое уточнение отнюдь не зачеркивает моего утверждения, что произведения Баниана практически не известны или очень мало известны широкому советскому читателю. Дореволюционные переводы, выходившие малыми тиражами, представляют сейчас библиографическую редкость. В годы советской власти его труды не переиздавались ни разу. Можно только пожелать, чтобы наш читатель, столь отчаянно блуждающий сейчас в поисках смысла бытия и путей к совершенству, ближе ознакомился с этим сокровищем мировой духовной культуры.

Т. А. Павлова

ОБ ЭСТЕТИКЕ НУМИЗМАТИКИ

Много лет преподаю я новую историю Китая. Чтобы повысить наглядный эффект лекций, я начал использовать в них монеты, появившиеся в то время. Так, рассказывая об Опиумных войнах, полезно знакомить студентов с историей династии Цин. Когда я читаю лекцию о династии Цин, то непременно показываю слушателям металлические монеты различных периодов ее правления. Когда рассказываю о Небесном государстве великого благоденствия и китайско-французской войне, обязательно знакомлю с монетами этих двух периодов. Такие лекции производят на студентов более сильное впечатление. Я убедился, что «звонкие монеты» могут стать надежным вспомогательным средством обучения, поэтому стал расширять собрание их.

Летом 1988 г. проф. Булок из Университета штата Огайо (США) приехал в наш университет Фудан читать лекции по философии. Через ассистента Цзэн Яньюй (Архитектурный институт при университете Тунцзи) я познакомился с Булоком. Узнав, кто я по специальности, он попросил меня рассказать о нумизматике Китая. Я согласился, так как успел глубоко изучить нумизматику нашей страны. Поскольку Булок — философ с эстетическим уклоном, то я знакомил его главным образом с эстетикой нумизматики. Переводчиками были два моих ассистента. Рассказывая о монетах какой-то династии, я тут же показывал их гостю.

На каждой стороне монеты есть иероглифы, в которых отражена и китайская каллиграфия. Многие иероглифы представляют собой автографы императоров или выдающихся поэтов. Например, изображенные на монетах Юаньфэн (династия Сун) иероглифы содержат автограф великого поэта Су Дунпо.

Затем по просьбе Булока я вторично прочел ему лекцию об эстетике нумизматики Китая, а далее я и сам еще более увлекся изучением древних монет. История китайских монет длительна, виды их многообразны, формы их изощренны.

Привожу мою систему изучения эстетики нумизматики. 1. Эстетика природная — раковинная монета. 2. Эстетика трудовая — инструменная монета. 3. Эстетика формальная — круглая монета с квадратной дыркой. 4. Эстетика каллиграфии — семь видов письма на монетах. 5. Эстетика рисунка — денежный знак, медная монета династии Су, серебряная монета и денежный знак современной эпохи. 6. Эстетика фигуры — серебряная монета Китайской республики.

Специалистами многое уже сделано по изучению древних монет. Но пока что мало кто исследует систематически эстетику нумизматики. Допускаю, что моя система не вполне точно освещает развитие этого сюжета. Но, думается, она может стать первым шагом в разработке подобной системы. Буду признателен каждому, кто сделает мне замечания и сообщит свои поправки.

Мой адрес: КНР, Шанхай, 200403, ул. Чжэндань Дунлу, № 30, д. 32, кв. 503.

Ян Хэн,
по совместительству доцент
университета Тунцзи,
член шанхайского Общества
по изучению монет

CONTENTS

Publications: Korolenko's Letters to Rakovsky; **Articles**: **T. Emmons.** Klyuchevsky and His Pupils; **Historical Profiles**: **V. S. Yagya.** Haile Selassie I; **Reminiscences**: Memoirs of Nikita Khrushchev. Continued; **History and Lives**: **General A. I. Denikin.** Essays on the History of the Troubled Times in Russia. Continued; **A. F. Kerensky.** Russia at the Historic Turning-Point. Continued; **Notes**: **I. V. Pozdeeva.** Book Printing in Moscow in the First Half of the 17th Century; **People. Events. Facts**; **A. S. Senin.** The Clergy in the Russian Army During the First World War; **N. K. Orlova.** New Facts About the Society of Military Friends; **L. A. Slastnikova.** Information About China in the First Russian Printed Paper; **Historiography**: N. I. Pavlenko, V. B. Kobrin, V. A. Fedorov. History of the USSR from the Ancient Times till 1861; 1939: The Lessons of History; A. V. Kiva. The National-Liberation Movement: Theory and Practice; A. I. Utkin. Theodore Roosevelt. Political Profile; N. A. Khachaturyan. The Estate Monarchy in France in the 13th-15th centuries. **Letters to the Editor.**

SOMMAIRE

Ecrits inédits: Lettres de V. G. Korolenko à Kh. G. Rakovski; **Articles**: **T. Emmons.** Klioutchevski et ses disciples; **Portraits historiques**: **V. S. Iaghia.** Hailé Sélassié Ier; **Mémoires**: Les Mémoires de Nikita Serguéévitch Khrouchtchev. Suite; **L'histoire et les destinées**: Le général **A. I. Dénikine.** Les aperçus du temps trouble russe. Suite; **A. F. Kérenski.** La Russie à un tournant historique. Suite; **Communications**: **I. V. Pozdééva.** L'imprimerie de Moscou de la première moitié du XVIIe siècle; **Hommes. Evénements. Faits**: **A. S. Sénine.** Le clergé de l'armée de la Russie pendant la Première Guerre mondiale; **N. K. Orlova.** Du nouveau sur la société des compagnons de la guerre; **L. A. Slastnikova.** Les renseignements sur la Chine dans le premier journal imprimé russe; **Historiographie**: N. I. Pavlenko, V. B. Kobrine, V. A. Fedorov. Histoire de l'URSS dès les temps les plus anciens jusqu'à 1861; L'année 1939. Leçons de l'histoire; A. V. Kiva. Le mouvement de libération nationale: théorie et pratique; A. I. Outkine. Theodore Roosevelt. Portrait politique; N. A. Khatchatourian. La monarchie tempérée en France aux XIIIe-XVe siècles. **Courrier de la rédaction.**

SUMARIO

Publicaciones: Cartas de V. G. Korolenko a J. G. Rakovski; **Artículos**: **T. Emmons.** Kluchevski y sus discípulos; **Retratos históricos**: **V. S. Yagula.** Haile Selasie I; **Memorias**: Memorias de Nikita S. Jruschov. (Continuación); **Historia y destinos**: **General A. I. Denikin.** Ensayos de los tiempos turbios. (Continuación); **A. F. Kerenski.** Rusia en viraje histórico. (Continuación); **Comunicaciones**: **I. V. Pozdéeva.** La imprenta de Moscú en la primera mitad del siglo XVII; **Hombres, sucesos, hechos**: **A. S. Senin.** El clero de ejército en Rusia en la Primera Guerra Mundial; **N. K. Orlova.** Nuevos datos sobre la sociedad de amigos militares; **L. A. Slástnikova.** Informaciones sobre China en el primer periódico impreso ruso; **Historiografía**: N. I. Pavlenko, V. B. Kobrin, V. A. Fiódorov. Historia de la URSS desde los tiempos remotos hasta 1861; 1939. Enseñanzas de la historia; A. V. Kiva. El movimiento de liberación nacional: la teoría y la práctica; A. I. Utkin. Theodore Roosevelt. Retrato político; N. A. Jachaturián. Monarquía estamental en Francia en los siglos XIII a XV. **Cartas a la Redacción.**

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 05.09.90. **Подписано к печати** 25.09.90. **Формат** 70×108 1/16.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч. изд. л. 19,08.
Тираж 102 000 экз. Заказ № 2781. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781 ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон 209-96-21.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.